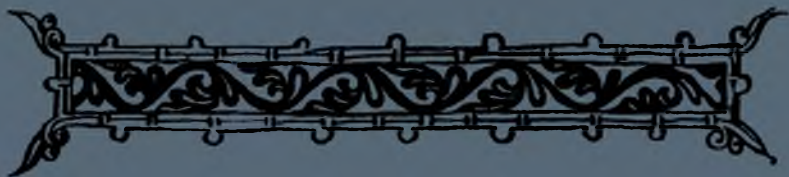

Восточная Европа в древности и средневековье

XXIV

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**МИГРАЦИИ, РАССЕЛЕНИЕ, ВОЙНА
КАК ФАКТОРЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА**

XXIV Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

Москва, 18–20 апреля 2012 г.

Материалы конференции

Москва
2012

ББК 63.3
В

Конференция проводится
в соответствии с планом основных мероприятий
по подготовке и проведению празднования
1150-летия зарождения российской государственности
(утвержден распоряжением Правительства РФ)
при финансовой поддержке РГНФ
(проект 12-01-14023)

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А. Мельникова (ответственный редактор)
к.и.н. Т.М. Калинина (ответственный секретарь)
к.и.н. А.С. Щавелёв (ответственный секретарь)
к.и.н. Т.В. Гимон
к.и.н. Г.В. Глазырина
д.и.н. Т.Н. Джаксон
к.и.н. И.Г. Коновалова
д.и.н. А.В. Назаренко
д.и.н. А.В. Подосинов
д.и.н. Л.В. Столярова

ISBN 978-5-94067-350-7

© Институт всеобщей истории РАН 2012 г.

ХОРВАТСКИЙ ПОЛИТОГЕНЕЗ: ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЛИ ОБОСОБЛЕНИЕ?

Известия письменных источников, которые начиная с IX в. фиксируют проживание хорватов в разных частях Центральной Европы, равно как и наличие на ее карте немалого числа топонимов, очевидно, произведенных от слова «хорват», традиционно интерпретировались в историографии как следы существования в более или менее отдаленном прошлом единой этнической общности, носившей название хорватов. Как казалось, подобное представление хорошо соотносилось и с известиями нарративных источников X–XIII вв., согласно которым хорваты переселились в Далмацию с территории древней прародины, расположенной к северу от Балкан. Между тем, отсутствие упоминаний о хорватах вплоть до IX в., а также трудности согласования позднейшей информации об их миграции с реалиями, устанавливаемыми по более ранним источникам, создавали почву для появления альтернативной концепции. Ее сторонники (О. Кронштайнер, В. Поль, Л. Маргетич и др.) пытались обосновать тезис о том, что хорваты первоначально не являлись этносом, представляя собой социальный слой Аварского каганата. Важный импульс к развитию идеи, согласно которой название «хорват» не имело в аварский период этнического значения, дало рассмотрение хорватского «этногенеза» с позиций конструктивистского подхода, позволившее сместить фокус с проблемы «происхождения хорватов» на проблему «становления хорватами» (Džino 2010). Отталкиваясь от данной позиции, представляющей нам наиболее верной в свете специфики функционирования групповых идентичностей в варварских обществах, мы попытаемся выявить социально-политический контекст, в котором зародился в Далмации хорватский этнополитический организм.

Хорватское предание, лежащее в основе ряда сюжетов 30-й главы трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), обнаруживает значительное сходство с другими этногенетическими традициями, в особенности с теми, что были зафиксированы у германских общностей эпохи Великого переселения народов. Это обстоятельство позволяет поддер-

жать наметившийся в последнее время в историографии взгляд на хорватов как на социум, структурно близкий германским *gentes*, понимаемым при этом под влиянием Р. Венкуса как гетерогенные этнополитические общности (Anđić 2000). Однако само по себе признание того, что раннесредневековые «племена» являлись собой гетерогенные группы, формировавшиеся на основе воинских элит, не освобождает от необходимости дать ответ на вопрос, с какого времени можно говорить о существовании хорватской общности в качестве *gens*. К счастью, хорватское предание дает достаточно информации для того, чтобы восстановить исторический контекст, в котором осуществлялось превращение воинской группы в этнополитический организм. То обстоятельство, что оно ставит в начало хорватской истории конфликт с аvarами, свидетельствует о том, что для носителей хорватской идентичности противопоставление себя аvarам было особенно значимо. По аналогии с другими этногенетическими традициями, содержащими мотив победы над могущественным врагом (Wolfgram 1995), представляется логичным связать кристаллизацию новой, хорватской, группы с ее обособлением от более крупной общности – аvarской.

Вместе с тем, пытаясь понять, почему хорваты начинают фигурировать в источниках под своим названием лишь с IX в., мы неизбежно сталкиваемся с вопросом локализации хорватского «ядра» и интерпретации того, что оно собой представляло. Долгое время в историографии считалось, что уже в VII в. варварская «стихия» поглотила все пространство будущей Далматинской Хорватии, лежавшее за пределами прибрежных городов Задара, Трогира и Сплита, которые, подобно близлежащим к ним островам Адриатического моря, сохранили свое романское население и оставались под номинальной византийской властью. Однако в археологической литературе последних лет (Н. Якшич, А. Милошевич, Ж. Рапанич) все сильнее звучит тезис о сохранении в VII–VIII вв. в прибрежной зоне Далмации, там, где впоследствии размещались властные центры хорватской политики (Нин, Клис, Биячи), общин автохтонного населения, которые, вопреки господствовавшим прежде представлениям, далеко не сразу оказались под властью пришедших на Балканы варваров, будь то славяне или хорваты (обзор литературы см.: Bilogrivić 2010). Гипотеза, согласно которой пришлый элемент первоначально базировался

на некотором удалении от побережья, в хинтерланде Далмации, в несколько ином контексте была также высказана И. Голдштейном (Goldstein 1995. S. 123–129). Принимая во внимание характер датированного временем ок. 800 г. погребального комплекса в Бискупии под Книном, не оставляющий сомнений в том, что речь идет о захоронениях правящего слоя хорватской политики, логично предположить, что именно район Книна являлся исходным пунктом хорватской экспансии на побережье.

Нельзя не заметить, что в стратегическом отношении район Книна, т.е. пространство между верховьями рек Зрманя и Цетина, ограниченное с севера Динарским и Велебитским хребтами, в большей степени, чем какая-либо другая область далматинского хинтерланда, подходил к роли центра варварской политики. Изолированное положение этого района относительно мест концентрации аварской элиты создавало благоприятную ситуацию для кристаллизации здесь властного центра, свободного от аварского контроля. Интересно, что локализация в районе Книна хорватского ядра в Далмации вписывается в характер географического размещения других хорватских групп, существовавших в Европе в период между 800 и 1000 гг. Все они фиксируются в местностях, расположенных непосредственно за горными массивами, с разных сторон окружавшими подконтрольную до конца VIII в. аварам Карпатскую котловину: силезские хорваты занимали территории к северо-западу от нее, карпатские – к северо-востоку, альпийские – к юго-западу. В связи с этим подход, предполагающий поиск истоков хорватских групп в аварско-булгарском конфликте 630-х годов (А. Грегуар, Л. Маргетич), представляется весьма перспективным. По крайней мере, в его рамках способно получить объяснение сходство этнонима хорватов (хрватов) с именем гунногундурского вождя Кубрата/Кровата, которое в связи с упоминанием в 30-й главе трактата «Об управлении империей» хорватского вождя Хрвата и важной ролью в поселении хорватов, приписываемой в 31-й главе императору Ираклию, не кажется случайным.

Факт наличия в погребениях книнской элиты франкского оружия и воинского снаряжения позволяет согласиться с неоднократно высказывавшимся мнением, согласно которому в самом начале IX в. хорваты являлись союзниками франков в борьбе с аварами и/или византийцами. Предположение о военном союзе

книнской элиты с франками хорошо объясняет и отсутствие в письменных источниках упоминаний о каких-либо военных операциях франков во внутренней части Далмации, которые могли бы быть направлены на насильственное подчинение локальной политической структуры, хотя местный правитель Борна, упоминаемый во франкских источниках в связи с событиями 818–821 гг., несомненно, являлся франкским вассалом. В свете выводов археологов о постепенном продвижении хорватов из хинтерланда на побережье представляется перспективной гипотеза, авторы которой (Н. Клаич, И. Мужич) связывают занятие хорватами приморской зоны между Зрманей и Цетиной с франкской экспансией в Далмацию. При этом распространение контроля книнской элиты на Нин и Равни Котари, т.е. на территорию, тяготевавшую к Задару, позволяет предполагать участие книнских ратников в военных действиях франков против Византии.

Как заметил Д. Дзино, титул «дукс хорватов» (*dux Chroatorum*) был скорее следствием интеграции местной элиты во франкские политические структуры, чем отражением уже существовавшей хорватской этничности (Dzino 2010. P. 209). С этим замечанием трудно не согласиться, если понимать его в том смысле, что само представление о хорватах как об общности, возглавлявшейся собственным правителем и давшей название стране (*regnum Chroatorum*), т.е. как об этнополитической общности *par excellence*, могло сложиться только в период вхождения книнской политики в сферу влияния франков, когда свойственный письменной культуре этнический дискурс мог быть усвоен местной элитой. Данный вывод, как кажется, хорошо согласуется с данными хорватской традиции, в которой франкский период в истории Далмации получил показательное осмысление. Хорваты предстают здесь непримиримыми врагами франков, что заставляет вспомнить аналогичное изображение в хорватской традиции взаимоотношений хорватов с аварами. Описание победы хорватов над франками в результате изнурительной семилетней войны также напоминает описание их победы над аварами. Очевидные параллели между двумя рассказами объясняются наличием в них элементов, свойственных легендам жанра «*origo gentis*», – мотивов войны с сильным неприятелем и победы над ним (Wolfram 1995). В связи с этим вполне позволительно рассматривать разрыв с франками в качестве одного из конституирующих оснований

хорватского этнополитического организма. По всей вероятности, противопоставление себя франкам было потому так актуально для хорватской элиты, что в эпоху франкского господства она стала утверждать свою идентичность в качестве «этнической», т.е. идентичности особой гентильной общности. Этот процесс, скорее всего, являлся политически мотивированным: середина и вторая половина IX в. стали временем большой активности местных правителей, таких как Трпимир, Домагой и Бранимир, направленной на утверждение самостоятельности хорватского дуката.

Литература

- Ančić M.* U osvjet novog doba. Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod // Hrvati i Karolinzi. Dio I. Split, 2000. S. 70–103.
- Bilogrić G.* Čiji kontinuitet? Konstantin Porfirogenet i hrvatska arheologija o razdoblju 7–9. stoljeća // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2010. Knj. 42. S. 37–48.
- Džino D.* Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. Leiden; Boston, 2010.
- Goldstein I.* Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb, 1995.
- Wolfram H.* Razmatranja o *Origo gentis* // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 40–53.

Д.Ю. Арапов

ВОЙНЫ И ВОЕННОЕ ДЕЛО МОНГОЛОВ В ТРУДЕ ДЖУВЕЙНИ «ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ МИРА»

Войны Монгольской империи занимают центральное место в сочинении выдающегося мусульманского историка. Ата-Мелика Джувейни (1226–1283). Его книга «Тарих-джахан-гушай» («История завоевателя мира») повествует о процессах политического генезиса, укрепления и начала распада Чингисидской державы, освещая события, происходившие в XIII в. в Восточной и Западной Азии и на гигантском евразийском пространстве «от Волги до Хингана» (В.В. Бартольд). Влиятельный персидский чиновник на чингисидской службе, Джувейни в целом выступал с официальных промонгольских позиций, но в то же время старался, насколько на это он был способен, взвешенно оценивать трагические события истории Старого Света своего времени.

Точность сведений Джувейни о военном деле монголов, их вооружении, стратегии и тактике в целом подтверждается столь серьезными западноевропейскими авторами, как Плано Карпини и Рубрук.

Охарактеризуем (по методикам Лео де Хартога и Р.П. Храпачевского) наиболее существенные стороны военного дела монголов в освещении Джувейни.

Организация монгольского войска. По оценке Джувейни, войны определяли всю жизнь монгольского государства, которое по сути своей было державой при армии. Историк искренне восхищался совершенством монгольской военной «машины» и подчеркивал то, что ни одно войско тогдашнего мира по своим боевым качествам не могло сравниться с конными армиями Чингисхана и Чингисидов. Джувейни высоко ценил эффективность десятиричной системы устройства чингисидского воинства, жесткость монгольской армейской дисциплины и «истинную справедливость» равенства требований к ее соблюдению всеми без исключения комбатантами.

Подвижность и состав монгольского войска. Судя по всему, Джувейни были известны слова Чингисхана о том, что монгол без коня – это не монгол. Историк неоднократно отмечал то значение, которое монголы придавали организации конского «ремонта». Джувейни сообщал об использовании монгольскими каанами вспомогательных конных отрядов вассальных тюрок, а также появлении после завоевания Средней Азии пехотных подразделений, сформированных из покоренных «таджиков». Анализ характера подобных свидетельств историка позволяет предположить, что Чингисиды не особенно доверяли этим своим вынужденным союзникам.

Вооружение монголов.

а) Легкое вооружение. Главным оружием монголов XIII в. был лук, в стрельбе из которого они достигали высокого искусства. Джувейни, как и другие историки того времени, подчеркивал ключевое место лука и стрел в военной культуре монгольского социума. Известна значительная роль символики лука и стрел в монгольской космогонии (Ж.-П. Ру). Показательна приводимая Джувейни притча о наказе, данном Темучином его сыновьям. Основатель Монгольского государства на примере прочности собранного вместе пучка стрел, который «даже силачи не смогли

сломать», завещал своим потомкам нерушимо хранить семейное единство.

б) Тяжелое вооружение. Джувейни неоднократно писал об использовании монгольским войском камнеметов, таранов и иных подобных орудий, обслуживаемых «китайцами». Это оружие применялось, как правило, при осадах для разрушения укреплений противника. Однако Джувейни зафиксировал то, что при взятии столицы исмаилитов Аламута в 1256 г. камнеметы были использованы для уничтожения живой силы – группы ожесточенно сопротивлявшихся «фидаев». Этот факт, на наш взгляд, подтверждает реальность считавшегося легендарным рассказа о гибели в 1237 г. русского богатыря Евпатия Коловрата и его соратников, заброшенных выпущенными из монгольских «пороков» камнями.

Боевая подготовка монголов (роль охоты). В книге Джувейни дано, пожалуй, лучшее известное нам описание охоты, которая являлась любимым занятием монгольских каанов. В процессе охоты, длившейся иногда по несколько месяцев, десятки тысяч воинов постепенно смыкались вокруг района облавы, площадь которой могла достигать нескольких тысяч кв. км. В итоге их непрерывного движения образовывался идеальный круг. После приказа каана этот круг начинал все более суживаться, чтобы загнать животных в кольцо периметром примерно 15 км. Открывал охоту сам каан, затем наступала очередь всех остальных присутствующих в соответствии с их рангами. Добыча делилась между участниками охоты только после ее завершения. По оценкам Джувейни в ходе охоты по сути проводились боевые учения монгольской армии. Отрабатывались приемы ее стратегии и тактики, совершенствовались воинские мастерство комбатантов, их умение владеть оружием и преодолевать трудности. Все эти сведения Джувейни подтверждают справедливость утвердившегося в историографии представления о монголах XIII в. как о кочевниках-охотниках (Б.Я. Владимирцев).

Стратегия и тактика монголов. В труде Джувейни содержится ценная информация о характерных методах монгольской военной стратегии. Так, по словам историка, при нападении на Среднюю Азию в 1219 г. Чингисханом был использован вариант одновременного нанесения нескольких ударов по противнику. По словам Джувейни, монголы постоянно использовали такие тактические приемы, как фланговый и обходной удары, ложное отсту-

пление, заманивание противника в засады и т.п. Характерная для монголов непрерывность боя помогала взять врага «на измор». Воины Чингисхана старались избегать ближнего боя с сабельной рубкой и предпочитали уничтожить противника на расстоянии при помощи метательного оружия – стрел и дротиков.

Разведка. Джувейни привел ряд сведений об организации монголами разведки. Примечательно, однако, то, что историк умалчал о разведывательной деятельности участников купеческого каравана, посланного Чингисханом в 1218 г. в Туркестан. Известно, что уничтожение хорезмийцами этих купцов и захват их имущества расценивается антимонгольски настроенными историками как один из поводов для монгольского вторжения в Среднюю Азию. Джувейни сообщил о данном инциденте, но связывал все произошедшее лишь с жадностью хорезмийских военачальников.

Стратегическое планирование. Эта сторона военного дела монголов особенно хорошо была показана при характеристике подготовки монгольского похода на Иран в 1256 г. Джувейни были описаны процессы формирования войска, выделения пастбищ и заготовки запасов фуража для конницы, ремонта дорог и мостов, устройства мест привалов и водопоя и т.д.

Отношение Джувейни к войнам монголов. Правоверный суннит, Джувейни оценивал все произошедшее и происходящее в мире с позиций провиденциализма. Автор старался быть беспристрастным при описании самых беспощадных проявлений монгольского террора. Однако вряд ли можно считать подход историка к оценке тех или иных войн монголов совершенно беспристрастным и объективным.

а) Войны с мусульманами-суннитами. При описании нападения монголов на земли своих единоверцев Джувейни, насколько мог, сочувствовал тому, что случилось, но считал, что все произошедшее – итог направленного «свыше» удара «бича Божьего». Именно так, по словам Джувейни, назвал себя Чингисхан в легендарной речи, якобы произнесенной «завоевателем мира» в Бухаре в 1220 г.

б) Войны с «идолопоклонниками». Джувейни одобрительно отзывался о разгроме монголами государства «врага ислама», правителя найманов Кучлука.

в) Походы против христиан. Джувейни достаточно сухо отнесся к разорению монголами земель христиан – Руси и Венгрии.

Историк полагал, что их население было обоснованно (хоть и весьма жестоко) наказано за свою «непокорность» воле чингисидских каанов.

2) *Война с «еретиками»*. Для Джувейни самыми великими грешниками были не язычники или христиане, а вероотступники от устоев суннитского ислама – иранские исмаилиты. Джувейни гордился своим личным участием в «священной войне» с исмаилитами, являвшейся частью завоевания монголами Ирана в 1256 г., и считал данный свой поступок важным вкладом в дело укрепления истинного мусульманского «правoverия».

Представляется, что необходим дальнейший, более подробный и детальный анализ военных сюжетов монгольской истории, рассматриваемых в труде Джувейни. Подобная работа может способствовать лучшему осмыслению роли и места монгольского «народа-войска» в истории державы Чингисидов. Изучение драматических событий XIII в. вообще особенно важно сейчас, когда встречаются достаточно сомнительные попытки смягчить остроту негативных последствий монгольских завоеваний для истории и культуры многих народов Старого Света.

В.А. Арутюнова-Фиданян

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ*

Геополитическое положение Армении между великими враждующими державами (Рим и Парфянское царство, Восточно-Римская империя и Иран, Византия и Арабский халифат) обусловило нескончаемые военные конфликты на территории Армении и отток армянского этноса, главным образом, на Запад.

Эмиграция армян в Византийскую империю началась вскоре после византийско-персидского раздела 385 г., значительно усилилась в эпоху арабского владычества, приобрела постоянный и организованный характер после установления власти Византии в Армении (X–XI вв.) и массовые масштабы при сельджуках (с середины XI в.).

В V–VII вв. Восточно-Римская империя вступила в византийскую эру своей истории, а Армения стала частью восточно-

христианского и, позднее, византийского мира. «Византизм» не был творением только греческого этноса, в его содержание внес свою лепту Христианский Восток и, в частности, представители армянского этноса.

В конце VI в. большая часть армянских земель вошла в состав Византии, но нахарарский строй оставался неизменным, а Армения стала единым политическим образованием в составе империи под управлением наместника (чаще всего из местных князей). «Греческое» войско, которым управлял наместник, состояло по большей части из армянских контингентов, получавших содержание из имперской казны, и византийских гарнизонов. Иными словами, в армяно-византийских лимитрофах появляется новая общественная модель – контактная зона. Армянское нагорье было, в основном, этнически однородно, ни персидское, ни византийское присутствие не изменило сколько-нибудь заметно его этнический облик. В Армении, кроме византийских военных гарнизонов и администрации, появлялись и греческие поселенцы. Однако этот поток переселения был несравним со встречным, уносившим в Византийскую империю значительную часть армянского этноса.

Одна из вечных тем арменистики – переселение армян с родной земли, как добровольное, так и насильственное. Последнее связывается с так называемой «доктриной Маврикия», направленной, по мнению ряда исследователей, на уничтожение военного потенциала Армении и ассимиляцию ее населения. Эти взгляды широко распространены в арменистике, однако к исторической реальности армяно-византийских отношений конца VI в. по-видимому, гораздо ближе предположение, что ключ к пониманию переселенческой политики Тиверия и Маврикия следует искать в демографическом кризисе и разложении военной организации империи. Византия (как и Иран) черпала новые силы из армянских воинских контингентов. Организация армянских поселений на Кипре и на Балканах оказывала существенное влияние не только на укрепление обороноспособности этих регионов, но и на развитие в них сельского хозяйства. Армянские отряды уходили в империю по договору и под началом своих нахараров. Армянские колонии на Кипре и во Фракии, которые составляли воины и их семьи, долго сохраняли свой этнический облик.

Уже в VII в. в Малой Азии был значительный пласт армянского населения, к началу X в. его плотность была настолько велика, что земли к востоку от линии Севастия–Кесария–Поданд–Тарс именовались, по Льву Диакону, «землей армян». Армяне жили не только в восточной, но и в западной Малой Азии (Троада, Анатолик, Опсикон), на Балканах, в Италии и на островах. Армяне служили в армиях Юстиниана, Маврикия, Ираклия, Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия, Василия II и др. П. Харанис считает, что Армения была главным поставщиком воинов (the main recruiting ground) империи. Суммируя основные итоги исследований по проблеме этнической ситуации в Малой Азии, исследователь заключает, что наиболее значительным этносом из «non Greek speaking» были армяне. В X–XI вв. они составляли большую часть населения в Понте, в фемах Армениак, Халдия, Колония и Севастия.

Арабское присутствие в Армении (VIII–IX вв.) усиливает эмиграцию армян в Византию, и в IX–XI вв. армянская знать занимает важное место в составе византийского господствующего класса. Армянские аристократы вступали в брачные союзы с виднейшими фамилиями империи и обладали значительными земельными владениями. Их административные функции были преимущественно военными, службу они несли и в Италии, и на Балканах, но в особенности на Востоке. Армянские общины появляются по всей территории империи, армяне служат в армии, живут в крупных городах, монашествуют в византийских монастырях. Служба в византийской армии и на гражданских постах империи, в особенности при дворе, предполагала принятие армянами халкидонского символа веры. Армяне-халкидониты органично вошли в мир восточно-христианского православия, результатом чего явились их разветвленные международные связи, а также солидарность с византийским универсализмом. Можно засвидетельствовать усилившуюся богословско-полемическую и политико-дипломатическую активность армян-халкидонитов в конце IX–X вв. как в Армении, так и в Византии.

Православные армяне «Закавказского досье» из трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, владевшие греческим языком, издавна принятом среди знати и клира халкидонитской общины Армении, органично вошли в состав византийской аристократии. Некоторые из них были одинаково

близки и к императорскому дому Византии, и к княжеским фамилиям Армении.

В конце IX в. (на волне антиарабских кампаний в союзе с Византией) Багратиды Ширака возродили армянскую государственность, но не единое Армянское царство. Государственные образования, которые по мере упразднения арабского владычества появлялись на территории Армении, были средневековыми монархиями с царем или князем во главе (Великая Армения, Васпуракан, Тарон и др.).

«Закавказское досье» трактата Константина Багрянородного рассматривает армянских владетелей как вассалов империи, вводя их в систему «духовных» родственных связей («сыновья» и «друзья» византийского императора), а также в систему титулов, жалуемых императором его контрагентам. В «Закавказском досье» четко очерчены географические границы региона, находящегося в фокусе преимущественного внимания империи на востоке. В X–XI вв. большая часть армянских земель вошла в состав Византии. Многовековое существование Армении в едином культурном пространстве с Византией, возможно, обусловило «бескровные» акции присоединения к Византии армянских политических образований; отсутствие антивизантийских (при наличии множества антиперсидских и антиарабских) восстаний; длительность движения Византии на армянские территории, особенно разительную при сравнении с неожиданно быстрыми арабскими и сельджукскими захватами восточных византийских провинций; переселение армянских владетелей в Византию и в то же время назначение на ключевые посты в восточных провинциях представителей армяно-халкидонитской знати; противостояние Византийской и Армянской церквей и неожиданно частые сближения между ними.

Армяно-византийская контактная зона прошла два основных этапа: VI–VII и X–XI вв. Арабское завоевание армянских земель, а также государственно-политический и конфессиональный разрыв с Византией в начале VIII в. как будто бы уничтожили условия для реконструкции армяно-византийской контактной зоны, существовавшей в VI–VII вв., и, тем не менее, в конце X–XI в. произошло возрождение этой общественной модели в армяно-византийских лимитрофах.

Два надежных источника – «Закавказское досье» Константина Багрянородного и «История Армении» армянского католикоса Иоанна Драсханакертци – проливают свет на зарождение главных составляющих этой модели (политической, социальной, административной и, прежде всего, идеологической). Трактат Константина Багрянородного и труд Иоанна Драсханакертци написаны не только до воссоздания общего армяно-византийского пространства, но и до распада единого Армянского царства. Константин Багрянородный опирался на сведения, полученные его придворными, дипломатическими агентами, военными командирами, разведчиками из православных армян. Из той же среды, очевидно, получал сведения о византийской идеологии армянский католикос, воспринявший стержневые для Византии идеологемы и в том числе концепцию «семьи правителей и народов» во главе с византийским императором.

Главным теоретическим выводом исследований в области междивизиационного общения я полагаю заключение, что возникновение контактных зон обусловлено, прежде всего, длительным сосуществованием стран и народов в едином пространстве при подвижности политических границ и прозрачности культурных. Ментальное освоение соседнего мира несомненно облегчает дипломатическое и политическое его присвоение.

Армянская аристократия, органично вошедшая в состав византийского господствующего класса (именно из ее среды вышли информаторы Константина), является синтезным феноменом – результатом взаимодействия и взаимовлияния двух миров и двух культур. Именно эти люди сформировали идеологическую составляющую генезиса синтезной контактной зоны на втором этапе ее существования.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта № 12-31-08018 «Возникновение и становление Древнерусского и других средневековых государств: компаративное исследование» по целевой программе РГНФ «1150 лет российской государственности».

Литература

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1975.
Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980.

- Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М., 2004.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* «Закавказское досье» Константина Багрянородного. Информация и информаторы // Византийские очерки. СПб., 2006. С. 5–18.
- Даниелян Э.Л.* Политическая история Армении и Армянская Апостольская Церковь (конец VI – VII в.). Ереван, 2000.
- Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
- Юзбашян К.Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988.
- Adontz N.* Études armeno-byzantines. Lisbonne, 1965.
- Adontz N.* Armenia in the Period of Justinian / Ed. and transl. N.G. Garsoïan. Louvain; Lisbon, 1970.
- Charanis P.* Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // *Charanis P.* Studies on the Demography of the Byzantine Empire. L., 1972. P. 25–44.
- Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire // *Ibid.* P. 196–240.
- Garsoïan N.G.* The Problem of Armenian Integration into the Byzantine Empire // Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Ed. H. Ahrweiler and A. Laiou. Washington (D.C.), 1998. P. 53–124.

О.В. Ауров

ОПОЛЧЕНИЕ В ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПАНИИ VI–XIII вв. (ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В докладе на материале широкого круга источников VI–XIII вв. предполагается рассмотреть основные направления эволюции одного из ключевых элементов военной организации Испании – ополчения – от раннего к высокому средневековью. Показано, что появление специального латинского термина для обозначения этого института – *hostis* – явилось следствием сложного комплекса не только культурно-лингвистических, но и важнейших социально-политических процессов. Будучи производным от лат. *hostis* («враг»), с течением времени это понятие постепенно утвердилось в испанской разговорной латыни, а затем – и в старокастильском языке – в форме (*h*)*ueste*, – где стало обозначать

уже исключительно королевское ополчение или военный поход и полностью утратило морфологическую связь со словами, обозначающими военного противника (каст. *enemigo*).

Изначально важнейшей предпосылкой этой сложной эволюции стал разрыв преемственности между военной организацией Поздней империи и романо-варварских королевств, возникших на территории Пиренейского полуострова. Причины этого разрыва следует искать не только в процессах варваризации позднеримской армии и прогрессирующем «оседании» варваров на землях римских провинций в V–VI вв., но и, в первую очередь, в изменении восприятия войны как особого состояния социальной жизни.

В противоположность римскому времени, когда под «войной» (*bellum*) в общественном сознании понимались почти исключительно военные действия против внешнего врага, а внутренние конфликты воспринимались как трагическое исключение, к рубежу VI–VII вв. такие конфликты давно уже стали неотъемлемой частью повседневной жизни испанцев. Исидор Севильский одним из первых попытался осмыслить это явление на уровне терминологии, противопоставив военные действия, направленные вовне (собственно *bellum*), внутренним распрям (*tumultus, seditio*). Однако в повседневном словоупотреблении это деление не закрепилось: в противовес ему в VI в. утвердился заимствованный из-за Пиренеев термин *hostis*, который в вестготском королевском законодательстве VI–VII вв. применялся для обозначения как военного похода, направленного против внешнего врага (*in hostes*), так и (несколько реже) войска, собранного для такого похода по территориальному признаку, т.е. ополчения. Строго говоря, слово *hostis* не обрело монопольного положения и в языке королевских законов, но все же там оно явно потеснило своих «конкурентов».

Прочность римских культурных основ в образе жизни испанцев VI–VII вв., а также определяющая роль Церкви как хранителя этих основ проясняют причину, по которой указанное лингвистическое нововведение не было принято церковью Толедского королевства: как в сочинениях церковных писателей (Исидора Севильского и представителей его школы), так и в соборном законодательстве VII в. вместо *hostis* для обозначения обозначенного выше круга явлений по-прежнему продолжали применяться слова *expedition* и *exercitus*, использовавшиеся в этом качестве как в

нарративных текстах, так и в законодательстве позднеримского времени.

Мусульманское завоевание 711–713 гг., разрушившее Толедское королевство вестготов, сломало и старую систему военной организации. Носившее катастрофический характер, завоевание окончательно уничтожило те рудименты публично-правовых основ государственности, которые сохранялись в вестготской Испании с позднеримского времени. На смену им пришла иная социально-политическая система, ядром которой стала сложная гамма клановых уз, объединявших знать христианских государств – от Астурийского (затем – Астуро-Леонского) королевства VIII – начала XI в. до ставших его преемниками королевств Кастилия, Леон, Галисия и Португалия.

В ситуации перманентного противостояния клановых группировок потеряла смысл сама идея противопоставления внешних и внутренних военных конфликтов. Военно-политическая реальность выстраивалась в соответствии с постоянно менявшейся конфигурацией межклановых блоков и союзов, определявшей сиюминутными интересами знатных линий (причем не только христианских, но и связанных с ними брачно-семейными узами мусульманских). Характерно, что в документах этого времени для обозначения военных действий относительно нечасто используется даже такой классический латинский термин, как *bellum*, отнесенный на второй план словами *scandalum*, *seditio* и т.п.

В этой ситуации церковь оставалась единственным хранителем единой идентичности христианских обществ. В противовес фрагментированной клановыми отношениями реальности (отразившейся в языке документов), в сочинениях астурийских церковных писателей IX – начала XI в. («Альбельдская хроника», «Хроника Альфонсо III», «Хроника Сампиро» и др.) выстраивалась своеобразная параллельная реальность – идиллическая картина социального мира, объединенного вокруг Церкви и короля, ведущего праведную борьбу за веру с «исмаелитами». Естественным образом, эта реальность излагалась искусственным языком школы Исидора Севильского, питавшейся лингвистической традицией латинской патристики времен «христианской античности» (Иероним, Амвросий Медиоланский, Августин и др.). Получалось, что *hostis* вестготского времени оказалась неактуальной как для языка делопроизводства (в силу исчезновения самого яв-

ления, которое обозначало это слово), так и для понятийной системы «высокой» нарративной культуры VIII – начала XI в.

Качественные изменения в характере Реконкисты начиная с конца XI в., активизация связей с христианскими государствами востока полуострова – Каталонией и Арагоном (истоки которых связаны с каролингской экспансией в Испании конца VIII – IX в.), но главное – новые черты организации власти и общества в самих Кастилии и Леоне (с 1230 г. окончательно воссоединившихся в едином королевстве), – все эти явления позволяют понять, почему к концу XII в., начиная с языка фуэро (сводов местного права) Куэнки и Теруэля, началось триумфальное возвращение *hostis*.

Укрепление королевской власти, прогрессирувавшее военно-политическое ослабление мусульманского противника, рост значения территориальных общин консехо, отряды которых быстро превратились в фундамент военной организации и, наконец (но далеко не в последнюю очередь), существенные перемены в идеологии и правовой доктрине – все эти факторы обусловили появление двух взаимосвязанных последствий: 1) скачок в развитии самосознания кастильского общества, актуализировавший концепт единого внешнего врага и необходимости отпора ему силами всего королевства; 2) институциональную возможность создания объединенных военных сил королевства во главе с монархом.

В качестве отдельного фактора следует выделить активное развитие правовой культуры Кастилии и Леона начиная с конца XII – начала XIII в., важнейшими проявлениями которого стали перевод делопроизводства на разговорный кастильский язык, прогрессирующая рецепция норм и концепций ученого права (*ius commune*), создание системы пространственных местных кодексов-фуэро и, наконец, составление первых европейских кодексов в правление королей Кастилии и Леона Фернандо III Святого (1217–1252) и Альфонсо X Мудрого (1252–1284). Все эти правовые реформы следует рассматривать и как следствие, и как средство укрепления королевской власти в Кастилии и Леоне в XIII в.

В этом контексте появление дееспособного королевского ополчения как института, с одной стороны, и утверждения в складывающейся правовой терминологии кастильского понятия *hueste* (восходящего к латинскому *hostis*) являлись разными проявлениями одной и той же внешней тенденции (что прослежива-

ется в языке как кодексов, так и документов). Наконец, потеснив все остальные эквиваленты, слово заняло центральное положение и в кастильской нарративной традиции («Первая всеобщая хроника», «Общая история» и др.). Отныне оно являлось единственным, применявшимся для обозначения не только ополчения, но и войска вообще.

Триумф состоялся.

Источники

- Especulo // *Leyes de Alfonso X*. Avila, 1985. T. 1. / Ed. por G. Martínez Díez.
- Fuero de Cuenca (formas primitiva y sistemática: texto latino, texto castellano y adaptacion del Fuero de Iznatoraf) / Ed. crítica por R. de Ureña y Smenjaud. Madrid, 1935.
- El Fuero de Teruel / Ed. por J. Castane Llinas. Zaragoza, 1991.
- Fuero Juzgo (Manuscrite Z.III.6 de la Bibliothèque de San Lorenzo de El Escorial). Paris, 1996. Vol. 1–3.
- Fuero Real // *Leyes de Alfonso X*. Avila, 1988. T. 2 / Ed. y análisis critico por G. Martínez Díaz.
- Las Etimologias de San Isidoro romanceadas: T. 1–2. Salamanca, 1983.
- Gregorii I registri // *Monumenta Germaniae historica*. Epist. Berolini, 1891. T. 1.
- Isidori Hispalensis episcopi Liber Differentiarum [II] / Ed. M.A. Andrés Sanz // *Corpus Christianorum*. Ser. Latina. Tournaut, 2006. T. CXI A.
- Las Siete Partidas de Rey don Alfonso el Sabio / Por la Real Academia de la História. Madrid, 1807. T. 1–3.
- Lex Romana Visigothorum / Ed. G. Haenel. Lipsiae, 1849.
- Liber Iudiciorum // *Leges Visigothorum* / Ed. K. Zeumer // *Monumenta Germaniae historica*. Legum Sectio I: *Leges nationum Germanicarum*. Berolini, 1902. T. 1.
- Libri pontificalis / Ed. Th. Mommsen // *Monumenta Germaniae historica*. Gesta pontificum romanorum. Berolini, 1898.
- Martínez Díez G., Rodríguez F. La colección canonica Hispana. Madrid, 1984–2002. Vol. 4–6.
- Primera Cronica General / Ed. R. Menéndez Pidal. Madrid, 1955. Vol. 1–2.
- San Isidoro de Sevilla. Etimologías / Ed. por J. Oroz Reta, M.-A. Marcos Casquero. Madrid, 1993. T. 2: El Texto.

ЗЕМЛЯ ТРЕХ ГОСПОД: О ПОЛОЖЕНИИ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКА В ИСЛАНДИИ X в.

В «Саге о людях с Песчаного Берега» сохранился сюжет, отражающий сложный процесс формирования в Исландии отношений личной и поземельной зависимости. Речь идет о судьбе хуторов Ульварова Гора (*Úlfarsfell*) и Двор Эрлюга (*Ørlygsstaðir*), принадлежавших братьям Ульвару и Эрлюгу.

Ульвар и Эрлюг были вольноотпущенниками людей из Лебяжьего Фьорда. Свои хутора они ставят на землях, купленных у викинга Торольва Скрюченная Нога, который добыл их в поединке с одним из первопоселенцев (Eb. VIII). Торольв Скрюченная Нога затевает конфликт с Ульваром, грабительским образом, увезя сено с ульварова луга. Ульвар обращается за помощью к сыну Торольва Арнкелю Годи и получает от Арнкеля плату за отобранное сено. Сам Арнкель забивает волов своего отца в счет стоимости сена (Eb. XXX). Торольв Скрюченная Нога организует покушение на жизнь Ульвара, однако Арнкель спасает его. В благодарность Ульвар завещает все права на свое имущество Арнкелю Годи, и тот принимает Ульвара под свою защиту (Eb. XXXI). Этой сделкой Арнкель Годи настроил против себя людей из Лебяжьего Фьорда: те полагали, что наследство их вольноотпущенника должно отойти им (Eb. XXXI). Когда умирает Эрлюг, брат Ульвара, Ульвар и Арнкель объявляют имущество покойного своим (Eb. XXXII). Торольв Скрюченная Нога организует вторичное покушение на жизнь Ульвара, на этот раз закончившееся убийством. И люди из Лебяжьего Фьорда, и Арнкель спешат завладеть наследством Ульвара. Первым это удается Арнкелю (Eb. XXXII). Спустя некоторое время люди из Лебяжьего Фьорда нападают на Арнкеля Годи и убивают его, когда тот работает на Дворе Эрлюга (Eb. XXXVII). Тяжба об убийстве Арнкеля была вынесена на тинг и решена миром, хотя такой местности, какой следовало ожидать после смерти столь знатного человека, и не было (Eb. XXXVIII).

Такова в кратком пересказе версия событий, излагаемая в саге. Рассмотрим поочередно, на чем строятся притязания каждой из сторон на земли Ульвара и Эрлюга.

I. Связь людей из Лебяжьего Фьорда, с одной стороны, и Ульвара и Эрлюга, с другой стороны, обозначена наиболее отчетливо: двое братьев были вольноотпущенниками (pl.: *leysingja*) людей из Лебяжьего Фьорда (Eb. VIII, XXXII; Land. II, 13). Именно право на наследство вольноотпущенника постоянно подчеркивается в саге. Например: «и ты должен... сказать сыновьям Торбранда, чтобы они... не позволяли отобрать у себя наследство вольноотпущенника, да поскорее, ведь Ульвар уже убит» (Eb. XXXII). Данный правовой принцип нашел отражение в «Сером гусе»: «Человек должен забрать наследство своего вольноотпущенника или своей вольноотпущенницы, если только у них нет сына или дочери» (Grágás: *Erfðabáttur* 5).

Это решение является вполне закономерным, если именно господин (*skapdróttinn*) наделяет своего вольноотпущенника землей. Подобные примеры нередко встречаются в сагах (см., например: Ld. VI). В «Книге о занятии земли» отношения между Торфинном из Лебяжьего Фьорда, с одной стороны, и вольноотпущенниками Ульваром и Эрлюгом, с другой, представлены именно таким образом: «Торольв [Скрюченная Нога] взял себе землю Ульвара [первопоселенца], а часть земли забрал Торфинн из Лебяжьего Фьорда. Он посадил на этой земле своих вольноотпущенников, Ульвара и Эрлюга» (Land. II, 13). Здесь же говорится о вражде между людьми из Лебяжьего Фьорда и Арнкелем Годи из-за наследства вольноотпущенников. Причины этой вражды, как и ход распри не детализированы. В «Книге о занятии земли» не мотивируется участие Торфинна из Лебяжьего Фьорда в присвоении земли Ульвара, первопоселенца, павшего в поединке с викингом Торольвом.

II. Иначе представлен этот правовой казус в «Саге о людях с Песчаного Берега», по версии которой Ульвар и Эрлюг покупают земли у Торольва Скрюченная Нога (Eb. VIII). Распря начинается именно между Торольвом и одним из вольноотпущенников, Ульваром. Торольв вывозит сено, собранное работниками Ульвара на лугу Ульвара (Eb. XXX). В тексте саги поступок Торольва представлен как противоправный и объяснен характером Торольва, который, состарившись, сделался склонным к насилию (Eb. XXX). Заметим, что Торольв поступает так, как будто луг, на котором работал Ульвар и его люди, принадлежит вовсе не Ульвару, а самому Торольву. Напрашивается параллель с нормой континен-

тального варварского права: «Если кто выкосит чужой луг, теряет свой труд» (Lex Salica XXVII, 10). Действия Торольва выглядят не как грабёж, а как заявление претензий на землю Ульвара.

В Исландии, в отличие от Норвегии, не существовало права одаля (Гуревич 1963. С. 235). Но вряд ли верно, что в Исландии X в. автоматически восторжествовало право частной собственности. Продав земли, Торольв не воспринимает эту сделку в качестве необратимой и напоминает о своих собственнических правах на землю. Интересно, что и после своей смерти Скрюченная Нога не оставил Ульварову Гору: он вставал из могилы и бесчинствовал здесь, убивая людей и скот, и, таким образом, не позволял никому жить на этих землях (Eb. LXIII).

Более того, Торольв, вероятно, смотрит на Ульвара как на своего человека. Отказываясь платить за присвоенное сено, Торольв говорит, что отдаст богачу Ульвару деньги лишь в том случае, если Ульвар будет нуждаться (Eb. XXX). Оказание помощи в варварском обществе – долг господина по отношению к зависимому человеку (Капанова 2003. С. 111; со ссылкой на: Cap. de villis 50). Получается, что слова Торольва, в которых он называет Ульвара рабом (*bræll*), могут быть поняты не только как оскорбление, но и буквально: *зависимый от меня человек и так слишком богат* (Eb. XXX). Здесь раскрывается органическая связь земледельца с участком, на котором он живет и трудится (Гуревич 1970. С. 44): Торольв, контролируя проданные им участки земли, осуществляет контроль и за людьми, возделывающими эти участки.

Автор существующей версии саги вряд ли осознавал, на чем основываются притязания Торольва Скрюченная Нога, и объяснял его поведение дурным характером. Не вполне понятными остаются причины, по которым Торольв Скрюченная Нога настойчиво организует убийство Ульвара (Eb. XXXI, XXXII). Вряд ли здесь можно ограничиться общей ссылкой на ущемление достоинства Торольва. Эти покушения предстают в несколько ином свете, если рассмотреть отношения Ульвара с Арнкелем Годи.

III. Ульвар, вступив в конфликт с Торольвом Скрюченная Нога, ищет защиты у влиятельного соседа Арнкеля Годи. После того, как Арнкель заплатил Ульвару за отобранное сено и спас того от первого покушения (Eb. XXXI), он выступает в роли патрона Ульвара (в частности, помогает Ульвару завладеть наследством своего брата Эрлюга после смерти последнего: Eb., XXXII). Ин-

тересно, в каких терминах описывается в саге союз (*félag*: Eb. XXXII) между могущественным годи и оказавшимся под его опекой мелким хозяином: Ульвар назван другом (*vinr*) Арнкеля; Арнкель регулярно дарит своему подопечному подарки (в эпизоде убийства Ульвара тот несет подаренный ему Арнкелем щит (Eb. XXXII). Заявляя свои претензии на наследство Ульвара, Арнкель называет себя его сыном: «...он намерен отстаивать полученное наследство, как если б был сыном покойного» (Eb. XXXII). Отношения господства и подчинения представлены как узы дружбы и родства. Тем самым обосновываются притязания Арнкеля на наследство Ульвара, согласно с правовой традицией, закрепленной в «Сером Гусе»: «Если же [сын или дочь вольноотпущенника] рождены в законном браке, то [наследство] должен забрать сын» (Grágás: Eirðarþáttur 5). Налицо связь межличностных и поземельных отношений.

Завещая свои земли Арнкелю, Ульвар переходит под его опеку, становится человеком Арнкеля Годи. Переход Ульвара и его имущества из-под покровительства одного человека под патронат другого могли спровоцировать Торольва Скрюченная Нога на убийство Ульвара, который в глазах Торольва должен был выглядеть изменником. Случаи, когда могущественные бонды стремились ограничить свободу своих людей, иногда встречаются в сагах (см., например: Heið. 5). Ульвар, вольноотпущенник, оказался заложником в распре между могущественными бондами, притязавшими как на его землю, так и на его личность.

Таким образом, в «Саге о людях с Песчаного Берега» представлены три противоречащих друг другу правовых принципа. Сыновья Торбранда, заявляя свои права на личность вольноотпущенника, притязают и на обладание его наследством. Торольв Скрюченная Нога, утверждая свои права на землю, объявляет и права на личность человека, пользующегося этой землей. Арнкель Годи пытается оформить контроль над спорным имуществом посредством уз родства и господства.

В тексте саги наиболее отчетливо выражена традиция, закрепленная в «Сером Гусе». После убийства Арнкеля Годи наследство вольноотпущенников Ульвара и Эрлюга оказывается в руках людей из Лебяжьего Фьорда (Eb. LXIII).

Источники и литература

- Гуревич А.Я. Колонизация Исландии // Уч. зап. Калинин. пед. ин-та. Калинин, 1963. Т. 35.
- Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Капранова Е.Ю. Раб каролингской эпохи: объект или субъект права? // *Ius antiquum – Древнее право*. М., 2003. Вып. 1 (11).
- Cap. de villis – Capitulare de villis // *Capitulatia regum francorum*. Hanpoverae, 1883. Т. 1.
- Eb. – Eyrbyggja saga / Hrsg. von H. Gering. Halle a. d. Saale, 1897; Cara о людях с Песчаного Берега // *Исландские саги* / Пер. с др.-исл., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2004. Т. 2.
- Grágás – Grágás. Lagasafn íslenska þjóðveldisins / Gennar Karlsson, Kristján Sveinsson, Mörtur Árnason sáu um útgáfunu. Reykjavík, 2001.
- Heið. – Saga о Битве на Пустоши // *Исландские саги* / Пер. с др.-исл., общ. ред. и комм. А.В. Циммерлинга. М., 2000. Т. 1.
- Land. – Landnámabók // *Íslendinga sögur*. Reykjavík, 1946. Bd. 1: Landssaga og landnám. Guðni Jónsson bjó til prentunar; Пряди о Людях из Широкого Фьорда // *Исландские саги*. / Пер. с др.-исл., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2004. Т. 2.
- Ld. – Saga о людях из Лаксдала // *Исландские саги*. / Ред., вступ. ст. и примеч. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1956.
- Lex Salica – Салическая правда. (Учебная литература) / Под ред. В.Ф. Семёнова. М., 1950.

А.Н. Бондарь

«ДРУЖИННЫЕ ЛАГЕРЯ» И ИХ СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА В X – НАЧАЛЕ XI в. НА ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ ДЕСНЫ И ДНЕПРА

Проблема становления Древнерусского государства является одной из центральных в отечественной исторической науке. Среди трудов, посвященных данной проблематике, заметное место занимают работы касающиеся «погостов» (Лебедев 2005. С. 523–526), «дружинных лагерей» (Мельникова, Петрухин 1986. С. 104–108; Шинаков 2004; Коваленко 2005; Фетисов, Щавелёв 2009. С. 34–40) и «военизированных многофункциональных поселений» (Макушников 2006). Вопросу взаимосвязей данного типа поселений с их сельской округой ранее уделялось мало внима-

ния, что объясняется состоянием источников. Но с накоплением археологического материала в последние десятилетия наметились положительные тенденции в решении данной проблемы.

В округе Чернигова присутствует целый ряд памятников, содержащих материалы конца IX – начала XI в., которые могут быть интерпретированы как «дружинные лагеря» (далее: ДЛ). Это комплексы у сел Шестовица, Выползов, Гушин, Звеничев, Клонов, Пересаж, а также остатки летописных Листвена (1024 г.) и Оргоща (1159 г.).

Многофункциональность такого типа поселений, как ДЛ, порождала многовекторность их деятельности в контексте связей с их сельской округой. Воссоздание такого рода связей из-за ограниченности источников не представляется возможным для конца IX – начала X в., но может быть более или менее успешно решено для середины X – начала XI в. в случае создания модели «дружинный лагерь – сельская округа».

Следует, во-первых, определиться с известными функциями обоих типов поселений, во-вторых, – с хронологической первичностью их по отношению друг к другу, наконец, в-третьих, рассмотреть географическую и социально-историческую подоснову для существования таких связей.

Решение данных вопросов с последующим их сопоставлением позволит создать приближенную к действительности теоретическую операционную модель для понимания взаимосвязей в системе отношений «дружинный лагерь – сельская округа».

Возможные функции ДЛ:

- 1) сбор и содержание воинских формирований во время военных действий и в периоды, когда последние не ведутся;
- 2) репрессивно-контрольные функции, по отношению к местному населению;
- 3) контроль за водными и сухопутными дорогами, волоками;
- 4) сбор и хранение дани.

Возможные функции сельских поселений (далее: СП):

- 1) производство сельскохозяйственной продукции;
- 2) сырьевая база для обеспечения ремесленного производства;
- 3) источник человеческих ресурсов для выполнения различного рода повинностей.

Возникновение первых ДЛ, таких как Шестовица и Выползов, относится к концу IX в., в этот же период возникают поселения в

Оргоше и Звеничеве, на территории которых в первой половине X в. появляются первые укрепления. По результатам многолетних исследований А.В. Шекуна и Е.М. Веремейчик известно, что пик возникновения СП на территории междуречья нижнего течения Десны и Днепра приходится на X в. (Веремейчик 2008. С. 86–88). Следовательно, можно сделать вывод о синхронности существования значительного количества ДЛ и СП в данном регионе.

Сейчас довольно трудно определить, какие именно поселения входили в округу того или иного «лагеря». Однако наибольшая концентрация СП фиксируется на расстоянии 1–10 км от укрепленных центров. Исключения составляют лишь Шестовица и Выползов, где поселения конца IX – X в. в округе отсутствуют (возможно, они еще не найдены). В округе Оргоша фиксируется до 10 поселений с материалами X в., Листвена – 9, Пересажа – 7, Гущина – 7, Звеничева – от 7 до 9.

ДЛ как социальный организм имел определенные потребности для обеспечения своего стабильного существования. Военный контингент, который находился в лагере, зависел от бесперебойных поставок продовольствия. Трудно допустить, что производством продуктов питания занимались дружинники.

Сооружение укреплений «лагерей» требовало значительных усилий, материалов и человеческих трудовых ресурсов. На смену легким укреплениям ДЛ конца IX – начала X в. со второй половины X в. приходят сложные фортификации, сооружение которых требовало больших трудозатрат. Методика подсчета человеко-дней для сооружения древнерусских укреплений была предложена Ю.С. Асеевым на примере «города Ярослава» в Киеве (Асеев 1982. С. 47). Опуская математические операции, можно сказать, что для сооружения деревянно-земляных укреплений Оргоша потребовалась бы работа 100 человек на протяжении 330–350 дней, а для укрепления Лиственского городища-I – 100 человек на 140–150 дней. Очевидно, что для мероприятий такого масштаба привлекалось население окружающих сел.

Еще одна функция сельской округи заключалась в обеспечении фуражом лошадей дружинников, хотя их количество, по-видимому, было невелико. Остатки таких верховых лошадей и конской сбруи зафиксированы в погребениях воинов на некрополях ДЛ.

Потребность населения ДЛ в железных вещах также не вызывает сомнений. Даже если оружие и дорогие украшения конской

сбруи были импортными, то большинство массовых предметов, таких как ножи, стрелы, даже топоры, могли изготавливаться на месте. Б.А. Колчин считал, что добыча металла в Древней Руси была сельским промыслом (Колчин 1953. С. 200). На поселении Лесковое (ближайшая округа Листвена) обнаружены остатки кузнечного горна и шлаки (Шекун, Веремейчик 1999. С. 11). Шлаки, как подъемный материал, достаточно часто встречаются на сельских поселениях Черниговской округи. Вероятно, что крицу доставляли на посадки ДЛ, где ее обработкой занимался профессиональный кузнец. Так, на посадке Шестовицкого комплекса достаточно хорошо исследован производственно-жилой комплекс, который интерпретируется как «усадьба кузнеца». В общем, на сельских поселениях X – начала XI в. обнаружено большое количество сооружений производственного назначения (например, поселение Козарки) (Веремейчик 1990. С. 76–88).

Следует также обратить внимание на такой важный факт, как наличие женского населения в ДЛ. По наблюдениям П.М. Покаса, погребенные на дружинных некрополях женщины по антропологическим признакам идентичны женщинам из сельских поселений, в отличие от мужчин, которые имеют разные антропологические типы (Покас 1988. С. 123).

Вероятно, в обязанности сельских жителей округи ДЛ входило обслуживание волоков и бродов по рекам. К примеру, у с. Пересажа есть сельское поселение в ур. Гостынянычи, культурные слои которого относятся к X–XIII вв. Название Гостынянычи, несомненно, имеет древнерусское происхождение. Так, возле Чернигова в XII в. существовало летописное село Гостыничи (Ипатьевская летопись по Хлебниковскому списку, 1160 г.). Все эти названия происходят от древнерусского слова «гость». Ранние сведения о «гостях» встречаются уже в X ст., в договорах Руси с греками. Логично предположить, что на волоке возле Пересажа находилось поселение с названием Гостынянычи, в функции которого входило обеспечение и содержание купцов-«гостей», в то время, когда их лодки и товар перетаскивали через волок. Возможно, происхождение названия летописного города Оргош также связано со словом «гость» (Нерознак 1983. С. 129).

Таким образом, такой многофункциональный социально-политический организм, как ДЛ, в середине X – начале XI в. не мог стабильно функционировать без своей сельской округи, ко-

торая удовлетворяла его основные потребности в продовольствии, сырье, обслуживании. В свою очередь, дружина из «лагеря» гарантировала населению военную защиту и, возможно, судопроизводство. Ремесленники из посадов ДЛ могли частично обеспечивать крестьян инвентарем. Вероятно, импортные вещи X – начала XI в. также попадали на СП через посредничество населения ДЛ. Такие взаимосвязи оказались очень эффективными на раннем этапе становления Древнерусского государства и обеспечили стабильное развитие региона в X – начале XI в.

Литература

- Асеев Ю.С.* Архитектура древнего Киева. Киев, 1982.
- Веремейчик Е.М.* Охранные исследования поселения X–XIII вв. у с. Петруши // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 76–83.
- Веремейчик О.М.* Сельские поселения Черниговского Полесья конца IX – первой половины XIII века // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008. С. 82–90.
- Коваленко В.П.* Варяжские древности на Левобережье Днепра: возможности комплексного подхода // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2005. № 3 (21). С. 40–41.
- Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М., 1953.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Макушников О.* Между Гнёздово и Киевом: Моховский археологический комплекс X–XI ст. на юго-востоке Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2006. № 22. С. 130–135.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 год. М., 1986. С. 99–108.
- Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Покас П.М.* Средневековое население Среднего Подесенья – по данным антропологии // Чернигов и его округа в X–XIII ст. Киев, 1988. С. 118–127.
- Фетисов А.А., Щавелёв А.С.* Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009.
- Шекун О.В., Веремейчик О.М.* Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999.
- Шинаков Е.А.* «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 307–311.

САВАРТЫ-АСФАЛЫ В «КРАЯХ ПЕРСИИ»: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

В первой половине IX в. в степях Северного Причерноморья появились венгры, которых византийские авторы называли «турками». Наиболее подробные сведения об этих событиях содержатся в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». В своих комментариях к этому сочинению Г.Г. Литаврин отметил, что Константин пользовался тремя источниками информации о венграх: сообщениями посла Гавриила, сведениями мадьярских вождей Термачу и Булчу, посетивших Константинополь ок. 948 г., и рассказами хазар из числа охраны императора (Константин 1991. С. 383). Именно эта неопределенность с информаторами давно уже ставит в тупик исследователей при комментировании следующего пассажа из сочинения Константина: «Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть в западном краю вместе с их воеводой и вождем Лебедией, в местах, именуемых Ателькузу... К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания» (Константин 1991. С. 158–161). Эта же информация перекликается с фрагментом генеалогической легенды венгров, записанной в XIII в. Шимоном из Кезы, где речь идет о Персии как об одной из территорий предков венгров (Simonis de Keza 1883. P. 55–56; Шушарин 1997. С. 198–199).

Вполне вероятно, что в непосредственной связи с савартами-асфалами находятся известия восточных источников о народе «севордии» на Южном Кавказе. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что они известны там уже с середины VIII в. Так, ал-Балазури сообщает, что в 752 г. «севордии» восстали против арабов и разрушили г. Шамхор (Marquart 1903. S. 37). Однако большинство сообщений о «савардиях» относится к более позд-

нему периоду. Так, в начале X в. Ибн ал-Факих упоминал народ *ас-савардия* при описании событий IX в. (Новосельцев 1991. С. 83). Кроме того, ал-Мас'уди локализует народ «сийавурдийа» на р. Кура ниже Тифлиса и при этом отмечает, что они – ветвь армян (Минорский 1963. С. 214). Армянский историк начала X в. Иованнес Драсханакерци упоминает народ «севардик» как «жителей гавара Ути» (Иованнес 1986. С. 162), т.е. местности около г. Ганджа (Новосельцев 1991. С. 83).

Необходимо отметить, что исследователи по-разному трактовали сообщения Константина о «савартах-асфалах» и восточных авторов о народе «савардия» на Южном Кавказе. Так, А.П. Новосельцев не склонен был доверять этой информации и связывал данную этническую группу с савирами VI в. (Новосельцев 1991. С. 82–83). М.И. Артамонов придерживался аналогичного мнения (Артамонов 1962. С. 349).

Однако относительно этого найдутся определенные возражения. Во-первых, этническое название «севордик» (савардии) более похоже на «саварты» из сочинения Константина, чем на этноним «савиры» (сабиры), носители которого проживали на Восточном Кавказе и в Албании возле г. Кабала. Носители же первого этнонима проживали возле г. Шамхор, недалеко от Тифлиса. Во-вторых, упомянутые города Шамхор и Кабала были значительно удалены друг от друга: г. Шамхор был расположен вблизи Дарьяльского прохода, а г. Кабала – около Дербента. В-третьих, значительный хронологический разрыв между упоминаниями о савирах (в основном в VI в.) и савардиях (лишь с середины VII в.) позволяет видеть в них две различные этнические группы.

Что же касается других мнений, то существует немалая группа исследователей, которые считают сообщения Константина о «савартах-асфалах» и восточных авторов о народе «савардия» на Южном Кавказе историческим фактом, но не связанным с событиями конца IX в.. Так, А. Рона-Таш во второй части первого этнонима видит греческий эпитет *asphales* – «крепкие, непреодолимые». Он высказал предположение о давности сюжета Константина о «савартах-асфалах», которые, по его мнению, еще задолго до Константина проиграли войну печенегам-кангарам и переселились на Южный Кавказ (Rona-Tas 1999. Р. 288).

Й. Маркварт считал, что сообщение Константина о «савартах-асфалах» имеет отношение к появлению севордиев возле г. Ша-

мхор в 752 г. Исследователь был склонен доверять народной армянской этимологии, что название «севордик» следует рассматривать как «черные дети». Поэтому он высказал предположение об их связи с «черными уграми» (Marquart 1903. S. 35–40). В.Ф. Минорский также придерживался аналогичного мнения и считал, что упомянутый ал-Мас‘уди народ «сийавурдийа» на р. Кура мог появиться на Южном Кавказе лишь в VIII в. и к X в. эти пришельцы-венгры могли принять христианство и арменизироваться (Минорский 1963. С. 214, примеч. 115).

Однако исследователей не смутил тот факт, что первое сообщение о «севордиях» у мусульманских авторов датируется серединой VIII в., а потом мусульманские и армянские авторы снова начинают упоминать о них уже при описании событий рубежа IX–X вв. Складывается впечатление, что к тому времени общая численность данной этнической группы на Южном Кавказе увеличилась. Следовательно, логичнее вести разговор о двух миграциях савартов на Южный Кавказ: первой в середине VIII в. и второй в конце IX в.

Константин, рассказывая о лебедийском периоде в истории венгров, отметил, что они «именовались по неведомой причине савартами-асфалами» (Константин 1991. С. 158–159). Учитывая это, стоит напомнить другое сообщение византийского автора о бывшем названии печенегов: «Пачинакиты же, прежде названные кангар» (Константин 1991. С. 158–159). Византийский автор указал также на то, что представители только трех племен резко выделяли себя из среды других печенегов и называли себя именем «кангар» (Константин 1991. С. 155, 158). Стало быть, несколько племен савартов изначально составляли основу мадьярской конфедерации племен и представляли в ней господствующий слой.

Константин дал нам перечень 7 (8) племен мадьярской конфедерации, которые в конце IX в. переселились в Паннонию. При этом не было отмечено хотя бы одно из племен савартов (Константин 1991. С. 162–163). Следовательно, состав венгерской конфедерации на протяжении не одного столетия подвергался изменениям, что стало следствием ухода из нее нескольких племен савартов. Получается, что в результате первого столкновения с хазарами одно из племен савартов мигрировало в район Шамхора через Дарьяльский проход еще в середине VIII в. Вторая миграция на Южный Кавказ могла иметь место в конце IX в. по тому

же маршруту в результате поражения от печенегов, что и отметил Константин.

Однако мусульманские и армянские авторы в начале X в. указывали на нахождение савардиев на Южном Кавказе, в районе между бывшей Западной Албанией и Восточной Арменией (Новосельцев 1991. С. 83; Минорский 1963. С. 214; Иованнес 1986. С. 162), а Константин отметил, что саварты-асфалы поселились «в краях Персии» (Константин 1991. С. 158–161). Это несоответствие можно объяснить тем, что первые авторы зафиксировали ситуацию, сложившуюся к началу X в., а сообщение Константина отражало передвижение савартов-асфалов на юго-восток, что могло иметь место к началу 40-х годов X в. Поэтому информация Константина о посещении савартов паннонскими венграми (Константин 1991. С. 160–161) заслуживает внимания и позволяет по-новому взглянуть на происхождение некоторых сюжетов ранней истории венгров, нашедших свое отражение в сочинении Константина.

Это касается, прежде всего, «лебедийского периода» в истории венгров. Исследователи уже давно обратили внимание на ряд пассажей из данного фрагмента сочинения Константина: 1) упоминания о стране венгров Лебедии встречаются только в сочинении Константина; 2) исследователи так и не могут до сих пор объяснить происхождение названия территории «Лебедия» и соответственно этому дать ее точную локализацию; 3) название страны «Лебедия» совпадает с именем вождя венгров; 4) вызывает недоумение период правления вождя венгров Лебедии – от начала и до конца IX в.; 5) непонятно, почему у Константина титулом Лебедии стал славянский термин «воевода», хотя из сочинения Ибн Русте нам известен титул правителя венгров в IX в. – «кенде» (Хвольсон 1869. С. 25–26); 6) очень смущает фраза Константина: «жили вместе с хазарами в течение трех лет» (Константин 1991. С. 158–159).

Указание Константина на нахождение савартов-асфалов в Персии заставляет вспомнить одну характерную черту кочевого общества, согласно которой использование письменного языка более развитых соседей представляет собой естественное для кочевников положение вещей. В связи с этим достаточно вспомнить хазарско-еврейскую переписку, где письмо хазарского царя Иосифа было написано на древнееврейском языке придворным евреем. Следовательно, можно говорить о письменной фиксации

давной истории венгров на персидском языке. А это предполагает ряд ошибок и неточностей при прочтении текста, выполненного арабской графикой.

Поэтому особый интерес представляет предложенная В.А. Бушаковым гипотеза, согласно которой топоним «Лебедия» находит объяснение в персидском языке – он состоит из двух частей – *лāб* (край, берег) и *дāрия* (море). Это позволяет переводить название *Лāб-и-дāрия* как «побережье (берег) моря». А этим морем могло быть Азовское, что подтверждается данными хроники Шимона из Кезы (XIII в.), в которой давняя территория венгров находилась на берегах «Меотиды» (Simonis de Keza 1883. P. 55–56; Шушарин 1997. С. 198–199). Для сравнения можно привести название местности «Ателькузу», что в переводе с древневенгерского означает «Междуречье». Однако неясно, как *Лāб-и-дāрия* приобрело вид «Лебедия». Это можно объяснить особенностями арабской графики, где «д» и «р» весьма похожи. Получается, что написанный арабскими буквами термин *Л.б.д. р(д).и.а* мог быть прочитан как «Лабиддиа»

Что же касается совпадения этого названия с именем вождя венгров, то это можно объяснить тем, что мы имеем дело с титулом, а не личным именем. Допустим, что титул «кенде» персидский переводчик записал как *фāрмандар*, который паннонские венгры заменили уже хорошо знакомым им славянским «воевода». Получается, что мы имеем дело с изафетной конструкцией *фāрмандар-и Лāб-и-дāрия* – «правитель морского побережья». Обычно изафет на письме не обозначался, что и могло привести к ошибочному варианту перевода – «воевода Лебедия».

Срок же пребывания венгров под властью хазар – «три года» – можно объяснить тем, что для обозначения «30» в первоначальном персидском тексте были использованы арабские цифры, где ноль обозначался в виде точки, что в итоге и привело к ошибочной цифре «3».

Естественно, что предложенная гипотеза требует новых доказательств. Скептики могут отметить, что после Константина никто не отмечал савартов-асфалов в Южном Прикаспии. Однако это можно объяснить тем, что уже в начале XI в. данный район оказался в эпицентре событий, связанных с началом сельджукских завоеваний, которые значительно изменили этническую ситуацию на Среднем Востоке.

Литература

- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
Иованнес Драсханкертци. История Армении. Ереван, 1986.
Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.
Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. Москва, 1963.
Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даства. СПб., 1869.
Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.
Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
Rona-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999.
Simonis de Keza. Gesta Hungarorum // Historicae Hungaricae fontes domestici. Pars Prima Scriptores: 2. Lipsae, 1883.

В.П. Буданова

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ КАК АДАПТИВНО-РАДИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВЕЛИКИХ МИГРАЦИЙ

Во II–VII вв. на значительном пространстве Европы, Азии и Африки взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы развития, важнейшим компонентом которого стали миграционные процессы, давшие этому уникальному феномену мировой истории название «Великое переселение народов». Миграционные пульсации и динамика развития близлежащих (на западе – Римская и Византийская, в Восточной Азии – Ханьская) цивилизаций взаимообусловлены. Сравнительно-исторический анализ миграций подтверждает типологическое сходство этой зависимости как в европейском, так и в азиатском регионе. Великому переселению народов присущи свои особенности подвижности населения, типы, виды и формы его мобильности. Миграция – это не только подвижность племен, совокупность эпизодических, маятниковых, сезонных и безвозвратных перемещений, но организованный или неорганизованный массовый процесс, ответ на вызов, *способ реагирования* Homo mobilis

на меняющуюся экологическую, экономическую, социальную и военную ситуацию.

Племенной мир постоянно пребывал в «текущем», флуктуирующем, дисперсном состоянии, где миграция – самовоспроизводящийся процесс. Системный подход учитывает и эволюционную «особость» варварского мира как субъекта всемирно-исторического процесса с фиксированной общностью разнотнических племен, ритмика развития которых определялась ситуацией максимальной неустойчивости, структурными сбоями и хаотизацией, и всю «цепочку» миграций (где, когда, кто и почему начинал движение, ход переселения и расселения на новом месте, их последствия). На обширном пространстве Европы и Азии сформировался своеобразный молчаливый (с точки зрения цивилизации) интравертный мир с иным темпом и вектором развития, с иным движением в «коридоре эволюции». Здесь умели создавать крепкие и относительно стабильные образования со своей потестарной структурой, своей элитой, харизматичными лидерами, разумными и точными правовыми нормами жизнеуществования, религиозными верованиями, соответствие которым исследователи находят в эллинском и римском пантеоне.

«Особость» племенного мира характеризуют: зависимость от среды обитания (витальные потребности подталкивали к экспансии, шла борьба за земли, ресурсы, их перераспределение); милитаризованное сознание, определявшее систему ценностей и атрибуты власти (культ войны, военного дела, воина-героя; мужество, храбрость, честь; преданность и верность, престижнее накопления богатства); стимулирующая атрибутивная функция материальных ценностей (центры торговли и ремесла, сеть коммуникаций, товарообмен, «специализация» племен, «ядра» этнополитической консолидации); роль антропологического вектора, межличностных отношений (модальность, поддержание и хранение традиции, исключавшей неорганизованность, примитивность, неполноценность, пресечение влияний извне); бесписьменный способ передачи и хранения информации (роль мнемонических символов, ритуалов, «гравитационных центров» информационно-аккумуляции).

В транзитивный период Великого переселения миграции ускорили процесс хозяйственного и потестарного развития племен, усиливая транспарентность культурно-хозяйственных границ

этой «цивилизации варваров». Данную терминологическую конструкцию я использую намеренно не только в качестве способа понятийной организации реальности, но и как саму реальность.

Древность знала два вида передвижений – миграцию человека (мастера-ремесленника, купца, наемника, путешественника) и массовую миграцию племен или их авангардных отрядов. Овладение природой побуждало племена к постоянным движениям, с целью отыскать новые места, удобные для обитания («Иду, чтобы выжить»). От этих передвижений следует отличать *адаптивное радиальное расселение*, на которое человек вынужден был пойти, несмотря на то, что он уже давно, прочно и серьезно обосновался на каком-то месте, в каком-то ресурсном пространстве, приспособился к окружающей среде, создал свою модель существования. Основой в *мотивации* движения являлись искания лучшего устройства или поиск такого же витального пространства, в котором существовал народ до появления необходимости переселения. Важна подготовленность, наличие здоровых, полных сил и энергии людей, т.к. процесс переселения не шел медленно, постепенно, маленькими незаметными шажками, но взрывал привычный уклад жизни («Иду, чтобы жить»).

Для этих передвижений, основанных на стратегии поиска и освоения новой территории, существенны многочисленные *адаптации*. Одна – в условиях переселения с женами, детьми, обозами и имуществом. Другая – при движении отряда мужчин во главе с вождем, предводителем. Третья – в походах молодежи с целью инициации этой возрастной когорты воинов. Адаптация включала приспособление к новым ресурсам, новым способам потребления, питания человека и кормления скота, как в дороге, так и на новом месте. Различалась адаптация в мирных и военных условиях. Важно, что и кого встречали переселенцы по дороге – пустое пространство или другие народы, – как формировались отношения пришлых и автохтонов, как складывалась судьба «путешественников» в дальнейшем.

Во II–VII вв. варварский мир проходил фазу надлома, европейский континент стал ареной перемещений германских, тюркских и славянских племен. Уже на рубеже нашей эры события в районе Рейна спровоцировали германцев на миграцию в восточном и южном направлении. Некоторые племена Восточной Азии, кочуя вдоль рубежей Ханьской империи, постепенно смещались

в северо-западном направлении, а затем двинулись на запад. Степной коридор Северного Причерноморья стал «зоной встречи» двух мигрирующих потоков (готы, гунны), частично объединив и развернув их в IV в. к пределам Римской империи. Переселение набрало силу повторной миграционной волны. Вновь прибывавшие племена присоединялись к уже осевшим, образуя «вторичные» буферные зоны, контактные ареалы и центры консолидации. Великое переселение прошло в три этапа – «германский» (от Маркоманнских войн 166–180 гг. до Адрианопольского сражения 378 г.), «гуннский» (между Адрианопольским сражением и битвой на Каталаунских полях 451 г.) и «славянский» (VI–VII вв.).

Массовое переселение народов II–VII вв. вызвано комплексом *причин*: изменением климата, ростом населения, лавинообразным характером передвижений, провокативной ролью цивилизации, стимулировавшей мобильность племен, их «тягу за горизонт». Взаимодействие с цивилизацией включало военные (территориальная экспансия, войны, военные конфликты), политические (предоставление гражданства, реформы Лю Бана, эдикт Каракаллы), дипломатические («гостеприимство», заложничество), экономические (сеть торговых дорог, пунктов разрешенных торговых операций, право посреднической торговли) и иные контакты и влияния.

Номо мобилис проявлял различные *типы мобильности*: от переселения племен, движения отдельных дружин до профессиональной (телохранители императоров) и деловой (ремесленники и купцы) миграции. Оформился своеобразный миграционный стандарт, который включал сценарий поведения переселенцев в стереотипных ситуациях (походы, вторжения, переговоры) и стандартный набор их претензий. Различная степень зависимости от римского мира и соседних племен стимулировала консолидацию, высшим проявлением которой было образование «больших» племен (аламаннов, франков, саксов, вандалов, готов). На обширном пространстве Великого пояса степей от Забайкалья до Паннонии сложился свой особый кочевой мир как рассеянная пространственная структура, где владели различными средствами адаптации к встречавшимся на пути кочевания оседлоземледельческим народам (набеги, грабежи, навязанный вассалитет, данничество). Престижность военного промысла, походов и завоеваний

сформировали культ войны, война-всадника и героизированных предков. В ходе кочевых передвижений создавались племенные конфедерации, вождества и «кочевые империи». Степь, как гигантская дорога постоянных передвижений, племена долго не задерживала, смешивая и объединяя их с покоренными народами. Обширный славянский мир отличался особой интенсивностью межэтнических контактов (балты, скифы, сарматы, германцы, фракийцы, иллирийцы, тюрки).

Адаптивно-радиальное расселение II–VII вв. имело некоторые характерные *особенности*. В прошлом осталось движение к неизвестному, ибо *Homo mobilis* хорошо представлял привлекательность тех мест, куда двигался. Нарастала мотивационная составляющая, миграции обретали большее целеполагание. На смену медленному, столетия длившемуся продвижению, просачиванию племен на новые территории, постепенной их инфильтрации и адаптации к новой среде обитания приходит миграция в форме завоевания новых территорий с целью переселения на них. Даже незначительные перемещения совершались в плотной демографической среде, просочиться между звеньями которой без последствий уже было невозможно. Переселенцы двигались в сторону наименее заселенных областей, в обход гущи населенных мест, в том направлении, где встречали наименьшее сопротивление. Только статус федератов позволил некоторым племенам селиться в густонаселенных районах. Встреча с «другим» провоцировала этническую идентичность, придавала ей военный, сопряженный с опасностью, смысл. Идея «чужих» превратилась в фактическую границу этничности, которая становится эффективным инструментом миграционной мобильности. Хранители идентичности заботились о сохранении «образа врага». Впервые в мировой истории некоторые племена стали символом, неким «катодом зла» (готы, вандалы). Ход и динамика миграций отражают организованность, стратегический и тактический расчет предприимчивых и ловких лидеров переселений (Эрманарих, Атанарих, Аларих, Аттила, Арбогаст, Рекимер, Гейзерих, Одоакр, Хлодвиг, Теодерих и др.).

Адаптивно-радиальная модель миграции не являлась простым линейным процессом с одной отправной точкой и одним пунктом прибытия. Переселения сопровождалась отказами от перемещений, возвратами на прежние места обитания, контактами между

теми, кто мигрировал, и теми, кто оставался на месте, невыгодными издержками к прибылям переселения. Потери и приобретения, сопутствующие расселению, напряженный процесс выбора и освоения маршрутов, новых ресурсов, методов использования этих ресурсов приводили к появлению «зон-перекрестков», «зон-коридоров», обозначили «ресурсные бассейны» будущих конфликтов. Подвижность племен во II–VII вв. пропорциональна уровню их цивилизационного устройства, но чем они многочисленнее, тем сильнее внутри них самих препятствия к передвижениям. В истории великих миграций это был последний, значительный по последствиям, массовый исход Номо mobilis из родных мест на новые территории, действительно соответствующий его историографическому названию – Великое переселение народов, Die Völkerwanderung, The Great Migration, Les grandes invasions, La grande migrazione.

Т.Л. Вилкул

ИЗБЫТОЧНОСТЬ ВОЕННОЙ ТОПИКИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Для военных сообщений «Повести временных лет» (далее: ПВЛ) характерна известная избыточность топики и определений, т.е. обилие синонимических обозначений. К примеру, такие слова, как «брань», «рать», «сѣча», «плтькъ» (в одном из значений этого слова), – это фактически четыре названия для одного и того же явления.

В рассказах летописцев военной тематики традиционно предполагают отражение наблюдений и впечатлений «из жизни». Ведь походы и, особенно, последствия нападений – это то, что должно было быть доступно непосредственному наблюдению. При этом, однако, известно, что в ПВЛ использовано множество источников. Влияние некоторых из них проявилось и в подобных сообщениях.

Попытаюсь при помощи анализа топики выяснить, насколько большую роль играет здесь моделирование по литературным образцам. С этой целью проанализирую военные обозначения в следующих библейских книгах и хронографических источниках: Восьмикнижии (4 книги из 8), Книгах Царств, Псалтыри, а также

в хрониках Иоанна Малалы (первые 10 глав, помещенные в Иудейском хронографе) и Георгия Амартола.

Проблема влияния библейских книг на ПВЛ в последнее время интенсивно разрабатывалась (Данилевский 2004), поэтому приведу лишь два примера, касающихся именно военных известий. Так, источником одного из выражений в рассказе о битве Ярослава и Святополка у Любеча 6524/1016 г. («не смѣяху ни си онѣхъ . ни они сихъ начати»), по-видимому, послужил стих Ис. Нав. 9: 19 («и нынѣ не можемъ начати ихъ»)¹. В описании погони Ярослава за Брячиславом под 6529/1021 г. указано число дней погони – семь, что уникально для этой части ПВЛ, представленной в основном краткими сообщениями, в которых дневные даты отсутствуют. Вероятно, здесь использован отрывок из Книги Бытия о погоне Лавана за Иаковом, ср.:

ПВЛ (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 146.17–19)	Быт. 31: 23
и Ярославъ ис Кыѣва въ .з. днѣ . постиже и ту . и побѣди Яро- славъ Брячислава .	и поймъ всю братию свою съ собою . гна въслѣдъ седмь днѣи . и постиже и въ горѣ Галаадовѣ .

О заимствованиях в ПВЛ из хроник Амартола и Малалы также известно давно (Шахматов 1940). Важно, что все эти переводные тексты – более ранние, чем ПВЛ.

а) Прежде всего, следует обратить на пару обозначений «брань» / «рать». Первое слово традиционно связывают с кирилло-мефодиевскими переводами, а второе – с древнеболгарскими. Статистика такова.

«Брань»: Быт., Исх., Суд. – нет; Ис. Нав. 1 раз; 1 Цар. 25; Пс. 11; нет в хронике Малалы; у Амартола – 74.

«Рать»: Быт. 1; Исх. 3; Ис. Нав. 5; Суд. 5; нет в 1–4 Цар.²; нет в Пс.; Малала 34; Амартол 4. Полученная картина вполне соответствует общим сведениям о переводе памятников. Предполагают, что Восьмикнижие переведено в эпоху болгарского царя Симеона, к древнеболгарским переводам относится и славянский Малала. Псалтырь относят к досимеоновским в основе переводам, а хроника Амартола имеет, по-видимому, сложное происхождение (см. работы А.А. Пичхадзе). Что касается Книг Царств, то известно, что по языку это иной перевод, нежели Восьмикнижие.

В ПВЛ встречаются оба слова (при подсчетах использован словоуказатель О.В. Творогова): «брань» – 19 раз, «рать» – 23 раза. По годовым статьям они распределены так: «брань»: 941, 964, 980 (2), 1068 (2), 1074, 1093, 1096 (3), 1097 (3) и еще в Ипатьевской редакции 1110 и 1111 (4); «рать»: 885, 912, 988 (2), 996, 1015, 1036, 1064 (3), 1068, 1069, 1092, 1093 (4), 1096, 1097 (3), в дополнениях Ипатьевской редакции слово отсутствует. Годовые статьи, где встречаются оба обозначения: 1068, 1093, 1096, 1097.

б) Следующая триада: «вои» / «полкъ» / «сила (силы)». В этом случае нет таких четких указаний на словоупотребление, но в некоторых памятниках также прослеживаются определенные закономерности.

«Вои»: Быт. 1, Исх. 3, Ис. Нав. 4 (и 4 «воини»), Суд. 3 (и 2 «воини»), 1 Цар. 13 (и 1 «воини»), Пс. – нет; Малала 105 (и 20 «воини»); Амартол 125 (и ок. 40 «воини» / «воиники»).

«Полкъ»: Быт. 9, Исх. 16, Ис. Нав. нет (только в южнославянской редакции, в остальных списках «плъчище»), Суд. 31, 1 Цар. 27, Пс. 1, Мал. – нет, Ам. 22.

«Сила»: Быт. 2, Исх. 8, Ис. Нав. 4, Суд. 9, Пс. 76, Мал. 41, Ам. 47.

Как можно заметить, в хронике Малалы высокая частотность слова «вои», меньшая – слова «сила» и совсем отсутствует «полкъ». В Псалтыри отсутствует или практически отсутствует «вои» и «полкъ», но очень часто встречается «сила».

В ПВЛ чаще всего «вои» (81), затем «полкъ» (28) и «сила» (13). По годовым статьям распределение следующее. «Вои»: 858, 882 (3), 907 (3), 941, 944, 945 (3), 946 (4), 955, 964 (2), 968, 971 (5), 976, 980 (2), 986, 988 (2), 992, 998 (2), 1015 (5), 1018, 1026, 1031, 1036, 1042, 1043 (2), 1060, 1067, 1073, 1078, 1093 (4), 1095, 1096 (7), 1097 (12), 1103, 1107, и в Ипатьевской редакции 1110, 1111; «полкъ»: 945, 967, 971 (2), 993, 1022, 1065, 1068, 1093 (2), 1096 (2), 1097 (3), 1103 (3), и в Ипатьевской редакции 1111 (9); «сила»: 898, 912, 929, 968, 986, 1019, 1068 (5), 1071, 1074, 1078, и в Ипатьевской 1111 (2).

Примечательно, что «сила» появляется в ПВЛ в последний раз в 1078 г., а далее, с пропуском очень подробных статей 1090-х, насыщенных военными событиями, – уже под 1111 г.

в) Пара «побѣдити» / «одолѣти». Здесь также у разных авторов прослеживаются предпочтения, но не жесткие, например, в Псалтыри чаще «одолѣти», в Царствах – «побѣдити».

«Побѣдѣти»: Быт., Исх., Ис. Нав., Суд. – нет; 1 Цар. 13, Пс. 1; Мал. 17, Ам. – 35.

«Одолѣти»: Быт. 1, Исх. 3, Ис. Нав., Суд. – нет, 1 Цар. 2, Пс. 7; Мал. 28, Ам. 6 (а также 7 «одолати»)³.

В ПВЛ «побѣдѣти» встречается 45 раз, «одолѣти» – 15 раз, «одалати» – 5 раз. По годам распределяется так: «побѣдѣти» 884, 902, 914, 942, 946, 965, 966, 977, 980, 981, 982, 983, 984 (2), 986, 988 (2), 1018, 1021, 1030, 1037, 1047, 1054, 1058, 1061, 1068 (2), 1071, 1074 (4), 1078 (2), 1080, 1091, 1096, 1097, 1103 (2), 1106, и в Ипатьевской редакции 1110 (2), 1111, 1112; «одолѣти» 941 (2), 944, 965, 968, 971 (2), 1019, 1022 (2), 1036, 1067, 1068, 1078, 1096; «одолати» 971, 988, 1015, 1096, и в Ипатьевской 1111. Как видим, «одолѣти» – до 1096 г.

В предыдущих примерах прослеживались некоторые данные, свидетельствующие о сложной истории составления ПВЛ. Действительно, многие обозначения демонстрируют пики частотности и/или же встречаются до определенного года. Еще несколько примеров.

«Воевода»: Быт. 3, Исх. – нет, Ис. Нав. 2, Суд. 2; 1 Цар. 12, Пс. – нет, Мал. 33, Ам. 41; ПВЛ – 12: 945, 968 (2), 971, 980, 984, 1016, 1018, 1043 (2), 1068, 1097.

«Воина»: Быт., Ис. Нав., Суд., Пс. – нет; Мал. 2, Ам. 43; ПВЛ – 5: 912, 964, 992, 1107, 1112 (отсутствует в тексте за XI в.).

«Разбити»: Быт. 1, Исх., Числа, Суд. – нет, Пс. 2, Мал. 3, Ам. 4; ПВЛ – 5: 907, 971, 986, 1043 (2).

«Разграбити» – Быт. 2, Исх., Ис. Нав. – нет, Суд. 1, Пс. – нет. Мал. 4, Ам. 1, ПВЛ – 7: 1068, 1078 (2), 1086, и в Ипатьевской редакции 1113 (3); все упоминания связаны с Изяславом и Изяславичами (Ярополк, Святополк).

«Сильный» – Быт. 3, Исх. 7, Ис. Нав. 5, Суд. 15, Пс. 14, Мал. 21, Ам. 21; ПВЛ – 9: 992 (2), 1015, 1022, 1024 (2), 1037, 1078, и в Ипатьевской редакции 1114.

«Сѣча» – Быт. 2, Ис. Нав. 2, Суд. – нет, Пс. 1, Мал. 20, Ам. 3. ПВЛ – 12: 971 (3), 996, 1016, 1019 (3), 1036, 1067, 1078 (2).

«Храбръ» – Быт., Исх., Суд., Пс. – нет, Ис. Нав. 1, Мал. 27; Ам. 11. ПВЛ – 6: недатированная часть, 946, 964, 986, 1015, 1036.

Разумеется, для получения исчерпывающей картины необходим анализ всей характерной лексики ПВЛ, а не только относящейся к военной тематике. Однако и тематические выборки мо-

гут дать приблизительные ориентиры: возможный круг источников и этапы редактирования.

В целом же, как видим, накопление военной топики связано с разными предпочтениями древних книжников, и в том числе переводчиков ветхозаветных книг и византийских хроник. Имеются ранние тексты, где набор военных терминов и обозначений уже, чем в начальной летописи. Судя по всему, составители ПВЛ, используя множество источников, аккумулировали лексику и поправившиеся им выражения. Таким образом, словоупотребление в ПВЛ наглядно подтверждает предположение о книжном моделировании сообщений военной тематики.

Примечания

¹ Ср.: ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 141 (строки 24–25); М., 1998. Т. 2. Стб. 129 (строки 5–6). «Начати» сохранилось в Лаврентьевском списке и в заимствованиях из ПВЛ в Сильвестровско-Минейной редакции Сказания о св. Борисе и Глебе (Вилкул 2011. С. 28).

² В Царствах только один раз встречается однокоренное «ратьныи».

³ В Хронике Малалы нет формы «одолати», в Хронике Амартола она встречается чаще, чем «одольти».

Литература

Вилкул Т.Л. Текстуальная традиция Восьмикнижия в Повести временных лет // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45).

Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.

Ю.Я. Вин

КОЧЕВНИКИ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВИЗАНТИИ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ XI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

Судьбы земледельческого населения в последние столетия существования Византии для каждого из ее регионов складывались различным образом. Временный демографический спад на

рубеже XI–XII вв. не смог подорвать общей тенденции к росту численности населения западных областей Малой Азии. Апогей этого процесса пришелся на XIII в. Тем не менее постоянным фактором в жизни малоазийского населения издавна была угроза турецкого нашествия: имеется в виду вторжение в XI–XII вв. сельджуков, кочевых племен огузов и туркмен – самой активной части завоевателей. Сосредоточиваясь на сопредельных с империей землях, в местах туркменских кочевий, племенная вольница разоряла поля и захватывала пастбища коренного сельского населения. Никейская империя стала заслоном, призванным сдерживать напор туркменских орд. Однако она в конечном итоге не сумела справиться с возложенной на нее исторической задачей. Обширные районы Византии оказались в зоне влияния кочевников.

Наблюдаемая тенденция действовала с нарастающим размахом. В конце XIII в. Марко Поло называл Малую Азию «Туркмений». Агрессивность кочевников в отношении местного оседлого населения объясняется необходимостью удовлетворения жизненно важных для скотоводов потребностей в пригодном для кочевий пространстве и продуктах аграрного и ремесленного производств. Племенная знать туркменов вела непрерывное наступление на византийские территории. Концентрируясь в отдельных районах, захватчики уничтожали местное население и отторгали занятые ими области. В конце XIII в. решительную и бесповоротную победу турок в Малой Азии обозначило наступление османов.

Вторжения туркменских кочевников на южных границах Понта привели к созданию особой этнической ситуации. На западе региона основание сельджукских эмиратов сопровождалось рождением тесного симбиоза греческого земледельческого населения и полукочевых племен. В восточной части Понта в XIII в. туркменские племена встречали упорное сопротивление со стороны трапезундских греков, лазов и чанов. Лазы сохраняли этническую консолидацию, самобытность, язык и культуру. Их основным занятием являлось полукочевое скотоводство в горных районах, хотя не было чуждо и земледелие. Мелкие буферные образования и группировки лазов в XIII–XIV вв. предохраняли Трапезундскую империю от наступления на нее кочевых тюрок – огузов и чепни. Они переходят к оседлому образу жизни и земледелию. Но скотоводство по-прежнему сохраняло важное значение в жизни тюрок, приобретая характер сезонных кочевий на регионально

замкнутых территориях. В первой половине XIV в. кочевья тюрок приблизились к районам обитания исконных жителей юго-восточной части Понта. Высокогорные пастбища на стыке Причерноморья и Северной Анатолии превращаются, как описывает в своей хронике Михаил Панарет, в зону противоборства тюркских и трапезундских пастухов.

Борьба с туркменскими завоевателями была неравной, а последствия столкновений с ними для малоазийского населения – сокрушительными. Так же как и при сельджукском нашествии, в конце XIII – XV в. беспощадным нападениям подвергались и города, и окрестные села. Прямым следствием каждодневной угрозы турецких нападений явились интенсивные перемещения автохтонного населения Малой Азии. Локальные миграции коренного населения очень скоро перерастали в межрегиональные, охватывая обширные пространства в глубине малоазийского полуострова и на его побережье. Если считается, что для западноевропейской экономики межрегиональные миграции не приобрели существенного значения, то в византийском социуме они, очевидно, играли заметную роль. На рубеже XIII–XIV вв. начинается исход беглецов малоазийского происхождения на средиземноморские острова и в европейские провинции страны.

Иная обстановка складывалась на Балканском полуострове. В сельских местностях Македонии с конца X до середины XIV в. наблюдается демографический подъем. Оставляя в стороне вопрос о славянской колонизации Балкан эпохи раннего средневековья, нужно признать сохранение там практически повсеместного расселения славян. Вторжения турецких завоевателей и колонизацию ими южных районов Балканского полуострова сопровождали острые столкновения с коренным сельским населением. Поводом служили захваты турками земель. Необратимые их результаты становятся очевидны с середины XIV в., когда набеги турок на Балканы становятся систематическими.

По крайней мере до конца XIV в. ресурсом поддержания баланса народонаселения в европейской части Византии служил приток балканских народностей – влахов и албановлахов (албанцев). На их этническую самобытность откровенно намекает Кекавмен. Изначально основным занятием албановлахов и влахов было перегонное скотоводство. Анна Комнина отождествляет влахов с теми, кто «избрал кочевую жизнь». С XI–XII вв. наблюдает-

ся переход владов к оседлости. В их среде возобладали порядки территориальных, соседских общин, о чем свидетельствуют Димитрий Хоматиан и акты.

Рост крупного землевладения вел к тому, что горные пастбища Македонии и Фессалии, уже к XIII в. принадлежали крупным собственникам. Одновременно происходило сокращение амплитуды кочевий, устанавливались постоянные их маршруты. Это облегчало контроль со стороны государства и подчинение пастухов крупным собственникам. Словом, переход владов к оседлости сопровождался установлением феодальной зависимости. Возрастание роли земледелия и ассимиляция другими балканскими народностями способствовали интеграции владшских скотоводов с местным земледельческим населением, особенно южными славянами. Их тесной связи отвечали одинаковый уровень общественного развития и единство образа жизни. Стремление к оседлости и христианизация славянского и владшского населения благоприятствовали его ассимиляции греками. Тому сопутствовало возникновение смешанных греко-славяно-владшских поселений. В то же время специфика хозяйственно-культурного типа и языковые отличия предопределяли сохранение ярко выраженного своеобразия владов.

Возвращаясь к проблеме тюркской колонизации, нужно сказать, что она разворачивается и в Малой Азии, и на Балканах еще в раннее средневековье за счет вытесняемых туда племенных меньшинств. С XI в. во Фракии возникают колонии турок-сельджуков. А в XI–XII вв. на р. Вардар обосновываются турки-вардариоты. Рубеж раннего и развитого средневековья отмечен внедрением в пределы византийского государства также печенегов, огузов и куманов. Их основным занятием служило пастушество и скотоводство. Спорадически развивалось и земледелие. Из переходивших на сторону империи тюрков формировались воинские контингенты, размещавшиеся в пограничных районах Византии. Политика депортаций пришлого населения, затрагивавшая различные племена тюркского происхождения в XIII в., продолжилась и при Палеологах.

Переход к оседлости и занятиям хлебопашеством кочевников-тюрков предстает как долговременная тенденция. Здесь должны быть отмечены не только военные столкновения, но и мирное сожительство исконно местного населения и колонистов инород-

ного происхождения. Непосредственные контакты различных этнических групп населения прежде всего обуславливали их занятия скотоводством. Животноводство оседлого земледельческого населения поздней Византии повсеместно сочеталось с отгонным скотоводством кочевников. Нельзя говорить об исключительности Византии: даже в странах Западной Европы рассматриваемого периода прослеживается отгонное скотоводство. На Балканском полуострове оно было традиционным занятием влахов, куманов и отчасти болгар. Отгонное скотоводство предполагало сезонное кочевье пастухов со стадами с использованием летних и зимних пастбищ. Свидетельством тому служит приводимое Иоанном Апокавком покаянное слово Феодора Водинопула из хориона Вростианес. В Малой Азии основная роль в отгонном скотоводстве принадлежала туркменам. Борьба за высокогорные летние пастбища являлась причиной ежегодных столкновений кочевников с анатолийскими и трапезундскими крестьянами. Таков сюжет одной из миниатюр греческой рукописи 1362 г., на которой изображен набег кочевников-тюрок, так называемый «раззи». В европейских провинциях Византии турки использовали для выпаса своего скота даже пахотные поля византийских крестьян.

Вплоть до 1340-х годов к негативно действовавшим экзогенным факторам развития демографической ситуации в сельских районах Южной Македонии и Фракии правомерно относить войны с европейскими соседями Византии, феодальные усобицы, нападения пиратов. Особо значимы коллизии военной кампании каталонцев в первом–втором десятилетиях XIV в. и так называемых гражданских войн 20–40-х годов XIV в. В них активно участвовали турки. Их действия подрывали уклад повседневной жизни византийцев. В связи с этим нельзя обойти молчанием внутрирегиональные перемещения сельских жителей, которые устанавливаются с помощью анализа их имен. Локальные миграции предопределяла политическая обстановка. Примером служат покинутые в 1341 г. жителями из-за нападения турок южномакедонские села Ивирского монастыря Добробикея и Овило.

Итак, общие закономерности взаимоотношений земледельцев и кочевников выстраиваются как следствие непрекращающихся вторжений в пределы империи соседних народностей. По сути на протяжении всей державной истории Византии на ее территории

происходит повсеместное оседание сравнительно мелких, но многочисленных этнических меньшинств. Вторжения кочевников вызывали острые конфронтации с сельскохозяйственным населением из-за сельскохозяйственных земель, его межрегиональные и локальные миграции. Во многих регионах страны животноводство оседлого сельскохозяйственного населения сочеталось с отгонным скотоводством кочевников. Эта тенденция ясно различима в районах их совместного проживания, где создавались предпосылки для ассимиляционных процессов. Однако главное направление межэтнических и политических процессов в зонах чужеземной колонизации вело к полному господству захватчиков и истреблению коренного населения. Это становится глобальным фактором византийской истории со второй половины XIV в.

А.Ю. Виноградов

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ В VIII в. – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

До II тыс. н.э. главной внутрикартвельской политической границей был Лихский хребет. В античности основными государственными образованиями по его сторонам были Иберия и Колхида, которую сменило Лазское царство. Параллельно этому существовали меньшие государства, возглавлявшиеся князьями (эриставами, мтаварами). Иберийское царство прекратило свое существование в VI в. в ходе византийско-персидских войн, и на его территории устанавливается власть локальных династов (азнауров), из которых выделялись картлийские марзпаны-эриставы; последних с 630-х годов сменяют мтавары (или эрисмтавары). В 640–650-х годах на Восточную Грузию нападают арабы; в 687 г. византийцы отвоевывают Картли, которую в 702 г. окончательно захватывают Омейяды. В конце VII в. арабы начинают покорять и Западную Грузию: в 695–696 гг. патрикий Лазики Сергей, сын Варнукия, восстал против императора и передал ее арабам (Theophanes 1883. Р. 370). В 708–709 гг. византийцы, еще контролировавшие город Фасис (Ibid. Р. 391) и поселившие там в 704–710 гг. армянского куропалата Смбата (Патканьян 1862. С. 25), вместе с армянами осадили Археополь, но перед лицом наступав-

ших арабов бежали в Фасис (Ibid. P. 393). Итак, согласно византийской историографической традиции (основанной на источнике начала VIII в.), после 711 г. в руках византийцев оставался лишь Фасис, в то время как остальной территорией Лазики (груз. Эгриси), равно как и Абхазией и Картли (Ibid. P. 391), владели арабы.

Иную картину рисует позднейший грузинский памятник – «Житие Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншеридани (XI в.; возможно, основывается на источнике X в.): перед походом арабского полководца Мурвана Кру (735–737 гг.) картлийский царь Стефаноз ушел вместе со старшим сыном Михром в Эгриси, а второй его сын – Арчил – прятал сокровища в Восточной Грузии. При наступлении Мурвана сыновья ушли в соседнюю Абхазию, в Анакопию, похоронив отца в Эгриси. После отступления Мурвана они вернулись; по смерти Михра Арчил выдал его дочерей за эриставов, которым раздал земли в Западной и Восточной Грузии, затем ушел из Эгриси в Самцхе и потом раздал азнаурам владения в Кахетии, приняв также на службу Адарнасе Багратиони (Метревели 2008. С. 108–112). Таким образом, у Джуаншера Арчил предстает как царь всей Грузии, от Гурии до Кахетии.

Однако в этом рассказе содержится ряд ошибок и противоречий: 1) Джуаншер объединяет в одно лицо Стефаноза II (637/642–650) и Стефаноза III (711–739), пропустив целых сто лет (из-за чего католикосом у него остается Табор); 2) появление Стефаноза в Эгриси выглядит у Джуаншера скорее как вынужденное бегство, чем как приход в свои исконные владения; 3) он вынужден всячески защищать права картлийских царей на Эгриси, прежде всего, от покушений правителя Абхазии (чья власть над Эгриси уже к началу 780-х годов не подвергалась сомнению), приводя явно фиктивные документы: два письма «греческого царя» братьям и Леону (с *vaticinium ex eventu* и описанием заслуг картлийцев по спасению Константинополя) и договор о вассальном подчинении Леона Арчилу; 4) из фресковой надписи в Атенском Сионе мы знаем, что Стефаноз III умер 14 октября 739 г. (Абрамишвили 1977), т.е. после похода Мурвана (эта надпись показывает несостоятельность для VII–VIII вв. хронологии К. Туманова, относящего Стефаноза III к 779–786 гг.: Toumanoff 1963. P. 389–412), и что он продолжал подчиняться византийцам и арабам, а не был самостоятельным правителем («в 21-й год правления боговен-

чанного... благочестивого царя нашего [Льва], в 121-й год владычества сарацин»).

В атенской надписи Стефаноз назван «владыкой, эриставом эриставов картвелов и мегрелов». Этот факт, вкупе с известиями Джуаншера, породил в современной историографии две концепции. Согласно одной (А.А. Богверадзе [III, 4] в: Лордкипанидзе, Мухелишвили 1988), Стефаноз занял место патрикия Лазики, получив от императора также права на Картли. Согласно другой (Мамулия 2010), в 709–739 гг. Грузия была объединена в одну административную единицу под началом картлийского эристава эриставов, находясь при этом под властью Арабского халифата.

Как же на самом деле выглядела политическая ситуация в Грузии 730-х годов? Действительно, Стефаноз получил корону от императора Филиппика, но титул «патрикия Лазики» исчез еще в 696 г., после перехода патрикия Сергия на сторону арабов: византийцы так и не смогли отвоевать Лазику ок. 711 г. Промежуточная же стадия – «апсильский патрикий» Марин – является историографическим мифом, появившимся из-за смешения двух персонажей у Феофана: «первого из апсильов» Марина, помогавшего Льву Исавру в 709 г., и патрикия Мариана, отца Евстафия, погибшего в 738 г. при взятии арабами крепости Сидирон (Theophanes 1883. Р. 394, 414). Этот Мариан (PMBZ. № 4754) был, очевидно, одним из носивших это имя византийских патрикиев (см.: PMBZ. № 4750, 4757) – скорее всего, упоминаемым у Феофана выше (Theophanes 1883. Р. 377) победителем арабов при Тиане в 706–707 гг. (PMBZ. № 4753).

Стефаноз, хоть и именовался «картлийским эрисмтаваром», всей Картли реально не владел – именно для ее отвоевания у арабов он и призвал в 729–730 гг. хазар, убивших арабского наместника Джараха (Силагадзе 1971. С. 107–108). Однако плоды этой победы были недолговечны: на смену тому сразу прибыл Маслама, а затем, в 732 г., – Мурван, который в 735 г. начал поход против хазар, затронувший всю Грузию. Точность описания этого похода в «Житии» также вызывает сомнения, т.к. некоторые его детали описаны иначе в независимом от сочинения Джуаншера «Мученичестве Давида и Константина» (XI в., основано на раннем источнике): воды Абаша разлились на пути Мурвана в Абхазию, а не на обратной дороге; под Анакопией картлийские прави-

тели потерпели поражение, а не одержали победу и др. (Цулая 1996. С. 113–114).

Реальным владельцем Картли и Эгриси Стефаноз мог бы быть лишь между 737 г., когда Мурван ушел из Грузии, и своей смертью в 739 г. Однако и на этот короткий промежуток падает еще один арабский поход – Сулеймана ибн-Хишама в 737–738 гг. (Theophanes 1883. Р. 411), который взял Сидирон кастрон (видимо, в верховьях Кодори), так что Стефаноз был вынужден признавать власть арабов до своей смерти, заигрывая при этом с византийцами. Таким образом, титул Стефаноза и описание Джуаншера являются не более чем претензией картлийских эрисмтаваров на власть над Картли и Эгриси.

Еще хуже обстоит дело с Арчилом. Сам его статус как эрисмтавара Картли сомнителен: его не упоминает в их числе «Обращение Картли» (Такайшвили 1989. С. 30), доводящее их список до начала IX в. Реальный Арчил был казнен арабским наместником ок. 786 г. (Тоуманов 1963. Р. 351), что делает маловероятным его эрисмтаварство в 740-х годах. В 750–760-е годы арабские наместники Армении Хасан ибн-Кахтаба и Язид ибн-Усаид продолжают военные действия на территории Восточной Грузии. Согласно Джуаншеру, ок. 764 г. сын Арчила Иоване, видимо, бежит в Эгриси, а другой сын – Джуаншер, попадает в плен к хазарам на 7 лет (Метревели 2008. С. 135–140). Вскоре после этого эрисмтаваром Картли (вероятно, вместо находившегося в плену Джуаншера) становится представитель рода Багратиони – Нерсе, который продолжает подчиняться халифу в Багдаде. Иоанн Сабанисдзе, автор «Мученичества св. Або» (Кекелидзе 1956), наделяет его отца Адарнасе титулом куропалата (который при этом не применяет к самому Нерсе), откуда возникла гипотеза о куропалатах Картли (Лордкипанидзе, Мухелишвили 1988). Однако «Летопись Картли» (Метревели 2008. С. 135–140) прямо сообщает, что Адарнасе был правителем не Картли, а Тао-Кларджетии, и титул куропалата (ставший впоследствии практически наследственным) получил впервые (и уже не в Картли) другой его сын – Ашот, с которого этот титул и был ошибочно перенесен на Адарнасе.

Точный статус Эгриси после 738 г. неизвестен, но, вероятней всего, ей владела Византия. В 774 г. сюда бежит после восстания против арабов Артавазд Мамиконян (Патканьян 1862. С. 116), ставший вскоре стратигом фемы Анатолик (Theophanes 1883.

Р. 386). В начале 780-х годов Эгриси была, согласно «Мученичеству св. Або», владением абхазского мтавара – вассала империи. Это подтверждается «Летописью Картли» (Метревели 2008. С. 140), которая связывает отпадение Абхазии и Эгриси от империи (ок. 787 г.) с помощью хазар, бывших до 780 г. ее союзниками.

Итак, мы видим, что ни до 739 г., ни после него эрисмтавары Картли не были реальными владельцами всей Грузии – в лучшем случае они могли контролировать части Картли и Эгриси в качестве арабских или византийских вассалов. Их власть сосредотачивалась в части Картли и Кахетии; в Эгриси же они вынуждены были убегать от арабов. Но претензии их, возникшие в период междувластия VII–VIII вв., все равно простирались на обе стороны Лихского хребта. Эту идею охотно подхватила придворная история объединенного Грузинского царства в XI в., цари которого восходили к Ашоту Багратиони, сменившему последнего Хосроида – Джуаншера.

Литература

- Theophanis chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1.
Tothmanoff C. Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963.
Абрамишвили Г.В. Фресковая надпись Стефаноза мампала в Атенском Сионе. Тбилиси, 1977.
Кекелидзе К.С. Памятники древнегрузинской агнографической литературы. Тбилиси, 1956. С. 31–62.
Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1988. Т. 2 / Под ред. М. Лордкипанидзе и Д. Мухелишвили.
Мамулия Г. Очерки по истории церковно-политического объединения Грузии (VIII–XI вв.) // Prometheus. 2010. № 6 (<http://www.chechen.org/page,5,403-prometheus-6.html>).
Картлис цховреба. История Грузии / Глав. ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008.
История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века / Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862.
Силагадзе В. К датировке «защитной грамоты» Хабиба ибн-Масламы // Мацне. 1971. № 1 (на груз. яз.).
Обращение Грузии / Пер. Е.С. Такайшвили. Тбилиси, 1989.
Цулая Г. Из истории грузинской агнографии: «Мученичество Давида и Константина» // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 104–115.
PMBZ – Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. B., 1998. Bd. 1.

**КЕЛЬТСКИЕ МИГРАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЕ
НОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
НА БАЛКАНАХ И В МАЛОЙ АЗИИ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ**

Переселения кельтских племен в IV–III вв. до н.э. из Центральной Европы на юго-восток явились чрезвычайно важным фактором политического развития и этнических перемен как в самом античном мире, так и в периферийных по отношению к нему варварских обществах Европы, а отчасти и Азии (о сущности кельтских миграций см. наиболее подробно: Strobel 1996. S. 153–156). Исторические судьбы кельтов, обосновавшихся в Восточной Европе и Анатолии, оказались во многом различными. Задача данной работы – выявить присущую кельтским государственным объединениям в этих регионах специфику, которая, вне всякого сомнения, во многом явилась следствием конкретного проявления миграционного и военно-политического факторов

Государственные образования кельтов на Балканах выглядят довольно аморфными и «трудноуловимыми» для фиксации как письменной традицией, так и посредством интерпретации археологических материалов. Письменные источники сообщают о внезапном возникновении кельтских «царств» на Балканах вскоре после неудачного завершения походов Бренна. Под предводительством Комонтория часть кельтов поселилась во Фракии, создав «государство» с центром в Тиле, взимавшее дань с Византии и других греческих городов. Наибольшего расцвета кельтское царство во Фракии достигло при Каваре, своем последнем правителе, однако в 213 г. до н.э. оно было уничтожено фракийцами (Polyb. IV. 46. 1–5). В районе слияния Дуная и Савы расселились скордиски (Just. XXXII. 3. 6), делившиеся, по данным Страбона, на «больших» и «малых» (VII. 5. 12). Северо-западнее скордисков источники фиксируют таврисков, ареал которых непосредственно соприкасался с массивом кельтских племен Центральной Европы.

Степень политической организации других кельтских племен региона (бритолаги и др.) источники выявить не позволяют.

Археологические данные позволяют рассматривать расселение кельтов на Дунае и во Фракии в несколько ином свете. Они, в частности, дают основания говорить о постепенной инфильтрации кельтов в местную иллирийскую и фракийскую среду, наиболее ранние этапы которой относят к концу V – IV в. до н.э. (Guštin 2011. Р. 123). В дальнейшем происходило этническое смешение пришлого и местного населения, усиливавшееся благодаря как массированным переселениям и военным походам кельтов, так и установившимся впоследствии интенсивным социальным связям и образовавшимся политическим союзам. Так, например, тавриски возглавляли коалицию дунайских племен, в которую входили как кельтские (латобики), так и иллирийские (яподы, либурны) племена. Памятники материальной культуры таврисков, так называемая группа Мокроног, демонстрируют смешение центральноевропейских латенских и автохтонных традиций (Guštin 2011. Р. 121). То же самое касается и скордисков, о смешении которых с иллирийцами и фракийцами прямо говорит Страбон. Этот же автор обращает внимание на то, что тавриски и их союзники бойи были истреблены даками, однако со скордисками последние нередко вступали в союз (Strabo. VII. 5. 8–9).

Во Фракии, по-видимому, также имело место смешение кельтов с местным фракийским населением. В III в. до н.э. латенская культура представлена здесь исключительно случайными находками, импортами в местных погребениях, а также погребальными памятниками, культурная принадлежность которых является дискуссионной. Интересное явление представляет собой латенизированная группа Падеа-Панагьюрски Колонии, распространившаяся на территории современной Болгарии и Румынии во II–I вв. до н.э. Ее памятники рассматриваются как результат формирования единой культуры местной воинской элиты кельтского и дакийского происхождения, которая принадлежала различным племенам (Rustoiu 2005).

К сожалению, о социальной и политической жизни кельтских племен на Дунае письменные источники практически ничего не

сообщают, и лишь отчасти это молчание могут компенсировать данные археологии и нумизматики. Во Фракии еще в III в. до н.э. кельты использовали местные эллинистические поселения и эмпории для производства украшений в латенском стиле и чеканки собственных монет (Emilov 2007). Особо должны быть отмечены монеты Кавара (см. несколько статей в сборнике: *In Search of Celtic Tylis* 2010). На Дунае известны главным образом могильники таврисков (Мокроног, Михово, Ново Место) и скордисков (Купиново, Белград-Карабурма). Античные авторы упоминают «города» таврисков и скордисков – Навпорт, Георта, Капедун. В позднелатенское время действительно отмечается появление протоурбанистических центров, например, укрепленных поселений скордисков – Градина, Гомолава и Жидовар (Jovanović, Porović 2001. Р. 340–345), однако по масштабам они не сопоставимы с оппидумами Центральной Европы и Галлии. О процессах формирования государственных структур свидетельствует изготовление таврисками и скордисками собственных серебряных монет, которые, правда, представлены исключительно наследованиями эллинистической чеканки.

Ситуация в Малой Азии сложилась во многих отношениях иначе. Переселение сюда галатов состоялось «одномоментно» зимой 278/77 г. до н.э. двумя потоками через Боспор Фракийский и Геллеспонт. По завершении периода «завоевания родины», занявшего около десятилетия, галаты осели в центральной части полуострова, где, согласно Страбону, сохранили традиционное (?) деление на три основных племени – толистобогии, тектосаги и трокмы – и на тетрархии (Strabo. XII. 5. 1), хотя известны по единичным упоминаниям и другие племена (Freeman 2001. Р. 65–77). Во II в. до н.э. имеет место стремление отдельных галатских тетрархов к единоличному правлению (Polyb. XXII. 21), которое уже на излете галатской независимости привело к оформлению царской власти Дейотара и его преемников.

Любопытно, что в греческой письменной традиции европейские кельты именуются как кельтами, так и галатами, тогда как к отселенцам в Азию применяется только последний этноним; римские же авторы иногда называют их галлогреками. Несмотря

на то, что численность переселившихся в Малую Азию галатов была невелика (20 тыс., из них только половина – взрослые мужчины-воины: Liv. XXXVIII. 16. 8; эти данные нередко оцениваются как заниженные), они сохранили достаточно устойчивый ономастический фонд (Freeman 2001. P. 23–77: перечислено 77 галатских имен, зафиксированных в эллинистическом мире; этот список может быть несколько расширен). Видимо, в Анатолии имела место «галатизация» местного (преимущественно фригийского?) населения (Strobel 2009. P. 119), а обратное этническое воздействие было менее ощутимым.

Галаты, тем не менее, восприняли малоазийскую поселенческую систему – крепости, расположенные, как правило, на стратегически важных высотах и контролирующие систему коммуникаций и прилегающие сельскохозяйственные территории; в I в. до н.э. в них прослеживаются элементы эллинистической архитектуры и фортификации (Mitchell 2003. P. 291; Strobel 2009. P. 127–128). Городская жизнь в Галатии развивалась, хотя и не слишком активно, на базе центров предшествующего времени – прежде всего, Анкиры, Пессинунта и Тавия (Strobel 2009. P. 128–131; о кельтских топонимах в Малой Азии см.: Freeman 2001. P. 83–88). Латенские находки в Малой Азии не столь многочисленны, как, к примеру, во Фракии: они представлены фибулами, украшениями, редко – предметами вооружения. Часть их, несомненно, следует связывать с присутствием в различных районах полуострова галатских наемников. Известны также галатские погребения, в том числе и в соседних Вифинии и Пафлагонии (Firatlı 1965). Собственной монеты здесь не чеканилось вплоть до I в. до н.э. – очевидно, потребности галатского общества в денежных средствах восполнялись как за счет оплаты наемников, так и посредством использования монет соседних государств.

Все вышесказанное дает основания заключить, что серьезные различия в социально-политическом развитии галатских государственных объединений на Балканах и в Анатолии определялись несколькими факторами. Во-первых, это разный характер появления и закрепления кельтов на вновь обретенных землях. Если во Фракии и бассейне Дуная эти процессы имели в основном

стихийный характер, то в Малой Азии как само появление галатов, так и их расселение в центральной части полуострова организовывались и в определенной степени направлялись эллинистическими правителями (цари Вифинии и Понта, Антиох I). Во-вторых, если эллинские влияния на балканских кельтов были связаны почти исключительно с греческими полисами Левого Понта, то малоазийские галаты находились в плотном окружении эллинистических государств, оказывавших на них разнообразное культурное и политическое воздействие, которое усваивалось довольно активно, но избирательно. В-третьих, балканские кельты поддерживали тесные и разнообразные контакты с племенами, стоявшими примерно на таком же уровне социально-политического развития, а частично и близкими им в этническом отношении. Галаты же в Малой Азии, будучи абсолютно чужды по происхождению местному населению, к тому же многократно превосходившему их численностью, судя по всему, сохранили определенную «этническую независимость» от других анатолийских народов – несмотря на адаптацию некоторых элементов материальной и духовной жизни. Все перечисленные обстоятельства в конечном итоге предопределили «растворение» балканских кельтов, не создавших устойчивых государств, в их племенном окружении. И, напротив – галатам в Азии удалось сохранить основные черты этнокультурной идентичности вплоть до эпохи поздней античности, что, однако, не воспрепятствовало их постепенной эллинизации и романизации. Развитие же ими государственных структур стало одним из факторов, обеспечивших «мягкую» провинциализацию Галатии в 25 г. до н.э.

Литература

- Emilov J.* The La Tène finds and the indigenous communities in Thrace. Interrelations during the Hellenistic period // *Studia Hercinia*. 2007. N 11. P. 57–75.
- Jovanović B., Popović P.* Les Scordisques // *Les Celtes*. P., 2001. P. 340–347.
- Firatli N.* Two Galatian Tumuli in the Vicinity of Bolu // *American Journal of Archaeology*. 1965. Vol. 69, No 4. P. 365–367.
- Rustoiu A.* The Padea-Panagjurski Kolonii Group in south-western Transylvania (Romania) // *Celts on the Margin. Studies in European Cultural In-*

- teraction 7th Century BC – I Century AD, Dedicated to Zenon Woźniak. Krakow, 2005. P. 109–119.
- Guštin M.* On the Celtic tribe of Taurisci. Local Identity and Regional Contacts in the Ancient World // The Eastern Celts. The Communities between the Alps and the Black Sea. Koper; Beograd, 2011. P. 119–128.
- Mitchell S.* The Galatians: Representation and Reality // A Companion to the Hellenistic World / Ed. by A. Erskine. Oxford, 2003. P. 280–293.
- Strobel K.* Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. B., 1996. Bd. 1: Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien I.
- Strobel K.* The Galatians in the Roman Empire. Historical Traditions and Ethnic identity in Hellenistic and Roman Asia Minor // Ethnic Constructs in Antiquity. Amsterdam, 2009. P. 117–144.
- In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C. BC). Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia, 8 May 2010 / Ed. by L. Vagalinski and S. Rodway. Sofia, 2010.
- Freeman P.* The Galatian Language. A Comprehensive Survey of the Language of the Ancient Celts in Greco-Roman Asia Minor. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2001.

Н.Ю. Гвоздецкая

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЙНЕ И МИРЕ В «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ НАРОДА АНГЛОВ» БЕДЫ ДОСТОЧТИМОГО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА АНГЛО-САКСОВ

Представления о войне и мире сыграли немалую роль в формировании новой этнической и политической общности англо-саксов на завоеванной территории (Шервуд 1988. С. 224). Тем более интересно обратиться к истокам формирования этих представлений после переселения англо-саксов с континента на материке наиболее ранних источников.

Чем бы ни было на деле «пришествие» англо-саксов в Британию (*Adventus Saxorum*) – серией внезапных военных актов или процессом мирного взаимодействия пришельцев с местным бритто-романским населением – первый историк англо-саксов Беда Досточтимый предпочел, следуя своему бриттскому собрату Гильде Премудрому, представить эти события как ряд опустошительных набегов (I: 15)^{*}. Мотивы Беды, на первый взгляд, кажутся самоочевидными: современные ему короли утверждали свою власть в непрерывных войнах, да и Гильда дал Беду повод оправдать вторжение сородичей как «мщение Божие» «погрязшему в грехе» народу бриттов. Тем не менее одна ссылка на реальность или риторические заимствования не дает убедительного объяснения. Думается, что разгадку следует искать в ментальных стереотипах эпохи, формировавшихся путем скрещивания античных, библейских и героико-эпических представлений о войне и мире. Думается, что войны, в дальнейшей перспективе, могли способствовать единению Англии в той мере, в какой память о них перерабатывалась согласно сложившимся культурным установкам.

Наиболее ранним источником, позволяющим реконструировать указанные представления, является «Церковная история народа англов». Примечательно, что скрытую аллюзию на сочинение Беды содержит поэтическая «Битва при Брунанбурге», уподобляющая победу западных саксов над скоттами и викингами в 937 г. победе над валлийцами тех «*Engle and Seaxe*», о ком повествуют «книги, старые мудрецы» (строки 68–73). А триста лет спустя английский клирик Лаямон в аллитерационной поэме об истории Британии назовет Беду англоязычным автором, приписав латинский оригинал его труда св. Альбину и св. Августину (Смирницкий 1953. С. 45). Коллективная память явно превращает Беду в носителя англо-саксонской ментальности. Поэтому представления о войне и мире, отразившиеся в «Церковной истории», можно в значительной мере рассматривать как отзвук культурной атмосферы, который находит продолжение в последующие века формирования английского национального и политического самосознания. Риторическое сознание Беды, изученное в плане средневековых литературных традиций (Ненарокова 2003), представля-

ет интерес также в плане представлений эпохи Беда. Обратимся к примерам.

Верно, что ряд пассажей «Церковной истории», описывающих вторжение англо-саксов в Британию, кажется переписанным из труда Гильды Премудрого. Однако Беда по-иному расставляет акценты в отношении противников бриттов. У Гильды саксы охарактеризованы еще более яркими уничижительными терминами, чем скотты и пикты, что позволяет ему подчеркнуть не только жалкое положение, но и неразумие бриттов, пригласивших таких помощников. У Беда в характеристике англо-саксов подобные метафоры «приглушены» в большей мере, чем при описании северных народов, ибо его цель – не пристыдить бриттов, но косвенно оправдать своих соотечественников. Беда исключает прямые инвективы Гильды – «дичайшие, нечестивого племени саксы», «восточные святотатцы», «жесточайшие хищники» (Гильда 2003. С. 264–267), – ограничиваясь библейской метафорикой очистительного огня (I: 15). Вместе с тем Беда включает в свой рассказ мифопоэтическую родословную германских вождей («они были сыновьями Витгисля, сына Витты, сына Векты, сына Воде-на, к которому восходят правящие роды многих провинций» (I: 15), призванную, по-видимому, подчеркнуть достоинство завоевателей, – заметим, что с бриттской стороны родословных нет, упомянуты лишь родители римского вождя бриттов Амвросия Аврелиана, «носившие царское имя» (I: 16). А «свирепость» англо-саксов трактуется далее как частное мнение римских миссионеров, которые испытывали страх перед народом, «говорившим на непонятном для них языке» (I: 23).

Таким образом, англо-саксонское завоевание Британии происходит, согласно Бедe, не по желанию народа англов, но по воле Божией («Праведный Судия определил, чтобы огонь свирепого вторжения...» и т.п. – I: 15), предвосхищая их крещение миссией папы Григория, который тоже был движим «Божественным научением» (I: 23). Сходным образом трактуются завоевательные войны Эдильфрида, объединителя Нортумбрии, «который теснил бриттов сильнее, чем все прочие правители англов» (I: 34). Прославлению Эдильфрида служат, с одной стороны, хвалебные эпи-

теты («сильнейший и славнейший»), в которых исследователи справедливо усматривают отголосок устно-эпической песни о деяниях этого короля (Беда 2001. С. 264), с другой – прямое сравнение его с библейскими фигурами Саула и Вениамина (I: 34). Последнее позволяет Бедe решить двойную задачу: остаться в пределах ветхозаветной риторики, уместной для оправдания воинственности короля-язычника (Саул в отличие от Давида), и косвенно ввести аллюзии новозаветные, отсылающие к обращению в христианство Эдвина, преемника Эдильфрида (Вениамин – брат Иосифа Прекрасного, служившего прообразом Христа, а их мать Рахиль – прообраз христианской Церкви). Для Беды характерно теологическое видение истории (Зверева 2008. С. 147), и можно усомниться в том, что оправдание Эдильфрида вызвано одним нортумбрийским патриотизмом Беды (Беда. С. 333).

Для Беды важен, прежде всего, религиозный смысл войн, и потому наступательные действия саксов получают иную, более негативную оценку, когда им противостоит в сражении не один народ бриттов, но святые предстоятели Герман и Луп, прибывшие из Галлии, вместе с которыми на сторону бриттов «встал сам Христос» (I: 20). При этом Беда подчеркивает, что «победоносные понтифики одолели врага без пролития крови, одержав победу верою, а не силой» (I: 20). В целом, войны по завоеванию Британии оцениваются соответственно будущей роли завоевателей в христианизации Англии. Наиболее значительную роль сыграют римские проповедники – и в римском завоевании Британии, начиная от Юлия Цезаря, акцентируется цивилизаторская миссия римлян, военное и инженерное искусство, которое позволило им без труда овладеть страной и даже защищать бриттов от северных соседей. Напротив, пикты и скотты представлены «варварами», которые в бою ведут себя как дикие звери (I: 12–13), чем предвосхищается их дальнейшее еретическое отступление от обычаев вселенской церкви, связанное с датой празднования Пасхи. И это также служит косвенным приемом «героизации» завоевательных действий англо-саксов как народа не столь варварского, ибо предуготованного к крещению.

Неоднозначно трактуются в «Церковной истории народа англов» и войны оборонительные. Неудачи обороны бриттов связываются в тексте не только с их малой сообразительностью, трусостью и склонностью к внутренним смутам, но и с такими «преступлениями», как еретические заблуждения и нежелание научить вере народы англов и саксов (I: 10, 17, 22). Беда ничуть не сочувствует монахам из Бангора, вынужденным обороняться против язычника Эдильфрида, ибо видит в его действиях Божий суд над бриттскими иерархами, которые отказались соединиться с римской миссией св. Августина (II: 2). Таким образом, по Беде, не всякая оборона оправдана, если расходится с волей Божией. С другой стороны, «Церковная история» дает пример нового евангельского отношения к обороне, противоречившего героическому кодексу поведения. Король восточных англов Сигеберт, оставивший трон, дабы «воевать ради стяжания вечного царства» в монастыре, отказался взять в руки что-либо кроме посоха, когда прежние товарищи попросили его «отправиться с ними на битву для воодушевления войска» (III: 18). Здесь явно акцентируется столкновение ментальностей, ибо дружинники вывели короля «на битву в надежде, что воины не убоятся врага и не побегут, если среди них окажется тот, кто был их отважнейшим и славнейшим вождем», а король «помнил о прошлом и был окружен сильным войском» (III: 18). Правда, Беда воздерживается как от порицания дружинников, так и от похвалы бывшему королю. Однако метафора монашеского служения как духовного сражения, неоднократно появляющаяся в «Церковной истории», не позволяет сомневаться в одобрительном отношении Беды к поведению Сигеберта. По-видимому, этот эпизод создаст в дальнейшем прецедент для канонизации св. Эдмунда, отказавшегося от обороны во время нападения викингов на Восточную Англию.

Сложный комплекс составляют в «Церковной истории» и представления о мире. Так, в противостоянии соправителей Освиу и Освина Беда встает на сторону последнего (поскольку тот «оставил мысль о войне» и доверился противнику), чем утверждает ценность мирного разрешения конфликтов. С другой стороны, король Освин, дошедший до крайней степени смирения,

вскоре, по пророчеству св. Айдана, «похищается» из этой жизни, ибо «народ недостойн такого правителя» (III: 14). Мир в труде Беда, в отличие традиционного германского «перемирия», обретает ценность, будучи насыщенным неким значительным содержанием: величие мирного правления короля Эдвина, обрисованного красочными образами («женщина с грудным младенцем на руках могла пройти через весь остров...» – II: 16), создается величием его деяний – крещением Нортумбрии. Напротив, «состояние мира», к которому привыкло новое поколение бриттов после возвращения в Галлию св. Германа, оказалось чревато «истреблением остатков истины и справедливости» (I: 22). Думается, что дальнейший анализ особенностей нарратива и риторики Беда Досточтимого позволит обнаружить в его представлениях о войне и мире новые оттенки, содействовавшие сплочению англосаксов в единое политическое целое.

Примечание

* Здесь и далее римская цифра указывает номер книги в «Церковной истории народа англów», арабская цифра – номер главы в книге.

Литература

- Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англów / Пер., вступ. ст. и примеч. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001.
- Гильда Премудрый.* О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вступ. ст. и примеч. Н.Ю. Чехонадской. СПб., 2003.
- Зверева В.В.* «Новое солнце на Западе». Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008.
- Ненарокова М.Р.* Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. М., 2003.
- Смирницкий А.И.* Хрестоматия по истории английского языка. М., 1953.
- Шервуд Е.А.* От англосаксов к англичанам. М., 1988.

ЗАСЕЛЕНИЕ ИСЛАНДИИ КАК ПРИМЕР СРЕДНЕВЕКОВОЙ МИГРАЦИИ*

Насколько позволяют письменные источники – «Книга об исландцах» Ари Торгильссона (ок. 1123 г.) и «Книга о занятии земли» (старшая, несохранившаяся редакция ок. 1130 г.), – а также скудные археологические материалы, история заселения Исландии скрупулезно реконструирована и описана исследователями. Заселение и освоение Исландии ок. 870–930 гг. может рассматриваться как пример миграции большой группы средневекового населения, которая успешно осуществилась благодаря благоприятному стечению целого ряда факторов.

1. Наличие свободной, не занятой другим населением территории, пригодной для переселения. Остров Исландия, расположенный на севере Европы в Атлантическом океане на границе с Арктикой, был необитаем. Однако с конца VIII в. его периодически посещали разрозненные малочисленные группы ирландских монахов, искавших уединения. Их присутствие здесь археологически не прослеживается, однако оно засвидетельствовано в «Книге об исландцах» Ари Торгильссоном, по словам которого с появлением переселенцев христианские отшельники покинули остров (The Book of the Icelanders. P. 48).

Новая территория как объект для переселения была относительно легко доступна: при попутном ветре из Норвегии туда можно было доплыть за несколько дней.

Остров располагал ресурсами, позволявшими обеспечить мигрантам приемлемые (если не лучшие, по сравнению с исходными) условия жизни: наличие в прибрежной полосе земли, где обильно росла трава, равно как и зеленые долины, предоставляли возможность для разведения домашнего скота; обилие источников обеспечивало пресной водой; океан и многочисленные места гнездования птиц позволяли добывать пищу. На всем острове – не только на юге, но и на севере – был достаточно благоприятный кли-

мат, а возможность почти круглогодичного плавания вдоль берега гарантировала коммуникацию между отдельными его частями.

2. Получение и распространение в обществе предварительной информации о заселяемой территории. В источниках сохранились сведения о том, что еще до заселения на острове побывали мореплаватели из разных регионов Скандинавии. Считается, что первым там побывал норвежец Наддод, который плыл на Фарерские острова, но сбился с пути и пристал к острову, который и назвал Исландией («Страной льда»). Некоторые из мореплавателей, как, например, швед Гардар Сваварсон или норвежец Флоки Вильгердарсон, пытались там обосноваться, но по разным причинам не сумели. Первыми поселенцами в Исландии стали норвежцы Ингольв Арнарсон и его родич, рано умерший Хьёрлейв Хродмарссон, обосновавшиеся соответственно в районе современных городов Рейкьявик и Вик. Ингольв и Хьёрлейв прибыли на остров со своими семьями лишь после того, как побывав там за год до переселения, они подготовились к переезду на новое место. Можно полагать, что имена многих других мореплавателей, которых непогода и бурное море забрасывали на остров, не дошли до нас. Однако и имеющиеся сообщения дают достаточно оснований предполагать, что сведения о пустынном острове в океане, располагающем всем, что необходимо для жизни, могли получить на европейском севере, в частности в Норвегии, широкое распространение.

3. Возникновение ситуации, вынудившей большую группу населения сняться с места и переместиться на другую территорию. Современные исследователи видят причину, обусловившую миграцию из Скандинавии, в нехватке на полуострове земли, пригодной для обработки и способной прокормить население. Средневековые письменные памятники предлагают иное объяснение: «Книга о занятии земли» рассказывает, главным образом, о переселенцах и членах их семей, бежавших на остров из Норвегии от тирании конунга Харальда Прекрасноволосого. Так же причина миграции сформулирована Снорри Стурлусоном в саге, посвященной этому конунгу (Снорри. С. 52).

Источники, однако, мало сообщают о мигрантах из других мест, в частности о выходцах из населенных скандинавами районов Британских островов (из так называемой «Области Датского права», из Ирландии, Западной и Северной Шотландии, где скандинавы уже смешались с кельтами и пиктами). На археологическом материале кельтский компонент населения Исландии не прослеживается; мало следов (лишь несколько слов) он оставил и в исландском языке. По новейшим антропологическим данным, кельты участвовали в формировании раннего населения Исландии (их доля могла составлять от 5 до 20%). В большинстве случаев причины их переселения (за исключением их появления на острове в качестве рабов) неясны.

4. Наличие в этой группе лидеров, которые взяли бы на себя ответственность за переезд, обустройство на новом месте и дальнейшее жизнеобеспечение людей, снявших с насиженных мест вместе со своими стариками и детьми.

Названная Снорри Стурлусоном причина отъезда норвежцев, бежавших от притеснений королевской власти, позволяет считать, что массовая миграция из Норвегии была организована представителями богатых семей, которые больше других теряли при проведении агрессивной политики конунга Харальда Прекрасноволосого. Они переселялись целыми большими семьями после основательной подготовки. Переселенцы первой волны, имена около 400 из которых упомянуты в «Книге о заселении страны», везли с собой не только свой домашний скarb и хозяйственную утварь, но также орудия труда, скот (овец и лошадей) и птицу, зерно для посева и семена растений, возможно, строительный лес.

5. Занятие земли, воспроизведение на новом месте условий жизни и социальных институтов, сходных с теми, что были на родине. Вероятно, прибывшие на одном корабле переселенцы, многие из которых были связаны родственными узами, составляли общину, во главе которой стоял вождь (предводитель). Вождем обычно становился (нередко выборным путем) влиятельный и знатный человек, который на ограниченный период получал право управлять жизнью общины и устанавливать правила, регламентировавшие повседневные отношения, выполнял админис-

тративные и религиозные функции. Если его деятельность удовлетворяла членов общины, он мог быть переизбран вновь. Вождь «занимал» землю, размер «взятой земли» мог быть достаточно большим вследствие того, что остров не был обитаем. Земля распределялась между членами своей территориальной общины. Часть земли переходила в личное пользование отдельных семей; на ней из торфяных блоков возводились жилища и хозяйственные строения, крыша крылась дерном. Возделываемые земли и места содержания домашнего скота также были в частной собственности. Значительная часть территории общины (пастбища, водные угодья, места рыбной ловли, леса, сенокосные луга), а также киты и все, что выбрасывалось морем на берег, находились в общественном пользовании. Земли людей, совершивших преступление и объявленных «вне закона», также становились собственностью общины. Между вождем и членами общины в этот период не было явных социальных различий: вождь и члены его семьи выполняли повседневную работу в своем хозяйстве наравне с другими членами общины.

6. Начало формирования религиозно-административной элиты среди поселенцев. Среди крупных свободных бондов выделялись те, кто обладал наиболее широким влиянием в своей округе, в первую очередь, благодаря отправлению ими религиозных функций (содержание местного языческого храма, проведение праздничных и других ритуалов), которые постепенно начинают совмещаться с функциями администрирования. В должности годи (годи, от др.-исл. годб «бог») человек мог оказаться различными путями: первоначально он мог лишь быть избранным, позднее он мог также получить должность по наследству либо купить ее. Иногда должность делилась между несколькими лицами, которые выполняли функции годи по очереди. Влияние годи распространялось на определенную территорию – годорд. Три годорда составляли тинговую область, где проводились местные собрания – тинги. Отношения между годи и членами годорда строились на основе договора, который мог быть расторгнут каждой из сторон. Каждый человек мог иметь договор только с одним годи. В источниках упоминается о том, что должность годи предостав-

ляет конкретному лицу «власть, а не богатство». В то же время она, несомненно, давала ему ряд преимуществ, выразившихся в получении платы за свои услуги, участии в перераспределении имущества и доходов общины, организации праздников и пиров, повышавших статус годи, приобретения права решающего голоса в решении тяжб. Однако на этапе заселения едва ли еще можно говорить о четкой стратификации общества, за исключением деления на свободных общинников и рабов.

Вероятно, в противовес усилению роли годи и как проявление стремления исландцев к независимости и самоуправлению возникла такая специфически исландская форма примитивного общественного объединения, как хрепп, который объединял владельцев двадцати и более хозяйств, плативших сбор на участие в тинге. Члены хреппа решали вопросы, связанные с оказанием взаимной помощи в периоды голода из-за неурожая или падежа скота, после стихийных бедствий, пожаров и т.п., независимо от годи

Таким образом, к концу «эпохи заселения» в основном сформировался жизненный уклад, который в течение нескольких веков будет оставаться неизменным.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта № 12-31-08018 «Возникновение и становление Древнерусского и других средневековых государств: компаративное исследование» по целевой программе РГНФ «1150 лет российской государственности».

Источники и литература

- Глазырина Г.В. Исландия. История // Новая российская энциклопедия. М., 2009. Т. 7, ч. 1. С. 201–206.
- Снорри Стурлусон. Круг земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии. Л., 1967.
- Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson. Reykjavík, 1968. (Íslenzk Fornrit 1).
- The Book of the Icelanders by Ari Thorgilsson / Ed. and transl. with an introductory essay and notes by Halldór Hermannsson. Ithaca (N.Y.), 1930.

РОЛЬ И НАЗНАЧЕНИЕ ГЕОГРАФИИ В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТРАБОНА

«География» Страбона, созданная на рубеже нашей эры и сохранившаяся в очень значительной своей части практически целиком, написана как своеобразное практическое руководство для начинающего (но не только начинающего) государственного деятеля, что неоднократно подчеркивается географом в тексте сочинения (Strab. I, 1, 1; 14; 16; 17; 18; 21–23; II, 5, 1). Из идеологической направленности и самого духа сочинения очевидно, что деятель этот должен быть политиком проримского толка, всячески способствующим сохранению и упрочению проримских политических традиций и самого Римского государства (Strab. II, 5, 26; III, 2, 15; 3, 8; 4, 20; IV, 1, 5; 12; 14; 3, 2; 4, 2; 5; 13; V, 3, 7; VI, 4, 1–2; XVII, 3, 15; 24 и др.).

«География» написана в параллель ранее созданным Страбоном «Историческим запискам» с едиными для обоих сочинений целями, планом, принципами изложения и адресатом, что подчеркивается самим географом (Strab. I, 1, 19; 23; II, 1, 9; XI, 9, 3).

Обосновывая необходимость создания своего нового сочинения и его актуальность, Страбон в качестве основной его цели обозначает пользу и нужность его для государства, рассуждая об этом достаточно часто и подробно (Strab. I, 1, 1; 14; 16–19; 22; 23; II, 5, 13; 17–18 и др.). Показательно, что наиболее часто используемая Страбоном лексика несет в себе в подавляющем большинстве случаев именно нерасчлененную идею полезности-нужности. Не скрывает Страбон и дидактико-прагматической направленности своего сочинения. И в том, и в другом он солидарен с Полибием, с его «прагматической историей» и рассуждениями о необходимости для истории быть полезной.

Впрочем, проблему полезности в отношении государства активно обсуждал еще Аристотель в «Политике», упрекавший авторов книг по вопросам политики в том, что они пренебрегают

полезным. По Аристотелю, следует заниматься рассмотрением не только наилучшего государственного строя, но и строя возможного, а также того, который легче ввести для всех государств (Arist. Pol. IV, 1288b).

«Пользу уже установившегося правления» полагает целью законов Платон (Plat. Leg. 714c) – мысль очень близкая Страбону. Устами софиста Фрасимаха Платон озвучивает идею о том, что любая власть издает законы исходя из пользы и объявляет их справедливыми (Plat. Resp. 338e–339a).

Не отрицая важности, нужности и полезности элементарных географических познаний в обыденной жизни обыкновенных людей (Strab. I, 1, 1; 17; 22 и др.), Страбон, тем не менее, с совершенной определенностью заявляет, что «географ пишет географическое описание не для местного жителя, а также не для такого политика» (Strab. II, 5, 1), который не имеет достаточного образования, в особенности, математического, «и конечно же не для жнеца и землекопа, но лишь для [человека], которого можно убедить, что вся земля находится в том состоянии, о котором говорят математики, и в других [сведениях], относящихся к подобного рода гипотезе» (Ibid.). По мнению Страбона, «географ внушает приступающим [к географии], чтобы они сначала освоили те [т.е. математические проблемы. – Л.Г.], а [потом уж] рассматривали последующие [т.е. географические. – Л.Г.]. Ведь [географ] говорит, что он будет повествовать только о выводах, [следующих из математических выкладок], так что *основательную пользу* от переданных [сведений] получают скорее те, кто будет слушать будучи математически хорошо подготовленными» (Ibid.). Тем же, кто такой подготовки не имеет, Страбон вообще отказывается излагать географию (Ibid.; ср. I, 1, 12). Таким образом, адресат «Географии» должен быть достаточно образован (Strab. I, 1, 1; 12 и др.), в частности, иметь необходимые, но не избыточные (Strab. I, 1, 14; 16; 20–21; 22; II, 5, 1 и др.) познания в математике.

Рассуждая о полезности географического знания вообще, Страбон особо подчеркивает эту полезность для нужд государства. Отмечая, что «земля и мир, где мы обитаем – это поле деяний: для малых – малое, для больших – большое, а для величайших –

всеобъемлющее», называемое «ойкуменой», Страбон приходит к выводу, что «величайшие из полководцев» – это те, «кто может властвовать на суше и на море, объединяя народы и государства под единой властью и политическим руководством: поэтому ясно, что вся география имеет отношение к деяниям правителей» (Strab. I, 1, 16).

Если польза (нужность) географии в мелких делах, например, в охоте очевидна, то в больших делах, к которым Страбон, в первую очередь, относит военные, она еще более очевидна (Strab. I, 1, 17; ср.: I, 1, 13). А поскольку военные дела входят в компетенцию правителей, то и «большая часть [географии]... имеет отношение к жизни и нуждам (пользам) правителей» (Strab. I, 1, 18).

Таким образом, географ подчеркивает политическую направленность своей «Географии». Эта политическая направленность в основном носит сугубо практический характер: Страбон описывает географическое пространство как поле действия исторических проявлений, во главе основной массы которых стоят правители государства. И все представленные фактологические географические сведения, будь то топонимика, оронимика или гидронимика, описание природных явлений или климатических и ландшафтных условий той или иной местности, этнологические экскурсы, сведения о разного рода границах и способах их определения, информация по физической географии и физико-географическому районированию и т.д. даются с позиций их возможной полезности (нужности) будущему (и не только будущему) правителю.

Следует отметить, что, несмотря на декларативные заявления Страбона о ненужности (в соответствии с представлениями «нашей школы», т.е. стоиков) поиска «причин» (Strab. I, 1, 21; II, 3, 8 и др.), он все же уделяет значительное место установлению разнообразных причинно-следственных связей при написании географического сочинения – в частности, в обосновании важности, нужности и преимуществ такого рода сочинения *для воспитания идеального правителя проримского толка*.

Политическая направленность «Географии» подчеркивается и отвлеченно философским рассуждением Страбона о политических устройствах, которое он счел нужным ввести в текст первой,

«теоретической» книги своего сочинения (Strab. I, 1, 18). Несколько страницами позже географ сочтет нужным добавить: «Итак, создавши “Исторические записки”, полезные, как мы полагаем, для этической и политической философии, мы решили добавить и это сочинение (т.е. “Географию”. – Л.Г.): ведь оно одинаково по форме [с “Историческими записками”] и [предназначено] для тех же мужей, в основном для тех, кто [вращается] в высших сферах» (Strab. I, 1, 23). Рассуждения об «этической и политической философии» Страбон считает вполне уместными и нужными в сочинении о географии. Завершая эскизный пассаж о формах правления, Страбон отмечает, что политическая и этическая философия имеет отношение к жизни правителей, но география обладает *важным перед ней преимуществом*: она имеет отношение не только к жизни, но и к пользам (нуждам) и практической деятельности правителей.

Экскурс о политических устройствах, отличающийся крайним схематизмом и не претендующий на политологические открытия, обнаруживает несомненные смысловые и текстологические параллели с рассуждениями Аристотеля в «Политике». Перекликается он и с некоторыми местами из платоновских «Государства» и «Законов».

Итак, Страбон – родоначальник и теоретик политической географии, долженствующей помогать будущему (и не только будущему) государственному деятелю в разумном, сознательном и грамотном управлении подвластными ему землями. География – не только фон исторических проявлений, как это было у Полибия, но и их активный компонент. Она имеет некоторое преимущество по сравнению с политической философией, поскольку, относясь к «нуждам (пользам) правителей», она стимулирует их *практическую деятельность*.

А.В. Григорьев

КЛАДЫ РУБЕЖА IX–X вв. БАССЕЙНА СРЕДНЕЙ ОКИ

Правобережье средней Оки в IX – начале X в. характеризуется высокой концентрацией кладов куфического серебра. На сегод-

нышний день здесь известно более 20 мест находок кладов арабских дирхемов первого и второго периодов обращения. Это может считаться наибольшей концентрацией в Европе указанного времени. Часть кладов помимо монет содержала ювелирные украшения. Подобных комплексов немного, но их значение трудно переоценить. Вещевой материал отмечен в составе восьми кладов. Сведения о шести из них в той или иной степени опубликованы (Корзухина 1954. С. 80, 81, № 4–8; Изюмова 1989. С. 206–213; Григорьев 2012). Клад, найденный у с. Алпатьево Луховицкого р-на Московской обл., стал доступен для исследования лишь в начале 2006 г. (Григорьев 2006. С. 181, 182). Еще один клад, «с севера Тульской области», известен лишь по фотографии, сделанной камерой мобильного телефона (Григорьев 2012). Три клада – у с. Лапотково, с. Баскач и г. Кашира – не сохранились (Корзухина 1954. С. 80, 81). Имеющиеся описания не всегда позволяют установить, какие предметы входили в состав комплекса.

Датировка несохранившихся кладов ненадежна. Наиболее уверенно определяется время выпадения клада у с. Лапотково, расположенного в бассейне р. Солова, левого притока р. Упы. Здесь были определены 62 монеты, входившие в его состав (Марков 1910. С. 49, № 281). Дата младшей монеты, 817 г., позволяет отнести клад к первому периоду обращения дирхема. Однако описание вещевой части клада крайне неопределенно. Из монет клада найденного у с. Баскач Каширского уезда, определено было только четыре экземпляра. Все они были аббасидскими и датировались 765/6–807/8 гг. (Корзухина 1954. С. 81, № 7). С некоторой осторожностью клад также может быть отнесен к первому периоду. Вещевой материал из его состава представлен серебряными прутиками и двумя серебряными бляшками, типы которых не известны.

Из монетной части клада, происходящего из окрестностей г. Каширы, доступными для исследователей оказались лишь два аббасидских дирхема. А.И. Черепнинным они были отнесены к VIII – началу IX в. (Черепнин 1892. С. 1). Вещевая часть клада включала в себя гривны, «прутики», подвески, серьги и перстни. Типы вещей не известны, но подобный набор категорий предме-

тов близок к набору из сохранившихся кладов – Железницкого, Алпатьевского и происходящего с севера Тульской обл.

Все денежно-вещевые клады, доступные для изучения, относятся ко второму периоду обращения дирхема в Восточной Европе. Значительная доля в составе кладов монет, чеканенных в 60-е годы IX в., позволяет отнести их к финальному этапу этого периода и совокупно датировать последней четвертью IX – началом X в. (Янин 1956. С. 109, 110). Возможно, к этому же времени относился и описанный выше Каширский клад.

Во всех кладах позднего периода отмечается большое количество украшений из серебра, как целых, так и сломанных еще в древности. Вес этих изделий превышает вес входивших в комплекс дирхемов. Очевидно, что на этом этапе украшения и серебряный лом выполняли функции платежных средств.

Набор категорий предметов, представленных в составе кладов, достаточно однообразен. Массивные серебряные шейные гривны отмечены в пяти кладах – Железницком, Алпатьевском, Супрутском, Каширском и происходящем с севера Тульской обл. (Корзухина 1954. С. 81, № 5, 8; Изюмова 1989. С. 210, рис. 22). Количество и тип каширских гривен не известны, все остальные относились к «глазовскому» типу. Подобные украшения в IX–X вв. были широко распространены в бассейнах Чепцы, Вятки и Ветлуги, а также хорошо представлены в древностях мордвы, муромы и мери. Интересно отметить, что целая гривна содержалась только в составе Алпатьевского клада, в Железницком они были поломаны, а в Супрутах и в кладе с севера Тульской области – свернуты спиралью. Гривны «глазовского» типа, свернутые в виде спирального браслета, известны в северо-западных материалах. Наиболее надежно датируемые аналогии имеются в составе денежно-вещевых кладов из Добрино (841/42 г.) и Ральсвека на о. Рюген (849 г.) (Рябцевич 1965. С. 124–128; Херрман 1978. С. 193); к X в. исследователи относят подобные вещи, найденные в Шверинцбурге на Балтийском побережье Германии и на о. Эланд (Zak 1963. S. 29, Рис. 20; Graham-Campbell, Kidd 1980. P. 52, Ill. 20). Свернутая в браслет гривна имеется в материалах Сарского городища (Леонтьев 1996. С. 164, рис. 6916).

В трех кладях (Алпатьево, Железницы, Супруты) находились простые провололочные височные кольца. Аналогичные кольца в ограниченном количестве известны на памятниках роменского круга (Ляпушкин 1958. С. 26, 30, рис. 13, 16; Москаленко 1965. Рис. 42).

Серьги так называемого «салтовского» типа входили в состав всех четырех кладов. «Серебряные серьги» отмечены и в Каширском кладе. Согласно работе Д.А. Стащенко, подобные серьги наиболее характерны для памятников Мордовии и Средней Азии (Стащенко 1998. С. 219). Представляется необходимым добавить в этот перечень славянские памятники междуречья Днестра и Дона, такие как Воргол, Новотроицкое, Опошня, Ходосовка (Ляпушкин 1958. С. 26–29, рис. 15; С. 87, 90, рис. 58; Сухобоков 1977. С. 56, рис. 73, 84). Их датировка не выходит за пределы второй половины VIII – IX в. Большое количество этих украшений на Супрутском городище (15 экз.) позволяет предположить их местное производство.

Наиболее яркой категорией вещей, объединяющей часть кладов, могут считаться лучевые височные кольца. Они содержатся в Железницком, Алпатьевском и кладе севера Тульской области. Не исключено, что серебряные подвески, отмеченные в составе Каширского клада, относились к этой же группе украшений. Все лучевые кольца, представленные в слое пожара Супрутского городища, относятся ко второму этапу развития этой категории украшений (Григорьев 1995. С. 38–41). Датировка этого этапа достаточно конкретна: последняя четверть IX – первые десятилетия X в. Связь колец, найденных в кладях, с аналогичными украшениями из Супрут вполне очевидна. Одно из колец, найденных на Супрутском городище в 1969 г., было опубликовано С.А. Изюмовой как неорнаментированное (Изюмова 1978. С. 102. Рис. 13). Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что оно имело оригинальный орнамент, идентичный орнаменту семилучевых колец Железницкого клада. При сопоставлении этих украшений удалось установить, что они совпадают в мельчайших деталях и были изготовлены с использованием единой модели.

Достаточно характерными для кладов были детали поясного набора салтовского облика. Это наконечник ремня из Железниц, полный поясной набор из Алпатьева. Указанная категория вещей наиболее полно представлена в материалах Супрут.

Дротовые браслеты с утолщенными концами входили в состав Железницкого клада и клада с севера Тульской области. Подобные украшения известны в материалах роменской культуры на всем протяжении ее существования (Григорьев 2000. С. 134, 135). Количество и типы перстней из Каширского клада не известны. Один из них, с изумрудной (?) вставкой, по мнению А.И. Черепнина, был «несомненно восточного происхождения». Возможно, речь идет об известном типе салтовских перстней, характерных для второй половины VIII – IX в. (Плетнёва 1989. С. 115, рис. 61). В верхнем Поочье подобные украшения известны в материалах городищ Дуна и Картавцево (Гендуне 1903. Табл. II, 3; Воронцов, Григорьев 2005. С. 88). Широкосерединные усатые перстни из состава Алпатьевского клада имеют весьма широкие аналогии (Григорьев 2000. С. 136).

Очевидно, что по составу вещевой части клады второго периода обращения дирхемов схожи между собой и с материалами слоя пожара Супрутского городища. С большой долей вероятности можно говорить о том, что некоторые из предметов, найденных в составе кладов, в частности лучевые кольца и серьги «салтовского» типа, были изготовлены супрутскими мастерами.

Кратковременность производства и бытования лучевых украшений второго этапа их развития указывает на хронологическую близость рассматриваемых комплексов. Младшая монета из состава кладов датируется 877/8 г. (Железницы). Монеты из слоя пожара Супрутского городища также можно рассматривать как единый комплекс, отражающий денежное обращение в регионе на определенный момент. По составу они совершенно идентичны монетам кладов, но здесь присутствуют два экземпляра саманидской чеканки – 900 и 903/4 г., что характерно для финального этапа второго периода обращения. Существующая взаимосвязь уточняет и подтверждает датировку выпадения данных кладов и гибели Супрутского поселения. Так, клады с указанным вещевым

составом могли выпасть не ранее конца IX в. и не позже второго десятилетия X в.

Также появляется возможность проследить направление движения серебра в данном регионе. Система славянских поселений IX – начала X в. тесно связана с обслуживанием участка Донского торгового пути при переходе из бассейна р. Дон в бассейн р. Оки (Григорьев 2005. С. 146–153). Вещевой материал кладов подтверждает данные предположения.

Близость украшений из кладов и материалов Супрутского городища указывает на то, что либо они поступали на Упу с правобережья Оки, либо направление было обратным – от Супрут к Оке. Последнее представляется единственно логичным. При том, что состав кладов достаточно интернационален, в нем присутствуют вещи исключительно славянской принадлежности (лучевые кольца). Ни к востоку, ни к северу от р. Оки они не известны. На правобережье Оки ниже устья р. Угры славянские поселения IX – начала X в. не известны. Исключение составляет лишь рядовое поселение у с. Городна в устье р. Осётр (Коваль 2001). Наиболее вероятным местом производства лучевых колец и, возможно, серег «салтовского» типа является Супрутское городище. Следовательно, именно в этом районе, в среднем течении р. Упы, и происходило окончательное формирование состава кладов, выпавших в 110–160 км к северо-востоку от городища.

Литература

- Воронцов А.М., Григорьев А.В.* Древнерусский слой городища Картавецво // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула, 2005.
- Гендуне Ю.Г.* Городище Дуна. СПб., 1903.
- Григорьев А.В.* Еще раз о ранних типах лучевых височных колец // Археологічні старожитності Подесення. Чернівці, 1995.
- Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула, 2005.
- Григорьев А.В.* Денежно-вещевые клады IX – начала X в. бассейна средней Оки // Славяно-Русское ювелирное дело и его истоки: Тез. докл. СПб., 2006.

- Григорьев А.В.* Неизвестный клад из Тульской области // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Мат-лы XIV конф. Калуга, 2012 (в печати).
- Енуков В.В.* Ранние этапы формирования Смоленско-Полоцких кривичей. М., 1990.
- Исюмова С.А.* Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища // Вестн. Моск. ун-та. Сер. ист. 1978. № 6.
- Исюмова С.А.* Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Коваль В.Ю.* Поселение в устье Осетра близ Коломны // Кр. сообщ. Ин-та археологии РАН. 2001. Вып. 212.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958. (Мат-лы и исслед. по археологии СССР; № 74).
- Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
- Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. Воронеж, 1965.
- Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Рябцевич В.Н.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. М., 1965. Т. 5.
- Сташенков Д.А.* Евразийская мода в эпоху раннего средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- Сухобоков О.В.* До питания про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. Київ, 1977. Вип. 21.
- Фехнер М.В.* Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.
- Херрман И.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Черепнин А.И.* Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях (Приложение к Трудам Рязанской ученой архивной комиссии). Рязань, 1892.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
- Graham-Campbell J., Kidd D.* The Vikings. L., 1980.
- Zak J.* «Importy» skandynawskie na ziemiach zachodniosłowiańskich od IX do XI wieku. Poznań, 1963.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ЭПИРСКОГО ЦАРСТВА (1204–1261)

Первая половина XIII в. стала особым периодом в истории Византийской империи. Падение Константинополя в 1204 г. и образование на территории империи трех независимых государств (Никейской империи, Трапезундской империи и Эпирского царства) стали катализатором для развития внутренней жизни в отдельных регионах империи, обладавших спецификой социально-политического развития. Соперничество новых греческих государств между собой означало, таким образом, противостояние различных по своему характеру моделей социально-политического устройства, находившихся в рамках византийской традиции.

Одним из наиболее активных участников борьбы за восстановление Византии стало Эпирское царство. Представители династии Дук, возглавившие государство, смогли в течение 1205–1230 гг. освободить от власти латинян крупные области: Фессалию, Фракию, Македонию. В 1224 г. Феодором I Дукой (1215–1230) была взята Фессалоника, где правитель принял титул императора. Политические успехи эпирских Дук актуализируют вопрос о внутреннем устройстве царства, представлявшем собой залог успешной политики правителей и один из возможных вариантов развития византийских земель. Для его характеристики обратимся к сопоставлению социально-политического устройства 1) Эпирского царства и византийских провинций в XII в.; 2) Эпирского царства и его «конкурентов» – Никейской и Трапезундской империй.

В историографии ключевым стало положение о высокой степени децентрализации государства Дук (по сравнению с предшествующим периодом и другими греческими государствами), что выразилось в распаде царства в 1241 г. на ряд полунезависимых уделов (Успенский 1997. С. 419; Ангелов 1951. С. 63–64; Литаврин 1967. С. 44–45; Prinzing 1993. S. 122–123). Кроме того, выдвигалось мнение о болгарском влиянии на политические инсти-

туты Эпирского царства. (Литаврин 1967. С. 46; Koïčeva 1993. Р. 130–131; Иванов 2008. С. 66).

В отношении церковного устройства отмечалась активная политика эпирских правителей по созданию автономной церкви Эпира, не подчиненной Вселенскому патриарху (Nicol 1957. Р. 40; Karpozilos 1973. Р. 97).

Опираясь на актовый материал (жалованные грамоты эпирских правителей), делопроизводственную документацию Охридской архиепископии и Навпактской митрополии, письма эпирских церковных деятелей Димитрия Хоматина и Иоанна Апокавка, исторические сочинения Георгия Акрополита и Никифора Григоры, можно сделать следующие выводы относительно интересующих нас аспектов.

Внутреннее устройство Эпирского царства, развиваясь в рамках политической традиции XI–XII вв., характеризовалось большим значением наместников крупных областей. Будучи ближайшими родственниками правителя, они обладали широкои исполнительными (гражданскими и военными) функциями: сбор налогов, командование войском, собранным из местного населения, и т.д. (Пападопуло-Керамевс 1913. С. 126–127, 250–254). Появление данной группы было обусловлено существовавшей в XII в. практикой раздачи земель в управление родственникам правителя (Charanis 1951. Р. 106). Специфика данного процесса на западе Балканского полуострова состояла в том, что усиление власти наместников, происходивших из правящей династии, привело к разделению государства на несколько частей, управлявшихся представителями одной династии – по договору 1241 г. (Асгор. 46) и позднее при разделе земель Михаилом II Дукой (1237–1267) в начале 1260-х годов (Greg. IV. 9). Безусловно, усиление власти, которой обладали представители высшей знати, наблюдалось и в других частях Византийской империи, будучи частью процесса дальнейшей децентрализации государства (Angold 1975. Р. 40, 61–62; Карпов 2007. С. 160). Однако наибольшего развития она достигла на западе Балканского полуострова. Ни в Никейской империи, ни в Трапезунде ничего подобного упомянутым договорам не наблюдалось. Наоборот, на протяжении

первой половины XIII в. шла речь о единой власти императора в данных государствах.

На наш взгляд, упомянутые разделы земель стали решением двух проблем, существовавших в Византии в XII в.: 1) противоречий внутри правящей династии относительно обладания верховной властью (Magdalino 1993. Р. 190); 2) отсутствия правовой возможности создать устойчивое княжество в рамках империи (Каждан 1975. С. 18).

Внутреннее устройство царства характеризовалось также усилением власти крупной земельной аристократии, занимавшей ключевые должности в городском самоуправлении (Асгор. 44; Максимович 1991. С. 32–33). Включение данной группы в политическую структуру царства подразумевало получение аристократами титулов, должностей и расширение их привилегий. Все это значительно усиливало земельную аристократию как политическую силу.

Своего рода противовесом земельной аристократии выступила особая группа приближенных – представители местной знати, получившие титулы и должности по милости правителя и потому лично преданные ему. Они являлись доверенными лицами правителя в мирное время и участвовали вместе с ним в походах (Pétridès 1909. Р. 14–15). С другой стороны, представители данной группы стремились добиться для своей области полунезависимого положения под властью одного из представителей династии Дук (как при разделе земель в 1241 г.).

В области церковного управления также произошли серьезные перемены. Создание автономной эпирской церкви, не подчиненной Вселенскому патриарху, стимулировало дальнейшее развитие процесса децентрализации, затронувшего эпирскую церковь. Епископы и главы отдельных монастырей стремились добиться автономии и выйти таким образом из-под контроля митрополита (Пападопуло-Керамевс. С. 274, 293). Это обстоятельство препятствовало консолидации духовенства и формированию его единой позиции в отношении власти.

Подводя итог, можно говорить о том, что эпирские Дуки при создании своего государства опирались на те силы, которые привели

ранее к гибели византийского централизованного государства: полунезависимое положение провинциальной знати и автономия местной церкви. Перенесение политического центра в провинцию привело к тому, что центробежные силы удалось консолидировать и подчинить единой власти. Те группы, которые ранее стремились к отделению от Константинополя, боролись теперь за его освобождение от власти латинян. Однако баланс между интересами центральной власти, местной аристократии и духовенства оказался непрочным; опора на указанные силы не сопровождалась в Эпирском царстве реформами по укреплению центральной власти, как в Никейской империи. Все это привело к появлению особого варианта социально-политического устройства царства, представлявшего собой систему полунезависимых владений. Как показывает дальнейшее развитие событий (разделы земель в 1241 г. и в начале 1260-х годов), такой вариант оказался достаточно устойчивым и просуществовал вплоть до восстановления единой Византии.

Все это позволяет говорить о том, что путь дальнейшей децентрализации, представленный в Эпирском царстве, был способен создавать новые специфические формы государственного устройства, отличавшиеся от традиционных и являвшиеся достаточно устойчивыми, чтобы стать основой для распространения власти правителя.

Литература

- Ангелов Д. К вопросу о правителях фем в Эпирском деспотате и Никейской империи // *Byzantinoslavica*. 1951. Vol. 12. С. 53–74.
- Васильевский В.Г. *Epirotica saeculi XIII* // Византийский временник. 1896. Т. 3. С. 233–299.
- Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи // История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 29–49.
- Иванов С.А. Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI–XIII вв. // Славяне и их соседи. М., 2008. Вып. 12: Анфологион: Власть, общество и культура в славянском мире. К 70-летию Б.Н. Флори. С. 66–75.
- Каждан А.П. Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1081–1261) // *XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports*. Athènes, 1976. Т. 1: Histoire. С. 1–28.
- Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007.

- Максимович Л. Корни и пути возникновения городского патрициата в Византии // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 27–34.
- Пападопуло-Керамевс А.И. *Noctes petropolitanae*. СПб., 1913.
- Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997.
- Асчоп. – *Georgii Acropolitae Opera* / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII corrector cum P. Wirth. Stuttgart, 1979.
- Angold M. Byzantine government in exile: Government and society of Nikaia under Lascarids. Oxford, 1975.
- Charanis P. On the social structure and economic organization of the Byzantine Empire in the thirteenth century and later // *Byzantinoslavica*. 1951. Vol. 12, N 1. P. 91–153.
- Karpozilos A.D. The ecclesiastical controversy between the kingdom of Nikaia and the principality of Epiros (1217–1233). Thessaloniki, 1973.
- Koičeva E. The Comnenian Dynasty and the Assenides // *Byzantium and its neighbours from the mid-9th till the 12th centuries*. Papers read at the International byzantinological symposium. Bechyně, September 1990 / Ed. V. Vavřínek. Prague, 1993. P. 127–133.
- Magdalino P. The empire of Manuel I Komnenos (1143–1180). Cambridge, 1993.
- Nicol D. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957.
- Greg. – *Nicephori Gregorae Byzantina historia* / Ed. J. Schopen. Bonnae, 1829. Vol. I.
- Pétridès S. Jean Apokaukos, letters et autre documents inédits // Изв. Рус. археол. о-ва в Константинополе. 1909. Т. XIV, ч. 2. С. 1–32.
- Prinzing G. Das Verwaltungssystem im epirotischen Staat der Jahre 1210–ca. 1246 // *Byzantinische Forschungen*. 1993. Bd. 19. S. 113–124.

Т.Н. Джаксон

ЗАСЕЛЕНИЕ ИСЛАНДИИ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

«Landnámabók» («Книга о занятии земли») – уникальный памятник древнескандинавской литературы. Это подробный рассказ о том, как складывалось, формировалось то пространство, которое превратилось в страну, имеющую сегодня на своем гербе изображение четырех «духов-хранителей земли». Старший, несохранившийся вариант «Книги о занятии земли» был составлен ра-

нее или ок. 1130 г. Предположительно, его автором был Ари Мудрый (1067/68–1148 гг.). Сохранилось пять редакций этого памятника, датируемых с XIII по XVII в. В «Книге» рассказывается о том, как исландские первопоселенцы в конце IX – начале X в. «брали землю», как заселяли практически пустой до этого времени остров. Описание начинается с востока Южной четверти Исландии, идет по часовой стрелке вокруг острова и заканчивается у южного края Восточной четверти. Здесь излагается история более чем 400 первопоселенцев, их семей, их ближайших потомков, повествуется о важнейших событиях в первые два века после заселения Исландии.

Рассматривая основные причины и предпосылки эпохи викингов, историки в первую очередь называют земельный голод или скрытое перенаселение, выражавшееся, при очень невысокой плотности населения (числе человек на единицу площади), в недостатке пригодной для поселения и обработки земли. Внешняя колонизация тем самым оказалась прямым продолжением колонизации внутренней. Массовая эмиграция в эпоху викингов из Скандинавии в другие страны, равно как и заселение датчанами и норвежцами целых областей Англии, Ирландии, Северной Франции и островов Северной Атлантики (включая Исландию), не могут быть объяснены, если не признать наличия избыточного населения в Скандинавии того времени. Как писал в XI в. о норвежцах Адам Бременский, на морской разбой их толкала бедность их родины, да и датчане были столь же бедны, как и они сами. Поиски новых плодородных полей и тучных пастбищ гнали за море многих и многих скандинавов, в том числе и тех, которые в период примерно с 870 по 930 г. заселили Исландию.

Остров в Атлантическом океане, который, по свидетельству «Книги о занятии земли» (гл. 5 редакции *Hauksbók* – H5), норвежский викинг Флоки Вильгердарсон назвал *Ísland* «Ледовой страной» («Исландией»), представлялся колонистам пространством практически свободным от людей, если не считать небольшого числа быстро покинувших остров ирландских монахов.

Вместе с тем это было пространство, охраняемое особыми существами, называемыми *landvættir* «духи хранители земли». *Landvættir* (мн. ч. от *landvættir*, из *land* «земля» и *vættir* «существо, сверхъестественное существо, дух») – это «духи земли», второстепен-

ные божества скандинавского языческого пантеона, «охранительные духи» (к каковым также относятся *disir* «дисы», *fylgia* «двойник, охранный дух», *hamingja*, «удача, судьба», *álvar* «эльвы» и др.). Приплывавшие в Исландию норвежцы верили, что духи-хранители земли обитали в горах и фьордах острова до появления на нем первопоселенцев. Как следует из «Книги о занятии земли» (H268), в самой первой статье принятого около 930 г. языческого кодекса законов, не сохранившегося, но известного под названием «Законы Ульвльота», был сформулирован запрет подплывать к острову на кораблях с головами драконов на них: драконьи головы следовало снимать как только остров появлялся в поле зрения, дабы «не напугать ими духов-хранителей земли». Исследователи трактуют этот фрагмент как аутентичную часть древнейшего исландского свода законов. Соответственно, можно заключить, что новые пришельцы не только верили в то, что остров заселен духами-хранителями земли, но они также стремились «вступить в контакт» с этими духами или уж, по крайней мере, не прогневать их. На основании этого и еще ряда упоминаний духов-хранителей в историографии был сделан вывод, что первопоселенцы видели в этих существах «сверхъестественных правителей земли и природы»: их боялись, им совершали жертвоприношения. О том, что вера в чудодейственную силу этих духов возникла не в Исландии, а была принесена туда из Норвегии (и там, естественно, продолжала сохраняться), говорит пассаж в «Саге об Эгиле», где скальд Эгиль, сын первопоселенца Скаллагрима, приехав в Норвегию, вырезает *ниджердъ* против норвежского конунга Эйрика Кровавая Секира, а произносимое заклятье обращает к духам-хранителям земли.

Как эльвы и прочие второстепенные божества, духи-хранители земли пережили принятие христианства. Их стали считать злыми духами, запрещали в них верить и им поклоняться. Свидетельство этого находим в «Законах Гулатинга», норвежском областном своде законов конца XIII в., где в разделе о церковном праве в статье о колдовстве вера в духов-хранителей, живущих в росях,

курганах и водопадах, названа среди заблуждений и запрещена.

Итак, норвежцы приплывали к острову, не занятому людьми, но наполненному духами-хранителями земли. Люди селились неподалеку от побережья, по берегам фьордов, в долинах, присваивали и занимали определенные участки земли. Процесс «занятия земли» сопровождался различными ритуалами. Первопоселенцы как бы ждали некоего знака судьбы или воли богов, чтобы решиться занять территорию. Наиболее распространенным и чаще всего описываемым в «Книге о занятии земли» был обряд выбрасывания за борт неподалеку от острова привезенных с родины деревянных столбов от почетного сиденья. Совершенно очевидно, что таким путем устанавливалась сакральная связь старого и нового мест обитания. Более того, устанавливалась (а лучше сказать – восстанавливалась) связь, которую можно назвать реальной, генеалогической, исторической, т.е. не предавалось забвению то место в обществе, которое занимал тот или иной предводитель корабля с переселенцами у себя на родине. Именно так поступил ок. 874 г. первый, согласно источникам, норвежский колонист, Ингольв Арнарсон. Из многочисленных примеров, которые будут приведены в докладе, мы видим, что ритуал определения места будущего поселения на основании того, куда прибьет выброшенные за борт столбы, стоявшие у почетного сиденья предводителя корабля на его родине, связан с «древними обычаями», с языческими богами, которым первопоселенцы поклонялись еще в Норвегии, с жертвоприношениями, магическими обрядами. Ничто не указывает на то, что это действие связано с духами хранителями страны. Ту же направленность, похоже, имеют ритуалы, позволяющие закрепить за собой определенную территорию – вкапывание столбов, обнос территории кострами и проч.

Правило обноса территории сформулировано в редакции *Hauksbók* «Книги о занятии земли» (H294), где рассказывается, что люди, приплывшие в Исландию под конец периода заселения, обвиняли тех, кто приехал раньше, что они захватили слишком много земли, и попросили конунга Харальда Прекрасноволосого как-то ограничить допустимые размеры присваиваемой территории. Он так и сделал и постановил, что ни один

человек не должен брать себе земли больше, чем он может обойти за один день, от восхода до заката солнца, зажигая костры на таком отстоянии один от другого, чтобы всегда был виден дым от предыдущего костра, но делая это не в одиночку, а при помощи тех людей, которые приплыли с ним на его корабле. Трудно сказать, отдавал ли конунг Харальд такое распоряжение, но, по крайней мере, на его активное отношение к массовой миграции из Норвегии указывает Ари Мудрый в «Книге об исландцах»: опасаясь, что Норвегия обезлюдеет, конунг запретил отъезд из страны, а те, кто все же хотели уехать, должны были платить конунгу налог размером в пять эйриров серебра. Использование огня в момент апроприации земли засвидетельствовано и в сагах, причем для более позднего времени. Скорее всего, процедура была адресована людям, «свидетелям, которые здесь присутствовали», а не духам: очевидцы могли впоследствии подтвердить факт присвоения земли. Еще один фрагмент редакции *Hauksbók* «Книги о занятии земли» (H276) дает понять, что женщинам, стремившимся поселиться на острове, было позволено взять меньше земли, чем мужчинам, а именно столько, сколько женщина могла обойти весенним днем, от восхода до заката, ведя за собой двухлетнюю телку. И вновь при этой процедуре могли присутствовать свидетели. В историографии до недавнего времени господствовало мнение, что разнообразные магические ритуалы, сопровождавшие «взятие земли», были адресованы духам-хранителям как прежним владельцам земли, были направлены на то, чтобы умиловить их, обеспечить себе их покровительство и как бы получить от них землю. В докладе поддержано мнение тех исследователей, которые полагают, что все эти ритуалы были средством доказать соперникам (претендентам на те или иные территории на острове) – а вовсе не духам-хранителям земли – свое право на владение той или иной территорией. «Книга о занятии земли» была составлена ретроспективно – и вовсе не для того, чтобы изложить детали занятия земли, а чтобы подтвердить право тех или иных исландских семейств XII в. на те или иные земли.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта № 12-31-08018 «Возникновение и становление Древнерусского и других средневековых государств: компаративное исследование» по целевой программе РГНФ «1150 лет российской государственности».

Д.А. Добровольский

«ПОИДОША ПОЛКОВЕ АКИ БОРОВЕ»: СРАВНЕНИЯ С ЯВЛЕНИЯМИ ПРИРОДЫ КАК ПРИЕМ ОПИСАНИЯ ВОЙНЫ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Воинская повесть традиционно считается одним из ключевых жанров древнерусской литературы, вобравшим в себя лучшие и наиболее примечательные черты последней. Ученые полагают, что специализированная форма воинской повести сложилась несколько позже, чем историческое повествование как таковое, и что, в частности, в «Повести временных лет» (далее: ПВЛ) «образцы уже окончательно сформировавшейся воинской повести» отсутствуют (Пауткин 2002. С. 66). Но тем интереснее те немногие известия Начальной летописи, в составлении которых все же использовалась характерная топики, ставшая в дальнейшем одним из ключевых элементов воинского повествования Древней Руси.

В обширной литературе вопроса (А.С. Орлов, Д.С. Лихачёв, О.В. Творогов, Е.А. Прохазка, А.А. Пауткин, Н.В. Трофимова) даются разные определения «устойчивой формулы» («общего места», «трафарета»). Существуют, соответственно, и разные по объему перечни формул, использовавшихся, по мнению исследователей, в летописных рассказах о военных действиях. Задача выявления типичных формул воинского повествования дополнительно осложняется тем, что необходимо разграничивать формулы как явления, введенные в текст сознательно для достижения определенного стилистического эффекта, и обычные повторы, появление которых связано со внетекстовыми факторами – например, с устойчивостью стратегии и тактики ведения боя, не менявшихся на протяжении столетий, или даже с существованием

столь же неизменных представлений об участии высших сил в делах людей. Охватить все эти вопросы в рамках данного выступления не представляется возможным. Речь пойдет лишь об одном характерном приеме, состоящем в описании военных действий через сравнения с явлениями природы, а еще точнее – о распределении случаев использования подобного приема в тексте ПВЛ.

Наиболее яркий образец сравнения войны с природой представлен в скроенных по общему лекалу описаниях степных походов против половцев 1103 и 1111 гг. В статье 6611 (1103) г. читаем: «и поидоша полкове аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ, и русь поидоша противу имъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278). В статье 6619 (1111) г. образ развивается: «паки иноплеменници собраша полки своя многое множество, и выступиша яко борове велиции, и тмами тмы, и оступиша полки рускыи» (Там же. Т. 2. Стб. 267). В схожем направлении двигалась мысль одного из авторов статьи 6605 (1097) г., написавшего о штурме Владимира Волынского в 1099 г.: «единою поступиша к граду под вежами, овѣмъ же бьющим с града и стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы акы дождь» (Там же. Т. 1. Стб. 271–272). Наконец, под тем же 6605 г. используется сравнение войска в окружении со стаяй галок, атакованных соколом: «и сбиша угры, акы в мячь, яко се соколь сбиваетъ галицѣ» (Там же. Стб. 271).

Примечательным образом связь между тремя летописными статьями не ограничивается только использованием одинаковых по структуре сравнений. Все упомянутые записи отличаются также развитой мистической компонентой: под 6605 г. описывается явление креста над войсками Василько Теребовльского («И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим, и Василко възвыси крѣсть, глаголя, яко: “Сего еси цѣловаль, се первѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се ныне хочещи взяти душу мою! Да буди межи нами крѣсть съ!”. И поидоша к собѣ к боеви, и сступишася полци, и мнози челоувѣци благовѣрни видѣша крѣсть над Василковы вои, възвышѣся велми»: Там же. Стб. 270); под 6611 г. сообщается о внезапной панике всего половецкого воинства («и Богъ великыи вложи ужастъ велику в половецѣ, и страхъ нападе на ня и трепеть от лица русских вои, и дрѣмаху сами, и

конем ихъ не бѣ спѣха в ногахъ». – Там же. Стб. 278), а под 6619 г. говорится, что с половцами сражались ангелы, причем эти сведения, как и сведения 6605 г. о явлении креста, подкрепляются ссылкой на наблюдения очевидцев («и падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ невидимо бѣми ангеломъ, яко се видяху мнози челоуѣци, и главы лѣтяху невидимо стинаемы на землю». – Там же. Т. 2. Стб. 268). Кроме того, в статье 6605 г. описывается гадание хана Боняка по волчьему вою (Там же. Т. 1. Стб. 270), а под 6611 г. точка зрения неожиданно для читателя перемещается в степь, и мы видим противостояние славян и тюрок со стороны кочевников – излагается ход половецкого военного совета (Там же. Стб. 278). В предшествующем летописном рассказе ничего из перечисленного не наблюдалось.

Появление каждой из этих характерных литературных черт по отдельности могло бы объясняться какой-либо случайностью, но тот факт, что все отмеченные признаки возникают синхронно, в одних и тех же статьях, заставляет рассматривать их как проявление творческой активности одного человека. Такая позиция не согласуется со взглядами на процесс формирования ПВЛ, которые высказываются в классических трудах А.А. Шахматова, считавшего, что значительный объем статьи 6605 г. принадлежит перу галицкого священника Василия, статья 6611 г. написана игуменом Сильвестром, а статью 6619 г. составил редактор из круга князя Мстислава, работавший над текстом ПВЛ в 1118 г. (Шахматов 2003. С. 545–551 и др.). В то же время в новейшей литературе ставится под сомнение само существование самостоятельной летописи Василия, а взгляды на стратификацию текста статей 6611 и 6619 гг. существенно пересматриваются, в результате чего формирование обоих известий связывается с работой одного человека – составителя ПВЛ (Гиппиус 2008). Представленные выше данные не только не противоречат этой новой концепции, но и позволяют укрепить ее дополнительными аргументами.

Летописец второго десятилетия XII в. расходился со своими предшественниками по целому ряду вопросов. Думается, в частности, что между книжниками разных поколений существовали разногласия в прочтении духовного смысла бедствий, периодиче-

ски случавшихся на Руси (Добровольский 2011); возможно, не было единства и по вопросу о времени основания Новгорода (Добровольский 2008). Было бы естественно предположить, что составитель ПВЛ оказался новатором и в том, что касается изображения военных конфликтов. Соблазнительно поставить вопрос о причинах, вызывавших изменение «тренда» в историописании, однако прежде необходимо установить все черты, характеризующие этот новый тренд.

Литература

- Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.
- Добровольский Д.А.* Вопрос об основании Новгорода в летописании XI – начала XII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 25–26.
- Добровольский Д.А.* «Теория казней Божиих»: От Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 144–154.
- Пауткин А.А.* Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М., 2002.
- ПСРЛ. – Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись; М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись.
- Шахматов А.А.* Повесть временных лет // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 527–977.

Д. Домбровский

РОДСТВО И ВЛАСТЬ: ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ РАЗДЕЛЫ КНЯЖЕСТВА РОМАНОВИЧЕЙ В 1217–1270 гг.

С 1205 и до 1245 г. сыновья Романа Мстиславича, поддерживаемые матерью, старались объединить в своих руках Галицко-Волынскую Русь. Затем, вплоть до вымирания династии в 1323 г., они властвовали, в различных персональных конфигурациях, над княжеством, постепенно менявшим свои пределы (Грушевский 1993. Т. 3. С. 17–120; Котляр 1985. С. 118–171).

Речь идет о времени между 1217 г., когда Даниил и Василько овладели волынской частью наследства отца, и примерно 1270 г., когда после смерти младшего из братьев были осуществлены важные перемены во внутренних разграничениях княжества.

Условно до 1245 г. сыновья Романа боролись за наследство отца как с внешними врагами (главным образом, такими, как венгерский король Андрей II и его сыновья, владыка Польши Лешек Белый и его брат Конрад I Мазовецкий, новгородско-северские Игоревичи, Михаил Всеволодич и его сын Ростислав), так и с близкими родичами – с двоюродным братом, князем белзским Александром Всеволодичем, а также с потомками князя восточной Волыни и (временно) Киева Ярослава Изяславича, т.е. с двоюродными дядьями Ингварем и Мстиславом Немым, а также с Ярославом Ингваревичем (Грушевський 1993. Т. 3. С. 17–62; Пашуто 1950. С. 191–234; Котляр 2008. С. 95–312; Nagirnyj 2011. С. 147–225). Тут надо вспомнить, что и с вышеупомянутыми «внешними врагами» Романовичи состояли в различных родственных связях (с Андреем II в 4-й степени, соединенной с 3-й по отношению к Мстиславу-Федору Владимировичу, с Лешekom и Конрадом в 3-й степени, соединенной со 2-й по отношению к Болеславу Кривоустому, с Михаилом Всеволодичем же в 3-й – по отношению к Болеславу Кривоустому; в то же время Михаил стал ближайшим родичем Даниила и Василька, женившись на их сестре).

В то время сыновьям Романа удалось осуществить расширение своего княжества за счет восточной Волыни посредством аннексии земель, которые по закону принадлежали Ярославичам.

Интересно, что территориально эволюционировавшее княжество Романовичей очень быстро начало подвергаться разделам: сначала на части, принадлежавшие Даниилу и Васильку, причем старший из них всегда владел важнейшим тронem (см. точку зрения А.П. Толочко [2007. С. 221–236]), разве что кроме тех периодов, когда жил в эмиграции. Так, например, в 1215 г., когда старший Романович занял отнятый у Александра Всеволодича Владимир-Волынский, Василько, по всей вероятности, получил Берестье. В то же время в 1227/8 г., захватив восточноволынское

княжество, Даниил расширил власть брата на Луцк и Черторыйск (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 751), когда сам владел Владимиром, Забужьем и, видимо, полосой земель, тянувшихся вдоль галицкой границы до Каменца на Случи, но без Перемыля, который временно получил в качестве компенсации Ярослав Ингваревич (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 753). Пример этого князя, а еще более – Александра Всеволодича, показывает, что Романовичи не останавливались перед тем, чтобы лишить близких родичей (даже 2-й и 3-й степени) их волостей, отстаивая свои интересы, подкрепленные более близким родством и, несомненно, особенно сильными эмоциональными связями.

Очень интересным с нашей точки зрения был обмен тронами между братьями Романовичами. Речь идет о том, что, когда им удавалось овладеть Галичем, он доставался Даниилу, а Василько шел на место брата во Владимир. Должно быть, это вызывало значительные социальные пертурбации и, как кажется, в конце концов привело к строительству старшим Романовичем новой резиденции в Холме.

Со временем, во второй половине 1240-х годов, возникла необходимость выделить волости для подраставших сыновей Даниила. Раньше всех получил таковую Лев, что было связано с его браком с венгерской королевной Констанцией, дочерью Белы IV, заключенным в 1246 г. (Dąbrowski 2002. S. 111–113). О выделе-нии в то время удела для Льва опосредованно свидетельствуют обособленное от его отца и дяди обращение к нему римского папы Иннокентия IV, что получило выражение также в обращении к ним (см. соответствующие буллы: Documenta 1953. Т. 1. N 20–21: «*Danieli Russie et W. Landomerie fratri eius Regibus et Nato eiusdem Danielis*»). В Галицко-Волынской летописи мы обнаруживаем информацию, подтверждающую тот факт, что данный Данилович владел особой волостью в те годы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 839). Это, вероятнее всего, не было владение, соответствовавшее какому-нибудь из ранее существовавших в том регионе княжеств. Мне кажется, что для Льва была выделена новая политико-территориальная единица, охватывавшая земли как раз вокруг основанного им и выбранного резиденцией Львова, т.е. по

границе княжеств Белзского, Перемышльского и Галицкого, а также округа Данилова и Стожка (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 849). Не была ли западная часть этого пространства какой-нибудь формой наследственного владения Белзского княжества?

Как оказалось, второй по старшинству Данилович, Роман, держал волости за границами Галицко-Волынской Руси. Сначала в 1252 г. по матримониальному договору, заключенному при содействии Белы IV, он получил вместе с рукой Гертруды Бабенберг Австрию, а затем, после вынужденного бегства оттуда (Mika 2008. С. 37–38, 47–51) и развода, вследствие заключения Романовичами мира с Миндовгом (на рубеже 1254/5 г.), он приобрел Новгородское княжество в Черной Руси (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 830–831, 837–838). Учитывая скудость источников, трудно сейчас сказать что-то об уделах Шварна Даниловича и Владимира Васильковича. Они оба могли их получить после того, как вступили в брак, соответственно в 1254/5 и 1263 г. При этом недостаточно данных, чтобы выяснить, получил ли надел в интересующий нас период Мстислав (II), самый младший из Даниловичей (Dąbrowski 1999. S. 177–187).

В любом случае, разделенная между несколькими членами семьи Галицко-Волынская Русь сохранила политическое единство. Несомненно, это было предрешиено огромным авторитетом, которого достиг, в том числе среди своих родичей, Даниил Романович. Нельзя также исключать позитивной роли эмоциональных связей, связывавших представителей династии. Следы этого мы найдем во многих сообщениях Галицко-Волынской летописи, даже делая скидку на то, что этот источник носит характер панегирика Даниилу и Василько. Указанные разделы, как показывают источники, не влияли негативно на единство княжества и проводившейся Романовичами политики. Можно сказать, что мы здесь имеем дело с образцовым примером модели, в которой близкие семейные связи переносились на бесконфликтное взаимодействие. Конечно, не всегда было так. Мы знаем и обратные ситуации, когда родные братья яростно боролись за власть (например, Всеволодичи в 1216 г.) или же когда происходили убийства близких родичей (резня в Исадах в 1217 г.).

Как кажется, распад родственной близости и единства Романовичей, опиравшихся на престиж Даниила и, видимо, также на общественную поддержку, наступил в период тяжелой болезни и смерти короля (1264 г.). Причиной едва нашедшего отражение в источниках конфликта стали вопросы наследования, а точнее – спор за доминирование в семье. На него наложились разногласия о внешней политике, особенно в отношении Орды.

Как представляется, друг против друга выступили Василько Романович, поддерживаемый Шварном Даниловичем, и Лев Данилович. Можно предположить, что эти противоречия выявились еще при жизни Даниила, и это он, силой своего выдающегося положения, авторитета и общественной поддержки, решил передать верховную власть над княжеством Васильку. А Шварн получил большую часть земель, до того остававшихся под непосредственной властью отца, – княжество Галицкое и Холмское. Лев, несомненно, должен был удовлетвориться увеличением своего прежнего владения, вероятно, за счет Перемышльского княжества.

Конечно, таким образом умиривший Даниил хотел удержать относительное равновесие между наследниками, обеспечив верховенство брату, который долгое время оставался вторым по значению в княжестве и в семье.

Лояльность Романовичей друг к другу была настолько значительной, что, несмотря на определенно обозначившееся недовольство Льва постановлениями о наследовании, их отношения сохранили свою силу почти до одновременной смерти Шварна и Василька.

Именно тогда Лев унаследовал, и, видимо, без труда, от младшего брата Холм и Галич, ослабив позиции наследника своего дяди Владимира Васильковича, которого принудил к передаче восточной части княжества (Луцк) Мстиславу (II) (Dąbrowski 2011. S. 296–305).

Приведенные примеры убедительно показывают значение человеческих факторов, таких как связи близкого родства и особые связи между отдельными представителями княжеской семьи, в политическом развитии того или иного княжества.

Источники и литература

- Грушевський М.* Історія України–Руси. Київ, 1993. Т. 3.
- Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб., 2008.
- Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.
- Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 2: Ипатьевская летопись.
- Толочко А.П.* Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // Средневековая Русь. Вып. 7. С. 221–236.
- Dąbrowski D.* Czy istniało dwóch synów Daniela Romanowicza o imieniu Mściśław? Przyczynek do genealogii Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. NS. 1999. T. 4 (15). S. 177–187.
- Dąbrowski D.* O zgonie Daniela Romanowicza i jego następstwach dla Rusi halicko-wołyńskiej // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Л. Войтовича. Львів, 2011. С. 289–305.
- Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002.
- Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae Illustrantia (1075–1953). Romae, 1953. Vol. 1: 1075–1700 / Ed. A.G. Welykyj.
- Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach, 1246–1278. Racibórz, 2008.
- Nagimyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264. Kraków, 2011.

И.В. Зайцев

КЫРК-ЙЕР/КЫРКОР (ЧУФУТ-КАЛЕ) И РАННЯЯ ИСТОРИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Еще Ф. Хартахай предположил, что столицей татар в Крыму сначала был Эски-Крым, «потом, в эпоху междоусобий, перед династией Гиреев, – Карасубазар и, наконец, при Менгли-Гирее – Бахчисарай, ставший вместе и центром татарской цивилизации» (Хартахай 2003. С. 22). Эта точка зрения была потом поддержана и другими учеными: «...есть основание думать, что при Хаджи-Гирее столица из г. Крым была перенесена не в Бахчисарай, ко-

торого тогда еще не было, а в существовавший к этому времени г. Кырк, причем укрепленной цитаделью его была крепость “Кырк-йери”» (Боданинский, Засыпкин 1929. С. 181).

Важнейшим подтверждением переноса столичного центра из Солхата (Крыма) в Кырк-Йер являются монетные эмиссии. Самая ранняя несомненная монета Хаджи-Гирея, чеканенная в городе Крым (Солхате), относится к 845/1441–42 г. (Ретовский 1893. С. 76–77). В 858/1454 г. Хаджи-Гирей бьет монету уже в Кырк-Йере (Ретовский 1893. С. 79 и сл.). Там же чеканена и монета, видимо, датированная 867/1462–63 гг. Однако к этому же году, скорее всего, относится монета Хаджи-Гирея, битая все еще в Солхате (Ретовский 1893. С. 86–88). Таким образом, начиная с 858/1454 г. и, по меньшей мере, вплоть до 867/1462–63 гг., хан чеканит монеты параллельно в двух городах: старой ставке Крыме (Солхате) и новой (Кырк-Йере). Значение Солхата как старой столицы, очевидно, сохранялось и в следующем 868/1463–64 г. Именно тогда умер, видимо, отец основателя ханства Гийас ад-Дин. Похоронен он был именно в Солхате. На северной окраине города к началу 80-х годов XIX в., по сведениям Г. Караулова, сохранялся его мавзолей (Караулов 1883. С. 46). Впервые его описал еще П.С. Паллас. А вот В.Д. Смирнов, который посетил Солхат летом 1886 г., уже не нашел мавзолея: «Теперь и следов его не осталось, и даже на расспросы мои никто не смог указать места, где был этот памятник».

Между тем последующие представители династии погребались уже у подножья плато, которое ныне носит название Чуфут-Кале, а некоторые, возможно, и на самом плато. Высказывалась точка зрения, что Кырк-Йер был местом первоначального захоронения Хаджи-Гирея (Герцен, Могаричев 1993. С. 64). Жильбер Ромм, посетивший крепость в 1786 г., отметил в своих записках, что Айдар (сын Хаджи-Гирея), занявший на короткое время крымский трон в 1456 г., похоронен был именно там: «В центре города посреди домов видны остатки гробницы, воздвигнутой над прахом Гайдар-хана, умершего лет 300 назад». Там же была похоронена и знаменитая Джанике-ханум, умершая в 1437 г., чей мавзо-

лей до сих пор возвышается на плато. Таким образом, Кырк-Йер почти сразу же превратился в священный родовой некрополь.

Перенос столицы из Эски-Крыма, скорее всего, был связан с попыткой избежать влияния могущественного клана Ширинов (Williams 2001. Р. 45). Однако, почему был выбран именно Кырк-Йер? Впервые Кырк-Йер/Киркор упоминается у сирийца Абу-л-Фиды (1273–1331) в форме Киркри и размещается в стране асов, т.е. алан (Коновалова 2009. С. 101, 121). По мнению И.Г. Коноваловой, сообщение Абу-л-Фиды о Кыркоре «относится ко времени автономного существования города под властью местных аланских князей». Крепость устойчиво связывается с аланами и готами (готаланами) и в других источниках. На протяжении XIII в. город, по мнению В.Л. Егорова, представлял собой автономное феодальное владение, полузависимое от Золотой Орды. В 1299 г., после разрушения войсками Ногай, автономность его была ликвидирована, а в XV в., после упадка Солхата-Крыма, в него на короткое время был перенесен административный центр Гиреев. Упадок Кырк-Йера связан с возникновением новой ханской резиденции – Бахчисарая (Егоров 1985. С. 88). Баварский солдат Иоганнес Шильтпергер, посетивший между 1394 и 1427 гг. Крым, отмечал: «Затем один город называется Каркери и имеет хорошую землю, и называется Сутти, а язычники называют его Тат» (Ганина 2011. С. 78). Сутти – видимо, искаженное Kuthi (Guti), т.е. Готия.

Сейчас мы уже знаем, что Менгли-Гирей, родившийся около 850 г.х. (1446/47 гг.), был сыном Хаджи-Гирея от аланской княжны, дочери князя Индиаву. Таким образом, татарско-аланский союз, скрепленный династическим браком, был оформлен незадолго до этого, видимо, в начале 1440-х годов (см. подробнее: Зайцев 2007. С. 64–71). В рамках идеи о татарско-аланском (готаланском) династическом союзе перенос столицы из космополитичного многонационального Солхата в неприступную аланскую крепость на каменном плато выглядит очень логично и оправданно.

Это, однако, не означает, что крепость населяли одни аланы (готаланы). Часть плато принадлежала Яшлавским беям и, видимо, заселена была мусульманами. Старейший ханский ярлык

этому роду датирован 1637 г. и выдан ханом Бахадыр-Гиреем. В нем беи названы «древними владетелями города Керки, ныне именуемого Жидовским городом». Как отмечал В.Д. Смирнов, «таких вещей спроста не вписали бы самые завзятые восточные риторы, писцы ханской канцелярии, в жалованно-подтвердительные грамоты» (Смирнов 2005. С. 126–127). Сами Яшлавские, однако, жили не в крепости, а лишь обладали правом сбора налогов с ее населения.

Видимо, ко времени переезда Хаджи-Гирея в новую резиденцию относится и строительство мавзолея Джанике-ханум, останки которой, скорее всего, перенесли из другой усыпальницы. На Кырк-Йере рядом с существовавшей к тому времени мечетью Хаджи-Гирей основал медресе. В результате раскопок 20-х годов XX в. в шести метрах от северо-западного угла мечети был найден осколок каменной плиты с остатками надписи, в которой угадывается имя хана Хаджи-Гирея, сына Гийас-ад-Дина (Акчокраклы 1929. С. 185, № 1; Боданинский, Засыпкин 1929. С. 181, рис. 15). На мысу Бурунчак, видимо, еще первые ханы создают зверинец – своего рода заповедник для облавных охот, принадлежавший лично ханам и содержавшийся из средств казны. В центре мыса вырубаются два бассейна для дождевой воды (в 1970-х годах они были исследованы археологами), а сам мыс отгораживается от жилых кварталов стеной. Охотиться в этом зоопарке могли только члены правящего дома. После присоединения полуострова к Российской империи ее администрация еще долго не знала, что делать с оставшимися там оленями (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Ед. хр. 336. Ч. 1. Л. 5).

Таким образом, Кырк-Йер выглядит как классический центрально-азиатский *курук* – запретное место, заповедник. У Махмуда Кашгарского (XI в.) это слово неоднократно появляется в форме *куруг* или *корыг* и означает «укрытие правителя». Любое уединенное место, по Кашгари, называется *куруг* (Махмуд ал-Кашгарй 2005. С. 356). А.Р. Рустамовым это слово переведено как «заповедные [угодья]», «заповедник бега или кого-либо другого. Всякое заповедное место есть кориг» (Махмуд ал-Кашгарй 2010. С. 65, 312). Абу-л-Фида, говоря об аланском городе, пере-

дает значение названия города: по-тюркски оно будто бы значит «сорок мужчин». Еще В.В. Бартольд заметил, что этому значению должна была бы соответствовать форма Кырк-эр, а не Киркри, как у Абу-л-Фида. В.В. Бартольд упоминал и предложенную другими исследователями этимологию Кирк-ор – «Сорок могил» (Бартольд 2002. С. 369). Однако на крымских монетах встречается только форма Кырк-ер (т.е. «Сорок мест»). У.А. Боданинский и Б.Н. Засыпкин считали, что слово «кырк» в его названии – не числительное «сорок», а название рода, который основал этот город и обитал в нем. Соответственно и вилообразную (рогатую) тамгу, которая часто встречается на камнях Чуфут-Кале, исследователи считали принадлежащей «одной из ветвей рода кырк», т.к. она же была тамгой деревни Кырк-Чолпан (Боданинский, Засыпкин 1929. С. 185). В действительности эта тамга является тамгой рода Яшлов (которым, видимо, принадлежала и деревня Кырк-Чолпан). Любопытно, что эти символы впоследствии были использованы караимами для обоснования преемственности власти и владения Чуфут-Кале.

В.Д. Смирнов предложил свою версию возникновения названия: из греч. Καλλάκρα под влиянием тюркской народной этимологии.

А.П. Григорьев предположил, что Абу-л-Фида воспользовался названием крепости Кырк-ер, которое было написано с ошибкой, и это ошибочное название пытался этимологизировать (Григорьев 2007. С. 140). Сам Григорьев предложил свою этимологию: от «кырык» (*расселина*).

Учитывая роль Кырк-Йера как классического *курука* (ханского заповедника/некрополя), можно осторожно предложить еще одну вероятную этимологию названия: «корык/кырык-йер» – «заповедное, святое место».

С переносом ханской резиденции в Бахчисарай Кырк-Йер теряет значение, но остается местом заповедных ханских охот, а долина у подножья Бурунчака становится последним пристанищем первых четырех поколений династии Гиреев (Гаврилюк, Ибрагимов 2010). Вскоре город отдается целиком в качестве держания беям Яшлавским и заселяется караимами.

Список литературы

- Акчокраклы О.* Эпиграфические находки // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3 (60).
- Бартольд В.В.* Бахчисарай // Работы по исторической географии. М., 2002.
- Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н.* Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928–29 гг.) // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3 (60).
- Гаврилок Н.А., Ибрагимова А.М.* Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье, 2010.
- Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. СПб., 2011.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей Кырк-ор Чуфут-кале. Симферополь, 1993.
- Григорьев А.П.* Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник, 2006. М., 2007.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Зайцев И.В.* Семья Хаджи-Гирея // Altaica XII. М., 2007.
- Караулов Г.* Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова на остров Тамань // Зап. Одесского общества истории и древностей. 1883. Т. 13.
- Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009.
- Махмūd ал-Кāшгārī.* Дивāн Лугāt ат-Турк / Пер. и предисл. З.-А.М. Ауэзовой; Индексы Р. Эрмерса. Алматы, 2005.
- Махмūd ал-Кāшгārī.* Дивāн Лугāt ат-Турк / Пер. А.Р. Рустамова; Под ред. И.В. Кормушина; Предисл. и введ. И.В. Кормушина; Примеч. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. М., 2010. Т. 1.
- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М., 1999.
- Ретовский О.Ф.* К нумизматике Гиреев // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1893. № 18 (год седьмой).
- Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. М., 2003.
- Glyn W.B.* The Crimean Tatars: the Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden; Boston; Köln, 2001.

ЭЛЕМЕНТЫ КОЧЕВНИЧЕСТВА ХАЗАР В ОПИСАНИИ ИБН А'САМА АЛ-КУФИ*

Ранняя история хазар не известна. По современным представлениям, хазары входили в состав Западнотюркского каганата и отделились от него в VII в. (Golden 1980. P. 50–51; Артамонов 2001. С. 220, 221, 240; Кляшторный, Савинов 2005. С. 92–97). Немногочисленные данные о государственном строе, политической системе, социальном строе хазар относятся лишь к IX–X вв.

Арабо-персидские источники не содержат прямых указаний на кочевничество хазар. Скудные косвенные сведения о хазарах как номадах сохранились в других иноязычных памятниках (Пигулевская 2000. С. 283–287; Артамонов 2001. С. 213–220; Новосельцев 1990. С. 113).

Ранние упоминания хазар в арабских сочинениях связаны с завоеваниями тюрков и хазар на Кавказе. Арабские историки называли в ряде случаев врагами арабов не хазар, а тюрков. Объясняют это обстоятельство по-разному: имя тюрков вместо хазар появилось как результат анахронизма (Czeglédy 1960. P. 76 etc.); арабы считали хазар частью тюрков (Артамонов 2001. С. 161; Калинина 2005. С. 251–258); хазары составляли основную часть тюркского войска (Ромашов 2005. С. 193, 195); хазары в тюркском объединении постепенно выдвинулись на первый план (Lüdwig 1982. S. 134; Новосельцев 1990. С. 86–88).

Кавказ, который был ареной раздоров между Ираном, Византией и Халифатом, сразу втянул хазар в чужие войны. Если поначалу хазары пытались играть самостоятельную роль захватчиков, то очень скоро они вынуждены были принимать сторону то одной, то другой из противоборствующих сторон.

Весьма подробно повествовал о войнах арабов с хазарами на Кавказе Ибн А'сам ал-Куфи (X в). Его истории не могут считаться целиком достоверными, ибо содержат слишком большое количество разговорных фраз и таких деталей, которые едва ли могли быть известны писателю, жившему на два–три столетия позже описываемых событий. Такие подробности должны рассматриваться только как литературная обработка известий. Современ-

ники ал-Куфи и более поздние арабские писатели (Халифа ибн Хаййат, ат-Табари, Ибн ал-Асир) относились к данным ал-Куфи с осторожностью (Гараева 2002. С. 443). Тем не менее рассказы ал-Куфи о роли хазарского хакана, его подданных, его быте достоверны.

В повествовании ал-Куфи о продвижении арабского командующего Салмана ибн Раби'а к Дербенту в 642–43 г. сказано, что под командованием хакана хазар было 300 000 воинов (цифра преувеличена), сам он находился в Баланджаре, сначала отступил, затем принял бой, в котором был убит Салман ибн Раби'а (Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1991. Т. 2. С. 344–345). Хакан здесь явно выступал как главное лицо.

В рассказе о вторжении арабского полководца ал-Джарраха в Азербайджан рассказано, что такую же главенствующую роль играл сын хазарского хакана Барсбик, воюя с ал-Джаррахом. Ал-Куфи показал типично кочевнический способ обороны Баланджара, использованный хазарами: когда войско ал-Джарраха в 722–23 г. подошло к городу, хазары тесно расставили вокруг крепости более 300 повозок, связав их одну с другой. Однако мусульмане разрубили веревки, которыми были связаны повозки, и сумели проникнуть в город (Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1991. Т. 8. С. 236).

В «Рассказе о выступлении Масламы ибн 'Абд ал-Малика на борьбу с неверными и его войне с ними» содержатся сведения о походах, предпринятых в течение 731–739 гг. несколькими арабскими полководцами, хотя автор объединил известия о них в одну историю (Гараева 2002. С. 464, примеч. 429). Ал-Куфи, как ему свойственно, красочно описал битву между Масламой и хазарами, когда хакан, царь хазар, разгневался на слабость своих воинов, подъехал к ним на коне и пристыдил их. Битва между конными отрядами хазар, возглавлявшимися тарханами, и арабами, продолжалась, но хазары были разбиты. При этом выяснилось, что хакан находился в повозке (*'аджала* – «коляска, повозка», по словарю Х.К. Баранова; «повозка», по словарю В. Гиргаса; «телега», «колесный экипаж любого вида», по словарю Э. Лейна; в переводе З. Буниятова – «коляска» или «колесница» (Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1981. С. 43–46); в переводе Н. Гараевой – «кибитка» (Гараева 2002. С. 465–466). Эта повозка (будем следовать точному значению слова) была устлана коврами, над ней возвы-

шался шатер (*ал-кубба*) из парчи или шелка (слово *дибадж* означает и то, и другое), а над ним был золотой набалдашник (*румана*) (Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1991. Т. 8. С. 257–258). («Шатер из парчи», «золотое навершие»: Гараева 2002. С. 466; «балдахин из шелка, а над балдахином набалдашник из золота»: Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1981. С. 67. Я предпочитаю: «шатер из шелка» и «набалдашник»: Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1991. С. 257, 258). Выступивший по повелению Масламы военачальник Субайт ударил мечом по шатру так, что рассек шелк. Хакан в испуге прыгнул на коня, привязанного к повозке, и умчался прочь (Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1991. С. 258).

Описанию шатра тюрок есть параллели. Менандр Протектор (VI в.) рассказывал о приеме византийского посла Земарха властителем Тюркского каганата Дизавулом в 569 г. Тот восседал на золотом ложе в шатре, сделанном из шелковых разноцветных тканей, искусно испещренных разными красками (Менандр Византиец. С. 376–379).

О золотом шатре уйгурского кагана известно по данным И. Бичурина. Он называл шатер «золотая орду»; С.Г. Кляшторный подметил (в частном письме), что «орду» в древнетюркском языке означает «ставка хана» и «дворец». Бичурин отмечал также, что уйгурские ханы сидели в «золотой палатке» (Бичурин 1950. С. 355–356).

В книге Ибн Хордадбеха упомянут золотой шатер (*хайма*) владыки токузогузов, расположенный выше замка и вмещавший до 100 человек (Ибн Хордадбех 1986. С. 65). Эта информация восходит к рассказу некоего Тамима ибн Бахра о путешествии к токузогузам (уйгурам). История изложена и в книге Ибн ал-Факиха, в Мешхедской рукописи, в которой имеется наиболее подробное описание путешествия. Шатер, по словам Тамима ибн Бахра, был так велик, что под ним умещалось 100 человек. Повторяющий эти данные Йакут (XIII в.) говорил, что под шатром было даже 900 человек. Шатер как символ ханского достоинства кочевников был поставлен на самом высоком месте цитадели, на плоской крыше замка хакана, так что видно было его за пять фарсахов от города (Minorsky 1953. P. 275–305; Асадов 1993. С. 23, 64, примеч. 62).

В X в. ал-Истахри писал, что трон («ас-сарир») и золотой шатер («ал-кубба аз-захаб») ставятся только для хакана хазар (ал-Истахри. P. 225). Ибн Хаукал отмечал, что трон внутри золотого

шатра («сари́р фи кубби захаб») ставят только для хакана при его появлении (Ибн Хаукал. Р. 396); или их устанавливали при выступлении в поход (Большаков 2006. С. 750).

Итак, традиции золотого обрамления быта хазарского хакана, с коврами и проч., свойственные дворам владык центральноазиатских кочевых «империй», сохранялись как в период первого появления хазар на Кавказе, так и позднее. Само название этого правителя владыки хазар – *хакан* – аналогично тюркским и уйურским наименованиям властелинов. Такими же традиционными, связанными с центральноазиатскими и иранскими традициями, были титулы подчиненных хакану лиц: *шад, бек, тархан, эльтебер* (Голден 1993. С. 216–218; Новосельцев 1990. С. 239–240; Калинин 2005. С. 43). Указанная источниками (Ибн Фадлан, ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мас‘уди) смена функций хакана и шада (бека), когда последний стал главнокомандующим, произошла, видимо, позднее времени кавказских войн, поскольку, судя по вышеизложенным сведениям, тогда хакан был действительным полководцем. Возглавляли отдельные части войска хазар тарханы: Чорпан-Тархан, Хазар-Тархан, более мелкие тарханы-военачальники (Новосельцев 1990. С. 118).

Таким образом, упоминания о хазарах во время их появления на Кавказе свидетельствуют о сохранении признаков кочевничества: описание самих хазар как номадов, упоминания конницы как главной силы хазарских войск, коня для хакана, повозок, золотого шатра, трона и повозки для верховного владыки. Захватническая война, в силу обстоятельств осложненная схватками с сильными державами, показывает первую стадию становления хазарской государственности – кочевание и завоевание соседей, хотя «в универсальном плане завоевание являлось лишь одним из конкретных путей возникновения государства и отнюдь не единственным» (Хазанов 2008. С. 251). Однако о других путях возникновения хазарской государственности сведений нет.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта № 12-31-08018 «Возникновение и становление Древнерусского и других средневековых государств: компаративное исследование» по целевой программе РГНФ «1150 лет российской государственности».

Источники и литература

- Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб., 2001.
- Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993.
- Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоевания / Пер. с араб. З.М. Бунятова. Баку, 1981.
- Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоевания. Бейрут, 1991.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.
- Большаков О.Г. Ал-Истахри – Ибн Хаукаль // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2006. Т. 2: Волжская Булгария и Великая степь.
- Гараева Н.Г. Сведения арабских и персидских историков о походах к северу от Дербента (22/642–643 и 119/737 гг.) // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2002. Т. 1: Народы степной Евразии в древности.
- Голден П.Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993.
- Ибн Хаукал. Opus geographicum auctore Ibn Haukal / J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
- Ал-Истахри – Viae regnorum... Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhrí / M. de Goeje. Leiden, 1870.
- Калинина Т.М. Знать хазар в арабо-персидской средневековой литературе // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2005. Вып. 4.
- Калинина Т.М. Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. Иерусалим; М., 2005.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб, 2005.
- Менандр Византиец. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. Г.С. Дестуниса. СПб., 1860.
- Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.
- Ромашов С.А. От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник, 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд. СПб., 2008.
- Czeglédy K. Khazar Raids in Transcaucasica in 762–764 A.D. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1960. Т. 11, fasc. 1–3.

Golden P. Khazar Studies. An historic-philological inquiry into the origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. 1.

Lüdwig D. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht den schriftlichen Quellen. Münster, 1982.

Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. Cambridge, 1948. Vol. 12. Pt. 2.

С.Г. Кляшторный

МИГРАЦИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ТЮРКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Современная этническая карта, отражающая расселение тюркских народов, – это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза неразрывно связаны с востоком Евразии – Южной Сибирью и Внутренней Азией. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Так, евразийские степи между Волгой и Енисеем еще в IV–II тыс. до н.э. занимали индоевропейские племена европеоидного расового типа.

По горным хребтам Алтая, протянувшимся на юг до пустыни Гоби, по долине верхнего Енисея и его притоков, прошла в ту далекую эпоху этноконтактная зона, к востоку от которой преобладали протоалтайские племена, а к западу – индоевропейские. Трассы миграционных потоков, то усиливавшихся, то затихавших, пронизывали всю Великую Степь. В течение тысячелетий, вплоть до первых веков нашей эры, тюркский этногенез был связан с востоком горно-степной зоны Евразии.

История взаимодействия и, отчасти, слияния всех групп древнего населения на протяжении двух – двух с половиной тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировались тюркоязычные этнические общности.

Многочисленные автохтонные племена (индоевропейские в Центральной Азии, угро-финские в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, иранские и адыгские на Северном Кавказе, само-

дийские и кетоязычные в Южной Сибири) были частично ассимилированы тюрками в период существования созданных ими этнополитических объединений. Именно эти многочисленные завоевания и миграции привели в исторически обозримый период к формированию тюркских этнических общностей на местах их современного расселения.

На протяжении всей древней и средневековой истории в среде тюркских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем тюркоязычным племенам. Наиболее интенсивно формирование такого рода стереотипов происходило в древнетюркское время, т.е. во второй половине I тыс. н.э., когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежды, средства передвижения, пища, украшения и т.п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа.

Становление государственности на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в раннем средневековье (VI–XI вв.) связано с образованием Тюркского каганата, традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом, государствами кыргызов на Верхнем Енисее, кимаков и кипчаков на Иртыше, Болгарским государством и Хазарским каганатом в Поволжье и на Северном Кавказе. Единство общественного устройства, этнокультурного родства и сходство политической организации всех этих государств позволяет рассматривать время их существования и преобладания в Великой Степи как относительно цельный историко-культурный период – *период степных империй*.

Следует определиться с термином «империя» применительно к государствам, созданным кочевниками Азии. Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отмечу, что понятие «империя» распространяется мною только на полиэтнические

образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателя империи. Анализ исторических ситуаций возникновения империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, – поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог – их данническую зависимость или какие-либо формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи.

Монгольское нашествие захватило и вовлекло в водоворот политических и военных потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кипчакских, которые к тому времени составляли основное население степи – от Великой Китайской стены до Дуная. Сами монголы после походов XIII в. частью вернулись на свою родину, частью постепенно растворились в тюркском массиве Средней Азии и Поволжья. Сохраняя зачастую древние монгольские племенные названия, они утрачивали свой язык, мусульманизировались, их знать сливалась со знатью тюркских племен. Новые тюркские аристократические роды присваивали себе монгольские генеалогии.

Перемешавшиеся в ходе завоеваний и бесконечных переселений XIII–XVI вв. племена поселялись на новых землях, раздвигая политические границы Великой Степи. Так, на рубеже XV–XVI вв. кочевые племена узбеков Дешт-и Кипчака (Кипчакской степи), возглавленные Чингизидом Мухаммадом Шейбани-ханом, овладели большей частью Средней Азии и создали Узбекское государство Шибанидов (потомков Шибана, сына Джучи, старшего сына Чингизхана). Другая часть узбеков Восточного Дешт-и Кипчака, узбек-казахи, еще в 70-х годах XV в. создала Казахское ханство. На зем-

лях, расколовшихся и обособившихся улусов Монгольской империи, управлявшихся Чингизидами, начался новый этап тюркского этногенеза – этап интенсивного смешения с субстратным населением, *начальный этап формирования современных тюркских народов.*

Вместе с тем XVIII–XIX века в истории государств Средней Азии и Казахстана, вплоть до присоединения к России, были эпохой относительной изоляции этого огромного региона, эпохой непрерывных усобиц, приведших к политическому, хозяйственному и культурному застою, эпохой деспотической власти сравнительно небольших элитарных групп, из среды которых выдвигались ханы, и полного бесправия основной массы населения, значительная часть которого жила в крайней бедности. Лишь начавшееся в XIX в. развитие русско-туркестанских экономических и культурных связей привело к постепенному оживлению хозяйственной жизни и новому росту городов и торговли.

Следует особо оговорить значимость для истории и повседневной жизни всей Центральной Евразии одного из важнейших факторов ее хозяйственно-культурного развития, во многом предопределенного экологией региона. Речь идет о преобладании здесь, в степной и горно-степной зоне, кочевого образа жизни обусловленного основным типом хозяйственной деятельности – экстенсивным скотоводством. Именно кочевое скотоводческое хозяйство позволило на рубеже II–I тыс. до н.э. начать освоение казалось бы бескрайних пространств Великой степи, аридного пояса Евразии. В течение нескольких тысячелетий кочевое хозяйство оставалось безальтернативным способом экономического освоения степей, а кочевой быт – единственной формой жизни населявших степь племен и народов.

Коснусь только одного вопроса – пессимистической футурологической оценки кочевничества. Она связана с очень низким и очень консервативным технологическим уровнем этого типа хозяйственной деятельности и отсутствием потенциала для каких-либо изменений, его жесткой привязке к экологически ограниченной зоне и малой устойчивости к воздействию неблагоприятных природных факторов. До определенной эпохи эти существенные пороки частично компенсировались тесной привязкой кочевнических сообществ к странам с развитой оседло-земледельческой и городской жизнью. Чаще всего такая привязка

обеспечивалась не экономической заинтересованностью стран с оседлой культурой, а военным потенциалом кочевников. Война, завоевание, набег, принуждение к разного рода выплатам зачастую были в Центральной Евразии наиболее действенными для кочевников формами сосуществования с оседлыми соседями, отодвигавшими на второй план обмен, торговлю и иные формы экономического симбиоза. В XVI–XVIII вв., после существенных преобразований в области военных технологий в урбанизированных странах Евразии, военное преимущество кочевников было навсегда утрачено, а вместе с тем существенно снизились возможности компенсации экономических и экологических недочетов кочевого хозяйства, которые все более становились специализированным сырьевым придатком быстро развивавшегося индустриально-аграрного мира. Во всяком случае, с наступлением нового времени существование кочевых сообществ в прежних формах и параметрах, характер их сосуществования с «внешним миром» претерпели существенные изменения, а тупиковый характер их развития в прежних социально-экономических и политических формах полностью выявился. В Центральной Евразии новая эпоха существенно изменила прежде всего повседневную жизнь и исторические судьбы монгольских и тюркских народов.

Историческое взаимодействие Руси–России с Тюркским миром имеет полуторатысячелетнюю историю и первоначально осуществлялось отнюдь не в мирных формах. Расселение тюркских племен на запад из Центральной Азии в V–XV вв. породило по меньшей мере два опыта военно-политической интеграции евразийского пространства – огуро-тюркский в V–X вв. и монголо-тюркский в XIII–XV вв. Начавшееся в XVI в., когда ясно обозначилось аграрное перенаселение российского центра, расширение сферы российской государственности на восток и юго-восток и сопровождавшие его миграционные процессы были столь же неизбежны, как в предшествующее время расселение тюркских народов, чьей хозяйственной базой являлось кочевое скотоводство на западе Евразийских степей. Показательно, что, различаясь хронологически, эти процессы, охватившие южные пространства России, Приуралья и Поволжья, Сибири и Северного Казахстана, в ареальном отношении совпадали. Но, в отличие от западных миграций тюркских народов, русское распространение на восток

и юго-восток имело иную хозяйственную подоплеку: экономической базой этого мощного миграционного потока было пашенное земледелие. Пашня не вытеснила пастбище, но совместилась с ним, породив новые типы хозяйственного симбиоза.

Создававшиеся кочевниками государственные образования Великой Степи отличались крайней неустойчивостью, низкой конфликторазрешающей способностью. Они не обеспечивали безопасность хозяйственной деятельности, более того – порождали постоянные войны, зачастую завершавшиеся подлинным геноцидом. Устанавливая новую систему властных отношений, Россия выполняла миссию умиротворения Великой Степи, а позднее – Туркестана, стягивая воедино геополитическое пространство Евразии.

Таким образом, история тюркских народов, вместе с другими племенами кочевого населения Великой Степи, является органической частью общей истории Евразии и с древнейших времен неотделима от истории славянских государств Восточной Европы. Хотя впоследствии, в XVI–XIX вв., преобладающая часть этих народов, больших и малых, вошла в состав многонациональной Российской империи, процессы исторической жизни Пашни и Степи сохраняли, вплоть до середины прошлого тысячелетия, относительную внутреннюю самостоятельность. Сложение общего для них геополитического пространства, наметившееся одновременно с возникновением Киевской Руси и хазаро-болгарских государств в Северном Причерноморье и Поволжье, интенсифицировалось значительно позднее.

После вхождения в состав Московского царства и Российской империи тюркских народов Центральной Евразии, они оказались в иных геополитических условиях, и миграционные процессы, большие и малые, постепенно утратили прежнюю значимость.

С.А. Козлов

**КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ
О ПЕЧЕНЕЖСКИХ «ФЕМАХ» (DAI. cap. 37)
И ПРОБЛЕМА ЕГО ИСТОЧНИКОВ**

Трактат *De administrando imperio*, составленный Константином VII Багрянородным в 948–952 гг. в качестве конфиденциального

справочника-руководства по управлению империей для сына Романа, содержит в гл. 37 (lin. 34–45) емкий рассказ о племенном («фемном») устройстве и географическом расселении печенегов: «Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Κουαρτζιτζούρ (краткий вариант – Τζούρ), фема Συρουκαλλήν (Κουλλήν), фема Воротаλμάτ (Ταλμάτ) и фема Βουλατζοπόν (Τζοπόν), – расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям (соответственно) более восточным и северным, напротив Узии, Хазари, Алании, Херсона и прочих Климатов. Остальные же четыре рода располагаются по сию сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Γιαζιχοπόν (Χοπόν) соседит с Булгарией, фема Χαβουζιγγυλά (Γύλα) соседит с Туркией, фема Χαραβόη соседит с Россией, а фема Ταβδιερτίμ (Ηρτήμ) соседит с подплатежными стране России местностями».

Термин «фема» употребляется здесь не в обычном для имперской канцелярии X в. значении военно-административного округа, а как обозначение отдельных этнотерриториальных групп печенегов, равнозначных греческим терминам γένος и λαός (Коновалова 2009. С. 142–143); скорее всего, под «фемами» подразумеваются племенные группировки печенегов (Golden 1990. P. 273). Все формы названий печенежских «фем», краткие и расширенные, имеют тюркское происхождение и поддаются переводу (Németh 1932. S. 50; Щербак 1959. С. 383–384). Учитывая, что проблема источников и хронологической атрибуции оригинальной историко-географической характеристики печенегов, содержащейся в гл. 37, до сих пор вызывает споры, представляется возможным еще раз к ней обратиться.

Р. Дженкинс считал гл. 37 частью более раннего произведения, материалы которого Константин включил в состав своего трактата. По его предположению, текст DAI был составлен в два этапа: его основа представляет собой переработку историко-антикварного сборника Περί ἔθνων (гл. 14–42), подготовленного в течение 940-х годов, к которому в 948–952 гг. были добавлены, среди прочего, прооймион и первые 13 глав (кроме 9-й), написанные самим Константином с учетом современной ему расстановки сил в Припонтиде (DAI-II. P. 12).

Дж. Ховард-Джонстон, развивая идею своего предшественника о двух редакциях трактата, высказал другое предположение: первоначальный вариант текста появился при Льве VI Мудром между 900 и 910 гг. как своего рода «дипломатическое» дополнение к его военному трактату «Тактика» и представлял собой четыре историко-дипломатических досье, которые и составили ядро DAI в его нынешнем виде (Howard-Johnston 2000. P. 328, 330). Досье отражали современную Льву политическую ситуацию в Средиземноморье и содержали информацию об Италии (гл. 27–28), Балканах (гл. 29–36), степях Северного Причерноморья (гл. 37–42) и Закавказье (гл. 43–46). «Северное» досье, рассказывающее преимущественно о печенегах и венграх, Дж. Ховард-Джонстон датирует временем ок. 900 г. на том основании, что в нем не упомянуты русско-византийские договоры 907, 911 и 944 гг., посольство к печенегам херсонского стратига Вогаса ок. 917 г., венгерские вторжения во Фракию в 934 и 943 гг., визит княгини Ольги в Константинополь ок. 946 г. и др.

Отнесение «северного» досье к 900 г. не основано ни на каких прямых доводах. Приводимые Дж. Ховард-Джонстоном в его пользу *argumenti ex silentio* сами по себе малоубедительны, что, впрочем, признает и сам исследователь. Несмотря на отсутствие в «северном» досье информации о многих современных Константину Багрянородному событиях, такие сведения все же имеются. Речь идет, например, об упоминании миссии к венграм клирика Гавриила (DAI. 8.23–25), которая состоялась после 927 г. Для объяснения подобных «нестыковок» Дж. Ховард-Джонстон вынужден прибегать к известным натяжкам, однако в любом случае ясно, что Константину, главному редактору и аранжировщику DAI, были известны все вышеназванные события, которые он по каким-то причинам не считал нужным включать в итоговый вариант своего труда.

Датировка 900 г. опровергается и тем, что ни в одном из дошедших текстов эпохи Льва VI печенеги не упомянуты, хотя в «северном» досье им, наряду с венграми, уделено основное внимание; не известны они и «Тактике» Льва (в отличие от венгров, которым посвящен объемистый фрагмент: XVIII, 46–74 (PG CVII, col. 957b–964b), пересказывающий, правда, пассаж Маврикия об аварях: Strat. XI, 2 [360.13–368.108 Dennis/Gamillscheg]). Особен-

но показателен в связи с этим пассаж о столкновении венгров и болгар в период первой болгаро-византийской войны 890-х годов (Tact. XVIII, 42: PG CVII, col. 956d). Речь здесь идет о тех же событиях, что и в гл. 40.8–10 трактата Константина Багрянородного, с той лишь разницей, что последний связывает с этим болгаро-венгерским конфликтом появление в Нижнем Подунавье печенегов. Уже Ю.А. Кулаковский (1898. С. 400–402) обратил внимание на связь двух событий и заметил, что автору «Тактики» кроме венгров не известны другие народы, обитавшие в причерноморских степях. Кроме того, не упомянуты печенеги и в письмах Николая Мистика, датируемых временем его первого патриаршества (901–907), хотя в дальнейшем они неоднократно упоминаются патриархом. Можно полагать, что для Льва VI и его непосредственных современников печенеги не представляли особого интереса, во всяком случае это не нашло отражения на страницах их произведений. По-видимому, в это время греки имели лишь самые общие сведения о печенегах (вероятно, знали их этноним: Macartney 2008. P. 70), что никак не вяжется с подробным «печенежским досье» DA1.

Напротив, в эпоху после Льва VI печенеги стали регулярно упоминаться в византийских текстах. В поле зрения византийцев печенеги появляются в связи с посольством херсонского стратига Иоанна Вогаса ок. 917 г., когда они стали объектом активной дипломатии Византии, искавшей союзников в борьбе против болгарского царя Симеона I (Ep. 9.89–152 Jenkins/Westerink; Theoph. Cont. VI De Const. Porph., 7, 10 (386.23–387.7, 389.20–390.5 Bekker); Georg. Mon. Cont. 879.12–19, 882.5–17 Bekker; Leon. Gramm. Chron. 293.5–13, 295.18–296.2 Bekker и др.). Согласно Продолжателю Феофана, Иоанну Вогасу удалось заручиться поддержкой печенегов и заключить с ними договор (VI De Const. Porph., 7 [387.2–7], ср.: Nic. Myst. Ep. 183.22–26 от 915/16 г.). Это отчасти объясняет те угрозы, к которым неоднократно прибегает Николай Мистик в переписке с Симеоном, призывая его примириться с ромеями: иначе ничто не удержит печенегов и другие «скифские» народы от нападения на болгар (Ep. 9.143–144, 152–153 от 917 г.; 23.18–21, 66–69 от 922/24 г.). Итак, хотя первые контакты ромеев с печенегами могли произойти еще в 890-е годы, по-настоящему интересоваться этими кочевниками и рассматривать их в числе

своих основных союзников в Причерноморье византийцы начинают не ранее 10–20-х годов X в. Данный вывод может служить одним из ориентиров для датировки гл. 37.

Такая датировка подтверждается содержанием гл. 37: столь специфичные сведения о печенегах ромеи могли получить только в результате непосредственных, «союзнических» контактов с ними. В составленной А.М. Щербаком сводке (1959. С. 378–383) на DAI приходится более половины всех печенежских лексем, зафиксированных в византийской литературе: 28 слов (23 в 37-й гл., 5 в 42-й), не считая этнонима печенегов. Судя по количеству и транскрипции печенежских лексем, а также по использованию греческой терминологии для описания различных реалий печенежского общества, материалы для гл. 37 собирали люди, компетентные и в том, и в другом. Учитывая изложенное, ничто не мешает предположить, что сбор этих материалов проходил при участии Иоанна Богаса, известного своим посольством к печенегам. Богас был тесно связан с печенегами, а скорее всего, и сам был печенежского происхождения (Moravcsik 1983. S. 92). Его осведомленность о печенегах, их культуре и расселении, как и знание двух языков, греческого и печенежского, таким образом, совершенно естественны, и нет ничего удивительного в том, что он приложил руку к «печенежскому досье». Если так, то отсутствие в DAI упоминаний о Богасе легко объясняется тем, что именно он собирал информацию о печенегах.

Предположение о крымском происхождении материалов гл. 37 удостоверяется особым вниманием трактата к феме Херсона, через которую осуществлялись связи Византии с печенегами. По наблюдению И.Г. Коноваловой (2009. С. 141), в первых пяти главах используется лишь один топоним – Χερσῶνος (1.26–28), который на протяжении всего рассказа о «северных» народах остается главным географическим маркером (6.3, 7, 8.8, 11). Кроме того, говоря о печенежско-херсонских отношениях (гл. 6), Константин выделяет «другой народ из тех же самых пачинакитов, который находится рядом с областью Херсона» и исполняет поручения херсонитов и василевса в Росии, Хазарии, Зихии и других краях, получая за это плату. Возможно, указанием на особый статус «прохерсонской» группы печенегов Константин не столько лишний раз подчеркивает важность печенегов как внешнепо-

литического партнера, сколько акцентирует внимание юного наследника престола на роли этой группы в отправлении административных функций фемы Херсона (ср. замечание о том, что «стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних»: 42.53–54), являвшейся основным форпостом внешней политики Византии в Причерноморье.

Дополнительным аргументом в пользу предположения, что источником гл. 37 был Иоанн Богас, является его смешанное, тюрко-христианское имя. Имя Βογᾱς следует возводить, возможно, к тюрк. *boga* «бык» (Щербак 1959. С. 380); христианский преном указывает, видимо, на принятие Богасом крещения. Сочетание Ἰωάννης ὁ Βογᾱς впервые упоминает Продолжатель Феофана (у Николая Мистика преном не назван), который отметил также (VI De Const. Porph., 7 [387.2–7]), что за обещание поднять против Симеона печенегов, Богас был произведен в патрикии. Личность Иоанна Богаса, таким образом, является одним из самых ранних примеров адаптации печенегов к византийскому христианско-имперскому пространству. Взятый изолированно, этот факт, конечно, ничего не доказывает, однако картина проясняется, если сопоставить его с популярной византийской традицией о крещении печенежского вождя Кегена Константином IX Мономахом в конце 40-х годов XI в. (Maurop. 143–146 de Lagarde; Mich. Psell. 405–406 Sathas; Mich. Attal. 30.5–32.5 Bekker; Scyl. 455.47–459.85 Thurn и др.).

По Скилице, мятежный вождь одного из печенежских родов, Кеген, опасаясь расправы, бежал в Константинополь, где был гостеприимно встречен императором, обращен в христианство и, среди прочего, удостоен титула патрикия. При этом Скилица приводит 11 печенежских лексем, что является вторым результатом после DAI; примечательно, что после Константина Багрянородного Скилица является единственным византийским автором, зафиксировавшим племенные названия печенегов (Βελεμάρβις, Παγουμάρβιδα). Весьма вероятно, что столь подробные сведения о недавнем враге были предоставлены именно Кегеном, перешедшим на сторону Византии (история с Богасом во многом аналогична). Кстати, как и Богас, при крещении Кеген был наречен именем Иоанн, о чем свидетельствует легенда печати, обнаруженной на территории фемы Паристрион (Seibt, Zarnitz 1997.

S. 131–132). Вряд ли все это можно объяснить простым совпадением – слишком специфичен сюжет.

Таким образом, можно предполагать, что в основе гл. 37 лежат сведения, собранные в 10–20-е годы X в. херсонским стратигом Иоанном Вогасом, принадлежавшим к обеим, византийской и печенежской, культурам. Именно с этого времени печенеги начинают играть всё большую роль в дипломатии Константинополя и регулярно упоминаться в византийских источниках. Предположение, что столь подробное «досье» о печенегах было собрано уже при Льве VI, при отсутствии каких-либо следов этого досье в современных ему текстах, должно быть отвергнуто. Представляется методически неверным решать вопрос о времени составления и источниках справочно-информативной части DAI, рассматривая ее как продукт чисто греческого творчества, лишенный каких-либо местных влияний.

Литература

- Коновалова И.Г. Печенежское досье Константина Багрянородного // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация: XXI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, 14–17 апреля 2009 г.). М., 2009. С. 139–146.
- Кулаковский Ю.[А.] Лев Мудрый, или Лев Исавр был автором «Тактики»? // Византийский временник. 1898. Т. 5, отд. 1. С. 398–403.
- Щербак А.М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела–Белой Вежи: К вопросу о языке и письменности печенегов. М.; Л., 1959.
- DAI-II — *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*. L., 1962. Vol. 2. Comm. by F. Dvornik, R.J. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman.
- Golden P.B. The peoples of the south Russian steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia / Ed. D. Sinor. Cambridge, 1990. P. 256–284.
- Howard-Johnston J. The *De Administrando Imperio*: A Re-Examination of the Text and a Re-Evaluation of Its Evidence about the Rus // Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient: Actes du Colloque Int. tenu au Collège de France en octobre 1997 / Éd. par M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman. P., 2000. P. 301–336.
- Macartney C.A. The Medieval Hungarian Historians: A Critical and Analytical Guide. Cambridge, 2008.
- Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Leiden, 1983. Bd. 2.

- Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós: Mit zwei Anh.: I. Die Sprache der Petschenegen und Komanen. II. Die ungarische Kerbschrift. Budapest; Leipzig, 1932.
- Seibt W., Zarnitz M.L.* Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk: Katalog zur Ausstellung. Wien, 1997.

И.Г. Коновалова

ГРАНИЦЫ РУСИ IX – СЕРЕДИНЫ X в.*

Неотъемлемой частью политогенеза является разграничение – территориальное, этнокультурное, политическое, социально-экономическое, идеологическое. Поэтому исследование государствообразовательных процессов в целом и в Восточной Европе, в частности, должно сопровождаться изучением вопросов, связанных с существованием разного рода границ на этом пространстве, их иерархией и динамическими изменениями.

Для Восточной Европы IX – середины X в. мы располагаем целым рядом систематизированных описаний этого региона, составленных исламскими авторами на основе разных классификационных принципов и в силу своего жанра содержащих информацию о границах. Исламские авторы развили унаследованные ими от античной и библейской традиции принципы землеописания по частям света, широтным зонам – «климатам» и этногенеологиям и, кроме того, широко практиковали описание ойкумены по религиозно-политическому и – наиболее интересному для нас в данном случае – региональному признаку.

Ключевые для ранней русской истории сообщения арабских авторов – это:

- информация о путях купцов-русов и славян у Ибн Хордадбе-ха (IX в.) и Ибн ал-Факиха (начало X в.), вписанная в глобальный контекст (в рассказ о трансконтинентальных торговых путях Евразии от Испании и Франции на западе до Китая на востоке и от Багдада и Рея на юге до «окраинных областей славян» на севере) (BGA VI. P. 154; BGA V. P. 270–271; переводы: Хрестоматия. С. 30–32, 35);

- описание «острова русов», которое инкорпорировано в состав рассказа Ибн Русте (начало X в.) о северных по отношению к мусульманскому миру народах (порядок описания: печенеги, хазары, бургасы, болгары, венгры, славяне, русы, жители Сарира, аланы) (BGA VII. P. 145–147; переводы: Хрестоматия. С. 47–50);

- сообщение о трех «группах» русов, являющееся частью широкой этногеографической панорамы Восточной Европы в сочинениях ал-Истахри и Ибн Хаукала (середина X в.) (BGA I. P. 225–226; Ибн Хаукал. С. 397–398; переводы: Хрестоматия. С. 85–86, 94).

Все три сообщения хорошо известны, но анализируются, как правило, по отдельности, в отрыве друг от друга и – если сопоставляются – то не между собой, а с другими источниками, прежде всего археологическими и нумизматическими. Между тем имеет смысл рассматривать сведения Ибн Хордадбеха, Ибн Русте и ал-Истахри – Ибн Хаукала вместе, т.к. в совокупности они отражают разные стадии социально-политических и интеграционных процессов на древнерусском пространстве.

Интерпретация сообщения Ибн Хордадбеха обычно ведется в контексте нумизматических реконструкций торгового пути от Балтики до Багдада. И – соответственно – основное внимание уделяется самому маршруту купцов-русов. А вот откуда приходят русы, как правило, остается вне поля зрения, и понятно, почему: Ибн Хордадбех ничего не говорит не только о стране русов, но и хотя бы о каком-либо месте их проживания. Ему известно лишь то, что русы везут свои товары из «самых отдаленных [окраин страны] славян», причем в Хазарию они попадают по «Реке славян», а о том, каким путем они добираются до Черного («Румийского») моря, Ибн Хордадбех не сообщает. То есть на международном рынке русы появляются, можно сказать, из ниоткуда, и единственной частью пространства, маркируемой как «русская», оказывается торговый маршрут, по которому они идут. При этом по мере удаления от Багдада этот путь русов становится все менее и менее отчетливым для их исламских контрагентов, теряясь где-то у «самых отдаленных [окраин страны] славян».

Плотный «славянский» контекст сообщения о русах (везут товары из земли славян, плывут по «Реке славян», говорят по-славянски) не случаен: Ибн Хордадбех описывает русов через знакомый арабам этноним «славяне» (*сакалиба*) и называет их

«видом» (*синф*) славян, а обрисовывающий сходные торговые маршруты Ибн ал-Факих (начало X в.) вообще не пользуется этнонимом «русы» и приписывает эти торговые маршруты славянам. Таким образом, до начала X в. внешний наблюдатель с трудом мог отграничить русов от славян. С одной стороны, Ибн Хордабех подчеркивает особость русов, но с другой – тут же указывает, что это особость в рамках славянской общности («вид славян»), а для Ибн ал-Факиха выделенность русов из массы славян становится уже совсем неразличимой. Очевидно, что Ибн Хордабех в лице русов описывает новый этносоциальный феномен, который именно в силу его новизны с трудом поддается описанию.

В конце IX в., когда создавалась «Анонимная записка» о северных народах, дошедшая до нас в изложении Ибн Русте, в исламском мире стали циркулировать первые сведения о месте обитания русов, на основе которых в арабо-персидской литературе X–XVI вв. сформировался устойчивый географический образ «острова русов» (о нем см.: Коновалова 1999). В отличие от сообщения Ибн Хордабеха, в рассказе об «острове русов» информация об их торговых путях занимает подчиненное место, а основное внимание уделяется показу русов, так сказать, у себя дома, в тех «самых отдаленных [окраинах страны] славян», откуда русы везут свои товары: Ибн Русте обрисовывает – вплоть до бытовых деталей – устройство общества русов в их локусе власти.

Если на трансконтинентальных торговых путях IX – начала X в. русов еще можно было спутать со славянами, то в месте своего обитания они были отграничены от славян достаточно четко. Но это была отграниченность не пространственно-географическая (об этом подробно см.: Коновалова 2011), а социокультурная, экономическая и политическая. В рассказе Ибн Русте русы противопоставлены славянам, прежде всего, по своему образу жизни: их единственное занятие – торговля рабами и пушниной, они сами ничего не производят, а все необходимое для жизни берут у славян силой. Мечи русов названы их основным «средством производства», а также единственной вещью, передаваемой по наследству рядовыми русами.

По словам Ибн Русте, русы состоят из отдельных групп (*тā'ифа*, букв. «класс», «разряд», «группа», «религиозная общи-

на)), которые только перед лицом внешнего врага выступают солидарно, а между собой непрерывно соперничают. Описанный порядок разрешения таких споров, позволяет считать, что какую-то роль во внутригрупповой консолидации играли кровнородственные связи: когда конфликтующие были недовольны приговором правителя, их спор разрешался путем поединка, за ходом которого наблюдали родственники ('*ашйра*, букв. «род», «племя», «родня») с обеих сторон. Поэтому большинство переводчиков данного фрагмента передают термин *тā'ифа* как «род» или «племя» (Гаркави 1870. С. 268; Новосельцев 2000. С. 303; Гараева 2006. С. 705; Хрестоматия. С. 49; ср. однако: Lewicki 1977. S. 41: *grupa*; Göckenjan, Zimonyi 2001. S. 83: *Verband*).

Между тем у слова *тā'ифа* есть и другие коннотации. Оно происходит от глагола *тāфа*, обозначающего такие действия, как «обходить кругом», «совершать обход», а также «плавать», «держаться на воде». Это позволяет полагать, что Ибн Русте говорит о русах-дружинниках. О том, что составитель «Анонимной записки» имел в виду именно их, можно заключить по информации более позднего варианта рассказа об «острове русов», сохранившегося в составе персоязычного сочинения конца X в. «Худуд ал-'алам», где отмечается, что среди русов есть «группа, отличающаяся доблестью и благородством» (перс. *мурувва*; Новосельцев 2000 С. 305: «группа из моровват»; Göckenjan, Zimonyi 2001. S. 112: *eine Gruppe, die Edelmüt besitzt*). В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский и А.П. Новосельцев видели в этом сообщении «Худуд ал-алам» свидетельство о наличии у русов определенной категории воинов-дружинников, основным занятием которых были набеги на соседние народы (Новосельцев 2000. С. 310–311).

Важная деталь в описании Ибн Русте – это указание на то, что среди русов нет землевладельцев («нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен»), откуда следует, что территориализация власти в обществе русов в конце IX в. еще находилась в зачаточном состоянии, а само их государство в это время фактически являлось самоорганизованной правящей знатью. Об отсутствии какой-либо территории за пределами резиденции правителя, на которую бы распространялась власть русов, говорит и характер описания «острова русов». Ибн Русте не приводит ни названия «острова», ни наименования хотя бы одного распо-

женного там города, реки или горы, не указывает название того моря (или озера), в пределах которого находился «остров». В отличие от сообщений о всех других народах региона, в рассказе о русах нет не только ни одного указания на расстояния между землей русов и другими странами, но даже простого упоминания о каких-либо соседних с русами народах.

В параллель к сообщению Ибн Русте можно привести текст договора руси с Византией 911 г., где русские послы, принося клятву, демонстрируют *родовое* самосознание (ПВЛ. С. 18: «мы от рода рускаго»), но не территориальное. Вообще в договоре 911 г. термин «Русская земля» упоминается лишь однажды (ПВЛ. С. 19), при том что о Руси говорится часто.

К середине X в. представление о стране («острове») русов в исламском мире усложняется. Ал-Истахри и Ибн Хаукал знают уже три группы русов. Каждая группа территориально отделена от других и имеет свой городской центр. Иерархия этих центров очевидна: *Куйяба* описана как самый бойкий и известный вне Руси центр, *Слава* – как второй по известности, но менее доступный город, а *Арса* – как «медвежий угол», связанный с внешним миром лишь через *Куйябу*. То есть группы не изолированы одна от другой и, в силу того, что находятся в иерархических отношениях между собой, могут быть описаны как целое, как территориально-политическая общность русов («Русы. Их три группы») – ал-Истахри; «Русов три группы» – Ибн Хаукал, ал-Идриси).

Если сравнивать данные ал-Истахри и Ибн Хаукала с рассказом об острове русов, то очевидно, что они также не приводят никаких сведений ни о географическом положении русов относительно других народов, ни о границах Руси – ни внешних, ни внутренних между группами русов. Однако само по себе то, что речь идет о *территориальных*, а не каких-то иных группах русов, со своими столичными городами, говорит о том, что процесс территориализации власти в древнерусском обществе к середине X в. заметно продвинулся по сравнению с концом IX – началом X в.

И тут опять можно обратиться к договору руси с греками, на этот раз к договору 944 г., где послы приносят клятву не только как представители «рода русского», но и как «посланные... от всех людей *Русской земли*» (ПВЛ. С. 23; курсив мой. – И.К.). Можно вспомнить и формулировку Константина Багрянородного о

наличии «Внешней Росии» (9.3) и – логически подразумеваемой – «Внутренней Росии». Что Константин говорит именно об имевшей место в его время определенной территориализации власти русов, видно из того, что под «Внешней Росией» он имеет в виду совокупность в той или иной степени подчиненных русам Славиний.

Конечно, степень этой территориализации до середины X в. не стоит переоценивать. Не случайно арабские авторы этого времени знают лишь *центры* власти русов, но ничего не сообщают о территориальных *границах* их власти, а Константин называет славян «пактиотами русов» (9.9; 9.109) (т.е. и данниками, и союзниками одновременно) и помещает их во «Внешнюю Росию», тем самым подчеркивая зыбкость власти русов над славянской периферией. Не случайна и туманность летописной хронологии Рюриковичей до Святослава: горизонтальные линии родства трансформируются в четко выстроенные патрилинейные, только когда власть территориализируется, т.е. из власти над людьми превращается во власть над территорией.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта «Географическая концептуализация государственного пространства: От Средневековья до Новейшего времени» Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».)

Литература

- Гараева Н.А. Ибн Русте // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2006. Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. С. 699–707.
- Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870.
- Ибн Хаукал – Opus geographicum auctore Ibn Haukal... «Liber imaginis tetrae» / Ed. J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.
- Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. М., 2001. С. 169–189.
- Коновалова И.Г. К вопросу о географии Руси IX – первой половины X в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Мат.-лы конф. М., 2011. С. 119–123.

- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. М., 2000. С. 303.
- ПВЛ – Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачёва; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.
- Хрестоматия – Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2009. Т. 3: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.
- BGA I, V, VI, VII – *Bibliotheca geographorum arabicorum* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. Т. 1; 1885. Т. 5; 1889. Т. 6; 1892. Т. 7.
- Göckenjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, *Hudūd al-‘Ālam*, al-Bakrī und al-Marwazī). Wiesbaden, 2001.
- Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. Т. 2, cz. 2.

Е.Л. Коняевская

ПОЛИТИКА ТВЕРСКИХ РЮРИКОВИЧЕЙ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ТВЕРСКОГО КНЯЖЕСТВА

В XII в. Тверь входила в состав Ростово-Суздальской земли, и в 60-е годы она была уже заметным административным центром, управлявшимся боярином-наместником Андрея Боголюбского (см.: Кучкин 1984а. С. 226–227). Затем мы видим здесь переяславских наместников, о чем свидетельствует известие в статье 1245 г. Новгородской I летописи (далее: Н1).

Когда же Тверь становится княжеским центром? Под 1254 г. в Лаврентьевской летописи (далее: Лавр.) и Рогожском летописце (далее: Рог.) в известии о бегстве Ярослава Ярославича от Неврюевой рати он назван «Тферским» и при этом говорится, что он оставил «свою отчину». Нижний рубеж – это 1247 г., когда умер Ярослав Всеволодич (он мог завещать Тверь одному из сыновей). В.А. Кучкиным выдвинуто положение о том, что таким сыном был Александр Невский, который передал тверское княжение Ярославу, став в 1252 г. великим князем владимирским (см.: Кучкин 1984б. С. 114–115). Основанием служит грамота Михаила Ярославича и Новгорода 1296 г., где, в частности, говорится: «А

кто будетъ давныхъ людии въ Торъжку и въ Волоцѣ, а позороваль ко Тѣѣри при Олександрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ» (ГВНП. С. 14, № 4). Хотя этой грамотой и исчерпываются письменные источники, которые могут дать материал о действиях Александра Ярославича в качестве тверского князя, из нее ясно, что у Твери при Александре были тесные связи с соседними новоторжскими и волоцкими землями, и там имелись жители тверского подчинения.

В известиях, где Ярослав впервые назван Тверским, сообщает-ся о его бегстве в Ладогу (Лавр., Рог.), а затем вокняжении во Пскове (Н1) (в хронологии статей Лавр. 6761 и 6762 г. фиксируется сбой, известие о бегстве Ярослава в Ладогу должно относиться к концу предыдущей статьи). Отъезд его, как известно, был связан с тем, что Ярослав поддерживал брата Андрея в его неповиновении Орде и после преследования татар собирался, подобно брату, бежать за пределы Руси – в Швецию. Об этом свидетельствует информация Лавр. о гибели от татар в Переяславле жены князя и воеводы Жидослава, пленении детей Ярослава. Вопреки сомнениям П.Д. Малыгина (см.: Малыгин 1998. С. 39–40), это известие подтверждается дальнейшей историей, отраженной в летописях: Ярослав женился в Новгороде, стало быть, был вдов, дети от первого брака действительно были – это Святослав и Михаил, которые действуют в дальнейшем.

Вернуть свою отчину Ярославу удастся, видимо, только в 1257 г., когда Ярославичи – Александр, Андрей и Ярослав – отправляются в Орду, «чтитъ» хана Улагчи, с которым Андрей и Ярослав могут начать отношения «с чистого листа» и получить ярлык каждый на свою отчину.

После смерти Александра Невского Ярослав получает великокняжеский и новгородский стол. Тот факт, что о его деятельности именно по отношению к Новгороду имеется богатая и разнообразная информация, зачастую приводил историков к выводам, что князь не интересовался Тверью и не жил там (см.: Пресняков 1918. С. 78, примеч. 1). Однако такое положение дел связано лишь с сохранностью письменных источников: тверское летописание еще не велось, нет и тверских актов. О «тверской» политике Ярослава можно догадываться лишь по штрихам и деталям. Так, в летописях говорится, что новгородцы посылают за Яросла-

вом в Тверь, т.е. уже будучи великим князем, он продолжал жить в своей отчине. Археологи отмечают обновление укреплений в Твери в 60-е годы XIII в. К 1266 и 1268 гг. относятся две договорные грамоты Ярослава Ярославича и Новгорода, где упоминается о его тверской отчине *наряду* с Суздальской землей – великим княжением: «А что, княже, мытъ по твоєи земли, и по [и]нои волости, и по всеи Суждальской земли...» (ГВНП. С. 11, № 2).

С трудом поддается восстановлению картина взаимоотношений Ярослава Ярославича с противоборствующими силами в Литве. Если в походе под Юрьев его союзником был Товтивил, наместник князя Миндовга, то после гибели Миндовга и Товтивила мы видим Ярослава, поддерживающего представителей противоположного лагеря. Очевидно, Ярослав прилагал усилия, чтобы его сын Святослав утвердился на псковском столе, о чем свидетельствует его присутствие в Пскове с воинами в 1265 г., в то время как Святослав крестит литовцев, бежавших в Псков после междоусобия. При этом «новгородци хотѣша их (литовцев. – Е.К.) изъѣщи, нѣ не выда ихъ князь Ярославъ, и не избиени быша» (НПЛ. С. 85). В числе этих 300 литовцев были потерпевшие в конечном счете поражение мятежники против Миндовга. Ярослав, возможно, рассчитывал сделать этих, скорее теоретических, а не реальных противников «своими», и первый важный шаг к этому – крещение. Однако сложная расстановка сил в Литве и серьезная втянутость в события Пскова приводят к тому, что еще одного крещеного литовского князя – Довмонта псковичи предпочтут Святославу. Видимо, из-за этого Ярослав будет организовывать не состоявшийся, в конечном счете, из-за противодействия новгородцев поход на Псков.

Так или иначе, для будущего Твери оказался важен сам факт плотных контактов с литовской и полоцкой элитой, который делает понятным, почему владыка Симеон Полоцкий уходит в стабильную и безопасную Тверь вместе с другими полочанами или литовцами. Ему на смену на тверской кафедре придет епископ Андрей, сын князя Герденя, который, по-видимому, появился в Твери примерно в это же время (или после гибели отца в 1267 г.), поскольку к моменту получения владычной кафедры был игуменом в Тверском Отроче монастыре. Интересно, что такого рода приток людей из других, менее безопасных и привлекательных

для жизни регионов и в дальнейшем был для Твери одним из источников ресурсов, обеспечивавших успешное развитие при отсутствии экспансии и расширения территории княжества.

Дж. Феннел невысоко оценивал влияние Ярослава как владимирского князя, утверждая, что последний не обладал достаточно «сильным характером», чтобы подчинить себе родичей (см.: Феннел 1989. С. 169). В качестве примера он говорит о Раковорской битве, на которой не было Василия Ярославича Костромского. Думается, для такого утверждения неучастия одного князя недостаточно, тем более что Василий далее проявит себя явным противником Ярослава. Раковорский поход был инициирован вовсе не Ярославом. К нему «послали» новгородцы за помощью после «распри» и неудачного похода к Раковору. В повторный поход отправляются Дмитрий Александрович Переяславский, Святослав и Михаил Ярославичи, Константин Ростиславич Смоленский, Юрий Андреевич Новгородский, некий князь Ярополк, Довмонт Псковский. При этом едва ли Ярослав Ярославич стремился задействовать все свои ресурсы для компании, идею которой не разделял. Свое отношение к походу и итогам битвы он высказал, приехав в Новгород: «мужи мои и братья моя и ваша побита; а вы розьратилися с Нѣмци» (НПЛ. С. 87). Действительно, исход битвы был неоднозначен в силу больших потерь с обеих сторон. Выясняется, что от Ярослава зависит заключение окончательного мира с немцами. Поэтому новгородцы вынуждены уговаривать и возвращать князя, который, было, уехал из Новгорода. После прихода в Новгород полков, собранных Святославом в Низовской земле, немцы запросили мира, который и был заключен. В качестве великого князя Ярослав имел наместников в Москве при малолетнем Данииле Александровиче, о чем свидетельствует текст Тверского сборника, передающий грамоту тверского великого князя Ивана Михайловича к Василию Дмитриевичу. Тверской князь вспоминает время великого княжения Ярослава Ярославича, когда «седели на Москве 7 лѣтъ тивона моего пращура Ярослава» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 474).

Анализируя взаимоотношения Ярослава с Ордой, Э. Клюг определил их характер как «позитивный» (Клюг 1994. С. 65). Тем не менее очевидно, что в начале своей политической деятельности Ярослав, напротив, заложил основы нелояльного отношения

тверичей к татарской власти. Он поддержал старшего брата Андрея, а гибель жены не могла не упрочить его личного неприятия татар. Летописи упоминают лишь две поездки Ярослава в Орду. Однако санкция от Орды на великое княжение не могла не быть им получена, поэтому такая поездка в 1263 г. должна предполагаться. Отсутствие же этой информации в летописях, отражающих великокняжеское летописание, также может быть значимо.

Нам неизвестен какой-либо «ряд» Ярослава сыновьям, но по имеющимся совокупным данным можно утверждать, что Тверь становится родовой отчиной его потомков. Остановливаясь кратко на положении и политической роли сыновей Ярослава от первого брака, которые не побывали на великокняжеском столе, можно отметить крайнюю скудость информации о Святославе и Михаиле. Не став, по крайней мере, на значительное время псковским князем, Святослав мог бы быть наместником отца в Твери. Но мы неоднократно видим его рядом с отцом в Новгороде. Имя же Святослава в связи с Тверью при жизни отца не звучит вовсе. Возможно, эти факты заставили П.Д. Малыгина предположить, что не Святослав, а «Михаил Старший и был тверским князем в период великого княжения во Владимире своего отца» (Малыгин 1998. С. 43). Но к этому еще меньше оснований, чем считать тверским наместником Святослава. Михаил упоминается в летописи лишь в связи с его участием в Раковорской битве, а скорая его смерть может свидетельствовать о его слабом здоровье, мешавшем ему активно действовать.

После смерти отца Святослав Ярославич, вопреки прежним союзническим связям с Дмитрием Александровичем, принимает сторону Василия Ярославича, который выступал незадолго до смерти Ярослава его противником. Святослав «съ тѣфрици и начаша воевать волость новгородскую: Волокъ, Бѣжици, Вологду» (НПЛ. С. 322). В ответ Дмитрий идет на Тверь. Таким образом, начало княжения Святослава как главы тверского дома ознаменовывается *военным* столкновением Твери с Новгородом, открывая новую, конфликтную страницу отношений Новгорода и тверских князей.

Традиционно считается, что Святослав «ставил на сильнейшего». Но можно выдвинуть и другую гипотезу – развивая идею А.Е. Преснякова о том, что еще при жизни Ярослава Ярославича могла существовать договоренность о занятии великокняжеского

стола Василием. Действительно, в Рог. есть известие о том, что в последнюю поездку в Орду Ярослав едет вместе с Василием и Дмитрием. Святослав в таком случае мог считать своим долгом поддержать Василия, в том числе и в претензии как великого князя владимирского на новгородский стол.

У Ярослава Ярославича и до определенного момента у его сына Михаила Ярославича не было оснований противопоставлять свою отчину Владимирскому княжению. Перелом наступит в тот момент, когда Михаил Ярославич узнает, что ярлыком на великое княжение теперь владеет Юрий Данилович Московский. Согласно Житию Михаила Ярославича, великий князь обращает к Юрию знаменательные слова: «Брате, аже тебѣ дал Богъ и царь княжение великое, то и азъ отступлю тебѣ княжения, но в мою отприснину не вступайся». И далее говорится, что Михаил Ярославич уходит в свою «вътчину» (Кучкин 1999. С. 134). Отныне вотчина тверских Рюриковичей позиционируется как «опричнина», особенность по отношению к великокняжескому Владимиру.

Призвав авторитетного владыку – полоцкого епископа Симеона – и создав в княжестве епископскую кафедру, Ярослав Ярославич сделал важнейший шаг, который дал возможность Тверскому княжеству выдвинуться в передовые и влиятельные государственные образования Северо-Восточной Руси. Летописи сообщают, что именно владыка Симеон с «игумены и попове» (а не вдова, сын и бояре) везет умершего по дороге из Орды Ярослава Ярославича в Тверь и хоронит в главном тверском храме Козьмы и Дамиана (см.: ПСРЛ. Т. 18. С. 74), хотя как великий владимирский князь Ярослав мог бы быть упокоен во Владимире рядом со старшим братом. Решение, принятое и осуществленное епископом, окажет серьезнейшее влияние на формирование Твери как самостоятельного государственного образования со своим некрополем правителей.

Восхождение на тверской стол Михаила Ярославича открывает новый этап тверской истории. С началом великокняжеского летописания и складыванием тверской литературы в целом формируется идеология, которую представители тверского княжеского дома стремятся внедрить в общественное сознание. Это, с одной стороны, идея ответственности власти внутри княжества, с

другой – мысль о необходимости единства русских земель в противостоянии татарскому владычеству.

Источники и литература

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Кучкин В.А. Возникновение Твери и проблема тверского гостя в «Рукописании» Всеволода // Древнейшие государства на территории СССР. 1983 год. М., 1984. С. 209–231. (а)

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. (б)

Кучкин В.А. Пространная редакция повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 116–163.

Мальгин П.Д. Ярослав Ярославич и Тверь в летописных известиях // Великое прошлое. Тверь, 1998. С. 38–48.

НПЛ – Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.; Л., 1950.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

ПСРЛ. – Полное собрание русских летописей. М., 1863. Т. 15; СПб., 1908. Т. 18.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.

Д.А. Коробейников

СЕЛЬДЖУКСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ МАЛОЙ АЗИИ (1064–1081)

Потеря Византией Малой Азии было событием, предопределившим падение самой византийской цивилизации. После поражения при Манцикерте в 1071 г. империя так и не вернулась к прежнему состоянию: она навсегда лишилась своих малоазийских владений (император Алексей I Комнин смог отвоевать только прибрежные районы в 1091–1116 гг.). Отныне нестабильные Балканы, а не Малая Азия, стали основной территорией империи, откуда она черпала свои ресурсы.

Вопреки распространенному представлению, сельджукское завоевание малоазийских владений Византии не было планомерным вторжением: сельджуки не занимали последовательно про-

винцию за провинцией. Сохранившиеся армянские колофоны, а также грузинские документальные источники (хартии Баграта IV Куропалата и его сына Гиорги [Георгия] II) свидетельствуют, что даже после битвы при Манцикерте византийская власть в Армении еще не была поколеблена – даже в тех областях между реками Аракс и Арацани (Восточный Евфрат), которые подвергались практически ежегодным набегам. При этом одной из главных причин успеха тюрок было направление их вторжений: через Васпуракан между реками Аракс и Арацани (Восточный Евфрат). Византийцы обращали гораздо больше внимания на укрепления в Сирии или Южной Армении, традиционном театре военных действий против арабов, пренебрегая кавказским направлением. Разумеется, тюркам удавалось проникать вглубь византийских земель, но они еще были слишком малочисленными, чтобы опустошать обширные районы. Их главной целью были прежде всего богатые и зачастую беззащитные города, которые они брали быстрым и неожиданным нападением.

Решающий удар по позициям империи в Малой Азии нанесло совсем другое вторжение. Еще в 1070 г. старший брат будущего императора Алексея I Мануил Комнин разрешил войску тюрок-сельджуков под командованием Эрисгена поселиться во Фригии. В 1075 г. мятежный представитель боковой ветви Великих Сельджукидов Сулейман ибн Куталмыш бежал из Сирии в Малую Азию. Из-за полного хаоса, царившего в Анатолии, он, не встречая практически никакого сопротивления, смог достичь Вифинии. Тюрки Эрисгена и Сулеймана были родственны друг другу и, объединившись, в октябре 1077 г. составили костяк войск мятежного Никифора Вотаниата, ставшего впоследствии императором. Византийцы фактически своими руками создали тюркский «этнический котел» на территории Фригии и Вифинии, при том что другие области Малой Азии еще оставались свободными от власти тюрок. Именно это обстоятельство оказалось решающим: господство тюрок в Вифинии до Первого Крестового похода сделало невозможным восстановление власти Византии в Малой Азии.

ФАКТОРЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА РИМСКОЙ ОБЩИНЫ У САЛЛЮСТИЯ

В так называемой «Археологии» «Заговора Катилины» (гл. 6–13) Саллюстий излагает свои взгляды на прошлое Рима, в том числе и на факторы его политогенеза. Первым из них оказывается миграция: «Город Рим, насколько мне известно, основали и вначале населяли троянцы, которые, бежав под водительством Энея из своей страны, скитались с места на место (*profugi sedibus in certis vagabantur*), а с ними и аборигены, дикие племена, не знавшие ни законов, ни государственной власти, свободные и никем не управляемые (*sine legibus, sine imperio, liberum atque solutum*)» (6. 1). Затем они объединяются в стенах Города (*in una moenia convenere*) – это уже второй этап (6. 2).

Когда у римлян «умножилось число граждан, улучшились нравы, появились новые земли» и государство их приобрело облик процветающего (6. 3: *res eorum... satis prospera satisque pollens videbatur*), они вызвали к себе зависть, а та повлекла войны со стороны соседей (при этом не упомянуто, откуда у римлян появились новые земли). Победы в этих войнах римляне одерживали благодаря *virtus*, защищая не только себя, но и друзей и союзников (6. 5: *sociis atque amicis*). Отсюда один шаг до чеканной формулы Цицерона: «Наш народ, защищая своих союзников... покорил весь мир» (*noster autem populus sociis defendendis terrarum... omnium potitus est*) (De rep. III. 35; см.: Heldmann 1993. S. 103). Однако Саллюстий, известный своими красноречивыми умолчаниями, ни о чем подобном не говорит, тем более что формально он прав – пока римляне мир не покорили. И он переходит к восхвалению римских порядков того времени, основанных на законах (*imperium legitimum*) – до этого, заметим, говорилось лишь о том, что законов не было у аборигенов, но ничего не сказано о том, что они появились у римлян – очевидно, первостепенного значения им Саллюстий и не придавал, ибо государство прежде всего создали *concordia* и *virtus* (см., например: McGushin 1977. P. 73), выразившиеся в объединении с аборигенами и успешных войнах с врагами, законы же без этого бессильны (вооб-

ще, о роли законов в римской политике Саллюстий говорит в своих сочинениях на удивление мало). Зато он подробно останавливается на деталях государственного устройства: «Образ правления назывался царским. Избранные мужи, с годами ослабевшие телом, но благодаря своей мудрости сильные умом, заботились о благополучии государства. Их ввиду их возраста или сходства обязанностей именовали отцами» (6. 6). «Это неожиданно подробное описание компетенции сената в “царском” контексте вновь может быть обусловлено по преимуществу точкой зрения Саллюстия, согласно которой *virtus* граждан – главное условие величия» государства (McGushin 1977. Р. 73). Царская же власть, по мнению писателя, как ни странно, служила, помимо решения задач расширения государства, охране свободы (*conservandae libertatis*), но затем превратилась в надменный произвол (*superbiam dominationemque*) и была заменена властью выборной (= республикой, хотя обозначающее ее слово *libertas* не произнесено) (6. 7).

Это способствует росту могущества Рима: «Трудно поверить, в сколь краткий срок гражданская община (*civitas*) усилилась, достигнув свободы, и сколь великая жажда славы овладела людьми» (9. 3). Налицо совпадение со знаменитым пассажем из Геродота (V. 78) о том, как государство афинян достигло могущества после обретения ими свободы (Heldmann 1993. S. 100; Апп. 218 со ссылкой на К. Вретска). «Вначале юношество... обучалось в трудах военному делу в лагерях, и к прекрасному оружию и боевым коням его влекло больше, чем к распутству и пирушкам... Доблесть [предков] превозмогала всё (*virtus omnia domuerat*). Но между собой они рьяно соперничали из-за славы; каждый спешил поразить врага, взойти на городскую стену, совершить такой подвиг на глазах у других; это считали они богатством, добрым именем и великой знатностью» (Cat. 7. 3–5; ср.: Ном. II. XI. 784: «тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться»; пер. Н.И. Гнедича). При этом Саллюстий не только отмечает роль агонального начала как важнейшего фактора в развитии государства, но и указывает, что соревнование между гражданами проявлялось именно на войне – чего, впрочем, и следовало ожидать. В «Югуртинской войне» рассказывается, как *imagines maiorum* побуждали римскую молодежь к подражанию предкам в доблести (4. 5–6), – проявление того же агонального начала, но состязание

идет не с живыми, а ушедшими. Не вызывает сомнения, что и здесь речь идет о военных подвигах.

Кроме того, прочности государства способствовала мягкость римлян, которые правили «не столько страхом, сколько милостями (*beneficiis magis quam metu*), и, испытав обиду, предпочитали прощать, а не преследовать за нее (*iniuria ignoscere quam persequi malebant*)» (9. 5). Эта мысль найдет развитие в речи Цезаря (51. 4–6).

Но вот, достигнув вершины могущества благодаря победам над различными царями и народами, труду и справедливости (*labore atque iustitia*), государство после падения Карфагена вступило в полосу гражданских смут (10. 1), ибо исчез сплотивавший квиритов *metus hostilis* (Iug. 41. 2–3). Тем самым римская община до начала *bella civilia* проходит как бы два цикла развития: в ходе первого она и обретает справедливое государственное устройство, и добивается побед над врагами – разумеется, благодаря *virtus, concordia, labor, iustitia* граждан. Кризис наступает из-за моральной испорченности царей, чья власть становится тиранической, и преодолевается заменой *reges* выборным правлением. Затем все повторяется: свобода придает квиритам новые силы, они доблестно сражаются с врагами, являют милость побежденным. Но если в первый раз кризис происходит по вине царей и преодолевается сменой государственного строя, то теперь весь народ попадает во власть пороков, а потому столь «простое» преодоление нового кризиса уже невозможно (смена системы правления произошла, но, во-первых, лишь после столетия кровавых смут, а во-вторых, до их завершения Саллюстий не дожил).

Стоит отметить, что в изложении Саллюстия не выделен такой популярный в античной и средневековой исторической мысли фактор, как роль выдающихся личностей, хотя оба произведения писателя – галерея ярких персонажей. В «Заговоре Катилины» рассказ о прошлом откровенно деперсонифицирован: по имени назван в гл. 6–10 только Эней (Leven 2000. Р. 176), а в «Югуртинской войне» упомянуты в качестве тех, у кого *imagines maiorum* пробуждали доблесть, лишь Квинт Максим и Публий Сципион – нарочитая неясность, ибо если под первым, вероятнее всего, подразумевается Фабий Максим Кунктатор, то какой из Сципионов имеется в виду, непонятно (Grethlein 2006. Р. 137, п. 10). Сделано

это, конечно, не случайно – важны не отдельные личности, а общее состояние нравов.

Рассуждая о развитии римского государства на ранних его этапах, Саллюстий ни словом не упоминает о борьбе патрициев и плебеев: «И во времена мира, и во времена войны добрые нравы (*boni mores*) почитались, согласие было величайшим (*concordia maxuma*), алчность – наименьшей (*minima avaritia*). Право и справедливость (*ius bonumque*) зиждились на велении природы в такой же мере, в какой и на законах. Ссоры, раздоры, неприязнь (*iurgia, discordias, simultates*) – это было у врагов» (Cat. 9. 1–2). И это при том, что о борьбе патрициев и плебеев Саллюстий прекрасно знает (Iug. 31. 6 и 17; Hist. I. 11; III. 48. 15). Причина этого, возможно, не только или даже не столько в склонности Саллюстия к идеализации прошлого (Ramsey 2007. P. 82: «willful distortion»), но в том, что вспышки борьбы патрициев и плебеев были недолгими и не такими уж частыми, а главное – дело ни разу не дошло до братоубийственной резни.

Но есть у Саллюстия и другие суждения о факторах политогенеза Рима, принадлежащие его смертельному врагу Митридату VI Евпатору. Обращаясь к Арсаку, Митридат восклицает: римляне, «некогда пришлецы без родины, без родителей (*convenas olim sine patria parentibus*), были созданы на погибель всему миру. Ведь им ни человеческие, ни божеские законы не запрещают ни предавать, ни истреблять союзников, друзей, людей, живущих вдали и вблизи, ни считать враждебным все, ими не поработенное... Они держат наготове оружие против всех и больше всего ожесточены против тех, победа над кем сулит им огромную военную добычу; дерзая, обманывая и переходя от одной войны к другой, они и стали великими» (Hist. IV. 69. 17 и 20). Здесь все описано по контрасту с картиной, данной Саллюстием: римляне – не потомки троянцев, а пришлецы без роду-племени, они не люди высоких моральных качеств, а разбойники и беззаконники, и войны их – не борьба с захватчиками и помощь союзникам, а сплошная агрессия ради удовлетворения алчности. Естественно, Саллюстий этих взглядов не разделял и преподнес их в карикатурном виде (Короленков 2009. С. 109–116).

Подведем итог. У Саллюстия налицо два главных фактора успешного развития государства: 1) моральное состояние общества,

позволяющее успешно вести войны, и 2) сами войны, победы в которых становятся внешним воплощением мощи государства. Следует отметить, что о нравах речь заходит только после того, как государство у римлян уже возникло – это вполне соответствует тому, что именно во времена уже исторические, а не мифические, вопреки популярным в ту эпоху воззрениям, он помещает и «золотой век» (Heldmann 1993. S. 30–32). Любопытно, что примерно так же смотрит на дело и саллюстиев Митридат, хотя и выворачивая все наизнанку: римляне ведут успешные войны, толкаемые на это состоянием их нравов (но не добрых, а дурных). В этом весь Саллюстий – моралист эпохи упадка нравов.

Литература

- Короленков А.В.* К характеристике письма Митридата в *Historiae Sallustia* // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 109–116.
- Grethlein J.* Nam quid ea memoriam: the Dialectical Relation of res gestae and memoria rerum gestarum in Sallust's *Bellum Jugurthinum* // *The Classical Quaterly*, 2006. Vol. 56.1. P. 135–148.
- Heldmann K.* Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmodell in *Catilina* und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart, 1993.
- Leven D.S.* Sallust's 'Catiline' and Cato the Censor // *The Classical Quaterly*. 2000. Vol. 50.1. P. 170–191.
- McGushin P.C.* Sallustius Crispus, *Bellum Catilinae*. A Commentary. Leiden, 1977.
- Ramsey J.T.* Sallust's *Bellum Catilinae*. Oxford, 2007.

Н.Ф. Котляр

СОЗДАНИЕ, РАСПАД И РЕСТАВРАЦИЯ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОГО КНЯЖЕСТВА. XIII в. (ВОЕННЫЕ МЕТОДЫ И ДЕЙСТВИЯ)

Галицко-Волынское княжество принадлежало к числу новообразований на восточноевропейском пространстве. Оно возникло вследствие насильственного в сущности вокняжения волынского князя Романа Мстиславича (из смоленских Ростиславичей) в Галиче после смерти последнего представителя ветви Ростислави-

чей галицких в 1199 г. Роман воспользовался раздорами в среде великих галицких бояр и убедил одну из их партий пригласить его на княжение. Оказавшись на галицком столе, он принялся жестко ограничивать самовластие боярских олигархов, державших в руках его предшественников Ярослава Владимировича (1152–1187) и его сына Владимира (1187–1199). По сообщению современника событий, польского хрониста Винцентия Кадлубка, князь жестоко подавлял боярское сопротивление, упразднял вольности вельмож. Согласно явно преувеличенным сведениям Кадлубка, князь истребил 500 бояр. Этого оказалось достаточно для того, чтобы притихшие было после смерти князя бояре восстали против его семьи, княгини Анны и двух малолетних сыновей Даниила и Василька.

Галицко-Волынское княжество было образовано Романом Мстиславичем из двух частей, неоднородных по своему характеру, размеру и социальной структуре. В краткие годы его княжения в Галиче (1199–1205) оно не смогло превратиться в сколько-нибудь единый государственный организм и держалось на силе и авторитете своего создателя. Слишком мало времени было отпущено судьбой его творцу, дабы могли сложиться сколько-нибудь прочные системы администрации, судопроизводства и собирания даней/податей. Слишком разными были составные части вновь образованного государства: Волынь с ее устойчивой княжеской властью, упроченной Романом, земельной аристократией, в массе своей поддерживавшей государя, и укрощенной боярской оппозицией, и Галичина, в которой князь всегда зависел от великих бояр, с фактическим отсутствием центральной власти. Довести до логического конца подавление галицкого боярства князь просто не успел, этому воспрепятствовала его внезапная смерть в походе во время объезда польского города Завихоста.

Властный и нетерпеливый, Роман Мстиславич привык решать возникавшие перед ним государственные и политические проблемы только военным путем. Рассорившись с тестем, киевским князем Рюриком Ростиславичем, он в 1204 г., насильно постриг его в монахи – и получил могущественнейшего врага, который после его смерти будет мстить его вдове и детям. Не ладил он и с другими русскими князьями. Это даст себя знать после его кончины, когда изгоняемой боярами княгине придется бежать в

Польшу. Преследуемая боярами, Анна с детьми ночью выбирается из Владимира Волынского: «Не вѣдяху бо камо бѣжашю, бѣ бо Романъ убиенъ на Ляхохъ...»¹. Началась почти сорокалетняя одиссея скитаний потомков Романа Мстиславича чужими мирами, пока Даниил в 1245 г. не сумел восстановить Галицко-Волынское княжество своего отца.

С начала своей политической деятельности Даниил и Василько Романовичи столкнулись с ожесточенным сопротивлением бояр их политике, направленной на восстановление Галицко-Волынского княжества и его международного авторитета, упрочение княжеской власти, ограничение и в дальнейшем упразднение вольностей и беззакония боярства. На землях раздробившегося княжества в течение четырех десятилетий шла почти непрерывная война между наследниками Романа, «отчичами» земли, и боярами, приглашавшими на престолы Галича, Владимира, Перемышля, Белза и других городов князей из других русских земель, неоднократно сажавшими на стол Галича венгерских королевичей, белзского князя Александра, черниговского княжича Ростислава и даже своего собрата Владислава Кормильича. Даниилу и Васильку Романовичам пришлось несколько лет довольствоваться малыми и захолустными городками Волыни Тихомлем и Перемышлем. Лишь в 1214–1215 гг. Романовичи смогли вокняжиться в отцовском Владимире.

Достигнув совершеннолетия в 1219 г., Даниил Романович приступает к собиранию отцовского наследия. Понимая, что в одиночку ему не отнять галицкий стол у могущественных бояр, он вступает в брак с дочерью приглашенного боярами в галицкие князья Мстиславом Удатным, рассчитывая на его помощь в отвоевании Волыни у польского князя Лешека, захватившего ее незадолго перед тем. Но тесть умывает руки, и тогда Даниил своими силами изгоняет поляков из большей части Волынского княжества. Вплоть до конца княжения полностью подчинившегося боярам тестя в Галиче (1228 г.), Даниил корректно откладывает планы овладения Галицким княжеством. В 20-е годы Романовичи овладевают Луцком, Пересопницей, Берестьем и Черторыйском на Волыни. И лишь после кончины Мстислава принимаются за восстановление своей власти в Галиче.

В конце 20-х – 30-е годы XIII в. Романовичи не раз овладевают Галичем, при том, что город и землю пытался прибрать к рукам венгерский король Андрей. Временами королю удавалось сажать своего сына на галицкий стол, где тот оказывался игрушкой в руках боярских олигархов. В 1230 г. Даниил Романович по призыву галицкого веча пришел в Галич и выбил оттуда венгерского королевича Андрея с гарнизоном (которому перед смертью Мстислав передал Галицкое княжество), однако не смог воспротивиться соединенным силам короля и галицких бояр, вынудившим его вернуться на Волынь. Последующие годы проходят в стремлении Романовичей изгнать из Галицкого княжества призываемых боярами марионеточных князей: Александра Белзского и Ростислава Черниговского. В 1234 г. они побеждают и устраняют с политической арены белзкого князя Александра.

1238 год оказался знаменательным для Романовичей и Галицко-Волынского княжества. Вече города Галича обращается к старшему из них Даниилу с призывом сесть на стол своего отца. Галицко-Волынская летопись ярко отразила знаменательное в жизни страны событие. Подъехав с дружиной к городским воротам Даниил Романович воскликнул: «О, мужи градъстии! Доколе хотите тръпѣти иноплемєнныхъ князей дръжаву?» – Ростислав Михайлович Черниговский не имел прав на галицкий стол. Его слова вызвали энтузиазм у горожан, и те «въскликнувшє рѣша, яко: “Се єсть дръжатєль нашъ, Богом даньный”, и пустишася яко дѣти къ отцу и яко пчєлы к матцѣ, яко жажущи воды къ источнику».

Со всей силой своего литературного таланта и политической прозорливостью летописец клеймит боярского предводителя и галицкого епископа, противившихся возвращению Даниила на отцовский стол: «Епискупу же Артемию и дворьскому Григорию възбраняющю ему [Даниилу], узрѣвшима же, яко не можєта удръжати града, изыдоста слєзныма очима и ослабленнымъ лицємъ, и лижуща уста своа, яко не имѣюща власти княжєния своего, рѣста же с нужною: “Прийди, княже Данило! Прийми градъ!”». Летописец, выражавший мнение горожан, мелкого и среднего боярства, торжественно описывает триумфальный въезд государя в свою столицу: «Данило же вниде въ градъ свой, и обличи побѣду, и постави на Нємєцькихъ вратєхъ хоругвь свою». Од-

нако победа была не полной и не окончательной, в чем Романовичам пришлось убедиться по прошествии трех лет.

Весной 1241 г. огненный смерч монгольского нашествия докатился до рубежей Галицко-Волынского княжества. «Тьмочисленный», прекрасно организованный, обладавший первоклассной осадной техникой враг легко справился с малочисленными порубежными отрядами княжества, в считанные дни завладел городами, уничтожив множество мирных жителей, уведя в рабство ремесленников и строителей. Даниил и Василько Романовичи оказались в эмиграции. Когда же они вернулись на сожженную и разграбленную родину, то встретились с ужасающей картиной смерти, разрушений и разграбления городов и деревень своей земли.

Вновь восстали против Романовичей галицкие бояре, воспользовавшись ослаблением княжеской власти, гибелью в ходе «Батыева погрома» значительной части дружинников и воинов, верных своим государям. Летописец раздражается гневной филиппикой в адрес бояр: «Бояре же галицьстии Данила князем собѣ называху, а сами всю землю дръжаху. Доброславъ же въкняжилъся бѣ² и Судьичъ, поповъ внукъ, и грабаше всю землю и въшедь въ Бакату³, все Понизье прия, безъ княжа повеления, Григория же Васильевича себѣ горнюю страну Премышльскую мысляше одържати; и бысть мятежъ великъ в земли и грабежъ отъ нихъ».

Литературно одаренный галицкий книжник создал впечатляющую картину боярского произвола в стране, которая, казалось, вновь раздробилась на уделы, но с той разницей, что эти уделы держали не князя Рюриковичи, а земельные магнаты. В критическом положении Даниил Романович проявил качества государственного деятеля и политика. Он сыграл на противоречиях в лагере заносчивых и неуживчивых боярских олигархов. Они не нашли ничего лучшего, чем после очередной ссоры явиться на суд к Даниилу Романовичу, и тот, понимая их стремление передать его престол очередному претенденту, «видя безаконие ихъ, и повелѣя изымати».

Но полное восстановление княжеской власти и реставрация княжества произошли лишь после грандиозной битвы под галицким городом Ярославом летом 1245 г., в которой Романовичи победили войска Венгрии, Польши и многочисленные отряды галицких бояр. После этого Даниил приказал казнить лидеров вра-

ждебных ему боярских олигархов. После этого вплоть до конца его княжения источники не сообщают о сопротивлении боярства государственной власти.

Однако кончина Даниила Романовича в 1264 г. привела к разрушению восстановленного им отцовского княжества. Оно сразу же распалось на несколько уделов, во главе которых встали и его сыновья Лев, Шварн и Мстислав, а также его младший брат Василько. Сколоченное силой оружия Галицко-Волынское княжество не пережило своих основателей Романа Мстиславича и его сына Даниила.

Примечания

¹ Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н.Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 78. Далее цитаты даются по этому изданию.

² Речь идет о великих галицких боярах.

³ Галицкий город на южном рубеже со степью.

Д.М. Котышев

«РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» В КОНЦЕ X – НАЧАЛЕ XI в.: ОТ ВОЖДЕСТВА К РАННЕМУ ГОСУДАРСТВУ

На исходе X в. в Среднем Поднепровье завершается переход к ранним формам государственности. Это событие неоднократно становилось предметом научных штудий, и на сегодняшний день историография этого вопроса более чем обширна (Котляр 1998; Пузанов 2007; Шинаков 2002). Не затрагивая историографических аспектов проблемы, мне бы хотелось попытаться рассмотреть завершающую стадию восточнославянского политогенеза через призму концепции вождества.

Сама концепция и ее использование в отечественной исторической науке (во всяком случае, применительно к истории древнерусской государственности) имеет почти 20-летнюю историю (Мельникова 1992. С. 38–41; 1995. С. 16–33; Котляр 1995. С. 45). Но при этом почти всегда оставался открытым вопрос: с какого

времени можно говорить о трансформации вождестских структур в раннегосударственные.

Данная проблема является предметом активной дискуссии не только в отечественной, но и в мировой политической антропологии (Earle 1987. Р. 279–308; Крадин 1995). Незавершенность полемики и открытый характер ряда вопросов обусловлены отсутствием четких критериев, позволяющих говорить о превращении вождества в государство.

Говоря о критериях, определяющих вождество в археологическом плане, не стоит забывать, что мировая историческая наука достаточно успешно решала этот вопрос на протяжении последней трети ушедшего века. Согласно выводам современных исследователей, вождество на социально-политическом уровне определяется как одно- или двухуровневая управленческая иерархия, простирающаяся над уровнем локальных общин (Feinman, Neitzel 1984. Р. 39–102; Wright 1977. Р. 379–397). Следовательно, социальной иерархии соответствует и уровень иерархии поселений. На основании этих закономерностей в 80-х годах XX в. Г. Джонсоном была создана модель иерархизации уровня принятия решений и метода определения уровня социальной сложности. В основу своей концепции Джонсон положил анализ изменений типов поселений на региональном уровне, в первую очередь, выделение среди скопления мелких деревень центральных населенных пунктов, выполняющих роль административного и политического контроля за прилегающей округой (Johnson 1980. Р. 233–263). Применение этой методики на материалах древней Сузианы позволило Г. Джонсону сформулировать критерии определения перехода вождестских структур в государственные – это случается, когда управленческая иерархия образует более чем двухуровневую систему (Johnson 1987. Р. 107–140).

Универсальность данной схемы подтверждается разысканиями Б.А. Тимощука, который при изучении славянских памятников Северной Буковины независимо от американских археологов пришел к аналогичному выводу (Тимошук 1983, 1990, 1995).

Все вышесказанное, по моему мнению, открывает возможности применения данной концепции к изучению трансформации вождестских структур Среднего Поднепровья. К середине X в. в указанном районе достаточно четко выделяется несколько «гнезд

поселений». Речь идет о компактных группах селищ, сконцентрированных вокруг укрепленного городища; в ряде случаев им сопутствует синхронный курганный могильник.

На пространстве от Горыни до Днестра (территория современной Житомирской области Украины) археологи выделяют: городища и селища близ сел Пилиповичи и Дружба, Гульск и Несолонь Новгород-Волынского р-на (Кучера 1982. С. 72–73); в с. Бараши Емельчинского р-на (Древнерусские поселения 1984. С. 30); в Олевске и Городце Овручского р-на (Кучера 1982. С. 72–73; Звиздецкий 1990); на Городище Малинского р-на (Кучера 1982; Древнерусские поселения 1984. С. 33); в Яроповичах Андрушевского р-на и Мирополе Дзержинского р-на (Звиздецкий 1990. С. 6; Древнерусские поселения 1984. С. 42). Эти гнезда поселений принято отождествлять с первичными объединениями летописных древлян. На территории полян (современная Киевская область Украины) выделяются компактные группы близ Киевских гор, у сел Китаево (Мовчан 1993. С. 159–160) и Вышгород, Белгородка (Дяденко 1962. С. 85–86) и Василев Киево-Святошинского р-на; с. Витачев Обуховского р-на и с. Монастырек Каневского р-на.

Указанные «гнезда поселений», по моему мнению, вполне возможно идентифицировать как иерархии второго уровня. А вот институт полюдья, подробно описанный Константином Багрянородным, явился по отношению к данным «гнездам поселений» интегрирующей силой третьего уровня. Такое предположение означает, что центры полюдья (в данном случае – поселения на Киевских горах) были по отношению к «гнездам поселений» структурами третьей степени сложности. Именно они явились основой установления новой системы властных отношений, связанных с укреплением власти Киева и киевских князей на местах.

Формирование этой новой системы отношений приходится на конец X в. и может, по моему мнению, отождествляться с отмеченными в тексте «Повести временных лет» активными военными действиями Владимира Святославича, направленными на подчинение окрестных славянских предгосударственных образований. Достоверность этих сведений подтверждается и археологическими данными. Как раз в 80–90-х годах X в. и первое десятилетие XI в. в целом ряде восточнославянских регионов отмечена

ликвидация старых племенных центров и возведение вблизи них опорных пунктов княжеской власти (Тимошук 1990. С. 121–122).

Это явление, известное в современной археологической литературе под названием «переноса городов» (Дубов 1983. С. 70–83), знаменует собой следующую стадию политической интеграции – четвертую, означающую возникновение государственности. Для этого этапа характерно превращение разрозненных поселений на Киевских горах в единый политико-административный центр, что означает появление столицы. Активное строительство Владимиром Святославичем оборонительных крепостных линий на юге (Кучера 1987. С. 177) говорит также, на мой взгляд, о том, что «Русская земля» очерчивает границы своего военно-политического влияния, завершая свое превращение в раннее государство.

Сам характер «Русской земли» как государственного образования определяется его иерархической структурой. Киев как формирующийся город-государство подчинял себе окрестные политические центры, также представлявшие собой становящиеся городские структуры. Таким образом, выстраивалась иерархия городских поселений согласно их соподчиненности. Эту структуру, как мне представляется, можно характеризовать термином, предложенным в свое время Н.Н. Крадиным, – мультиполития (Крадин 2000. С. 146).

Литература

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Археологическая карта. Киев, 1984.

Дубов И.В. К проблеме «переноса» городов Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983. С. 70–82.

Дяденко В.Д. Раннеславянские памятники на территории Белгорода // Кр. сообщ. Ин-та археологии УССР. 1962. Вып. 12. С. 85–86.

Звиздецкий Б.А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990.

Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993 гг. М., 1995.

Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995.

- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2000.
- Кучера М.П.* Змиєві валы Середнього Подніпров'я. Київ, 1987.
- Кучера М.П.* Нові дані про городища Житомирщини // Археологія. 1982. Вип. 41. С. 72–73.
- Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33.
- Мельникова Е.А.* К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (постановка проблемы) // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1992. С. 38–41.
- Мовчан И.И.* Давньокіївська околиця. Київ, 1993.
- Пузанов В.В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.
- Тимошук Б.А.* Восточнославянская община VI–X вв. М., 1990.
- Тимошук Б.А.* Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995.
- Тимошук Б.А.* Общинный строй восточных славян VI–X вв. (по археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.
- Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.
- Earle T.* Chieftdoms in Archeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16. P. 279–308.
- Feinman G., Neitzel J.* Too Many Types: An Overview of Sedentary Prestate Societies in the Americas // Advances in Archaeological Methods and Theory. 1984. Vol. 7. P. 39–102.
- Johnson G.A.* Spatial Organization of Early Uruk Settlement // L'Archéologie de l'Iraq du debut de l'époque néolithique à 333 avant nôtre ère: perspectives et limites de l'interprétation anthropologique des documents: Colloquess Internationale des Centre National de la Recherche Scientifique. P., 1980. P. 233–263.
- Johnson G.A.* The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain // From Prehistory to the Islamic Conquest. Washington (D.C.), 1987. P. 107–140.
- Wright H.T.* Recent Research on the Origin of the State // Annual Review of Anthropology. 1977. Vol. 6. P. 379–397.

ПРАБОЛГАРЫ НА СЛУЖБЕ КАГАНАТА (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Статус народов, подвластных Хазарскому каганату, следует рассматривать с учетом не только его внутренних хозяйственно-экономических задач, но, что не менее важно, внешних геостратегических проблем, о чем не умалчивают сами хазары (Артамонов 1962. С. 171–172; Плетнёва 1976. С. 7–11). Известно, что ала-ны, будучи населением лесостепного массива, расселившимся вдоль северо-западного пограничья каганата, обеспечивали охрану в пределах славяно-хазарской «демаркационной зоны» (Плетнёва 1967. С. 25–35; 1989. С. 268; 1999. С. 24 и сл.; Винников, Плетнёва 1988. С. 18 и сл.). Признаки пограничья прослеживаются по укрепленным городищам и белокаменным крепостям (Афанасьев 1987. С. 88–142). Военизированность общества подтверждается захоронениями воинов с наборами оружия, погребениями всадников с соответствующей амуницией, коней с упряжью (Мерперт 1955. С. 131–168; Аксёнов 2000. С. 7–13).

Степная периферия каганата была связана исключительно с хозяйственными интересами хазар. На даннические обязанности населения степей впервые обратил внимание И.И. Ляпушкин (Ляпушкин 1958. С. 140). В настоящее время мы располагаем археологическими материалами, свидетельствующими не только о продуктивном содержании дани, но и об организации ее сбора (Апареева, Красильников 2010. С. 186–192).

Плательщиками дани хазарам являлись отдельные племена, территориально примыкавшие к каганату народы (Петрухин 2008. С. 52–55), которые обеспечивали ему хозяйственно-экономическую стабильность (Калинина 2010. С. 33–35). Однако осуществлять фискальную деятельность на всем пространстве пребывания податного каганату населения, – задача далеко не из простых. Следует также иметь в виду проблемы, связанные с охраной границ, протянувшихся на тысячи километров, усилия по сдерживанию натиска кочевников и военной экспансии Халифата. Естественно, военного контингента в 10–12 тысяч, которым реально мог располагать каганат, для решения внутренних и внешних задач

было явно недостаточно. Поэтому каганат прибегал к массовым перемещениям этносов, как, например, аланов, с целью создания военно-хозяйственных поселений. Без санкции хазар такие перемещения были бы невозможны (Афанасьев 1981. С. 63). Имеются также археологические свидетельства, подтверждающие миграцию праболгар в лесостепи.

Ямные погребения на аланских катакомбных могильниках впервые обнаружены при исследовании в 1906 и 1911 гг. Верхне-Салтовского комплекса; позднее это же было подтверждено материалами Дмитриевского, Нижне-Лубянского, Ютановского, Маяцкого и других некрополей. Ямные могилы на них составляют от 0,7 до 6,7% от числа захоронений, выполненных в катакомбах. Нахождение среди катакомбных захоронений ямных могил рассматривалось в контексте общей военизации населения, размещенного хазарами вдоль северо-западных рубежей каганата (Плетнёва 1989. С. 268–269, 278).

В лесостепном массиве известен не только погребальный ритуализм, но и полностью ямные некрополи, например, могильник Нетайловка, захоронения которого сопровождаются инвентарем военного назначения (Аксёнов 2000. С. 15).

Значимым ямным могильником лесостепи является Волоконовский, расположенный вблизи аланского комплекса Ютановка (Плетнёва, Николаенко 1976. С. 279–298). Принадлежность погребенных к болгарам подтверждают обрядово-инвентарные признаки и антропологические характеристики черепов (Кондуктова 1984. С. 236). Причиной появления болгарской общины в Поосколье явилось ее бегство от печенегов (Плетнёва 1980. С. 36). Однако ямные захоронения праболгар лесостепных массивов предполагают две категории вещей. В одном случае – традиционные предметы быта, в другом – оружие, военная амуниция, упряжь, жертвенная конина, захоронения воинов и коней, тем более воина с конем. Подтверждает это и Мандровский могильник в бассейне р. Оскол, на котором расчищено около 50 захоронений, 10 тризн, несколько погребений коней (Винников, Сарапулкин 2008. С. 27–28; 34–36). Воинский статус погребенных отмечен захоронениями коней, дополненными деталями упряжи, а также пояса – признаками ранговых различий воинов. Мандров-

ский могильник заставляет осмыслить обстоятельства пребывания и функции праболгар в лесостепном Поосколье.

Г.Е. Афанасьев, анализируя организацию обороны каганата, подчеркивает важность мероприятий его администрации по строительству крепостей (Афанасьев 1987. С. 88 и сл.). Им названы 23 укрепленных городища, из которых около 8, являясь крепостями, вполне соответствуют своему предназначению. Расстояния между ними – в пределах от 7 до 40 км. Остальные 15 – укрепленные земляными валами поселения – вместе с крепостями и обычными бытовыми селищами входят в военно-заградительную систему эшелонированной оборонительной линии. Задача состояла в том, чтобы наполнить ее военными контингентами из состава населения, подчиненного каганату.

Факт перемещения части праболгар из степей в лесостепь, к славяно-хазарскому пограничью, не вызывает сомнений. Несложно определить и то, от кого исходила инициатива «миграций», какова была их цель. С.А. Плетнёва, например, прослеживая в материалах Дмитриевского могильника высокий процент погребений «военнизированного населения», указывает, что так называемая «военноправность» касалась не только мужской, но и женской его части (Плетнёва 1987. С. 278). Учитывая, что на лесостепных биритуальных могильниках в захоронениях болгар присутствуют вещи военного назначения, полагаем, что они, как и аланы, несли здесь военную службу. Вряд ли такого рода обязанности в условиях чужого для праболгар края являлись делом добровольным.

Аналогичным способом хазары могли укреплять южные границы каганата, тем более что в данном регионе традиционно сложными были отношения с арабским миром. Совместными усилиями Византии и Хазарии на нижнем Дону появились крепости, возникли укрепленные городища – Семикаракорское, Самбекское, Камышинское, Правобережное и, естественно, крепость Саркел (Афанасьев 2001. С. 47–48). Администрация Хазарии стремилась не только увеличить численность населения этих крепостей, но и привлечь его к выполнению военной службы. Показательным в этом отношении является Крымский комплекс в пойме Дона, включающий укрепленное городище, ряд селищ и могильник (Савченко 1986. С. 70–101). Из анализа инвентаря за-

хоронений могильника складывается впечатление о невоенном характере населения, однако в части мужских захоронений сохранилось оружие и другие предметы воинского обихода.

О существовании конницы свидетельствуют захоронения коней во взнузданном состоянии, но военная прослойка, состоявшая из конников-болгар, видимо, была немногочисленной.

Болгары могли выполнять административно-фискальные функции, например, сборщиков дани, на отдаленных территориях: в землях северян, радимичей, вятичей, равно как и неславянских племен (Петрухин 2008. С. 52 и сл.). Подтверждением этого служит погребение на р. Воронеж (Медведев 2008. С. 83–88). Захоронение в лесной части славянских земель удалено более чем на 150 км к северу от основного ареала салтово-маяцкой культуры. В связи с этим предполагаются два сценария возможных событий с участием праболгарина. Первый связан с торговлей: проводником купцов в местность, богатую пушным зверем, – славянский «Вантит» (Рыбаков 1982. С. 222) – мог быть болгарин. Второй сценарий касается данничества народа «в-н-н-тит» (они же «в-н-нт-ры», возможно – вятичи: Медведев 2009. С. 87). Практика привлечения воинов к выполнению фискальных поручений прослеживается и по дружинному некрополю Киева. В погребальный набор должностного лица, помимо предметов военной экипировки, входило ведро из дерева с пятью железными обручами, а на поясе в кожаном кошельке сохранились монеты, датируемые IX – началом X в. (Мовчан, Боровський та ін. 2002. С. 190). Комплекс вещей, в первую очередь ведро, свидетельствует в том, что в круг служебных обязанностей воина-дружинника входил сбор регламентированной (мерной) дани, оружие же подчеркивало статус официального представителя княжеской администрации. Возможно, это случайное совпадение, но и в рассматриваемом захоронении славянского городища находился серебряный дирхем, который мог являться и формой дани, и формой оплаты должностному лицу, «внезапно умершему при исполнении своей службы на земле славян» (Медведев 2009. С. 88).

Итак, статус праболгар в каганате был различным. Обитатели степного массива салтово-маяцкой культуры вели оседлый образ жизни, занимались хозяйством, платили дань хазарам, что отразилось в письменных источниках, например, в письме царя Ио-

сифа Хасдаю Ибн-Шафруту (краткая редакция: «Народы живут здесь на открытой местности... они многочисленны и платят мне дань»; пространная редакция: «Они живут на открытой местности и в укрепленных стенами городах. Все они мне служат и платят мне дань»: Плетнёва 1976. С. 5–10). Вдали от пограничий каганата это население к военной службе, видимо, не привлекалось (Красильников 2011. С. 153). Некоторая же часть праболгар оказалась в ситуации вынужденных «апойкийцев». Такого рода переселения, видимо, осуществлялись с учетом стратегических задач, стоявших перед каганатом. Без привлечения дополнительных контингентов из числа подчиненного каганату населения решать вопросы экономического и оборонительного характера было затруднительно. В таком случае выражение источника «*служат мне*» вполне объяснимо.

Литература

- Аксёнов В.С. Поховання з концем другої половини VIII – IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (За матеріалами салтівських ґрунтових могильників): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2000.
- Апареева Е.К., Красильников К.И. Подворья как признак хозяйственного уклада населения СМК // Археологія і давня історія України. Київ, 2011. Вип. 5.
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Афанасьев Г.Е. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2.
- Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? // Российская археология. 2001. № 2.
- Винников А.З., Плетнёва С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Воронеж, 1998.
- Винников А.З., Сарапулkin В.А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж, 2008.
- Калинина Т.М. Три стадии существования и падения Хазарского каганата // Хазары: Миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
- Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника // Маяцкое городище. М., 1984.

- Красильников К.И.* Праболгары в степной периферии каганата // Восточная Европа в древности и средневековье: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Мат-лы конф. М., 2011.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. М., 1958. № 62.
- Медведев А.П.* Салтовское погребение на реке Воронеж // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1.
- Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // Советская археология. 1955. Т. 23.
- Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Ієвлев М.М.* Дослідження в «городі Володимира» стародавнього Кієва // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003.
- Петрухин В.Я.* Славянские данники хазар: К истории Восточный Европы в IX веке // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж, 2008.
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. М., 1967. № 142.
- Плетнёва С.* Древните българи в Източна Европа // Известия на Българското историческо дружество. София, 1980. Кн. 33.
- Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
- Плетнёва С.А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
- Плетнёва С.А., Николаенко А.Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник // Советская археология. 1976. № 3.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь: русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Савченко Е.И.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. М., 1986. Вып. 1.

Е.С. Криницына

**«SUFFICIT ENIM NOBIS NOSTRA DEFENDERE
ET ALIENA REQUIRERE MINIME»:
СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ ВЕСТГОТСКО-ВИЗАНТИЙСКОЙ
ВОЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ**

В фокусе доклада – переписка вестготского короля Сисебута (612–621) и его военного противника патрикия Цезария, наместника византийского анклава в Картагене. В 615 г. Сисебут провел блестящую военную кампанию против византийских владений на

Пиренейском полуострове, в результате чего Цезарий был вынужден обратиться к нему с просьбой о мире. В докладе предполагается рассмотреть риторические приемы, употребляемые Цезарием в дипломатических целях, а именно то, как он обращается к королю и какие эпитеты при этом использует. Показано, что в первом письме византийский патрикий употребляет титулы, относившиеся в Римской Империи к префекту претория или префекту города, а затем, в следующих письмах, переходит на императорские титулы.

Столкновения Толедского королевства с Византийской империей начались с 552 г., когда войско императора Юстиниана заняло юго-восточное побережье Пиренейского полуострова, районы Картахены и Малаги (Ауров 2011.С. 13). Вестготские короли, начиная с Леовигильда (568–586), постепенно отвоевывали эти стратегически важные территории. Серьезный удар по византийскому могуществу нанесла военная кампания Сисебута 615 г., которую король впервые провел при поддержке флота (Isidori Historia gotorum, vandalorum et suevorum. 70). Византийский император Ираклий не успел или не смог оказать поддержку наместнику Картахены Цезарию, и тому пришлось просить Сисебута о мире (Клауде 2002. С. 129; Thompson 1969. P. 162; García 1989. P. 149; Orlandis Rovira 2003. P. 92–93).

Сохранилось четыре письма (по всей видимости, их было много больше): три из них принадлежат перу Цезария, одно написано Сисебутом. Цезарий находился в плену сложных и неблагоприятных обстоятельств: он вынужден был строго соблюдать нормы этикета, но в то же время, являясь представителем Империи, должен был дать почувствовать адресату всю ее мощь и величие, даже после поражения. Свое первое письмо патрикий начинает с просьбы заключить мир. Он сообщает, что со своей стороны готов сделать первые уступки и поэтому отпускает вестготских заложников, захваченных в ходе военных действий, и среди них Цецилия, епископа г. Ментесы. Кроме того, вместе с письмом он отправляет богатые дары победителю. При этом Цезарий не склонен униженно выпрашивать мир, вообще, тон письма весьма далек от умоляющего. Так, обращаясь к Сисебуту, он использует титул *vestra eminentia* (Ваше высокородие), который в Римской империи относился к префекту города или к префекту претория.

Таким образом, патрикий с самого начала ставит вестготского правителя ниже византийского императора или даже в положение подчиненного. О самом же Ираклии Цезарий писал только в превосходной степени, тем самым подчеркивая его недостижимо высокий статус.

Отвечая на письмо византийца, король называет того «дорогим другом» (*amice carissime*), что сообщает их переписке некоторый душевный характер. В то же время Сисебут таким способом выражает свое снисходительное отношение к побежденному им Цезарию, ведь в вестготской эпистолографии, как правило, *carissime* – это обращение старшего к младшему. По-видимому, король наслаждался своим триумфом. Стиль письма Сисебута отличается изысканностью и красноречием, что выдает в нем ученика знаменитого эрудита Исидора Севильского. Сисебут искусно подбирал слова, которые должны были унижить Цезария и в его лице Византийскую империю, не опускаясь при этом до прямых оскорблений. Он писал, что никогда не желал войны, ибо она противоречит основным христианским заповедям. Таким образом, он перекладывает ответственность за конфликт на византийцев. Вообще, в своем письме он часто упоминает имя Христа, акцентируя внимание на своем благочестии.

Стиль следующих писем Цезария меняется. Вслед за своим противником он говорит о недопустимости войны между двумя христианскими государствами. По его утверждению, Византии вполне достаточно тех владений, которые она уже имеет; она не стремится к завоеваниям. И для установления границ и заключения мирного договора он предлагает королю отправить совместную делегацию в Константинополь ко двору императора Ираклия. Патрикий утверждал, что «замысел императора не может обидеть королевское величие». Император Ираклий по-прежнему наделяется самыми пышными эпитетами, но обращение к Сисебуту меняется. В двух своих оставшихся письмах Цезарий чаще всего называет его *vestra clementia* (Ваше милосердие), затем *vestra gloria* (Ваша слава) и *vestra tranquillitas* (Ваше спокойствие). Все три этих титула в римскую эпоху могли относиться только к императорам, при этом *gloria* чаще всего давалась правителям, славным своими военными победами.

Возможно, употребление этих обращений связано исключительно с риторикой: тем самым византийский наместник взывает к великодушию и милосердию (*clementia*) короля. С этим связано и употребление выражения *bonitas vestra* (Ваша доброта), которое вообще не являлось титулом и применительно к правителям не употреблялось ни в Риме, ни в Толедском королевстве. Или же Цезарий посчитал возможным польстить вестготскому королю, приблизив его статус к статусу императора. Ставя вестготского владыку в один ряд с императором Византии, он тем самым смягчает свою настойчивую просьбу прислать в Константинополь послов для заключения мира.

Текст мирного договора не сохранился, однако известно, что византийское присутствие в Испании сильно сократилось. И лишь король Свинтила в 625 г. окончательно вытеснил византийцев с Пиренейского полуострова.

Источники и литература

Ауров О.В. Вестготская Испания. Краткая история. М., 2011.

Клауде Д. История вестготов. СПб., 2002.

Corpus iuris civilis. Berolini, 1928. Vol. 1: Institutiones. Digesta / Ed. Th. Mommsen, P. Krüger; Berolini, 1905. Vol. 2: Codex repetitae praelectionis / Ed. P. Krüger.

Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici Libri IV cum continuationibus / Ed. B. Kursch // Monumenta Germaniae historica. SRM. Hannoverae, 1888. T. 2.

Epistolae wisigoticae // Monumenta Germaniae historica. Epp. Berolini, 1892. T. 3. P. 663–668.

García Moreno L.A. Historia de España visigoda. Madrid, 1989.

Orlandis Rovira J. Historia del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid, 2003.

Rodríguez Alonso C. Las Historias de los Godos, vándalos y suevos de Isidoro de Sevilla: estudio, edición crítica y traducción. León, 1975.

Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Simorianis / Ed. P. Krüger, Th. Mommsen. Berolini, 1905.

Thompson E.A. The Goths in Spain. Oxford, 1969.

**О РАССЕЛЕНИИ МОРДВЫ В X–XIV вв.
ПО ДАННЫМ ЛЕТОПИСЕЙ
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

При рассмотрении расселения мордвы в X–XIV вв. исследователи обычно исходят из данных об этногеографическом расселении этого народа в XVIII–XX вв. и ее современного разделения на подгруппы. Однако, как показывает археологическая карта современных мордовских земель, в X–XIV вв. на этой территории были распространены разные археологические культуры. Подведение их под «мордовский знаменатель» открывает перспективы для локализаций Пургасовой Руси (Фомин 2007. С. 10–17), эрзи и мокши и всей мордовской общности в домонгольское время и во второй половине XIII – XIV в.

Впервые мордва фиксируется в этно-языковом экскурсе «Повести временных лет» (далее: ПВЛ) – в перечне финно-угорских народов Афетова жребия: после мери, муромы, веси и до заволочской чуди, перми, пещеры, еми, угры (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4; Т. 2. Стб. 4). Затем мордва встречается в обзоре народов Восточной Европы: после рассказа о родах славян, упоминаний веси на Белом озере, мери на Ростовском озере и на Клешин-озере, муромы и черемиси повествуется о мордве, живущей там, где впадает Ока в Волгу. После этого мордва упоминается среди народов, платящих дань Руси: после чуди, мери, веси, муромы, черемиси и до перми, пещеры, еми (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10–11; Т. 2. Стб. 8).

Первые два упоминания в ПВЛ носят «формальный» характер: мордва названа среди народов Восточной Европы, имеющих свой язык, но ее локализация не определена. Если решать вопрос о ее локализации исходя из первого упоминания, то мордва, помещенная между весью и чудью заволочской, удаленная по тексту от муромы, располагается северо-западнее районов нынешнего ее проживания. Во втором случае мордва расположена где-то в устье Оки. Нечеткость обусловлена тем, что эти места рядом с мордвой населяли мурома и черемись. Такая аморфная локализация вынуждает сделать вывод, что книжникам XI–XII вв. мордва – необходимая этническая часть Восточной Европы – была мало-

известна. Можно усомниться и в положении, согласно которому, мордва платила дань Руси. После двойного упоминания мордвы, непонятно где живущей, среди народов, часть которых, действительно платила дань Руси, ее надо было включить и в их перечень. Сомнение в даннической зависимости мордвы от Руси можно подтвердить тем, что она не упомянута в ПВЛ в связи с князьями, «собиравшими» славянские и неславянские народы Восточной Европы под эгиду Древнерусской государственности.

Следующее упоминание мордвы относится к 1104 г.: 4 марта мордва подошла к Мурому и нанесла поражение Ярославу Святославичу (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279–280; Т. 2. Стб. 255–256; Т. 3. С. 19). В этом случае есть основания для более точной локализации мордвы – недалеко от Мурома.

После 1104 г. летописи долго молчат о мордве. Андрей Боголюбский и его сыновья совершали походы на болгар; мордва в их акциях не проявилась. Примечательно ее отсутствие в рейде Мстислава Андреевича 1171/72 г. на болгар. Его дружина, пройдя от Городца, 2 недели стояла у устья Оки и через него возвращалась обратно. А ведь в район устья Оки ПВЛ помещала мордву. В 1183 г. на обратном пути из похода на болгар Всеволод Большое Гнездо «коне пусти на мордву» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 390). Затем летописи о мордве снова умалкают на 40 лет, хотя были еще походы на болгар в 1185 и 1205 гг. Можно объяснить это тем, что походы осуществлялись по Волге.

Следующие упоминания мордвы (более значительные в сравнении с предыдущими) приходятся на 1220-е – начало 1230-х годов. Причиной внимания летописцев к мордве, с которой начались столкновения, стало основание Нижнего Новгорода в 1221 г. Борьба Владимирского княжества (с подключением рязанских и муромских князей) с мордвой велась одновременно с русско-болгарской войной 1223–1230 гг. Наряду с противником в лице мордовского объединения, возглавлявшегося Пургасом, в источниках указан «ротник» владимирского князя Пуреш. Примечателен тот факт, что невольным союзником Пургаса стал болгарский князь, а сыну Пуреша служили половцы. Еще одно важное обстоятельство тех событий – «Пургасова Русь», которую избили половцы под командованием сына Пуреша. Из контекста летописных сообщений следует, что мордовские объединения, упо-

мянутые в летописи, жили в пределах нынешней Нижегородской области. При этом мордва Пуреша проживала ближе к Нижнему Новгороду, чем мордва Пургаса.

А.Н. Насонов локализовал «Пургасову волость» ближе к Мурому и Рязани (Насонов 2006. С. 187–188). Его аргументами стали названия села Пургасово рядом с Кадомом, расположенного в 60-ти км к востоку от него «Пургасова городища» и сообщение летописи о походе 1229 г.: «Великыи князь Гюрги • и Ярославъ • и Костантиновичи • Василко • Всеволодъ • идоша на Мордву • и Муромскыи князь Гюрги Давыдовичъ • вшедъ в землю Мордовскую Пургасову волость пожгоша жита и потровиша • и скоть избиша» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451).

По мнению А.Н. Насонова, сведения о разорении Пургасовой волости относятся к действиям Юрия (Насонов 2006. С. 187). Получается, что Юрий Давыдович зашел в мордовскую землю со стороны Муромы и нанес урон Пургасовой волости. Следовательно, Пургасова волость находилась недалеко от Муромы. Возможно, Насонов исходил из пунктуации сообщения, сделанной в издании Лаврентьевской летописи А.Ф. Бычкова (Летопись по Лаврентьевскому списку 1892. С. 428). Знаки препинания были поставлены так, что создается впечатление о Пургасовой волости как об объекте нападения муромского князя (Пудалов 2003. С. 194–195). Вероятно, слова о муромском князе, который «вшед в землю Мордовскую», разрывали основной текст о действиях владимирских князей. Ведь по отношению к ним сначала применен глагол во множественном числе «идоша», затем следует сведение о муромском князе с глаголом в единственном числе «вшед», после чего вновь начинается повествование с глаголами во множественном числе «пожгоша», «потровиша», «избиша». Поэтому картину похода 1229 г. нужно представить иначе: он осуществлялся с двух сторон – от Нижнего Новгорода и из Муромы. В походе действия не координировались. Пургасова волость была разорена владимирскими князьями. Поэтому-то Пургас и ударил через два месяца именно по городу Владимирского княжества – Нижнему Новгороду.

Эти обстоятельства позволяют считать, что упоминания мордвы в 1220–1230-е годы в летописях были обусловлены вторжением Владимирского княжества в земли, сопредельные с террито-

риями проживания мордвы. Она столкнулась с новыми для себя политическими и военно-политическими практиками договора (роты) и насильственного замирения.

Монгольское нашествие и ордынское иго резко изменили этнополитическую карту Восточной Европы, остановили начавшийся процесс русско-мордовского взаимодействия. Если в известии под 1239 г. о нашествии Батыя («На зиму взяша Татарове Мордовскую землю и Муром пожгоша, и по Клязьме воеваша, град святыя Богородица Гороховец пожгоша»: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470) – отражена географическая последовательность похода монголов, то можно локализовать указанную мордву – на восток от правого берега Верхней Оки. Возможно, что упомянут мордовский анклав, на который совершали походы муромские и рязанские князья. В таком случае судьбы проживавшей в окрестностях Нижнего Новгорода мордвы в летописях не отражены. Данное сообщение лишний раз демонстрирует, насколько размытым было представление русских книжников о мордве даже в XIII в.

Следующее упоминание мордвы в летописях встречается в связи с битвой на Пьяне в 1377 г. События развивались так. Нижегородская рать с приданными ей отрядами Владимира, Мурома, Юрьева, Ярославля и Переяславля преследовала Арапшу, ушедшего на Волчьи Воды. На разложившееся русское воинство обрушились татары из Мамаевой орды, которых навели мордовские князья. Затем в начале августа татары из Мамаевой орды налетели на беззащитный Нижний Новгород. Одновременно с ними Арапша разграбил Засурье. Осенью 1377 г. мордва ударила по уезду (видимо, Нижегородскому), уже разоренному татарами. Мордва посекала и пленила много людей и пожгла оставшиеся села. Князь Борис Константинович настиг мордву у Пьяны и уничтожил часть мордовских искателей удачи. Зимой 1377/78 гг. нижегородцы при поддержке москвичей совершили акт возмездия: мордовская земля была «повоевана вся», мужчины посечены, женщины и дети пленены, а после привода в Нижний Новгород затравлены собаками на льду Волги (ПСРЛ. Т. 18. С. 118).

Следующее упоминание мордвы читается под 1401 г., когда московский князь Василий Дмитриевич направил отряд на поиски жены нижегородского князя Семена Дмитриевича. Воины «идоша на Мордву», на которую они наехали в Татарской земле

(ПСРЛ. Т. 18. С. 149). Известие позволяет считать, что на Мордву в Татарской земле наехал московский отряд. В таком случае можно допустить, что данная «Мордва» являла собой нечто мобильное и как-то связанное с нижегородским княжеским домом. Возможно, после зимнего погрома 1377/78 гг. многие стационарные поселения мордвы в районе Волго-Окского правобережья перестали существовать, и «нижегородская» мордва стала представлять собой совокупность кочующих военно-хозяйственных объединений. Надо подчеркнуть, что этот вывод относится исключительно к мордве, которая населяла ближнюю и дальнюю округу Нижнего Новгорода, и не распространяется на другие мордовские ареалы.

Изучение летописных упоминаний мордвы до конца XIV в. показывает следующее. Этот финно-угорский народ упоминался как один массив в контексте описания событий в русских землях и в связи с ними. Любая часть этого этноса – около Рязани, Нижнего Новгорода – воспринималась как единое целое, хотя каждое сообщение о мордве надо рассматривать в конкретном событийном контексте и с учетом текстовых реалий.

Литература

Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1892.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб., 2006.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1; М., 1998. Т. 2; М., 2000. Т. 3; М., 2007. Т. 18.

Пудалов Б.М. Начальный период истории русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Н. Новгород, 2003.

Фомин В.В. Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 3–17.

Е.В. Литовских

ХЕЛЬГИ ТОЩИЙ, ЭЙЯФИРДИНГИ И ЗАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРА ИСЛАНДИИ

Заселение Северной четверти Исландии тесно связано с именем Хельги Тощего (*Magr-Helgi* или чаще *Helgi inn magri*, *Helgi magri*; ок. 846–908), усадьба которого впоследствии разрослась в

поселение, на основе которого вырос второй по величине исландский город – Акурейри. Выходец из Ирландии, Хельги Тоший первым занял Островной Фьорд (*Eyjafjörður*) в Северной четверти Исландии и поселился на мысу, который назвал Христовым Мысом (*Kristness*). Ари Торгильссон в «Книге об исландцах» называет Хельги в числе четырех самых известных первопоселенцев Исландии (*Íslendingabók*. Kap. 2. Bls. 3). Он стал основателем обширнейшего рода Северной четверти – «эйяфирдингов» (*eyjafirðingar*), т.е. «людей с Островного Фьорда». Среди потомков Хельги было немало знатных исландцев, в том числе Кетиль Торстейнссон, епископ в Холаре (1122–1145), северном центре исландского христианства; Кетилем и завершается перечень потомков Хельги (*Íslendingabók*. Kap. 11. Bls. 19).

В «Книге о занятии земли» (в обеих редакциях приводимые сведения почти не отличаются, если не считать продолжения двух генеалогий в «Книге Хаука»: *Hauksbók*. Kap. 68 и 73; *Landn*. Kap. 66. Bls. 264–265) Хельги Тоший упомянут среди шести самых известных христиан в Исландии периода заселения страны (*Landn*. Kap. 101. Bls. 384) и отнесен, как и в «Книге об исландцах», к числу восьми самых крупных первопоселенцев Северной четверти, население которой к концу периода заселения составляло, по подсчетам священников, около 1440 бондов (*Landn*. Kap. 74. Bls. 309). Поэтому его имя встречается в различных генеалогических перечнях, не только жителей Островного фьорда и вообще Северной четверти, но и других четвертей Исландии (*Landn*. K. 36. Bls. 145; K. 43. Bls. 170–171; K. 46. Bls. 176; K. 48. Bls. 189; K. 51. Bls. 200; K. 68. Bls. ; K. 70. Bls. 277; K. 72. Bls. 292; K. 73. Bls. 296). Также в «Книге о занятии земли» есть несколько упоминаний о том, как Хельги раздавал занятую им землю людям, приехавшим позже (*Landn*. Kap. 66. Bls. 265; Kap. 69. Bls. 276; Kap. 70. Bls. 283; Kap. 71. Bls. 285).

В сагах о Хельги Тошем говорится немного. О самом Хельги рассказывается в двух из пяти саг о людях из Островного Фьорда (кроме них жителям Островного фьорда посвящено еще восемь прядей, в шести из которых дело происходит при дворе норвежского конунга), остальные посвящены потомку Хельги Глуму-Убийце и Льоту-Поле, тоже родичу Хельги. С рассказа о сыне Хельги Ингимунде и его предках начинается «Сага о Глуме-Убийце»; более подробно история Хельги, перекликающаяся с «Кни-

гой о занятии земли», изложена в «Саге о людях из Долины Разрушителя». Здесь упоминаются два его сына, его родители и то, что он – внук Кьярваля; кратко говорится об обстоятельствах получения им прозвища «Тоший»; подробно описывается ссора Хельги с Торстейном и, наконец, сообщается о его «смешанной вере» – это повествование практически дословно совпадает с «Книгой о занятии земли» (Landn. Kap. 66. Bls. 265; Svarf. Kap. 14. Bls. 309).

Упоминания о Хельги встречаются и в сагах других четвертей, как правило, лишь в генеалогических перечнях, затрагивающих родственные связи зйяфирдингов с другими знатными родами. Во всех этих случаях тексты саг почти идентичны соответствующим пассажам «Книгой о занятии земли» (Eiríks. Kap. 1. Bls. 105; Eyrb. Kap. 1. Bls. 24; Grettiss. Kap. 3. Bls. 7; Laxd. Kap. 1. Bls. 3; Njála Kap. 95. Bls. 309; Kap. 113. Bls. 334). В «Саге о сыновьях Дропплауг» вскользь упоминается лишь, что Хельги был тяжело ранен в битве с Кари (Dropl. K. 10. Bls. 232, K. 11. Bls. 234).

Таким образом, основные сведения о заселении Островного фьорда и роде Хельги Тошего содержатся в «Книге о занятии земли».

Хельги Тоший принадлежал к высшей шведско-ирландской знати. Он был сыном Эйвинда Восточного (austmaðr, р. 810), потомка легендарного конунга-Инглинга Фроди, и Раварты, дочери одного из королей Южной Ирландии Кьярваля (Rafertach MacCearbhall Mac Dunghall, 830–848). Эйвинд родился в шведском Гёта-ланде, однако в результате распри был вынужден оттуда уехать и обосноваться в Ирландии, возможно, при дворе своего тестя. Через свою тетю Кормлёд (вторую дочь Кьярваля, р. 810) Хельги был в родстве с представителями верхушки норвежского и исландского обществ, в том числе с Альвом Агдирцем и Эгилем Скаллаgrimссоном (910–995). Знатное происхождение позволило Хельги Тошему и самому породниться с норвежской знатью, женившись на Торунн Рогатой (844–865), дочери Кетиля Плосконосого.

Восемь детей Хельги и их потомки заселили не только Островной фьорд, но и значительную часть Северной четверти или находились в родстве с наиболее влиятельными кланами этой части Исландии, а также и других четвертей. Тем самым Хельги стал родоначальником одного влиятельных кланов Исландии.

Важную роль сам Хельги и его потомки сыграли в христианизации Исландии – не случайно он назван в «Книге о занятии земли» в числе шести самых известных христиан. Родившись в

семье викинга-язычника Эйвинда, Хельги воспитывался в Ирландии, очевидно, в христианской среде, где и был приобщен к новой вере. По «Cage о людях из Долины Разрушителя», Хельги получил только *primo signatio* (prímsignendr: Svarf. Kap. 14. Bls. 109).

Его вера, как отмечается в «Книге о занятии земли», не отличалась твердостью: он часто, особенно в сложных ситуациях, прибегал к помощи Тора (*Helgi... trúði á Krist, en hét á Þór til sjófara ok harðræða* «Хельги... верил в Христа, но в плавании и трудностях молился Тору»: Landn. Kap. 66. Bls. 264; Svarf. Kap. 14. Bls. 109). «Совет» Тора сыграл основную роль и при выборе им места для поселения (*Pá er Helgi sá Ísland, gekk hann til fréttar við Þór, hvar land skyldi taka, en fréttin vísaði honum norðr um landið* «Как только Хельги увидел Исландию, он обратился к Тору, прося его указать место, где они должны пристать к берегу, и знамения указали на север»: Landn. Kap. 66. Bls. 264), и, позднее, при освящении занятой земли (Landn. Kap. 66. Bls. 265). Однако свой хутор Хельги назвал Христовым Мысом (*Kristmess*).

В противоположность большинству потомков первопоселенцев-христиан, которые оставались язычниками и даже хоронили своих верующих в Христа родителей по языческому ритуалу (как, например, Унн Мудрую), сын Хельги Хрольв осуждал языческие ритуалы отца (Landn. Kap. 66. Bls. 264) и, вероятно, оставался христианином. Не случайно среди потомков Хельги были священнослужители (в частности, аббат Торкель Гейрасон, ум. в 1178) и епископы (Кетиль Торстейнссон, ок. 1075–1145: *Íslendingabók*. Kap. 11. Bls. 19; Гудмунд Добрый Арасон, 1161–1237: Landn. Kap. 70. Bls. 277), а второй епископат в Исландии, учрежденной в Северной четверти, имел своим центром Холар, одну из усадеб эйяфирдингов.

Таким образом, эйяфирдинги представляли собой один из могущественных кланов Северной четверти, который мог претендовать на активное участие в политической жизни и власть в Исландии. Изначально (особенно до возникновения альтинга) Исландия была многополярным образованием, в котором общие для всего острова законы и установления давали равные права всем территориально-административным образованиям (четвертям). Однако доминирующую роль играла юго-западная, гуще населенная и климатически более благоприятная часть острова. Тем не менее, Северная четверть Исландии, видимо, представляла со-

бой второй очаг образования государственных структур (в отличие, например, от Восточной четверти, никогда не претендовавшей на ведущее место). Ее особенностью была плотная сеть родственных связей, в результате чего все население четверти являло собой практически один большой род – в отличие от сосуществования множества равносильных кланов на юго-западе страны.

Источники и литература

- Bjarni F. Einarsson. The Settlement of Iceland. Reykjavík, 1995.*
Brennu-Njáls saga / Finnur Jónsson gaf út // Altnordische Saga-Bibliothek. Halle, 1908. H. 13.
Droplaugarsonar saga / Jón Jóhannesson gaf út // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1950. B. 11.
Eiríks saga rauða / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gaf út // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1975. Bd. 4.
Eyrbyggja saga / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gaf út // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1975. Bd. 4.
Grettis saga Ásmundarsonar / Guðni Jónsson gaf út // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1976. Bd. 7.
Íslendingabók / Sigurður Nordal gaf út // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1974. B. 1.
Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1968. Bd. 1.
Landnámabók: Ljósprentun handrita / Jakob Benediktsson gaf út // Íslenzk Handrit. Ser. In folio. Reykjavík, 1974. Bd. 3.
Laxdæla saga / Einar Ólafur Sveinsson gaf út // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1950. B. 5.
Svarfaðardæla saga / Einar Ólafur Sveinsson gaf út // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1950. B. 9.
Víga-Glúms saga / Einar Ólafur Sveinsson gaf út // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1950. B. 9.

П.В. Лукин

НОВГОРОДСКАЯ ЭЛИТА В XII–XV вв.: ТЕРМИНОЛОГИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ, ЧИСЛЕННОСТЬ*

Социальный строй средневекового Новгорода уже не раз становился предметом исследований, в результате чего получены весьма убедительные данные, на которых можно основываться

(Бернадский 1961. С. 148–171; Алексеев 1979; Флоря 2006). Несмотря на ряд спорных вопросов, общая картина ясна: социальное устройство Новгорода усложнялось, и на смену грубому делению на «вячих» и «меньших» в XIII–XIV вв. пришло деление на более дробные социальные категории: бояр, житых людей, позже также купцов, черных людей.

Обычно в историографии местная новгородская знать называется *боярами*. Между тем сам термин «боярин», судя по всему, был долгое время мало популярен в Новгороде. В Новгородской I летописи (далее: НПЛ) за XII в. – 2 упоминания, за XIII – 18 упоминаний, и значительная их часть – во вставных повестях, вполне вероятно, новгородского происхождения (как, например, «Повесть о фрягах»: Вилкул 2009. С. 90–91, 95–96; упущено упоминание в НПЛ младшего извода под 1281 г.: ПСРЛ. Т. 3. С. 324). В берестяных грамотах слово «боярин» не встречается. Первая новгородская грамота, в которой упоминаются свои, а не княжеские бояре, датируется 1372 г. (ГВНП. С. 32). С XIV в. термин «боярин» фиксируется в новгородско-ганзейских источниках. В послании немецких купцов в Новгороде в Ригу 1331 г. «их (т.е. новгородским. – П.Л.) боярином» (*eren boyermen*) назван Иван Сып (РЛА. С. 59–60). О его гибели говорится в НПЛ под 1329 г.: «...убиша въ Юрьевѣ новгородского посла мужа честна Ивана Сыпа» (ПСРЛ. Т. 3. С. 98, 342). Отсюда видно, что даже в XIV в. слово «боярин» было не титулом (одного и того же человека могли называть и боярином и «мужем честным»), а характеристикой принадлежности к элитному слою, и могло заменяться обозначением типа «муж + эпитет».

Новгородских бояр немцы характеризуют как «добрых людей» (*guden luden*), т.е. называют их так, как назывались привилегированные жители ганзейских городов; например, в протоколе 19 мая 1411 г., принятом при посредстве «добрых людей» (*by den guden luden*) Василия Игнатьева и Андрея Иванова, бояр и послов Великого Новгорода» (ГВНП. С. 89).

Для количественной и социальной характеристики новгородского элитарного слоя в XIV–XV вв. важнейшее значение имеет свидетельство ганзейского документа 1331 г. После того как между новгородцами и немецкими купцами произошел конфликт, вылившийся в открытое столкновение и убийство одного из новгородцев, началась серия переговоров, в которой принял участие

и некий Борис Сильвестров сын, заявивший немцам, что его послали «300 золотых поясов» (.CCC. *guldene gordele*). Ниже говорится, что немцы отказались выдать 50 человек, которых требовал Борис Сильвестров сын, но согласились выплатить 100 гривен серебра и «предложили, чтобы он это сказал тремстам золотым поясам» (*den dren hundert guldenen gordelen*) (РЛА. S. 58, 59).

Относительно этих 300 золотых поясов выдвигались самые разные интерпретации, однако тщательный анализ документа и некоторых других данных показывает, что это какая-то группа новгородской элиты, а, вероятнее всего, как предполагал еще М. Бережков (Бережков 1879. С. 250), боярская элита в целом. Аргументы в пользу такой интерпретации следующие.

1) Свидетельство шведского историографа XVII в. Ю. Видекинда о том, что Иван III, захватив Новгород, «предал казни 300 знатнейших горожан» (Видекинд 2000. С. 500). Информация, несомненно, ложная (возможно, здесь произошла контаминация с походом Ивана IV), но цифра 300 могла быть вызвана памятью о 300 наиболее могущественных и выдающихся представителях новгородской элиты. Такое число бояр не должно удивлять. Галицких бояр насчитывали и больше. В 1211 г. по наущению князей Игоревичей «избъени быша» галицкие бояре, всего «числомъ 500, а нини разбѣгошася» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723–724).

2) Сами золотые пояса как символ высокого социального статуса. В ганзейских документах имеются данные о том, что серебряные пояса были атрибутами новгородских купцов – людей, несомненно, зажиточных, но на социальной лестнице стоявших ниже бояр. Так, в 1419 г. немецкий купец Клаус Дёк требовал у Ревельского совета возмещения нанесенного его новгородским партнерам ущерба и указывал в числе утрат «2 серебряных пояса в 4 гривны серебра» (2 *silvern gordele van 4 stücken [silvers]*) (HUB. VI. S. 131). Золотые (точнее с позолоченными украшениями) пояса в Новгороде действительно были. В ходе раскопок в слое, датирующемся 30–70-ми годами XII в., обнаружена литая медная позолоченная пряжка очень тонкой работы (Седова 1981. С. 144, 146, 147). Это был элемент мужского поясного набора, безусловно, принадлежавшего представителю новгородской элиты. Если у новгородских купцов были серебряные пояса, то пояса еще более дорогие и считавшиеся аксессуарами более «статус-

ными» могли носить только самые богатые и высокопоставленные новгородцы.

«Золотые пояса» в разных средневековых обществах ассоциировались с самым высоким социальным статусом, с высшей властью. В Новгороде носителями и того, и другого *par excellence* были бояре, именно их и могли – метонимически – называть «золотыми поясами». Богатым купцам, стоявшим ниже на социальной лестнице, очевидно, приходилось довольствоваться серебряными поясами (как и торговым партнерам новгородцев – прибалтийско-немецким бюргерам; см. завещание Герта фан Линдена из Ревеля 1442 г., согласно которому, его серебряный пояс отходил монастырю св. Бригитты: LECUB. IX. S. 615).

Разумеется, это не означает, что бояр было в 1331 г. ровно 300, и что все 300 носили золотые пояса. И цифра, и само наименование «золотые пояса» могли быть достаточно условными. Это обнаруживает использование словосочетания «золотой пояс» как устойчивого прозвища (Добрыня или Тимоня Золотой Пояс – герой, согласно, поздним летописям, участвовавший битве на Липице).

Значение боярского слоя, как видно из документа 1331 г., было столь велико, что с ним могла ассоциироваться новгородская власть как таковая. Человек, провозгласивший себя представителем бояр, мог претендовать на то, чтобы вести переговоры с немцами, ссылаясь только на бояр и не упоминая других новгородцев. Такой статус боярства был хорошо известен за рубежом. Обычно послания из-за границы в Новгород были адресованы его высшим магистратам (владыке, посаднику и тысяцкому) и «всему Великому Новгороду» (политико-правовым воплощением которого было вече). Но иногда вместо «всего Великого Новгорода» упоминались только бояре, что, думается, во многом соответствует положению дел *de facto*. В послании магистра Тевтонского ордена Хайнриха фон Плауэна в Новгород он обращается к «уважаемому отцу (т.е. архиепископу. – П.Л.), и возлюбленным господам, и возлюбленным избранным друзьям, и всем боярам в Великом Новгороде» (*gemeynen beyaren czu Grote Naugarden*) (HUB. V. S. 542–543).

Для XV в. есть прямое и бесспорное свидетельство бургундского рыцаря Ж. де Ланнуа, посетившего Новгород в 1413 г., о том, что термин «боярин» использовался самими новгородцами применительно к высшей элитной группе: «...в вышеуказанном

городе есть очень много великих господ, которых они (новгородцы. – П.Л.) называют боярами» (...y a dedens laditte ville moult de grans seigneurs qu'ilz appellent *Bayares*) (de Lannoy 1878. P. 33).

Нет оснований усматривать в цифрах 300 или 500 точную количественную оценку элитного слоя, но на их основании можно судить о порядке: счет бояр в таких крупнейших древнерусских центрах, как Новгород или Галич, шел не на единицы или тысячи, а на десятки и (немногие) сотни.

Учитывая европейские данные о составе городских семей разного социального и имущественного положения, можно сделать вывод о том, что всех представителей этой категории населения, включая женщин и детей, могло быть в послемонгольском Новгороде не более 1800 чел. (скорее всего, их было меньше, около 1500 чел.).

Сложнее обстоит дело с новгородским элитным слоем домонгольского времени.

Слово «боярин» в это время использовалось применительно к новгородской элите, как уже говорилось, эпизодически и окказионально. Элитный слой Новгорода в эту эпоху характеризовался словосочетаниями типа «вячшие/передние и т.п. мужи» (vs. «меньшие/молодые мужи»). При этом «вячшие мужи» – не синоним «бояр». Известен, например, случай, когда в летописи «вявшим мужем» назван «поп» – приходской, очевидно, священник (ПСРЛ. Т. 3. С. 41).

«Вячшие мужи», таким образом, – это, скорее, не термин, обозначающий высшую сословную группу, а общее наименование видных новгородцев, в число которых могли входить не только представители знати, но и вообще люди чем-то выдающиеся. Термин «боярин», очевидно, изначально имел более конкретное значение и постепенно стал обозначать в Новгороде совершенно определенную элитную социальную группу.

Косвенно об этом свидетельствует и то, что «вячших», вероятно, было больше, чем бояр. Из летописного известия 1193 г. мы узнаем, что югра перебила делегацию, состоявшую из 12 «вячших», а потом еще 30, итого – 42 «вячших» (ПСРЛ. С. 40–41). Если в одном, не самом важном походе погибли 42 «вячших» новгородца, общее их число в Новгороде наверняка превосходило 300.

Прямое доказательство этого обнаруживается в той же летописи ниже, в рассказе о том, как Ярослав Всеволодич накануне

Липицкой битвы арестовал «боле 2000» новгородцев, «мужей» и «гостебников» (ПСРЛ. Т. 3. С. 55). Естественно, как и к другим цифрам, встречающимся в нарративных источниках, относиться к этой оценке следует весьма осторожно. Если воспринимать ее как вполне достоверную, то придется признать, что общая численность элитного слоя Новгорода в этот период с учетом членов семей была не менее 8 тыс. чел. Все население Новгорода тогда не превышало 20 тыс. чел. (Лукин. В печати). Необходимо также учитывать явную тенденцию летописцев при описании подобных драматических эпизодов для пушего эффекта преувеличивать цифровые данные, а также объективные трудности транспортировки и размещения такого количества арестованных людей в условиях средневековых коммуникаций и логистики. Но самое главное – другое. В самой летописи есть свидетельство того, что Ярославом были арестованы не *все* новгородские «вячшие мужи».

1 марта 1216 г. Мстислав Мстиславич выступил из Новгорода против Ярослава. Однако не все новгородцы его поддерживали: «побѣгоша къ Ярославу... Володиславъ Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Ольксиниць, Гаврильць Милятиниць, и съ женами и съ дѣтьми» (ПСРЛ. Т. 3. С. 55). Наличие патронимов у всех четырех беглецов почти однозначно свидетельствует об их принадлежности к «вячшим».

Наконец, «новгородцами» могли считаться не только жители самого Новгорода. Хотя в подавляющем большинстве случаев летописные «новгородцы» – это новгородские горожане, есть и исключения: например, в НПЛ под 1234/35 г. среди убитых в бою «новгородцев» назван «городищанин», т.е. житель (Рюрикова) Городища (ПСРЛ. Т. 3. С. 73).

Все это, как и в случае с 300 «золотыми поясами», не дает возможности опираться на эту оценку «как она есть». Ее необходимо иметь в виду как ориентир, но ориентир важный, указывающий на то, что хотел сказать летописец, записывая именно такую цифру (а не, например, «боле 200» или «боле 20 тыс.»).

Видимо, надо исходить из того, что «вячших мужей» в то время было существенно больше – как в относительном, так и, скорее всего, в абсолютном выражении, – чем бояр позднейшей эпохи. Можно осторожно предположить, что «вячших» могло быть в Новгороде XII–XIII вв. не менее нескольких сотен. В их состав

входила не только знать, но и купцы, и представители духовенства (на это указывает причисление в летописи к «вячшим» гостебников и «попа»). Вместе с семьями представителей этого слоя населения могло быть несколько (немного) тысяч. Остальную часть городского населения составляли свободные полноправные горожане более низкого статуса – «меньшие мужи» – и бесправные лица.

Примечание:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00099а.

Литература

- Алексеев Ю.Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. М., 1979. Т. 103.
- Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой. СПб., 1879.
- Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
- Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000.
- Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Лукин П.В.* Население средневекового Новгорода (в печати).
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись; М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- РЛА – Русско-ливонские акты (=Russisch-Livländische Urkunden) / Собр. К.Е. Напьерским. СПб., 1868.
- Флоря Б.Н.* «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6.
- HUB – Hansisches Urkundenbuch. Leipzig, 1899. Bd. 5: 1392 bis 1411 / Bearb. von K. Kunze; Leipzig, 1905. Bd. 6: 1415 bis 1433 / Bearb. von K. Kunze.
- de Lannoy 1878 – Œuvres de Ghillebert de Lannoy voyageur, diplomate et moraliste, recueillies et publiées par Ch. Potvin avec des notes géographiques et une carte par J.-C. Houzeau. Louvain, 1878.
- LECUB – Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau, 1889. Bd. 9 / Hrsg. von H. Hildebrand.

ФОРМИРОВАНИЕ КЕЛЬТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И АНГЛО-САКСОНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ БРИТАНИИ

Проблема перехода от римского имперского контроля к возникновению раннесредневековых королевств, влияние вторжений и культурных контактов, сущность политической власти в кельтских королевствах по сей день остаются предметом ожесточенных дискуссий в историографии.

В своих дискуссиях исследователи ограничены кругом источников, которые в части, касающейся пост-римской Британии, весьма скудны и пополняются в последнее время почти исключительно за счет археологического и эпиграфического материала. Корпус письменных источников сформирован давно, подробно изучен и в целом рисует картину культурного, экономического и политического дисконтинуитета между римскими институтами и институтами раннесредневекового мира. Археологический и эпиграфический материал не столь однозначен, что позволяет исследователям на его основе делать иногда совершенно противоположные выводы о судьбе римского наследия в Британии и степени преемственности между римским и пост-римским периодами. Это в полной мере касается и проблемы формирования кельтской государственности на территориях, которые после 410 г. стали независимы от римской имперской власти.

Письменные источники по истории англо-саксонского завоевания Британии (прежде всего Гильда и следующий ему во многих отношениях Беда) рисуют картину массового замещения местного кельтского населения пришельцами германского происхождения (*migration model*). На сообщениях этих авторов и строились все концепции ранней англо-саксонской истории в XIX и первой половине XX в. В последние десятилетия гораздо более влиятельной стала идея о сохранении значительных масс местного населения на завоеванных англо-саксами территориях (*war band model*) и, как следствие, пересмотр представлений о характере ранних государственных образований на территории Британии.

Несмотря на то, что дискуссии длились долгие десятилетия, споры не утихают. В рамках англоязычной историографии исследователи распались на две большие группы. К первой можно от-

нести тех, кто защищает относительно плавный переход от имперской власти к пост-римским государственным образованиям (политиям) (см., например: Dark 2002). Ко второй принадлежат те, кто усматривает большую катастрофичность в событиях V–VI вв., указывая на культурный и материальный разрыв между римским периодом и последующими веками в истории Британии (см., например: Faulkner 2000).

Общая канва формирования кельтской государственности выглядит следующим образом. Вслед за выводом римских легионов из Британии начинают возникать первые государственные объединения, характер которых ученым до сих пор не ясен. Есть точка зрения, что главную роль в Британии играли тогда муниципалы, руководство сохранявших еще римских городов – отсюда определение периода 410–455 гг. как «*civitates period*» (Mummy 2002). Однако параллельно с ними должны были формироваться и королевства, как это следует из слов Гильды и Беды. Более того, археологические исследования говорят о том, что границы этих королевств первой половины V в. часто совпадали с племенными границами, существовавшими на острове еще до римского завоевания (Dark 1998). Соответственно, формирование кельтской государственности происходило в различных районах Британии на разной основе.

С 455 г., с усилением англо-саксонского проникновения вглубь кельтских территорий, начинается процесс дробления относительно крупных государственных образований (наподобие владений Вортигерны) и переход власти от муниципальных правителей к королям, различавшимся своим этническим происхождением. Среди пяти знаменитых королей, упоминаемых Гильдой, трое носят кельтские имена, двое – римские, а родителей Амвросия Аврелиана он делает и вовсе выходцами из высшей римской аристократии («одетые, бесспорно, в пурпур», что, по мнению исследователей, может свидетельствовать о связи Амвросия с кем-то из британских узурпаторов позднеримского периода).

Долгий мирный период после победы при горе Бадон отразился и на эволюции кельтской государственности. На протяжении VI в. отмечается процесс консолидации кельтских королевств, выделения среди них более крупных и влиятельных. Стоит в первую очередь отметить Думнонию на юге, Стратклайд на севере и ряд уэльских королевств.

Особенностью политического развития островного кельтского мира было отсутствие политического единства и влияние географических условий на политические процессы. Следовательно, этот процесс имел свою специфику в разных регионах Британии.

На западе Британии отчетливо прослеживается преемственность с римскими временами, иногда растянувшаяся на время жизни нескольких поколений (Mутум 1996. Р. 124). В то же время тут возникают новые властные структуры, основанные на местной элите, получившей опыт работы в римских административных органах. Этот процесс сопровождается использованием римских терминов, сфера применения которых, как кажется, даже расширяется. Однако углубление романизации в пост-римский период на западе осложняется широкими миграционными процессами, прежде всего переселением ирландцев в Уэльс и юго-западную Англию. На эти регионы англо-саксонское завоевание не оказывало существенного влияния вплоть до второй половины VI в.

На севере же, в районе вала Адриана, большим влиянием пользовались военачальники, и, по мнению ряда исследователей, именно они стали основателями местных политий (Wilmott 2002). Романизация этих районов была гораздо слабее и не сказалась практически на новых государствах.

На протяжении V–VI вв. границы кельтских владений неуклонно смещались к западу, на территории же востока и юго-востока Англии начинается формирование англо-саксонских государств. Но если раньше этот процесс рассматривали именно как становление германской государственности (с появлением в регионе масс переселенцев – не только военной элиты, но и скотоводов и земледельцев), то на современном этапе постулируется сохранение значительных масс местного кельтского населения. В такой ситуации происходит лишь смена господствующей верхушки – с кельтской на германскую, без существенных перемен в системе землепользования и расселения, этническом составе и других системообразующих признаках ранней государственности в Британии. Правда, загадкой остается археологическая и, особенно, лингвистическая «невидимость» покоренного кельтского населения на территории англо-саксонских королевств. Для разрешения этой загадки было выдвинуто много разнообразных гипотез, однако их рассмотрение не входит в задачу нашего исследования.

Стоит отметить и факт заимствования бриттских имен англо-саксами (или наличие среди англо-саксонской военной элиты выходцев из числа бриттов). Самым известным примером является Кердик, хотя нельзя с уверенностью сказать, был ли это бритт или сакс, носивший бриттское имя. Во втором случае возможным представляется предположение, что появление кельтских имен в англо-саксонских королевских династиях было обусловлено ранними династическими браками между представителями германских и кельтских королевских родов (Coates 2007. P. 175).

Более того, отдельные кельтские королевства сохранялись как анклав на территориях, занятых англо-саксами (в качестве примера можно привести королевство Элмет (Elmet), располагавшееся в Западном Йоркшире и аннексированное королем Нортумбрии Эдвином лишь в 617 г.: Jones 1975).

С этнической точки зрения ранние королевства на территории острова представляли собой широкий спектр – от преобладания германского элемента на востоке и юго-востоке до преобладания кельтского элемента на западе, с огромным количеством вариаций между двумя этими крайними точками.

В данном контексте противостояние бриттских и англо-саксонских королевств теряет вид «цивилизационного» противостояния между двумя различными обществами, прямо антагонистичными друг другу, как это изображается в раннесредневековых источниках. Характер «священной войны» этим столкновениям был придан позднее, уже христианскими авторами (и большая заслуга в этом принадлежит Гильде, хотя он и преследовал иные цели). Сами источники зафиксировали случаи, когда христианин и язычник объединялись для атаки на другого короля-христианина, и раздоры между кельтами-христианами были столь же частыми, как между христианами-кельтами и германскими язычниками (и к данной ситуации можно применить термин «война всех против всех»). Следовательно, особенности развития ранних государств в Британии в V–VI вв. следует искать во внутренних факторах, а не в самом факте англо-саксонского завоевания, как это постулировалось ранее.

Литература

Coates R. Invisible Britons: The View from Linguistics // Britons in Anglo-Saxon England / Ed. by N. Higham. Woodbridge, 2007. P. 172–191.

- Dark K.R.* Britain and the End of the Roman Empire. Stroud (Gloucestershire); Charleston (S.C.), 2002.
- Faulkner N.* The Decline and Fall of Roman Britain. Stroud (Gloucestershire); Charleston (S.C.), 2000.
- Jones G.R.J.* Early territorial organization in Gwynedd and Elmet // Northern History. 1975. Vol. 10. P. 3–27.
- Mummy K.* The Groans of the Britons: Towards the British *Civitates* Period ca. 406–455 C.E. // Ex Post Factum. 2002. Vol. 11. P. 65–78 (http://userwww.sfsu.edu/~epf/journal_archive/volume_XI_2002/mummey_k.pdf; дата доступа: 05.01.2012).
- Mytum H.* Early Medieval Settlement in Western Britain and Ireland: cultural unity and diversity // Ruralia. Praha, 1996. P. 124–133.
- Wilmott T.* Roman commanders. Dark Age Kings // British Archaeology. 2002. Vol. 63 (<http://www.britarch.ac.uk/ba/ba63/feat1.shtml>; дата доступа: 05.01.2012).

В.И. Матузова

ВОЙНЫ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ И ЛИТВЕ: КОНФЛИКТ ДВУХ КУЛЬТУР*

Государство Тевтонского ордена в Пруссии просуществовало немногим более двухсот лет: с конца XIII в. до 1525 г. Общеизвестно, что основы орденского государства были заложены к 1283 г., т.е. ко времени окончания завоевания Пруссии. Таким образом, государственная основа формировалась в ходе военных действий. С одной стороны, это была материальная основа территориального государства: менялись и расширялись границы завоеванных территорий, на которых строились крепости, замки и церковные сооружения, территорий, на которых продолжало жить местное население, постепенно исчезающее в ходе войны или ассимилировавшееся немецкими переселенцами. А, с другой стороны, в плане духовном, шла непрерывная и зачастую непримиримая война двух культур – христианской и языческой.

Вся хроника Петра из Дусбурга построена на контрасте: христиане – рыцари Тевтонского ордена противопоставлены язычникам-пруссам, которых надлежит обратить в христианскую веру.

Выводя первых силами добра, а вторых – силами зла, хронист создает как бы черно-белое изображение событий и их участников.

Одну из глав «Хроники земли Прусской» (III. 5) Пётр из Дусбурга посвящает описанию обрядов и нравов пруссов, какими они видятся рыцарю-крестоносцу. Даже бытовая сторона жизни пруссов в его подаче создает образ «чужого» – врага, которого предстоит одолеть тевтонским рыцарям. Хронист даже не пытается внести объективность в свое описание. Напротив, все особенности жизни пруссов встречают его искреннее осуждение, и самый главный недостаток их – язычество. Указанная глава начинается словами: «Пруссы не имели понятия о Боге. Поскольку они были глупцами, то разумом не могли постичь его, а так как письменности у них не было, то не могли созерцать его и в Писании». И далее хронист повествует о языческих верованиях пруссов, об обожествлении ими природы. Пытаясь уяснить для себя особенности их верований и обрядов, он упоминает некое священное место в Надровии, называемое Ромов (этимологически возводя этот топоним к Риму), где жил некий жрец Криве, которого Пётр, продолжая намеченную логику, сопоставляет с папой Римским. И тем не менее Ромов – это центр язычества, а Криве – языческий жрец, да и веруют пруссы «не так, как следует». Именно поэтому война с ними вполне оправданна и приравнена к крестовому походу; идущим в Пруссию и Ливонию выдавались привилегии и индульгенции, как и крестоносцам, идущим в Иерусалим. Характеристики пруссов, указанные в данной главе, рассеяны по всему тексту хроники, служа постоянным напоминанием о том, что пруссы – это воплощение сил зла и что война с ними вполне оправданна.

Первая характеристика пруссов кажется противоречивой. С одной стороны, пруссы «закоснели... в пороках своих» и «никакие здравые увещания не могли увести их от заблуждения их неверия». С другой – «одно было в них похвально и во многих отношениях привлекательно: хотя они были язычниками и поклонялись разным богам, все же жили в мире с соседними христианами и не мешали им почитать живого Бога и ни в чем не причиняли вреда». Но так продолжалось недолго, ибо «враг рода человеческого» «подстрекнул их на жесточайшие гонения» на христиан (II. 1). Подобное утверждение определяет в дальнейшем нечестия и сын погибели» (хронист использует цитату из Библии)

(III. 32), сын дьявола (III. 35), «сын проклятия» (III. 66), от которого резонно ожидать «коварного злодейства» и «лисей хитрости» (III. 37); и он «все больше и больше погрязал в пороке и причинял вред правочерным Христа» (III. 33). Пруссцы – это дети Белиала (Велиала) (III. 95).

«Враг рода человеческого» еще не раз будет вмешиваться в «достижения» крестоносцев, возбуждая восстания пруссов, которые хронист называет гонениями на христиан и «вероотступничествами» и которых насчитывает пять. Так, незадолго до первого восстания пруссов «враг рода человеческого... начал замышлять на тысячи ладов и строить разные козни» и, наконец, «возбудил жесточайшую волну гонений на веру и христиан» (III. 31), а перед третьим прусским восстанием «недруг рода человеческого, враг веры, ревнующий к миру дьявол, войдя в сердца их, подстрекнул их к тому, чтобы они вновь вступили на путь мятежа» (III. 189). Правда, уже в следующей главе выясняется, что «подстрекнул к вероотступничеству почти всех пруссов» (и, стало быть, приравняется к дьяволу) не кто иной, как сам Бонсе, который наперекор запретам христианской религии якобы хотел быть многоженцем. Напротив, тевтонские рыцари успешно оказывают сопротивление дьявольским козням (III. 230, 233).

Злейшее преступление, на какое способны пруссы, – это осквернение христианских святынь. Оно превосходит, кажется, даже гибель христиан от рук язычников, о которой говорится как бы вскользь. Словно рефрен, в хронике повторяются страшные описания этого преступления: «...церкви, часовни и молельни Божии они сжигали, с церковными святынями кощунственно обращались, церковное облачение и сосуды использовали непозволительным образом, священников и прочих служителей церкви беспощадно убивали» (III. 90); при взятии Мариенвердера пруссы «причинили большой ущерб образам святых, церковному облачению и прочему, предназначенному к служению Бога, и церковным святыням» (III. 148). В пятом вероотступничестве пруссы, «рассеявшись по земле, убивая мужчин тевтонских, захватывали их женщин и детей, нанося церквам и церковным святыням и

служителям немалый ущерб» (III. 262). В начале войны с Литвой литвины совершили нечто подобное в Польше, «убив в церкви 400 человек христиан, клириков и прелатов... все облачения, кубки и прочие церковные сосуды» они «в знак презрения Бога» использовали «кощунственным образом, церковь со святынями» обратили в пепел (III. 250). Воюя с крестоносцами, литвины нанесли «великий ущерб церквам, церковному облачению и сосудам, служителям и святыням церковным» (III. 310), а вторгнувшись в землю маркграфа Бранденбургского, они «более 140 деревень, столько же приходских церквей, три братства монахов цистерцианского ордена и два женских монастыря и много монастырей черных и белых монахов разорили огнем и мечом, бесчеловечно изгоняя из монастырей монахов и посвященных Богу девишек, слуг церкви и священников, унося священные сосуды, облачение и прочие святыни» (III. 361).

Со своей стороны, крестоносцы не остаются в долгу и тоже покушаются на святыни пруссов. В одной главе говорится о столкновении пруссов и тевтонских рыцарей из-за котла, в котором пруссы «имели обыкновение варить священные приношения по обычаю своему» (III. 120) и который они собирались перенести из одного укрепления в другое. Сто пятьдесят тевтонских рыцарей «по воле Господа, силой отобрали котел», а затем разрушили три прусских укрепления.

Хронист нередко приводит цифры, характеризующие численность пруссов, с которыми сражаются тевтонские рыцари. Перечисляя прусские земли, Пётр из Дусбурга сообщает, что «богатая и многонаселенная Самбия» располагала четырьмя тысячами конницы и сорока тысячами воинов (III. 3). Польский историк Г. Ловмянский в свое время указывал, что силы пруссов в подаче орденского хрониста преувеличены десятикратно. Скорее всего, к приводимым им цифрам следует относиться как к эпической гиперболе, благодаря которой тевтонские рыцари предстают перед читателем еще более доблестными. На самом деле рыцари, даже если бы они и не обладали численным преимуществом, всё же были сильнее, т.к. по сравнению с пруссами имели более совершенное оружие. Конечно, с обеих сторон чаще всего использовались луки и камнемёты, но у крестоносцев были уже и арбалеты, оружие, неведомое пруссам, которому они «чрезвычайно дивились» (III. 105) и от которого нередко погибали. Так что «но-

вым оружием» тевтонских рыцарей были не только молитвы, как бы красноречиво ни говорил о нем хронист.

Обращаясь к контрасту, на котором строится повествование «Хроники» Петра из Дусбурга, следует отметить, что он возникает еще до непосредственного столкновения с пруссами. Вступив в Пруссию, крестоносцы очутились в некоем «антимире», совершенно не похожем на привычный им мир. Пётр пишет: «Ведь они покинули сладостную землю родины своей и вступили на чужбину... Ушли... они из земли обильной, мирной и спокойной, а вошли в землю, полную ужасов, невозделанных просторов и жестоких битв» (II. 10). И затем к характеристикам крестоносцев как святых и как «новых Маккавеев» добавляется еще одна. Уже в Прологе хронист пишет о тевтонских рыцарях: «И они понесли крест свой и последовали за Христом, ибо каждый день и час готовы были принять поругание и смертную казнь ради защиты веры... Воплотилось в них то, что Апостол, говоря о святых мучениках, написал к евреям: иные же замучены были, другие испытывали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотах и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Пролог. С. 7).

В подтверждение сказанного текст хроники полнится множеством эпизодов, рисующих страшные условия жизни тевтонских рыцарей в Пруссии. Пётр из Дусбурга признает, что «невозможно должным образом поведать, скольким тяготам и скольким опасностям и скольким трудностям постоянно подвергались магистр и братья» (III. 18). Доказательства этого можно встретить на многих страницах хроники: пруссы и литвины жестоко расправляются с взятыми в плен крестоносцами и с их сородичами (III. 40, 66, 91, 145, 281), равно как и со священниками (III. 90, 270, 357), нападают на паломников (III. 93) и даже знание немецкого и польского языков обращают во зло тевтонским рыцарям (III. 167, 239). Итак, крестоносцы на наших глазах превращаются в святых мучеников: после одной битвы на ее месте будто бы появились горящие свечи – «явное свидетельство того, что павшие там уже приняли терновый венец от Царя мучеников» (III. 123), из уст сожженного пруссами горожанина из Магдебурга вылетает «белоснежный голубь» (III. 91), а при похоронах одного погибшего

рыцаря процессию сопровождали «два белых голубя» (Ш. 281). Впрочем, о том, что крестоносцы – мученики, автору хроники известно а priori, поскольку уже во второй ее части он обращается к Богу: «Если венец славы Твоей на небе, о всеблагой Христос, венец всех святых, то они заслуживают быть увенчанными Тобою, столько претерпевшие за тебя» (II. 10).

Государство Тевтонского ордена в Пруссии по сути было государством крестоносцев. Изначально оно мыслилось как автономное теократическое государство, но оно не могло быть автономно от среды его формирования, в которой неизбежно возник конфликт двух культур, в противоборстве которых закладывались его основы.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта «Становление государственной инфраструктуры в Античности и Средневековье (компаративное исследование)» по программе фундаментальных исследований ОИФН «Нации и государство в мировой истории».

Литература

Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Подг. В.И. Матузова. М., 1997.
Feistner E. Krieg und Kulturkontakt: Zur 'Ethnologie' der Prussen und Litauer bei Peter von Dusburg und Nikolaus von Jeroschin // *Mittelalterliche Kultur und Literatur im Deutschordensstaat in Preussen: Leben und Nachleben* / Hg. J. Wenta, S. Hartmann, G. Vollmann-Profe. Toruń, 2008. S. 529–539.

Е.А. Мельникова

«ДРУЖИНОЮ НАЛѢЗУ СРЕБРО И ЗЛАТО»: ВОЕННО-ТОРГОВАЯ ЭКОНОМИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭЛИТЫ X в.*

Знаменитое высказывание Владимира Святославича: «Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, дружиною налѣзу сребро и злато яко же дѣдъ мои и отецъ мои доискася дружиною злата и сребра» (ПВЛ. С. 56; рассказ о пире дружины в статье под 6504 [986] г., очевидно, восходит к устной традиции), определяет основу, на которой зиждилась экономика древнерусской элиты –

военную деятельность. Она обеспечивала, с одной стороны, дани с покоренных соседних славянских «племен» (политий), с другой – военную добычу в результате грабительских набегов на более далеких, но богатых соседей – Византию, в первую очередь, но также, видимо, и Крым (не случайно в договоре 944 г. русам запрещается зимовка в Белобережье), и прикаспийские области. Тем самым дружина служила главным инструментом материального обеспечения князя и военизированной элиты.

Выделение военной знати и профессионального военного слоя в европейских варварских обществах раннего средневековья знаменовало не только новый, более высокий уровень социальной стратификации, но и формирование экономики, принципиально отличной по своему типу от базовой, получившей в экономической антропологии наименование «прожиточной» (subsistence economy), основывающейся на производящих формах хозяйства, земледелии, скотоводстве (в разных формах и соотношении), домашнем ремесле и обеспечивающей насущные нужды в повседневных продуктах питания и ремесла в размере, достаточном для (расширенного) воспроизводства и обеспечения непродизающих общественных групп, племенной знати и жречества (Duby 1974). Новая экономическая система – ее исследование базируется в значительной степени на скандинавском, а также англо-саксонском материале – являлась продолжением и развитием престижной экономики стратифицированных обществ, непродизающей и основанной на обмене предметами роскоши, маркирующими социальный статус одной ограниченной общественной группы – элиты, и их перераспределении внутри этой группы.

До последних десятилетий рассматривалась почти исключительно лишь одна форма обмена – дар, служивший не столько экономическим потребностям общества, сколько установлению социальных связей, причем связей личностных (Mauss 1922; Гуревич 1970. С. 63–82; Cheal 1988). Ныне не меньшее внимание обращено на другие формы обмена, прежде всего, на «нейтральные» (безличностные) формы перехода ценностей из рук в руки, при которых в процессе транзакции между ее участниками социальные связи не устанавливались (Kruse 2007. Р. 166–167): это дани с покоренных общностей, плата наемникам, грабеж, выкуп, наконец, торговля и торговые пошлины (Miller 1986). Все эти формы обмена способствовали концентрации ценностей практи-

чески только внутри элитной группы, не затрагивали производящее хозяйство и не требовали унифицированных платежных средств (денег).

Лишь в контактах с Римской империей, Византией I–VIII вв., а в эпоху викингов – с Византией, Франкией, Англией, Германией, Арабским халифатом скандинавские и славянские догосударственные общества вступают во взаимодействие с монетарной экономикой. Ее реинтерпретация в контексте престижной экономики наглядно выступает в рассказе Ибн Фадлана о демонстрации статуса (престижа) купца-руса: «Если человек [из русов] владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене один [ряд] мониста, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два [ряда] мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним, прибавляют [ряд] мониста его жене, так что на шее иной из них бывает много [рядов] монист» (Ковалевский 1956. С. 141). При отсутствии денежного обращения в Восточной Европе и Скандинавии X в. монеты, являвшиеся в арабском мире платежным средством, становятся здесь манифестацией статуса, сырьем для изготовления престижных предметов (прежде всего украшений), формой вотивов («болотные клады») (Silver Economy).

Приобретение «сребра и злата» военными средствами, однако, существенно различалось в Скандинавии и на Руси. В первом случае при незначительных внутренних резервах для сбора даней – наиболее активно процессы поглощения одних мелких политий другими, экономический потенциал которых был крайне невелик, проходили до начала эпохи викингов (Hedeager 1992) – основной формой стали викингские грабительские набеги на богатые страны Западной Европы. Здесь же стала возможна и еще одна форма военного обогащения – получение откупов за прекращение военных действий, размеры которых были огромны: только в 845 г. и только в одном случае – при осаде Парижа (а за год далеко не один отряд викингов совершал нападения на разные города Франкии и Англии) – откуп составил 7000 фунтов серебра. Значительно более обширный восточнославянский мир с многочисленными территориально-политическими образованиями отдельных восточнославянских группировок («племен») с развитой производящей экономикой предоставлял широкие возможности для обогащения более сильных в военном отношении политий. Борьба отдельных восточнославянских «племен», прежде всего полян и

древлян, слабые отголоски которой сохранились в ПВЛ, была в первую очередь борьбой за экономические ресурсы соседа, доступ к которым лежал в обеспечении политической власти над ним. Военное превосходство профессиональной военной элиты скандинавского происхождения обеспечило ее власть над славянскими политиями, военная организация которых, судя по археологическим данным (Зорин), была развита слабо (ср. также отсутствие мечей и боевых топоров в перечне оружия «славян» у Гардизи: Хрестоматия. С. 57). Составитель ПВЛ отмечает как главный показатель подчиненности «племен», в том числе северных словен, кривичей, мери и др., киевским князьям возложение на них дани, собиравшейся в ходе полюдьа, о чем также пишут Константин Багрянородный и Ибн Русте (КБ. С. 51; Хрестоматия. С. 47; см.: Данилевский 1998. С. 125–136). Данилевский подчеркивает и Константин Багрянородный в середине X в. (славяне – «пактиоты» росов), а рассказ о гибели Игоря подразумевает регламентированность даней.

Грабительские набеги как наиболее прибыльная форма военной деятельности, вероятно, практиковались еще до возникновения Древнерусского государства славянскими «племенами» (о чем говорят следы пожарищ на поселениях, строительство укрепленных поселений и др.) и скандинавскими отрядами, проникавшими в Восточную Европу с VIII в. О нападениях русов на славян с целью грабежа пишет Ибн Русте (903–925 гг.), опиравшийся на так называемую «Анонимную записку» 870–890-х годов (Хрестоматия. С. 48). Этот вид деятельности приобрел особенное распространение в X в.: походы на прикаспийские земли и, особенно, на византийские территории стали важнейшим источником обогащения как закрепившейся в Киеве скандинавской элиты, так, видимо, и отдельных викингских отрядов: не случайно в договоре 944 г. появляется статья о регламентации поездок русов в Византию и ответственности киевского князя за возможные нападения русов, пришедших из Восточной Европы (ПВЛ. С. 24).

Наряду с грабительскими набегами важнейшим источником экономического обеспечения социальной элиты была торговля, роль которой как в экономическом, так и социально-политическом развитии стратифицированных обществ исследовалась особенно интенсивно (Polanyi 1969; Hodges 1982; McCormick 2001), в том числе для Скандинавии (Trade and Exchange; Silver Econ-

оту) и Руси (Мельникова 2011. С. 15–34). Главными предметами экспорта из Руси на основании многочисленных упоминаний в источниках традиционно считаются пушнина, рабы, мед и воск. Особая роль обычно отводится пушнине, но значение этих товаров было неравноценно в разные периоды и в отношениях с разными партнерами. Восточные источники постоянно отмечают пушнину как основной товар, поставляемый русами, и перечисляют меха, пользующиеся особым спросом (заяц, бобр, черная лиса – Ибн Хордадбех: Хрестоматия. С. 25, 30; соболь, белка – Ибн Русте: Хрестоматия. С. 48 и др.). Византийские источники, напротив, пушнину не упоминают вообще, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что она поставлялась на рынки Константинополя. Единственный вид экспорта в Византию, упоминаемый Константином Багрянородным и подробно регламентированный в целом ряде статей русско-византийских договоров, – это рабы. Приоритеты в предметах импорта из Руси обуславливались как потребностями ее партнеров (например, воск, необходимый для изготовления свечей, вывозился по преимуществу в христианские страны), так и их восприятием русских товаров: меха высоко ценились в арабском мире и служили там показателем престижа, тогда как в Византии они воспринимались как элемент варварского одевания (Ковалев 2003. С. 66–67).

Начиная с IX в. восточные источники пишут о славянах, захватываемых русами во время набегов и продаваемых затем в Булгаре и Багдаде (Хрестоматия. С. 48, 57, 59 и др.), а также отмечают наличие рабов-славян на всей территории Халифата вплоть до Андалусии (Мишин 2002. С. 137–188). Постоянная потребность в большом количестве рабов, прежде всего в Византии и Арабском халифате, обеспечила чрезвычайно важную роль работорговли в европейской экономике (Verlinden 1970; McCormick 2001), особенно усилившуюся в X в. (The Cambridge Economic History. P. 417). Основным поставщиком рабов была Центральная и Восточная Европа – славянский мир (McCormick 2001. P. 793; Назаренко 2001. С. 94–96). (Ср. греч. σκλάβος, которое появляется в византийских источниках ок. 580 г.; средневек. лат. *sclavus* – в источниках примерно с 800 г.). Именно поставки рабов, по мнению Дж. Шепарда, обусловили стремление Византии к торговле с росами, которым предоставлялись особые привилегии (Shepard 1995. P. 254–255).

Первостепенное значение торговли рабами, которые требовались в большом, товарном, количестве, ставит вопрос о способах их приобретения. Восточные источники конца IX – начала X в. сообщают о набегах русов на славянские поселения, при которых захватывались пленные для продажи на восточных рынках (так же поступали викинги в Западной Европе). Покорение славянских племен в первой половине X в. также, вероятно, сопровождалось захватом пленных, продаваемых в качестве рабов (ср. после разгрома древлян Ольга «овыхъ изби, а другия работѣхъ предасть мужемъ своимъ»: ПВЛ. С. 29). Однако после подчинения основных славянских племен Киеву такой способ добычи рабов вряд ли мог сохраниться, равно как маловероятно и предположение А. Галенко о поставках рабов русам в качестве одной из форм дани в процессе полюдья (Галенко 2004). Возможно, более или менее постоянным источником рабов оставались походы на еще непокоренные славянские племена (например, на вятичей), соседние земли (Червенские города, Волжскую Булгарию), т.е. та же военная деятельность.

Таким образом, экономическое обеспечение элиты – в отличие от основной массы населения – складывалось из двух основных компонентов: присвоения прибавочного продукта производящего хозяйства (в форме дани) и получения престижных ценностей неппроизводящими способами, главными среди которых в период образования как Древнерусского, так и других ранних европейских государств были война и торговля. Военно-торговая (элитная) экономика (Hedeager 1994) принципиально отличалась от производящей своим характером, механизмами функционирования, формами, организацией (Dalton 1961. P. 20) и существовала в значительной степени в отрыве от нее (ср. отсутствие связи торгово-ремесленных поселений с округой на раннем этапе их существования).

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта № 12-31-08018 «Возникновение и становление Древнерусского и других средневековых государств: компаративное исследование» по целевой программе РГНФ «1150 лет российской государственности».

Литература

Галенко О. Три загадки Константина Багрянородного про «полюдья» // *Ruthenica*. 2004. Т. 3. С. 48–67.

- Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Зорин А.В.* Русы и северяне: из истории военного противостояния // Профессиональная археологическая работа по холодному оружию Днепровского Левобережья X–XI вв. (<http://xlegio.ru/ancient-armies/armament/ruses-northerners-military-confrontation/>)
- КБ – *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998.
- Ковалёв Р.* К вопросу о происхождении сорочка: По материалам берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 57–71.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011.
- Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М., 2002.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Хрестоматия – Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. 3: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.
- The Cambridge Economic History of Europe: Trade and Industry in the Middle Ages // Ed. M.M. Postan, E. Miller, C. Postan. Cambridge, 1987.
- Cheal D.J.* The Gift Economy. N.Y., 1988.
- Dalton G.* Economic Theory and Primitive Society // American Anthropologist. 1961. Vol. 63. P. 1–25.
- Duby G.* The Early Growth of European Economy. Warriors and Peasants from the Seventh to the Twelfth Centuries. L., 1974.
- Gurevich A. Y.* Wealth and Gift-Bestowal among the Ancient Scandinavians // Scandinavica. 1968. Vol. 7/1. P. 126–138.
- Hedeager L.* Iron Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe. Oxford, 1992.
- Hedeager L.* Warrior Economy and Trading Economy in Viking-Age Scandinavia // Journal of Economic Anthropology. 1994. Vol. 2/1. P. 130–148.
- Hodges R.* Dark Age Economics. The Origins of Towns and Trade, AD 600–1000. L., 1982.
- Kruse S.E.* Trade and Exchange Across Frontiers // Silver Economy in the Viking age // Ed. J. Graham-Campbell, G. Williams. Walnut Creek (Ca.), 2007. P. 163–176.
- McCormick M.* Origins of the European Economy. Communications and Commerce, A.D. 300–900. N.Y., 2001.
- Mauss M.* The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. L., 1990 (1-е изд.: 1922).

- Miller W.I.* Gift, Sale, Payment, Raid: Case Studies in the Negotiation and Classification of Exchange in Medieval England // *Speculum*. 1986. Vol. 61. P. 18–50.
- Polanyi K.* Primitive, Archaic, and Modern Economies / Ed. by G. Dalton. Boston, 1969.
- Shepard J.* Constantinople – Gateway to the North: the Russians // *Constantinople and its Hinterland. Papers from the Twenty-Seventh Spring Symposium of Byzantine Studies* / Ed. C. Mango, G. Dagron. Aldershot, 1995. P. 243–260.
- Silver Economy in the Viking age* / Ed. J. Graham-Campbell, G. Williams. Walnut Creek (Ca.), 2007.
- Trade and Exchange in Prehistory*. Lund, 1988.
- Verlinden C.* Wo, wann und warum gab es einen Grosshandel mit Sklaven während des Mittelalters. Köln, 1970.

Ю.М. Мозаричев

К ВОПРОСУ О «КРЫМСКОЙ ХАЗАРИИ» В X–XI вв.

В ряде работ современных авторов активно разрабатывается гипотеза о «Крымской Хазарии» в X–XI вв. Она основывается на двух источниках: письме патриарха Николая Мистика (№ 68), вероятно, херсонскому стратигу о командировании в Хазарию архиепископа Херсона и на сообщении Иоанна Скилицы об отправке в 1016 г византийского флота в Хазарию для ее подчинения.

Учитывая, что и Николай Мистик, и Иоанн Скилица – византийские авторы, напомним, что другие ромейские историки понимали под Хазарией. Феофан Исповедник и патриарх Никифор однозначно отделяли Крым и даже Таманский полуостров от «Хазарии» (Чичуров 1980. С. 18, 147). Ясного, географически определенного ответа на вопрос о том, что они понимали под этим термином, нет. Никифор сообщает лишь о далеких пределах земли хазар. Практически единственная зацепка – упоминание «гор Хазарии»: Дарьяльского или Дербентского проходов Кавказского хребта. Константин Багрянородный четко разделял имперские области на полуострове (Херсон, Боспор и Климаты) и Хазарию. При этом Пачинакия, расположенная рядом с крымскими владениями Византии, находилась от Хазарии на расстоянии в «пять дней пути» (Константин Багрянородный 1989. С. 41, 50–51, 156–

157, 171–175). Эту информацию подтверждает и Продолжатель Феофана (1992. С. 56–57). Таким образом, византийские авторы VIII–X вв. никогда не использовали по отношению к Крыму или отдельной его части термин «Хазария».

Следовательно, Николай Мистик под «Хазарией» мог понимать только одно государственное образование – Хазарский каганат. Аргументом в пользу отправки херсонского архиепископа именно туда могут свидетельствовать письма Николая Мистика (№ 51, 46) эксусиасту Авагсии Константину III (914–916) и следующему правителю Абхазии, Георгию II (916–917), в которых идет речь о помощи тамошних князей в деле недавней христианизации Алании (подробнее см.: Иванов 2003. С. 181–183). Поскольку адресатом Николая Мистика были правители Абхазии, речь должна идти о кавказских аланах. Если патриарх проводил миссионерскую деятельность в Алании, почему он не мог это же делать в Хазарии?

Согласно письму патриарха, задача херсонского иерарха заключалась не в миссионерской деятельности, а в помощи по организации церковной структуры для проживающих в Хазарии христиан. Отметим, что, по данным источников, христиане, равно как и мусульмане, составляли значительную часть населения Хазарского каганата, а мусульмане – даже гвардию (Артамонов 2001. С. 560–561; Новосельцев 1990. С. 144–164). Напомним известное свидетельство ал-Масуди о семи судьях хазарской столицы: «два – для тех кто (есть) в ней из христиан, судят законом Евангелия» (Древняя Русь 2009. С. 113). О проживании христианской общины в столице упоминал и хазарский правитель Иосиф в послании Хасдаю ибн Шафруту (Коковцов 1932. С. 102).

Абсолютно понятно и логично командирование в Хазарию именно херсонского иерарха. Традиционно контакты между Византией и Хазарией осуществлялись через Херсон.

Учитывая изложенное, можем сделать вывод, что нет ни одного сколько-либо серьезного аргумента, позволяющего предполагать, что патриарх Николай Мистик в своем письме упоминает не Хазарский каганат, а некую иную Хазарию.

Обратимся к сообщению Иоанна Скилицы (см. подробно: Степаненко 2008). Все предположения о локализации Хазарии в той или иной части Крымского полуострова основаны на допу-

щении, что Георгий Цула Скилицы и Георгий Цула, известный по моливдовулам, – одно и то же лицо.

Согласно печатям, выделяется не менее семи представителей рода Цул, действовавших в середине X – второй половине XIII в. Большинство из моливдовулов – крымского происхождения, хотя отдельные экземпляры были найдены в Фессалониках и Болгарии. Атрибутировано 12 экземпляров печатей с именем Георгия Цула трех типов, близких между собой. Они датируются первой половиной XI в. (Алексеев 2010. С. 4).

Даже если Георгий Цула всех упомянутых источников – одно и то же лицо, что маловероятно, это никак не отвечает на вопрос о том, о какой Хазарии писал Скилица. Учитывая, что Скилица – византийский автор, он должен был отражать именно византийское представление об исторической географии и топонимике того времени (скорее всего, времени жизни самого автора, т.е. второй половины XI в.).

Мог ли под Хазарией пониматься *Херсон и его округа*? Все источники традиционно называют эту территорию «Херсоном», «фемой Херсона», печати фиксируют «стратига Херсона» (Романчук 2007. С. 455–512).

Готия или Климаты. Константин Багрянородный обозначает эту территорию как Климаты, которые наряду с Херсоном подчинялись Византии. Концом X – началом XI в. (отметим, временем, близким к рассматриваемому) датируется печать Льва, императорского спафария и турмарха Готии, что свидетельствует о вероятном вхождении данной области в фему Херсона (Алексеев 1998).

Боспор – официальное византийское название. Приблизительно к 971–976 гг. на Боспоре была создана византийская фема, выделенная, вероятно, из состава фемы Херсон. Анализ боспорских печатей позволил Е.В. Степановой предполагать широкие связи данного региона в X–XI вв. с Готией, Херсоном и самим Константинополем (Степанова 2007).

Судя по сфрагистическим источникам, фема в Сугдее была учреждена в конце X – начале XI в. (Могаричев и др. 2009. С. 188). В середине XI в., судя по надписи патрикия и стратига Херсона Льва Алиата (1059 г.), она вошла в фему Херсон или была объединена с ней.

Таким образом, Готию, Херсон, Боспор и Сугдею можно исключить из числа территорий, которые могли бы называться «Хазарией». Если допустить, как предполагал ряд исследователей, что Крымская Хазария – это Северный Крым или часть Восточного Крыма, то возникают два противоречия. Если Георгий Цула был правителем небольшой области в Крыму, граничившей с византийскими владениями, неужели его армия была так многочисленна и сильна, что с ней не могли бы справиться воинские подразделения местных фем и понадобилось не просто присылать флот из столицы, но даже привлекать военные формирования Руси? Где материальные свидетельства существования Крымской Хазарии X–XI вв.? Ведь поселения и могильники X (по крайней мере, второй половины) и XI вв. в Юго-Восточном Крыму отсутствуют, хотя имеются на Боспоре и в Сугдее (Зинько 2010. С. 239; Майко 2006. С. 217).

Вероятнее всего, Хазария, упоминаемая Иоанном Скилицей, находилась вне пределов Крымского полуострова. Помочь в ее локализации, по нашему мнению, могут печати (выявлено 4 экземпляра) тмутараканского князя Олега Святославича (1083–1094), надпись на которых гласит: «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии» (Степанова, 2005. С. 542–543).

Русские летописи несколько раз упоминают неких хазар в связи с Тмутараканским княжеством. Скорее всего, Хазария, архонтом которой был Георгий Цула и которая была покорена Монгом, находилась на Северном Кавказе, вероятно, на бывшем Азиатском Боспоре.

Вывод: известные на данный момент письменные и археологические источники не позволяют говорить о существовании на территории Крымского полуострова в X–XI вв. области Хазария.

Литература

- Алексеевко Н.А.* Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Вып. 9.
- Алексеевко Н.А.* Род Цулы: варвары на византийской службе? // 11 международный Византийский семинар: Херсонская фема: «империя» и «полис». Тез. докл. Севастополь, 2010.
- Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2001.

- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009.
- Т. 3: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.
- Зинько В.Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
- Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932.
- Майко В.В. Византийско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. 16/1.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Жизнь Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Продолжатель Феофана / Пер. Я.Н. Любарского. М., 1992.
- Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007.
- Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008.
- Степанова Е.В. Печати из Судак (к вопросу об интерпретации) // Судгейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. 11.
- Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачёва // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2007. Вып. 13.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.

А.Е. Мусин

«РОД РУСЬКИЙ», «РОД ВАРЯЖСКИЙ», «РОД ПРУССКИЙ»: МИГРАЦИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОРЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА

В договоре руси с Византией 945 г. послы заявляют в преамбуле: «Мы от рода русьского». В Новгородской I летописи хронист утверждает, что новгородцы и в XI в. были «от рода варяжского». «Варяжский род» новгородцев трактовался, то как факт скандинавского происхождения некоторых аристократических

семей (Гиппиус 2006. С. 93–109), то как способ противопоставления Новгорода Киеву и его «руському» князю (Петрухин 2010. С. 148–150). Мне близка вторая интерпретация, поскольку представляется, что за летописным «родом» скрывалась не столько этническая принадлежность, сколько социально-политическая организация общества.

Такое противопоставление двух «родов» оказывается константой русской истории. Двухчастное устройство Древнерусского государства, которое состояло из Киевской и Новгородской волостей, нашло отражение в выходной записи Остромирова Евангелия 1057 г. и во введении к Новгородской I летописи. Приоритет Новгорода обуславливался не только хронологией, но и тем, что северяне были инициаторами приглашения княжеской династии. «Призвание варягов» в результате «ряда» должно было заложить основы политической системы Новгорода в его отношениях с князьями, зафиксированной договорами 1264–1471 гг., тогда как в Среднем Поднепровье, где Рюриковичи утвердилась в результате завоевания, возникли авторитарные формы правления. Призвание Рюрика претендует на роль основополагающего момента новгородского политогенеза, связанного с правом «вольности в князьях», что и определило принадлежность новгородцев к «варяжскому роду», т.е. такой организации общества, которая была создана «призванием варягов». Заметим, что «варяжский след» в сложении политической системы Новгорода нельзя связывать с археологически известным присутствием скандинавов среди городских первопоселенцев 930–950-х годов, а для функционирования подобной политической теории в средневековье было совершенно не важно, существовала ли подобная «вольность в князьях» в среде скандинавов, давших свое имя новой политической системе.

Справедливость гипотезы можно проверить с помощью анализа текстов позднего средневековья, в которых современники сами оценивали «призвание варягов» как политическую основу Новгорода. Речь идет о «Легенде о цесаре Августе» и «Казанской истории». Время появления «Легенды», утверждавшей родство Рюрика, Пруса и Августа, остается предметом дискуссии. Принято считать, что «Послание о Мономаховых дарах» – основа «Сказания о князьях Владимирских», частью которого была «Легенда», – возникло в 1511–1523 гг., хотя допускалось, что оно могло быть

создано и в 1498 г. На основе ряда косвенных данных можно полагать, что основные сюжеты «Послания» сложились уже к 1489–1492 гг. Гипотеза об изначальной антипольской направленности самой «Легенды» не подтверждается, поскольку до 1560-х годов она никак не использовалась во внешней политике (Ерусалимский 2009. С. 276–293).

Представляется, что «Легенда» возникла в совершенно ином идейном контексте. В.Л. Янин посчитал ее главным героем Гостомысла, поскольку связь первого новгородского посадника с потомками римских императоров должна была освятить власть боярства в Новгороде. В.Я. Петрухин предположил, что «Легенда» была посвящена актуальной для XV в. полемике о первенстве Новгорода и Москвы и имела «антиновгородскую» направленность, поскольку здесь Гостомysl добровольно передает свою власть князю (Петрухин 1999. С. 20–23).

Принимая последнюю трактовку, мы, как представляется, можем уточнить не только контекст, но и время, и социальную среду возникновения этой легенды. Известно, что в XVII в. появляется версия о происхождении Андрея Кобылы, родоначальника Романовых, «из Прусской земли». «Открытие» прусских корней Кобылы должно объясняться исключительно попыткой уравнивать новую династию в ее правах с Рюриковичами. Легенда о Прусе не могла зародиться среди московской служилой знати второй половины XV в. Наиболее подходящей социальной группой, не только заинтересованной в возведении рода московских князей к Прусу, но и имевшей на то «ономастические» основания, было боярство Прусской улицы в Новгороде.

Сегодня очевидно, что эти бояре никак не были связаны с миграцией прусской дружины, а название улицы отражало, скорее всего, ее направление: главный выезд из города вел «в пруссы», на Запад. Однако исторические и топонимические реалии не интересовали создателей легенды. «Прусское» боярство в Новгороде 1470–1480-х годов было наиболее промосковски настроенной общественной группой. Весной 1477 г. новгородские послы называли князя не «господин», как это предусматривал формуляр договора, а «государь». Новгородцы возмутились и убили участников и организаторов посольства, большинство из которых было связано с Прусской улицей. Считаю вероятным, что именно в связи с этим посольством «прусское» боярство и предложило ве-

ликому князю легенду о Гостомысле, Прусе и Августе, возникшую как развитие политической идеи «варяжского рода». В результате этого развития «пруссские» бояре оказались земляками московских князей, которые, вслед за Рюриком-самодержцем, получали подтверждение своих прав на Новгород, а варяги «переселялись» на земли Prussia Regalis. «Плотницко-прусская» группировка уже была «замечена» в мифотворчестве подобной направленности, в частности в связи с «участием» новгородцев в событиях на Куликовом поле (Дубровин 2005. С. 75–95). Дополнительным моментом, способным указать на причастность новгородских «прусов» к созданию легенды, является более чем вероятное происхождение рода Михалковичей от близкого к Рюриковичам ладожского ярла XI в. Рёгнвальда (Молчанов 1997. С. 80–84). Именно для этой части новгородской аристократии неместного происхождения князь был скорее государем, чем господином.

Однако на этом история «варяжского рода» не заканчивается. Созданная в 1564–1565 гг. «Казанская история» предлагает новое прочтение варяжской и прусской легенд, которое, на первый взгляд, противоречит официальной московской идеологии. Здесь говорится, что изначально на Руси все служили одному великому князю киевскому и владимирскому. Однако «неразумные новгородцы привели себе князя из Прусской земли, от варягов» и отделились «от Русского царства Владимирского». Обвинения, выдвинутые автором «Казанской истории» в адрес Новгорода, хорошо вписываются в тенденцию московского летописания, постоянно перечисляющего новгородские «измены». Однако это не может объяснить, почему новая версия русской истории не только лишает Рюриковичей их благородного происхождения, но и противопоставляет миф об «автохтонных» князьях реальной истории московской династии.

Стоит вспомнить, что «Казанская история» была написана незадолго до опричного похода на Новгород 1570 г. на фоне сохранения и даже воспроизводства элементов автономии Новгородского «государства». Автор «Казанской истории», приверженец московского абсолютизма, категорически отрицает саму возможность конституционных отношений между гражданами и князем, основанных на «призвании» правителя. Легенда о Рюрике и Прусе для него лишь частный случай предательства Новгородом интересов княжеской автократии, происхождением которой можно

пожертвовать ради главной цели – осуждения социально-политической системы, которая существовала в Новгороде эпохи независимости.

Миф «Казанской истории», являющийся *reductio ad absurdum* антиновгородской тенденции княжеского летописания, оказывается важным методологическим инструментом, позволяющим раскрыть особенности политического устройства и его обоснования в средневековой Руси. Постоянство, с которым великокняжеские книжники на протяжении XIV–XVI вв. атакуют основополагающие принципы общественно-политического устройства Новгорода, основанного на «призвании варягов», вплоть до абсурдных противоречий с собственной мифологией, свидетельствует о конституционном характере идеи «варяжского рода» для новгородской истории. Его противопоставление «роду русьскому» восходит, по крайней мере, к XI в.

В исторических событиях «призвания варягов» и последующих легендарных интерпретациях роль пришлого, мигрирующего элемента оказывается определяющей как в сложении конкретной политической системы, так и в ее эволюции и формировании ее общественного восприятия. Экстерриториальность, реальная, укорененная в настоящем, или мифическая, извлеченная из прошлого, превращала ее носителя в надпартийную силу или позволяла претендовать на особые условия в политическом торге. В середине XV в. соединение двух миграционных легенд – «заморского призвания» и «заморского происхождения» – вкупе с воспоминаниями о «пришлости» жителей Прусской улицы в Новгороде имело целью интеграцию части новгородского боярства в общественно-политическую систему московских Рюриковичей при помощи «общей прусской прародины», которую имплицитно предполагала «Легенда о цесаре Августе». В XVI в. мифическая автохтонность местной династии была призвана опровергнуть чужеродную Москве политическую систему, порожденную столь же чужеродным, пришлым «варяжским» элементом. Однако если вторичные политические мифологемы не выдержали проверки временем, то память о «варяжском роде» новгородцев вновь актуализировалась в событиях 1612–1613 гг. и стала средством исторической легитимации приглашения на российский трон шведского королевича. Обновление средневековой практики может служить подтверждением изначальности континуитета «вольно-

сти в князьях» как основы политической системы «Новгородского государства».

Литература

- Гиппиус А.А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства // The Slavization of the Russian North: mechanisms and chronology. Slavica Helsingiensia. Helsinki, 2006. Vol. 27. P. 93–109.
- Дубровин Г.Е.* Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотническое крыло «Московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 75–95.
- Ерусалимский К.Ю.* Прус и «Прусский вопрос» в дипломатических отношениях России и Речи Посполитой 1560-х – начала 1580-х гг. // Хорошие дни. Памяти А.С. Хорошева. В. Новгород; СПб.; М., 2009. С. 276–293.
- Молчанов А.А.* Ярл Регнвальд Ульфссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюряничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 1997. С. 80–84.
- Петрухин В.Я.* Гостомысл: к истории книжного персонажа // Славяноведение. 1999. № 2. С. 20–23.
- Петрухин В.Я.* Новгородцы от «рода варяжска»? // Диалог культур и народов в средневековой Европе. Сб. науч. ст. в честь 60-летия чл.-корр. РАН Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 148–150.

Д.В. Обрезкова

ФЕНОМЕН ПОХОДНОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОЗДНЕРИМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ПО ДАННЫМ ИМПЕРАТОРСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА IV – НАЧАЛА V в.)

Доклад посвящен вопросам, связанным с передвижениями резиденций позднеримских императоров. Подчеркивается, что появление походной резиденции, отмечаемое не позднее III в., было связано со стремлением императоров лично контролировать ситуацию на местах. Разумеется, правители посещали провинции и раньше, однако теперь они стали делать это регулярно. Походная жизнь стала нормой и для самих императоров, и для их двора.

Постоянные передвижения императорского двора в III – начале IV в. считаются общепризнанным фактом. Кроме того, принято считать, что существованию походного двора положил конец перенос столицы Империи в Константинополь в 330 г. (Ф. Миллар и др.). В данном докладе сделана попытка проследить, как изменялась активность передвижений императоров в IV – начале V в. и доказать, что императорский двор оставался походным до конца IV в. Также в докладе прослеживается процесс формирования стабильных императорских резиденций и рассматриваются возможные причины «оседания» императорского двора.

В качестве основного источника в данной работе используется Кодекс Феодосия – первый официальный свод императорского законодательства, составленный по приказу восточноримского императора Феодосия II и обнародованный в 438 г. В Кодекс вошли 2527 конституций восточных и западных императоров, изданных с 312 по 437 г., что и определяет хронологические рамки данного исследования. В качестве дополнительного источника был привлечен Кодекс Юстиниана, а именно те конституции, которые были изданы в указанный период, но не вошли при этом в Кодекс Феодосия.

Основным материалом для моей работы стало содержание субскрипций кодексов Феодосия и Юстиниана. Субскрипциями называются завершающие элементы императорских конституций, содержащие указание места и даты издания каждого из них. На основании материала субскрипций была составлена база данных по законодательной деятельности императоров IV – начала V в. по материалам кодексов Феодосия и Юстиниана. С ее помощью можно проследить, как изменялась со временем активность передвижений императора, а также выявить тенденцию к формированию «столиц» (т.е. стабильных резиденций).

Из собранных данных видно, что в период с 312 по 378 г. среднее число мест, посещавшееся императором за 14 лет, сильно не меняется и держится около коэффициента 19–20, т.е. императоры в этот период передвигались очень активно. Позднее, в 379–393 гг., наблюдается резкий (в два раза) спад, который в дальнейшем усиливается. В период с 394 по 437 г. этот показатель падает до 2–3 мест в расчете на одного императора. Таким образом, видна явная и довольно резкая тенденция к убыванию, которая отмечается начиная с 380-х годов.

Эта тенденция находит свое продолжение (и подтверждение) в данных, свидетельствующих о постепенном складывании стабильных императорских резиденций. Эти данные показывают, что в правление Константина (в Кодексе представлен период с 312 по 337 г.), Констанция (337–361) и Юлиана (361–363) доля таких резиденций (т.е., собственно говоря, столиц Империи) – Медиолана, Равенны и Константинополя – невелика, и составляет в среднем 20–25%. До 378 г. этот показатель не меняется, но применительно к следующей «четырнадцатилетке» он возрастает до 70%. Далее тенденция на возрастание продолжается, и в V в. он составляет уже не менее 85%. Причем если на Востоке на место столицы претендует только Константинополь, то на Западе эту роль вначале играет Медиолан, однако в 402 г. его резко заменяет Равенна.

Показательно и место Рима в процессе формирования «столиц». До 380-х годов число конституций, изданных в Риме, не сильно отличается от количества законов, изданных в потенциальных столицах и в других крупных городах (Сердика, Сирмий, Тревиры, Фессалоника и т.п.). Однако с 380-х годов, когда резко усиливается процесс формирования столиц, видно, что значение Рима как резиденции ощутимо снижается. Видно, что в отмеченный период «вечный город» постепенно переставал быть столицей Империи, хотя сохранял свой символический и сакральный смысл: не случайно «вечный город» занимает первое место по числу обнародованных в нем конституций.

Таким образом, на материале субскрипций Кодекса Феодосия удалось установить, что походный императорский двор вовсе не прекратил своего существования с основанием Константинополя в 330 г., а просуществовал еще как минимум 50 лет. Процесс «оседания» двора начался в 380-х годах и продолжился после разделения Империи на Восточную и Западную. Роль стабильной императорской резиденции на Востоке стал играть Константинополь, на Западе – Медиолан, а после 402 г. – Равенна. Но почему император перестает активно передвигаться по империи и оседает в столице, в чем причина этого процесса?

Относительно Западной Римской империи ответ, казалось бы, очевиден: ухудшается внешнеполитическая ситуация. Провинции контролируются слабо, все силы брошены на оборону Италии, поэтому император и не покидает ее пределы. Однако такому объ-

яснению противоречат, как минимум, два соображения. Во-первых, процесс снижения активности передвижений императоров начинается в правление достаточно сильного правителя – Феодосия I Великого (378–395), при котором внешняя ситуация была как раз относительно стабильна; во-вторых, аналогичные процессы происходят параллельно и в Восточной Римской империи, которая не испытывала таких больших проблем с варварскими вторжениями, как Западная. Таким образом, если нестабильная внешнеполитическая ситуация и выступала в качестве одной из причин «оседания» императорского двора, то она явно не была единственной и не объясняет всех аспектов исследуемого процесса.

В литературе рассматриваемое явление объясняется, как правило, ролью субъективного фактора. В частности, Р. Блокли объясняет снижение подвижности восточноримских правителей сидячим образом жизни двора императора Аркадия. Это объяснение имеет право на существование, однако оно не может быть исчерпывающим. Возникают те же самые вопросы: во-первых, почему процесс начался еще при Феодосии I и, во-вторых, почему параллельные процессы происходили на Западе? Наряду с причинами частными, должна быть хотя бы одна общая причина для Востока и Запада.

Эту общую причину постарался найти Г. Хальфманн. По его мнению, она заключалась в появлении малолетних императоров и их опекунов-варваров, которые превратились в фактических хозяев Империи. Малолетний император не командовал войсками, поэтому исчезала главная причина передвижений императора – военные походы. Кроме того, в силу своего возраста, он не мог являться харизматическим лидером, поэтому исчезала вторая причина передвижений, а именно – поддержание необходимого образа власти в глазах подданных. Все это, по мнению немецкого исследователя, в итоге подорвало престиж императорской власти.

Объяснение Г. Хальфманна представляется достаточно интересным и правдоподобным. Однако и оно не может рассматриваться как исчерпывающее: во-первых, оно опять же не объясняет, почему процесс начался при Феодосии I, во-вторых, далеко не все императоры после раздела Империи были малолетними: так, во второй половине 420-х – 430-х годах на Востоке находился у власти достаточно взрослый Феодосий II (родился в 401 г.).

Вероятнее всего, снижение активности передвижений императоров в конце IV – начале V в. и «оседание» императорских дворов в стабильных резиденциях (столицах) имели несколько причин. Среди них – уже упомянутые, такие как ухудшение внешнеполитической ситуации и «субъективный фактор» (в том числе малолетство ряда императоров в момент их вступления на престол). Все эти основания, скорее всего, действительно имели место, однако они не объясняют данное явление полностью и применительно к обеим частям империи. Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Литература

- Коптев А.В.* Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // *Jus antiquum – Древнее право.* 1996. № 1. С. 247–261.
Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmodianis / Ed. T. Mommsen, P. Krueger, P. Meyer. Berolini, 1901. T. 2.
Codex Iustinianus / Ed. P. Krueger // *Corpus iuris civilis.* Berolini, 1906. Vol. 2.
Halfmann H. *Itinera principum: Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich.* Stuttgart, 1986.
Millar F. *The Emperor in the Roman World.* L., 1977.
Schwind F. *Zur Frage der Publikation im römischen Recht.* München, 1940.

М.В. Панкратова

«СОБИРАНИЕ ЗЕМЕЛЬ» НОРВЕЖСКИМИ КОРОЛЯМИ (X–XIII вв.)

Объединение норвежского королевства – магистральная тема национальной историографии этого государства начиная с XIX в. (Munch 1852). Основное внимание историков привлекала проблема политического объединения страны под властью одного королевского рода. На первый план выдвигался вопрос о порядке престолонаследия и очередности правления королей, о роли христианизации (Helle 1964). Современный норвежский историк К. Краг подверг критике распространенное мнение, согласно которому первым королем-объединителем Норвегии считается (вслед за сагами и норвежскими хрониками) Харальд Прекрасноволосый (860–940), а его потомки рассматриваются как единственно законные претенденты на престол (Krag 2003. Р. 184–185). Так или

иначе, отрицая или соглашаясь с концепцией Снорри Стурлусона, историки начинают отсчет процесса объединения Норвегии в единый политический организм с конца X в., а его завершением считают 1260-е годы. При этом образование норвежского королевства прошло несколько этапов.

На первый взгляд, процесс «собирания земель» норвежскими конунгами богато документирован. Однако имеющиеся тексты относятся, самое раннее, ко второй половине XII в., а по большей части – к первой половине и середине XIII в., и, таким образом, имеют ретроспективный характер.

Больше всего вопросов и дискуссий вызывает самый ранний период – IX–X в. Первые конунги, о которых рассказывают хроники, скальдические стихи и саги («История Норвегии», «Перечень Инглингов», «Сага об Инглингах»), легендарны, ареал их завоеваний сильно преувеличен.

Вместе с тем надо признать, что исландский историк XIII в. Снорри Стурлусон, наиболее подробно и систематично излагающий историю объединения Норвегии под властью одного королевского рода, прав в том, что касается сути явления: первые конунги расширяли свои владения путем брачных связей (*Ynglinga saga* 49–55). «Эпический пласт» (время легендарных конунгов) «Круга земного», охватывающий VIII–X вв., приходится на эпоху викингов. Этот период общественного развития характеризуется междоусобными войнами и созданием племенных союзов.

Процесс активизации местных вождей, приведший к захвату соседних владений, раньше и энергичнее всего проходил в южной Норвегии. В нескольких источниках («Сага об Инглингах», «История Норвегии», «Перечень Инглингов») речь идет о правителях Упплэнда (на границе со Швецией), двинувшихся на покорение прибрежного Вика вдоль Осло-фьорда. Район Упплэнда отличался от других районов Норвегии обширными земельными ресурсами, однако южное побережье привлекало также близостью к северобалтийским торговым путям (История Норвегии. С. 36).

В целом, направление вектора завоеваний из Упплэнда в сторону Осло-фьорда, о которых говорит Снорри Стурлусон, не вызывает возражений исследователей. Археологические раскопки подтверждают резкую стратификацию населения в этом регионе и выделение знати, концентрирующей власть и контроль над торговлей в своих руках. Было вскрыто около двухсот погребений

ний, которые датируются периодом до X в. (так называемые «королевские» курганы. – Лебедев 2005. С. 190–191, 234).

С середины X в. конунги отдают предпочтение западным фюлькам, Хёрдаланду и Рогаланду. Объяснение следует искать в усилении датского влияния на области, расположенные вокруг Осло-фьорда, и вытеснении местных конунгов более организованными иноземными дружинами (История Дании. С. 46, 47). Согласно франкским королевским анналам, Вестфольд считался северо-западной границей датского королевства, и вплоть до XIII в. датские короли претендовали на Вик (Krag 2003. Р. 190). Археологические изыскания выявили существование довольно многочисленных усадеб на юго-западном побережье Норвегии, относящихся к середине IX – X в., которые в «Круге земном» обозначены как королевские: Альрекстадир, Сехейм, Фитьяр в Хёрдаланде; Утстейн, Эгвальдснес и Хаугар в Рогаланде. Рядом с ними зачастую возведены курганы с погребениями в ладье (Лебедев 2005. С. 189). Обозначенные королевские усадьбы продолжали существовать вплоть до конца XI в. (История Норвегии. С. 40).

Норвежские конунги нередко участвовали в викингских экспедициях «за море», совершая набеги на Оркнейские и Гебридские (Южные) острова, а также на Англию. Западное направление морских походов определило перемещение главных форпостов норвежских конунгов на побережье Хёрдаланда и Рогаланда. Наряду с грабительскими предприятиями шла колонизация островов Атлантики, оказавшихся заселенными по большей части выходцами из Норвегии.

Вместе с тем нарастание викингской активности и столкновение интересов «морских конунгов» и «сухопутных конунгов» – землевладельцев привело к организации линии береговой обороны правителями прибрежных областей для защиты границ подвластных территорий.

Создание системы морского ополчения и береговой охраны становится следующим этапом в процессе консолидации территории Норвегии. Вслед за саговой традицией современная историография признает за Хаконом Добрым (945–960) организацию лейданга (Krag 2003. С. 189; Лебедев 2005. С. 172). Согласно «Саге о Хаконе Добром», все западное побережье Норвегии было разделено на корабельные округа (*skipreiður*) и было определено, сколько кораблей и какой величины должен снарядить каждый кора-

бельный округ. Помимо этого якобы от Вика до Халогаланда, Самого северного фюлька, была создана система маяков, сигнализовавших приближение к берегу вражеского войска (Saga Hákonar góða 21, 22).

Областные «Законы Гулатинга» (юго-западная Норвегия), сложившиеся в своей ранней редакции к середине XI в. и записанные во второй половине XII в., отражают уже устоявшуюся систему береговой охраны и жесткий контроль королевской власти за строительством и оснасткой военных кораблей, а также надлежащим их хранением, набором экипажа и охраной маяков (G. 311, 312, 315). Подобная организация обороны страны сохранялась и в XIII в., что подтверждается повторением древних статей законов в новом общегосударственном судебнике «Ландслов» (L. III.4).

Вплоть до XI в. основным способом коммуникации оставалось каботажное плавание вдоль побережья. Однако в областные законы вводятся постановления относительно строительства и поддержания в порядке главных дорог, сооружения мостов и переправ (G. 90). Судебник «Ландслов» повторяет и расширяет требования, предъявляемые к дорогам общего пользования, связывавшим между собой различные территориальные единицы (L. VII. 30; 44, 45). Штрафы в пользу короля указывают, что контроль за исполнением предписаний осуществлялся центральной властью.

Норвежские переселенцы на Оркнейских, Шетландских и Фарёрских островах совершали регулярные поездки на родину, в основном, с торговыми целями, как об этом рассказывается, например, в «Саге о Фарёрцах».

Торговые посады (*kaupstaðr*) возникли ранее всего в Вике (X в.): Тунсберг, а затем Конунгахелла. Настоящий бум укрепленных торговых центров приходится на XI в., когда по инициативе того или иного конунга за считанные месяцы возводятся первые норвежские города: Нидарос (Каупанг) в устье р. Нид в Трандхейме, Сарпсборг, Берген и др.

Планировка королевских городов по всей Норвегии имеет много общих черт и отличается от ранних торговых поселений вроде Тунсберга (Лебедев 2005. С. 215). Во-первых, новые города возникают недалеко от древних королевских усадеб, использовавшихся несколькими поколениями конунгов; во-вторых, географически выбирается сходная местность на реке или в глубине фьорда с доминирующим холмом, на котором и возводится зем-

ляная крепость с королевскими палатами и церквями. Под холмом строится пристань и возводятся торговые, жилые и увеселительные дома.

Нидарос, Сарпсборг, а с конца XI в. и Берген используются конунгами в качестве резиденций в трех основных провинциях: Трандхейм, Вик и Хёрдаланд. В этих городах конунги принимают иностранных гостей и устраивают государственный совет.

В течение XI в. независимый характер приобретают международные отношения норвежских королей, и вместе с этим возникает необходимость официальной демаркации территориальных границ, в первую очередь, со Швецией. Снорри Стурлусон отмечает, что, несмотря на постоянную смену правителей Вика, бонды имели довольно четкое представление о том, где проходит граница между владениями конунга Норвегии, конунга шведов и конунга датчан: от озера Венир по реке Гаут-Эльв до моря, а на севере по лесам Маркир и Эйдаског и по хребту Кьель до Финнмарка (Снорри Стурлусон. С. 241, 287).

Не менее важными были отношения с Англией и Шотландией, которые соперничали с Норвегией за острова. К 1266 г. норвежская держава включала в себя Норвегию, Гренландию, Оркнейские и Гебридские острова, о. Мэн и Исландию (Helle 2003. Р. 346). В 1266 г. по Пертскому миру Норвегия была вынуждена уступить Гебридские острова и о. Мэн, но укрепила оборону Оркнейских и Шетландских островов (DN. VIII, 9).

Таким образом, процесс формирования государственной территории Норвегии растянулся по меньшей мере на три столетия и прошел несколько этапов. Первым этапом считается присоединение новых территорий к королевскому домену и распространение на них верховной власти (IX–X в.). Следующий этап – организация обороны границ и централизация военной системы (X – начало XI в.). Третий этап – строительство королевских городов-крепостей в наиболее удобных гаванях, позволяющих развивать военно-морской и торговый флот (XI–XII вв.). Четвертый этап – налаживание сухопутных коммуникаций под контролем центральной власти (XI–XIII вв.). Пятый этап – закрепление линии границ международными договорами (XIII в.).

Литература

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996.

- История Норвегии. От викингов до наших дней. М., 2003.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Снорри Стурлусон.* Круг земной. М., 1995 (репринт).
- G. – Gulatingslova. Den elder Gulatingslova / Utg. B. Eithun, M. Rindal, T. Ulset. Oslo, 1994. (Norrøne texter; N 6).
- Helle K.* Norge blir en stat: 1130–1319. Oslo, 1964.
- Helle K.* Towards nationally organised systems of government (Introductory survey) // The Cambridge History of Scandinavia. Cambridge, 2003. Vol. 1: Prehistory to 1520 / Ed. K. Helle. P. 345–351.
- Krag Cl.* The early unification of Norway // The Cambridge History of Scandinavia. Cambridge, 2003. Vol. 1: Prehistory to 1520 / Ed. K. Helle. P. 184–201.
- L. – Landrecht der Königs Magnus Hakonarson / Bearb. R. Meissner. Weimar, 1941.
- Munch P.A.* Det norske folks historie. Christiania, 1852. Bd. 1.

РАННИЕ АЛАНСКИЕ МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В первые века нашей эры в восточноевропейских степях происходят существенные сдвиги в этническом составе населения. На смену прежним насельникам – племенам скифо-сарматского круга – приходит народ под названием *аланы*. За несколько веков, с I по IV в. н.э., они распространили свое влияние на территории от нижней Волги до устья Дуная. Судя по лингвистическим и историческим данным, первые аланы пришли в Восточную Европу из приаральских областей, приблизительно из района нижнего течения Аму-Дарьи (Ньоли 2002. С. 38; Алемань 2003. С. 31, примеч. 17). Естественен вопрос о том, какой тип социально-политического устройства сложился у новых гегемонов Степи, был ли он заимствован у сарматов или привнесен аланами с их восточной прародины.

В историографии существуют разные точки зрения на эту проблему. Опуская второстепенные, можно выделить следующие три концепции в качестве основных. Первая рассматривает аланов как политически раздробленный народ. «Они не были объединены под единой властью, а дробились между отдельными державцами» (Кулаковский 2000. С. 63); «Кочевой быт содействовал их разобщенности» (Там же. С. 79). Вторая – концепция аланской конфедерации или союза племен: «...аланы возникли как гетерогенная племенная конфедерация благодаря объединению ряда североиранских групп» (Алемань 2003. С. 31). Третья – концепция «кочевой империи» с верховной царской властью (Яценко 2009; Вдовченков 2011).

О чем говорят источники? Единственный античный автор, оставивший самые общие сведения о ходе аланской экспансии, Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. 31.2.17; пер. Ю.А. Кулаковского) сообщает об этом в таких словах: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен (*gentes varias*), перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под

одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения». И далее: «О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками (*iudices*) они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (31. 2. 25).

В этом описании нет ничего, что позволяло бы говорить о наличии у аланов сильного и плотного объединения, централизации власти в каком бы то ни было виде, тем более – в форме империи. Напротив, говорится о дисперсном расселении аланских племен, отсутствии правящей аристократии и центральной (монархической) власти, т.е. предполагаемых признаков «кочевой империи». Отдельные племена управлялись выборными военными предводителями, исполнявшими, судя по использованному Аммианом термину, и судебные функции. Очерк об аланах у Аммиана компилятивен и несет в себе черты литературной обработки, поэтому принимать все сказанное на веру не стоит. Но в части, касающейся политической структуры аланского общества, его сведения находят подтверждение в других аутентичных источниках.

К таковым историки, как правило, не относят более поздние средневековые закавказские памятники. В грузинских источниках («Картлис цховреба»), в частности, сохранились имена аланских царей-соправителей II в. н.э. Базука и Анбазука, в армянских (Мовсес Хоренаци) – сведения об аланском роде Аравелианов, родственниках «аланской девы» и царевны Сатиник, ставшей армянской царицей. Под пером некоторых современных исследователей Аравелианы превращаются в династию верховных аланских царей-правителей (Вдовченков 2011. С. 29), хотя источник недвусмысленно свидетельствует о том, что Аравелианы вместе с Сатиник переселились в Армению и получили там нахарарское достоинство. В отношении достоверности такого рода источников существует совершенно определенное мнение специалистов. «Всю историю Армении, вплоть до конца IV века, следует писать сызнова. Все, что касается политических событий, должно быть написано на основе внешних источников, а “История” Хоренаци при этом может быть использована как второстепенный, третьестепенный источник» (Абегян 1975. С. 157). «Использование сведений названных грузинских летописей правомерно лишь в том случае, если мы имеем возможность контролировать их с помощью других источников» (Ломоури 1981. С. 21–22).

«Другие», «внешние» источники – это источники античные, греческие и римские, которые не знают наследственной царской власти у аланов первых веков нашей эры, но зато говорят о вождах более низкого ранга во множественном числе. В 35 г. н.э. северокавказские аланы (Jos. Flav. 18. 97), названные у Тацита сарматами, возглавлялись «скептухами» (*sceptuchi*), причем две отдельные группы сармато-аланов, обитавшие одна у входа в Дарьяльское ущелье, другая – в Дербентское, принимали самостоятельные решения относительно поддержки в первом случае иберов, а во втором – парфян (Тас. *Ann.* 6. 33). Никакой иной, высшей царской власти у аланов не просматривается. Другой источник, свидетельствующий о существовании нескольких или многих вождей локальной группы крымских аланов, – погребальная керченская надпись (*laudatio funebris*) из 47 не полностью сохранившихся строк на мраморной плите (Виноградов, Шестаков 2005), в строке 10 которой упомянуты «басилеи аланов» (*dat.: τοῖς Ἀλανῶν βασιλεῦσιν*); датировка надписи основана на упоминании имени боспорского царя Савромата и колеблется между правлением Савромата I (93–123) и Савромата II (173/4–210/1) (Яйленко 2010. С. 319). Указание на выборный, а не наследственный характер власти басилеев (скептухов) можно обнаружить в фантастическом романе «Вавилониака» Ямвлиха (II в. н.э.), где наемное «аланское войско» выбирает своим царем чужеземца (*Iambl.* 21).

Эти свидетельства о множественном и выборном, основанном на военном предводительстве властном принципе у аланов очевидным образом диссонируют с политической системой их предшественников-сарматов, у которых единоличная царская власть прослеживается с давних пор до I в. н.э., т.е. времени появления аланов в Восточной Европе. В 40-х годах I в. н.э. у аорсов правил царь (*rex*) Эвнон (Тас. *Ann.* 12. 15, 18–20), у сираков – Зорсин (*Ibid.* 12. 15, 17, 19). Примечательно, что несколько позже, в 60-е годы, мы встречаем уже многих «сильных басилеев Аорсии» (*асс.: τοὺς μεγίστους τῆς Ἀορσίας βασιλεῶς*) в Мангупской надписи (см.: Виноградов 1994. С. 166–168), и возникает вопрос, ответить на который мы пока не в состоянии: не явился ли этот переход к корпоративному правлению результатом аланского влияния. Отсутствие у первых аланов Европы традиций верховной царской власти ставит под сомнение популярную теорию об

их приходе из расположенной к востоку от Аральского моря «аланской империи Кангюй» (Лысенко 2002. С. 273). Более надежным представляется поиск их следов в племенных образованиях нынешнего Восточного Туркестана («Турана»).

Таким образом, аланская экспансия из приаральских степей на запад не была централизованной, связанной с формированием кочевой империи с военно-административными функциями. Вопрос о характере политического объединения аланов первых веков нашей эры должен, по-видимому, решаться в контексте создания достаточно рыхлой конфедерации восточноиранских племен под эгидой одного из них. Как пишет Аммиан Марцеллин, общность аланского мира основывалось не на политическом единстве, а на общем названии, общих традициях, образе жизни и особой военной технике (*eandemque armaturam*).

Литература

- Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Вдовченко Е.В. Алания I – первой половины II в. н.э. – вождество, кочевая империя, раннее государство? // Восточная Европа в древности и средневековье: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы полигенеза: XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Мат-лы конф. М., 2011.
- Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 151–170.
- Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А. *Laudatio Funeris* из Пантикапея // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 42–44.
- Калоев Б.А. Этнографические данные о связях этногенеза осетин со Средней Азией // Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.
- Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006 (<http://abuss.narod.ru/Biblio/AlterCiv/kradin.htm>).
- Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступ. ст., коммент. С.М. Перевалова. СПб., 2000.
- Ломоури Н.Ю. Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981. Ч. 1: Политические взаимоотношения.
- Лысенко Н.Н. Асы-аланы в Восточной Скифии. СПб., 2002.
- Лысенко Н.Н. Аланы против великих империй: Северные арийцы в системе геополитического противостояния Парфия–Рим. СПб., 2009.

- Ньоли Г.* Название алан в Сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего / Пер. с ит. Владикавказ, 2002.
- Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010.
- Яценко С.А.* Алания I–II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2009. Кн. 3. С. 281–310.
- Kouznetsov V., Lebedynsky I.* Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase Ier–XVe siècles apr. J.-C. P., 2005.

В.Я. Петрухин

ФИНСКИЕ ПЛЕМЕНА И ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ

Проблема взаимодействия финнов с восточными славянами была поставлена Начальной летописью – «Повестью временных лет» (далее: ПВЛ), утверждавшей, что начало русской истории связано с данью, которую собирали варяги, «приходяще изъ заморья, на чюди, на словѣнхъ, на меряхъ и на всѣхъ кривичах».

Эта фраза подверглась конъектурным исправлениям в современных изданиях (ПВЛ в Лаврентьевской редакции под 859 г. – ПВЛ. С. 148; ср. Ипатьевскую редакцию: БЛДР-1. С. 74), ибо издатели усмотрели в перечне племен-данников белозерскую *весь*. Соответственно дань брали «на чюди, на словѣнхъ, на меряхъ и на всѣхъ[,] кривичах», а призывали варягов не только «чюдь, словенѣ, кривичи и вси», а «чудь, словене, кривичи и *весь*». Контектура основывалась на методах шахматовской реконструкции текста начального летописания: в легенде о призвании князей сказано, что один из призванных братьев – Синеус – получил Белоозеро, где (согласно космографическому введению к ПВЛ) сидела *весь*. И хотя в Новгородской I летописи (НПЛ), каковую Шахматов считал коррелятом начальной редакции летописного текста, нет упоминания о варяжской дани со «всех кривичей», а призывают варягов лишь чудь, словене и кривичи, возможности «историцистской» реконструкции текста оказались важнее. Позднейшие издатели настаивали, что переписчики древних сводов приняли этникон *весь* за местоимение (БЛДР-1. С. 493). Скорее, интерпретаторы текста ПВЛ не поняли значения местоимения в летописи: в отношении «всех кривичей» оно имело смысл в контек-

сте космографического введения, где кривичи располагались в обширном регионе у истоков трех трансконтинентальных магистралей – Западной Двины, Днепра и Волги. НПЛ была лишена космографического введения и словосочетание «все кривичи» было непонятным. Столь же неясным и анахронистичным для НПЛ, сокращавшей ПВЛ, было выражение «вся русь» в отношении пришедшей с призванными князьями дружины – летописец заменил его на «дружину многу», ведь русь для новгородца пребывала в Киеве, а не в «заморье». А.А. Шахматов, признававший «заморское» (скандинавское) происхождение имени *русь*, воспринимал его (вслед за ПВЛ) как обозначение народа и интерпретировал выражение «вся русь» в буквальном смысле: летописец знал, что в Скандинавии нет народа русь, стало быть, призванные князья переселили весь этот народ с собой в Восточную Европу (Шахматов 2003). Между тем от имени «всей руси» был заключен первый договор с греками (911 г.) – речь шла о дружине, диктовавшей условия договора (см. о договорной лексике: Петрухин 1995. С. 123–125).

Имя *русь* было воспринято славянами при прибалтийско-финском посредстве: финны именуют Швецию Ruotsi, эстонцы – Rootsi, что указывает на участие чуди в передаче шведского наименования славянам: со времен В. Томсена известно, что это наименование означало не народ, а дружину, «гребцов», ведь по рекам Восточной Европы невозможно было перемещаться на «длинных» кораблях викингов, нужны были гребные суда (ср.: Петрухин 2011. С. 67–72).

Схожие обозначения шведов в прибалтийско-финских языках (ср.: Шахматов 2003. С. 217) позволяют удревнять имя *русь* в славянском (праславянском) языке: его появление увязывают с готской эпохой, перечнем «северных народов» державы Германиха у Иордана, напоминающим перечень народов в космографическом введении ПВЛ. «Golphescytha Thiudos Inaunxis Vasina-broncas Merens Mordens» (Getica 116) и т.д. отождествлялись с голядью (Golphescytha), чудью (Thiudos), даже весью (Vas), не говоря уж об «очевидных» мере и мордве (Седов 1978; Мачинский, Кулешов 2004; ср., однако: Мельникова, Петрухин 1997).

Верифицирующей возможностью обладает при мультипликации подобных конструкций археология: «...до последней четверти X века летописная *весь* оставалась в стороне от непосредст-

венных этнических контактов со славянами» (Рябинин 1997. С. 102). Н.А. Макаров (вслед за А.Н. Башенькиным: ср.: Башенькин 2007) настаивает, что на берегу Белого озера «небольшая группа (весских. – *В.П.*) памятников совершенно не соответствует летописным характеристикам веси как одного из главных участников событий, связанных со становлением Северной Руси» (Макаров 1999. С. 234). Впрочем, «главным участником» исторических событий *весь* можно считать, лишь принимая приведенную выше конъектуру, трансформирующую текст летописи. К концу X в. не только *весь*, но и славяне, и «небольшое количество скандинавов» стали жителями Белоозера (Захаров 2004. С. 125), что нашло отражение в «варяжской легенде» летописи.

В интерпретации варяжской легенды А.А. Шахматова занимала фольклорная составляющая: трех братьев – варяжских князей – должна была призывать «фольклорная» троица племен. То были словене, кривичи и меря, упомянутые в НПЛ – предшествующем ПВЛ Начальном своде в конструкции Шахматова. Далее следует аберрация: поскольку в Начальном своде (НПЛ) говорилось, что Синеус сел на Белоозере, а там обитала *весь*, то составитель ПВЛ якобы включил *весь* в число призывающих князей племен. Напомним, что в «Начальном своде» не было космографического введения с упоминанием веси, а составитель ПВЛ, знавший из этого введения о веси, сидящей на Белоозере, не включал *весь* в состав призывающих варягов племен – речь в ПВЛ шла о «всех кривичах» или всех племенах, правомочных заключить «ряд» с князьями.

Не меньше манипуляций в шахматовской реконструкции связано с упоминанием чуди: в редакции НПЛ/Начального свода текстолог считает вставными слова о самоуправлении чуди: варяжские данники – словене, кривичи и меря «своимъ родомъ владаше, а Чюдь своимъ родомъ» (НПЛ. С. 106). Но и эта вставка продиктована ПВЛ, включающей чудь в число варяжских данников и участников призвания варягов. Стало быть, варяжская легенда в реакции ПВЛ была первичной по отношению к НПЛ, составитель которой изъясил ненужное в Новгороде космографическое введение к летописи (ср.: Петрухин 1995. С. 69–82). Чудь (как и *весь*) была «на месте» в списке северных народов космографического введения: «В Аfetовѣ же части сѣдять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, мордва, заволочьская чюдь, пермь,

печера, ямь, угра» и т.д. (ПВЛ: 8). Фразеологизм «чудь и вси языци» означает, что обобщающий этникон *чудь* относится ко всем финно-угорским народам (Мельникова, Петрухин 1997); проблемой может показаться то, что вслед за прибалтийской *чудью* в списке сразу упомянута верхневолжская *меря* – но в контексте космографического введения славяне (в том числе словене и кривичи) еще пребывают на дунайской «прародине», в отличие от руси, пребывающей рядом с *чудью* на Варяжском море. В следующем списке племен, «иже дань дають Руси», где перечислены «чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордѣва» и т.д. (ПВЛ. С. 10), *весь* приближена к племенам, призывавшим варягов, в том порядке, в котором помещаются на столы призванные варяги под властью Рюрика – в Ростове у мери, Белоозере у веси, в Муроме у муромы (ПВЛ. С. 13).

Три «чудских языка», упомянутые вслед за *чудью*, – *меря*, *мурома*, *весь* – наряду с самой *чудью* оказываются подвластными призванным князьям. Данников оказывается не три, а шесть – вместе с расселившимися на севере словенами и кривичами. Не эпическая (фольклорная) память, а государственная (княжеская) традиция о языках, «иже дань дают Руси» («чюдь, меря, мурома, весь» и т.д. – ПВЛ. С. 10) лежала в основе летописного повествования. Взаимодействие племен севера Восточной Европы позволяет предполагать наличие межплеменной «конфедерации» как некоего предгосударственного образования, призвавшего князей (ср.: Мельникова 2011. С. 101–102). Летописная традиция настаивала на конфликтах, разразившихся в «конфедерации» после изгнания варяжских данщиков: «не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ» (ПВЛ. С. 13). В родоплеменном обществе невозможна общая «правда»: сама этнонимия (ср. противопоставление *словене* – *чудь*, владеющие «своим» языком – словом, и «чужие») свидетельствует о неизбежности конфликтов, особенно когда речь должна была идти о распределении получаемых на международных торговых путях богатств. На севере Европы существовала известная всем участникам событий «нейтральная» сила, активная на международных путях: то были варяги, которые не пользовались племенными именами, предпочитая дружинное наименование *русь*, «*гребцы*». Князь был призван, чтобы «владѣл нами и рядилъ ны по праву» (НПЛ. С. 106), – это было основание нов-

городской «вечевой» традиции (в «киевских» редакциях ПВЛ этого мотива нет).

Энтузиасты Ладоги как первой столицы Руси придают особое значение ипатьевскому варианту варяжской легенды, в котором призванные князья сначала «срубили» город Ладогу у словен, где сел старейший Рюрик; Новгород он создал после смерти братьев, передав своим мужам их волости (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14). Ладога – древнейший городской центр, где сталкивались интересы балтов, прибалтийских финнов, славян и скандинавов (ср.: Ладога 2003; Кузьмин 2008. С. 91), но для понимания варяжской легенды существенно, что Новгородская летопись, настаивающая на первенстве «новгородский волости», игнорирует пригород, не желая уступать первенства Ладоге.

Культура всех упомянутых памятников – Ладоги, Городища и Новгорода (ср.: Носов, Хвощинская 2004), Белоозера – отражает контакты со всеми народами, от прибалтийской чуди до приуральской перми, которые, по летописи, дают дань Руси. Опираясь на сеть этих поселений и сложившиеся связи, начальная *русь* – княжеская дружина варяжского происхождения – могла контролировать эти пространства, претендуя на дань и дав этой земле имя *Русь*.

Литература

- Башенькин А.Н.* Финно-угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье // *Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия.* Вологда, 2007. С. 119–131.
- БЛДР-1. – Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1.
- Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // *Исследование археологических памятников эпохи средневековья.* СПб., 2008.
- Ладога 2003 – Старая Ладога – древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.
- Макаров Н.А.* «На Бѣлѣозерѣ сѣдять Вєсь» (археологический комментарий к летописной записи) // *Великий Новгород в истории средневековой Европы.* М., 1999. С. 232–243.
- Мачинский Д.А. Кулешов В.С.* Северные народы середины IV – первой половины VI века в «Getica» Иордана // *Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской.* СПб., 2004. С. 26–72.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011.

- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Русь и чужд // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 40–50.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В.* Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск, 1995.
- Петрухин В.Я.* «Русь и вси языци»: аспекты исторических взаимосвязей. М., 2011.
- ПВЛ – Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.
- Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
- Седов В.В.* Этногеография Восточной Европы середины I тыс. н.э. по данным археологии и Иордана // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 9–15.
- Шахматов А.А.* Сказание о призвании варягов // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2.

Д.А. Радивилов

«СМУТА» (ФИТНА) ПО ДАННЫМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИБАДИТСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В произведениях ибадитских авторов внутренние конфликты, время от времени сотрясавшие общину мусульман, получили наименование *фитна*, часто понимаемое как «смута», «мятеж», «усобица», «гражданская война», или «несчастье», ниспосланное свыше. По убеждению ибадитских ученых, во время *фитны* Аллах испытывает своих рабов благами дольней жизни, отвращающими от истинной веры и не имеющими для жизни будущей какой-либо ценности, желая отделить правоверных мусульман (покорных Аллаху) от заблудших (восставших против его воли). Идея *фитны* как испытания переключается с утилитарным значением арабского глагола *фатана* – «жечь, плавить [золото или серебро] огнем» с целью проверки металла на качество. К тому же, корень *фатана* означает: «очаровывать», «соблазнять», «отвращать от чего-либо». Таким образом, в самом понятии *фитна* имплицитно присутствует идея проверки через искушение, а также отвращения от истинной веры и заблуждения тех, кто поддался мирскому

соблазну. Испытание, исход которого ведом Аллаху и предреши́м им самим, преисполнено глубочайшего смысла для творений Всевышнего и целесообразно только для них, – это не что иное, как способ явить справедливость (‘адл) Аллаха в его отношениях с людьми, которая, по замыслу Всевышнего, должна иметь подтверждение, очевидное для человека и понятное ему. Орудием, при помощи которого Господь испытывает своих рабов, служат конкретные люди, выступающие, с изволения Всевышнего, проводниками идей, противных исламу. Для осуществления своего замысла Аллах намеренно избирает мусульман известных, родовитых, обладающих в среде верующих высоким авторитетом – от этого испытание становится более суровым, а справедливость его исхода – более убедительной.

Началом *фитны*, закончившейся падением ибадитского государства в Омане, послужили события 886 г., когда представители одной из политических группировок низложили законно избранного имама ас-Салта б. Малика ал-Харуси и присягнули на верность своему лидеру – Рашиду б. ан-Надру, провозгласив его новым руководителем мусульман. Идеологом оппозиции и организатором выступления против ас-Салта б. Малика стал факих Муса б. Муса – представитель весьма авторитетного в ученых кругах и влиятельного ибадитского семейства. Вокруг «устранения» (или «отставки») ас-Салта б. Малика и «назначения» (или «избрания») нового предводителя оманских ибадитов разгорелась доктринальная дискуссия, расколовшая общину верующих на три политических «партии»: кроме сторонников Рашида и его противников – «партии Рустака» (*хизб Рустак*), выделилась также «партия Низвы» (*хизб Низва*), стремившаяся к примирению и консолидации ибадитской общины во имя возрождения *имамата*. Принципы и аргументы каждой из трех партий сформулированы в сочинениях (*сирах*) ибадитских *‘алимов*, в силу различных обстоятельств симпатизировавших той или иной политической силе. Последовательными сторонниками ас-Салта б. Малика, резко осудившими его устранение от власти, были Абу-л-Му’сир ас-Салт б. Хамис и Абу Кахтан Халид б. Кахтан. В общих чертах их аргументы сводились к следующему: Муса б. Муса и Рашид б. ан-Надр нарушили закон, низложив ас-Салта без предъявления ему каких-либо веских обвинений, тогда как сам ас-Салт не слал с себя полномочий имама и, несмотря на преклонный возраст,

мог и далее руководить общиной оманских ибадитов. Противоположного мнения придерживался ал-Фадл б. ал-Хавари: он полагал, что правление ас-Салта, длившееся около 35 лет (851–886 гг.), «затянулось», к тому же, престарелый имам, страдавший болезнью ног, по убеждению ал-Фадла, больше не мог руководить государством и должен был уйти в отставку.

Помимо полемики, в *сирах* ибадитских авторов периода *фитны* содержатся важные сведения, проливающие свет на ход противостояния и мотивы, которыми руководствовались участники событий. Это утверждение особенно верно применительно к сочинениям ас-Салта б. Хамиса и Халида б. Кахтана, дающим, в отличие от всеобщих историй (ал-Мас'уди, ат-Табари, Ибн ал-Асир), гораздо более обширную информацию о ситуации, сложившейся в Омане во второй половине IX в.

Отставка ас-Салта б. Малика ознаменовала собой начало глубокого политического кризиса – бурные потрясения не прекращались в правление двух следующих имамов – Рашида б. ан-Надра и 'Аззана б. Тамима. После устранения ас-Салта б. Малика вся полнота власти оказалась сосредоточена в руках нового имама – Рашида б. ан-Надра, а также Мусы б. Мусы, занявшего при нем пост верховного кади. По всей видимости, такое положение дел не устраивало весьма значительную часть ибадитов, что вылилось в вооруженное выступление против имама. Среди новоявленных противников Рашида оказались его бывшие сторонники, ранее выступавшие заодно с Рашидом и Мусой против ас-Салта б. Малика и давшие клятву на верность новому имаму. Восстание потерпело поражение, но через некоторое время союз Рашида и Мусы б. Мусы дал трещину. Причина размолвки бывших союзников в источниках не раскрыта. Сообщается лишь, что «Муса повернулся против Рашида... и вскоре низложил имама, объявив его нечестивым (*фассакаху*)». Теперь Муса призвал ибадитов выступить против Рашида, хотя, как и в случае с ас-Салтом, не указал причину, по которой мусульманам следовало бы отстранить имама от власти. Попытки Рашида примириться с Мусой не увенчались успехом. Муса заключил новый политический союз – с сыном бывшего имама ас-Салта б. Малика, Шазаном. Силы, вступившие за Рашида, под командованием ал-Хавари б. 'Абдаллаха и ал-Валида б. Мухаллада, потерпели поражение от войска Шазана, после чего Шазан и его сподвижники отправились к

Рашиду, в тот момент находившемуся в своей резиденции, захватили ее без боя и увезли имама с собой, а затем избили Рашида и заключили его в тюрьму. Вскоре при участии все того же Мусы б. Мусы победители присягнули на верность новому лидеру – им стал ‘Аззан б. Тамим.

Непредсказуемые альянсы вчерашних противников, как и вражда недавних соратников в нарушение любых представлений об *имамате*, вводили в замешательство ибадитских юристов. По замечанию Халида б. Кахтана, «традиция мусульман была попра-на, люди стали следовать за тем, в чьих руках находилась казна мусульман... Оманцы оказались под властью тиранов: если один *амир* терпел поражение, его прежние сподвижники тут же примыкали к другому...».

При ‘Аззане Муса б. Муса по-прежнему занимал пост верховного кади. В *сирах* упоминается о выступлении против ‘Аззан под предводительством бывшего имама Рашида б. ан-Надра (вероятно, каким-то образом освободившегося из заключения) и некоего ‘Убайдаллаха. Оно закончилось плачевно для восставших – оба руководителя попали в плен и были отправлены в тюрьму.

Вскоре ‘Аззан «стал опасаться Мусу» и сместил его с должности верховного кади. В ответ Муса призвал своих сторонников выступить против имама, собрав их в своем родном городе Изки. Понимая, что Муса может поступить с ним так же, как ранее поступил с ас-Салтом и Рашидом, ‘Аззан тотчас оправился в Изки и жестоко расправился с противниками (891 г.). Накануне по приказу имама из тюрем были выпущены заключенные, которые, по всей видимости, и составили основу его войска. После гибели Мусы гнев ‘Аззана обратился против жителей Изки: воины имама «бросали людей живьем в огонь, творили то, что до них... не делал ни один человек, исповедующий *таухид*». Остатки оппозиции объединились под предводительством ал-Фадла б. ал-Хавари. Он выдвинул в имамы ал-Хавари б. ‘Абдаллаха и присягнул на верность ему в г. Сухар. ‘Аззан отправил против ал-Фадла и ал-Хавари войско под командованием Ахйафа б. Хамхама. Противники встретились в местности ал-Ка’. В результате столкновения ал-Фадл и ал-Хавари потерпели поражение.

Описываемый конфликт имел ярко выраженный межплеменной характер. ‘Аззан б. Тамим носил *нисбу* ал-Харуси, т.е., как и большинство ибадитских имамов в Омане, происходил из племе-

ни азд. Имя же ал-Фадла б. ал-Хавари упоминается с *нисбами* ал-Кураши, в некоторых случаях – ас-Сами или ан-Низари, что свидетельствует о принадлежности ал-Фадла к низаритскому племени бану сама б. лу'айй б. галиб, из которого происходил также Муса б. Муса. Ибадитские источники сообщают, что в составе сторонников ал-Фадла находились, преимущественно, мудариты, т.е. представители североарабских племен, родственных бану курайш. Потерпев поражение от 'Аззана и почувствовав угрозу своему существованию, бану сама б. лу'айй обратились за помощью к внешней силе – наместнику халифа ал-Му'тадида в Бахрейне Мухаммаду б. Нуру. Тот, получив разрешение от халифа, вошел в Оман (893 г.) с войском, основу которого составляла низаритская знать, и в решающем сражении с 'Аззаном при Самад аш-Шане нанес ибадитам сокрушительное поражение, установив в Омани власть 'Аббасидов.

Несмотря на то, что рассуждения ибадитских авторов сосредоточены на выяснении юридических деталей конфликта, являющихся, как можно догадываться, лишь формальной стороной противостояния, в *сирах* все же встречаются сведения, позволяющие, хотя и в очень незначительной степени, представить реальные причины недовольства в ибадитской среде. В текстах содержатся многочисленные намеки на несправедливое правление Рашида б. ан-Надра и 'Аззана б. Тамима, без достаточных оснований бросавших людей в тюрьму, злоупотреблявших властью при осуществлении фискальной политики, в целях личной наживы отчуждавших общинное имущество, проявлявших небрежность при отправлении религиозного культа, приближавших к себе людей недостойных. Вместе с тем, социальные причины конфликта находятся на периферии интереса ибадитских авторов – по их мнению, невзгоды, обрушившиеся на ибадитов Омана, суть испытание, ниспосланное Аллахом, в ходе которого выяснилось, что большинство из них «возжелали жизнь брентную, сражаясь друг с другом за государство ради единоличной власти», и были наказаны. И лишь самые стойкие мусульмане, «распознав соблазны и прегрешения», отреклись от своих вчерашних единоверцев, «посчитав их заблудшими», что, с догматической точки зрения, вполне отвечает концепции *фитны* и ее высшему предназначению.

О СВЯЗИ ОСНОВАНИЯ ГОРОДЦА НА ВОЛГЕ С РУССКО-БУЛГАРСКИМИ ВОЙНАМИ XII в.

В 1864 г. нижегородским краеведом И.С. Тихонравовым на основе анализа летописного материала было высказано мнение о том, что Городец на Волге был основан в 1152 г. Юрием Долгоруким (Тихонравов 1864). Эта дата прочно закрепилась в нижегородской литературе, как дореволюционной, так и советского периода (Каптерев 1939 и др.).

Что касается советской академической науки, то в ней в 1920–1930-е годы вопрос о времени основания Городца специально не рассматривался. Исключение составляет лишь труд В.Л. Комаровича «Китежская легенда: опыт изучения местных легенд» (Комарович 1936). Ученый попытался выявить историческую основу знаменитого «Китежского летописца». При этом автор выдвинул целый ряд смелых гипотез. Согласно одной из них, Городец, как русский княжий город, был основан в 1164 г. Андреем Боголюбским (Комарович 1936. С. 151–152). Комарович первым связал это событие с походом на болгар в 1164 г.

Вслед за ним по поводу возникновения Городца высказался А.Н. Насонов, указав, что это событие «вернее относить предположительно к 1164 г., ко времени первого похода Андрея Боголюбского “на Болгары”» (Насонов 2006. С. 173). Особо отметим, что мнение Насонова носит характер предположения и не опирается на какие-либо доводы. Вопрос о возможности основания Городца в 1152 г. Насонов не рассматривал. Что касается роли этого города в русско-булгарских войнах XII в., то, по мнению ученого, она была двоякой: Городец «не только служил военной базой при продвижении против болгар, но и охранял подступы к верхней Волге» (Насонов 2006. С. 173).

Во многом под влиянием книги Насонова среди горьковских историков начались дискуссии о времени основания Городца. В защиту традиционной «версии 1152 г.» выступил городецкий краевед Н. Галочкин. Указав, что историки называют три даты основания Городца: 1152, 1164 (в связи с походом Андрея Боголюбского на болгар) и 1172 (первое упоминание в летописи также в связи с походом на болгар), Галочкин отдал предпочтение

первой из них. По его мнению, чтобы выступить из города в поход, князья должны были уже иметь в нем войско, население и военные укрепления. Следовательно, Городец был основан до походов 1164 и 1172 гг. В таком случае более приемлемым годом основания Городца по Галочкину следовало бы считать 1152 г. (Галочкин 1962).

Первой научной работой, специально посвященной основанию Городца, стала статья А.Ф. Медведева (Медведев 1966). С 1947 по 1965 г. этот ученый являлся одним из основных сотрудников Новгородской археологической экспедиции. В 1960 и 1962 гг. под его руководством в Городце были проведены раскопки. Соотнеся их данные с летописными известиями, Медведев сделал вывод о том, что «сооружение древнейшей деревянной крепости на месте детинца относится 1152 г.», а «наиболее вероятной датой завершения создания валов и рвов детинца и посада Городца следует считать 1164 г., когда после успешного похода на Волжскую Болгарию Андрей Боголюбский мог использовать для этого большое число военнопленных» (Медведев 1966. С. 162–163). Медведев впервые связал закладку Городца с набегом булгар на Ярославль в 1152 г., предположив, что Городец на Волге был основан Юрием Долгоруким сразу после этого события как «военная база и крепость, закрывавшая болгарам водный путь в Ярославское Поволжье и сухопутный к Суздалю» (Медведев 1966. С. 158, 159).

Первым развернутую критику версии об основании Городца Юрием Долгоруким дал В.А. Кучкин. Здесь мы не будем касаться всех его аргументов. Рассмотрим лишь те из них, которые касаются русско-булгарских отношений. Прежде всего, следует сказать, что предположение Медведева о том, что закладка Городца стала следствием набега булгар на Ярославль в 1152 г., Кучкин игнорировал. В том числе и потому, что оно не укладывалось в ту схему развития русско-булгарских отношений в XII в., которая была им разработана. По мнению ученого, «с начала политической независимости Суздальского княжества нет никаких признаков активной политики Юрия в отношении восточного соседа» (Кучкин 1984. С. 90). Под «активной политикой» В.А. Кучкин разумел регулярные походы вглубь булгарских земель. Они начались при Андрее Боголюбском. Соответственно, его Кучкин и видел основателем Городца, а сам этот город представлялся ученому «основной базой для походов владими́ро-суздальских

князей на волжских болгар» (Кучкин 1984. С. 91). Правда, Кучкин указал (ссылаясь на мнение А.Н. Насонова), что «значение Городца определялось еще и тем, что он препятствовал свободному плаванию судовой болгарской рати вверх по Волге» (Кучкин 1984. С. 92). Почему же Городец не мог быть построен после такого «плавания», имевшего место в 1152 г.? Удовлетворительного разъяснения на этот счет В.А. Кучкин не дал, без специальных аргументов написав: «Поход болгар 1152 г. на Ярославль так и остался без ответа» (Кучкин 1984. С. 90). Возможность того, что этим «ответом» могло быть построение Городца, ученый даже не рассматривал. Таким образом, его главный довод против того, что Городец был основан Юрием Долгоруким, кратко можно сформулировать так: Городец – база для наступления на болгар; наступление началось при Андрее Боголюбском; следовательно, Боголюбский и основал Городец. Юрий же, занятый «русскими делами, воевавший то с Черниговом, то с Новгородом, то с Киевом» «был не в состоянии вести борьбу на востоке с сильной Булгарской державой» (Кучкин 1984. С. 90). А, значит, не мог основать Городец.

Аргументы В.А. Кучкина были приняты большинством нижегородских историков постсоветского периода. В то же время имеются и сторонники концепции А.Ф. Медведева. Для решения этой спорной проблемы, на наш взгляд, необходима кропотливая работа по привлечению результатов исследований историков-булгароведов, чьи выводы пока еще не являлись аргументами в дискуссии. Пока же, сугубо предварительно, рискнем высказать несколько общих замечаний о характере русско-булгарских отношений в XII в.

По нашему мнению, было бы ошибкой считать целью болгарских набегов на Русь военный грабеж. Из шести городов, подвергавшихся болгарским набегам в XI – начале XIII в. (Муром, Суздаль, Ярославль, Городец, Устюг, Унжа), четыре последних не могли сулить богатой добычи. Зато они являлись помехой для свободной торговли болгарских купцов или их поездок в богатые пушниной северные области. Точно таким же препятствием для болгарской торговли в конце XI – начале XII в. были Муром и Суздаль, чем и были вызваны набеги на них. В середине XII в. Муром и Суздаль такой помехой не являлись, поэтому и нападениям не подвергались.

Коснемся теперь проблемы строительной деятельности Юрия Долгорукого в 1152 г. По нашему мнению, она была связана с тем, что в это время Юрию, казалось, приходилось расстаться с надеждой обеспечить сыновей богатыми южными волостями. Оставалось возвести новые города в Залесской земле. Причем там, где они могли быстро вырасти и разбогатеть, т.е. на торговых магистралях. Этим и занялся Юрий в 1152 г. Новые города должны были красотой не уступать старинным городам юга. И Юрий намечает в них строительство великолепных белокаменных храмов, прежде невиданных в этих местах. Но возведение подобных сооружений требовало громадных средств. Следовательно, Юрию был необходим новый источник доходов.

Между тем в XII в., по мнению ученых, в русских землях начался «безмонетный период» (Спасский 1962). Из-за перестройки системы международной торговли сюда перестало поступать серебро. А своих месторождений драгоценных металлов в Древней Руси не было. Поэтому важнейшую роль в денежном обмене стали играть связки кунных или беличьих шкурок. Естественно для внутреннего обращения и для вывоза на внешние рынки требовалось огромное количество пушнины. И вот за богатые пушным зверем северные леса началась борьба между новгородцами, суздальцами и булгарами.

Булгары издавна ездили за мехами к Белому озеру и далее в Заволочье (земли за волоком от Онежского озера к Белому). Их путь лежал мимо Ярославля. Теперь ярославцы, полагаем мы, начали чинить им препятствия. Возмущенные булгары в 1152 г. напали на Ярославль. И хотя взять его они не смогли, Юрий Долгорукий решил обезопасить этот город от новых набегов, а также затруднить булгарам путь к богатым пушниной местам. Для этого следовало взять под контроль устья рек Кострома и Унжа.

Ниже устья Унжи начинался отрезок Волги, где было много мелей, перекатов и островков. Из-за них течение реки сильно замедлялась. В самом узком месте этого участка, на возвышенном левом берегу, Юрий Долгорукий повелел возвести город Городец. Здесь было удобнее всего не пускать булгар вверх по Волге во время войны или брать с них пошлину во время мира.

Такова, на наш взгляд, связь основания Городца с русско-булгарскими отношениями XII в. Что, конечно, не исключает то-

го, что в дальнейшем Городец стал базой для наступательных действий в отношении Волжской Булгарии.

Литература

- Галочкин Н.* В каком году основан Городец? // Городецкая правда. 1962. 3 июня.
- Каптерев Л.М.* Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький, 1939.
- Комарович В.Л.* Китежская легенда: опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Медведев А.Ф.* Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге // Культура Древней Руси. М., 1966.
- Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. 2-е изд., стереотип. СПб., 2006.
- Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л., 1962.
- Тихонравов И.С.* О христианстве, как оно началось и распространялось в пределах нынешней Нижегородской Епархии // Нижегородские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1864. 1 сент. № 17.

Ю.В. Селезнёв

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ПРЕБЫВАНИЯ В ОРДЕ ФЁДОРА ЯРОСЛАВСКОГО

Вследствие военного поражения в 1237–1242 гг. русские княжества оказались в политической зависимости от ордынского хана. Судьбы князей стали решаться в столице Джучиева Улуса г. Сарай. Именно туда, в ставку хана стали обязаны ездить владельцы русских княжеств князья-Рюриковичи. Поездка в Орду какого-либо русского князя обуславливалась необходимостью личной явки ко двору ордынского хана для получения ярлыка на свои княжества. Возникала же обязанность посещения Сарая в случае смены хана, владельца княжества или смерти великого князя соответствующего княжества. Кроме того, ордынский хан имел право вызова князя к своему двору.

Судьба ярославского князя Фёдора Ростиславича не менее показательна, нежели жизненные пути других князей. Но обрывочность информации сделала данную фигуру весьма загадочной.

Будучи представителем смоленской ветви Рюриковичей, он, женившись на княжне из рода ростовских князей, становится ярославским князем. Однако рождение сына делает его безудельным владельцем: согласно свидетельству «Жития Фёдора Ярославского», теща объявляет главой княжества малолетнего внука. Правда, смерть жены открывает путь ко второй женитьбе. Новой женой князя становится ханская дочь. Имен хана и татарского имени его дочери, ставшей женой Фёдора, источники не сохранили. Смерть сына и статус ханского зятя позволяет Фёдору вновь занять ярославский престол. А после смерти братьев в его власти оказывается еще и Смоленское княжество. Вышеописанные перипетии жизни Фёдора Ростиславича отразились в его «Житии», проложная редакция которого составлена во второй половине XV в., а также в летописных известиях. Особое значение для выявления особенностей пребывания князя Федора в Орде приобретает редакция иеромонаха Антония, который привлек к составлению текста «Жития» уникальные источники, в частности, родословные предания о поездках князя в ставку хана. Причем летописцы сохранили свидетельства преимущественно о второй половине жизни и деятельности князя. Житийная повесть, наоборот, доносит до нас подробности первой половины жизни Фёдора. И если хронология второй половины жизни князя более или менее ясна, то его ордынская эпопея до середины 1270-х годов остается путаной и неясной.

Тем не менее косвенные свидетельства источников агиографического и летописного происхождения дают возможность, на наш взгляд, уточнить сроки пребывания князя Фёдора Ростиславича при дворе ордынского хана в 1250–1270-е годы.

В первую очередь стоит отметить, что Фёдор впервые в летописях упомянут под 1276 г., когда в январе указанного года фиксируется его присутствие на похоронах великого князя владимирского Василия Ярославича (удельного – костромского). Он назван последним, пятым среди всех упомянутых князей. Согласно «Житию», после смерти сына Михаила при помощи ордынских войск Фёдор вступает в права ярославского князя. Следовательно, именно к началу 1276 г. Михаил уже умер, а Фёдор

занял удел, которому надлежало стать выморочным еще после смерти князя Василия в 1250 г.

Вступление в права владельца удела и главы семейства подтверждается фактом выдачи Фёдором около 1276 г. (во всяком случае, до 1277 г.) замуж за Давида Константиновича Галицко-Дмитровского своей дочери – если бы его сын Михаил был жив, надо полагать, что именно он как глава княжества и семейства выдавал бы свою сестру замуж. В 1277 г. Фёдор выдал замуж вторую дочь за Михаила Глебовича Белозерского. Таким образом, устройство семейного благополучия дочерей и присутствие на похоронах великого князя владимирского в январе 1276 г. наглядно свидетельствуют о том, что Фёдор Ростиславич к этому времени стал полноправным ярославским князем.

Выход замуж в 1276–1277 гг. дочерей Фёдора дает нам еще один косвенный признак – время их рождения. Данные источников позволяют установить, что их мать Мария родилась в период с 1243 по 1249 г.: в 1242 г. поженились ее родители, а в 1250 г. умер ее отец князь Василий Всеволодич Ярославский. Следовательно, брачного возраста она могла достигнуть не позднее 1265 г. Однако такой же расчет показывает, что для достижения ее дочерьми брачного возраста к 1275–1277 гг., они должны были появиться на свет не позднее 1262 г. При этом старшая родилась около 1260–1261 гг. Соответственно, и сама Мария замуж могла выйти не позднее 1260 г. и не ранее 1257/58 г.

В браке с Марией у Фёдора было две дочери и сыновья Михаил и, возможно, Александр. Рождаясь с перерывом в полтора года, они могли появляться на свет в 1259, 1261, 1263 и 1265 гг. и позже.

Данные «Жития» свидетельствуют, что Фёдор был вынужден поехать в ставку ордынского хана за ярлыком на княжение: «В та же лета от пленения Батыева заповедь его бе ходити в Орду князем руским и тамо приимати княжение». Как отмечалось выше, необходимость поездки могла сложиться при условии смерти хана и владетельного князя – удельного или великого. Великий князь владимирский Александр Ярославич скончался в 1263 г., Ярослав Ярославич в 1272 г. Ордынский хан Бату (Батый) – в 1255, Берке – в 1266 г.

Надо полагать, что, не принадлежа к роду ростово-суздальских Мономашичей, Фёдор мог и не ездить в ставку хана при

смерти великого князя – он не мог претендовать на престол в силу своего происхождения. После смерти Батые ему не было необходимости ехать в ставку, поскольку он был еще молод и не владел самостоятельно уделом. Наиболее подходящее время для подобной поездки в статусе именно ярославского князя выпадает на 1266 г. – год смерти хана Берке и прихода к власти Менгу-Тимура.

По данным «Жития», Фёдор был удержан в ставке хана и пробыл там три года. Исходя из этого факта, в Ярославль он мог прибыть в 1269 г. Здесь его теща Ксения сообщила, что Мария умерла, и что «мы такового абычая не имамы, еже от инуды пришедших принимать. Давлеет нам сын твой, князь Михайла, в наследие». Князь предпочел вернуться в Орду, и находился при дворе ордынского хана, по всей видимости, до начала 1276 г.

Кроме того, летописные записи свидетельствуют о поездке князя в Орду в 1276–1277 гг. (10 месяцев) – для ведения военных действий на Северном Кавказе; в 1277–1278 гг. (около года) – для войны на Балканах; в 1293 г. (около полугода) – в качестве жалобщика на великого князя владимирского Дмитрия и союзника его брата князя Андрея Городецкого. Можно также предполагать, что Фёдор побывал в ставке хана в 1280 г., когда умер его брат Михаил, и место смоленского князя стало вакантным. Смоленский престол занял именно Фёдор, на что с высокой долей вероятности он должен был получить ярлык ордынского хана.

Если наши предположения и расчеты верны, то ханом, который покровительствовал князю Фёдору и был его тестем, являлся Менгу-Тимур, занимавший престол с 1266 по 1280 г. Этот вывод вполне соотносится с наблюдениями митрополита Иоанна. Реконструкция хронологии пребывания князя в Орде не позволяет видеть покровителя князя в Ногае или Токте – период их фактического правления выпадает на другое время.

Немаловажен вопрос о жене Менгу-Тимура, которая была матерью второй жены Фёдора. В Джучиевом Улусе, как и во всей Монгольской империи, статусное положение и старшинство царевичей и царевен (а, соответственно, и их мужей) зависело не только от времени появления ребенка на свет, но и от положения матери в гареме отца. Джувейни, к примеру, отмечает: «...по монгольскому обычаю, ранг детей от одного отца определяется в соответствии со степенью их матерей, так что детям старшей же-

ны предоставляется определенное преимущество и первенство». Старшинство же жен, в свою очередь, определялось не только временем женитьбы, но и положением в системе родственных отношений в Орде, т.е. родовитостью.

В арабской «Биографии султана Эльмелик-Эльмансура Калавуна» упомянуты следующие жены Менгу-Тимура: Джиджек-хатунь, Олджай-хатунь, Тутлын-хатунь, Тутаюн-хатунь, Султан-хатунь, Хутлу-хатунь. Можно предположить, что официальный отчет египетских послов в Сарай, послуживший основой для записи в «Биографии султана Эльмелик-Эльмансура Калавуна», выстроил жен Менгу-Тимура по старшинству, их статусному положению и значению.

Рашид-ад-Дин называет трех старших жен Менгу-Тимура: Олджай-хатун из племени конкрат, Султан-хатун из племени ушин, Кутуй-хатун. Скорее всего, персидский автор также представил жен хана в порядке их старшинства.

Старшие жены Менгу-Тимура – Джиджек-хатунь и Олджай-хатунь – являются, соответственно, матерями Алгуя и Токты. Первый был старшим сыном Менгу-Тимура и соправителем хана Тула-Буки. Второй сам занял ордынский престол в 1291 г., устранив хана Тула-Буку и своего старшего брата. Показательно, что пребывания князя Фёдора в ставке хана на протяжении 1280-х годов источники не фиксируют. Он в качестве одного из жалобщиков на великого князя владимирского Дмитрия Александровича упомянут под 1293 г. Результатом жалобы ряда князей стал поход на Русь ордынских войск во главе с братом хана Токты Дюденем (Туданом). Особая роль в ходе «Дюденовой рати» князя Фёдора Ростиславича отмечена В.А. Кучкиным и А.А. Горским. Эта роль, на наш взгляд, могла быть напрямую связана с родственными связями князя: Фёдор Ростиславич мог быть женат на родной сестре хана Токты или «воеводе» Тудана. В этом случае матерью Анны являлась Олджай-хатунь (мать Токты) или Султан-хатунь (мать Тудана). Отсутствие связей князя Фёдора с ханским престолом в 1280-е годы позволяет усомниться в предположении митрополита Иоанна о том, что тещей Фёдора была Джиджек-хатунь, которая в данное время управляла делами, а затем, после ее казни по приказу Ногай, соправителем хана был ее сын Алгуй.

Таким образом, мы можем констатировать, что Фёдор Ростиславич Ярославский и Смоленский провел в ставке ордынского

хана в общей сложности около 10-ти лет, что составило порядка 44,6% от его фактического владения ярославским княжеством. Дети Фёдора Ростиславича – Давид и Константин – являлись внуками по женской линии хана Менгу-Тимура, племянниками хана Токты и двоюродными братьями хана Узбека. Его внук, Василий Давидович, по данным родословных, служил (до 1321 г.) в Орде.

М.В. Скржинская

РОЛЬ ОБРАЗОВАННЫХ ГРАЖДАН ПРИ СОЗДАНИИ АНТИЧНОГО ГОСУДАРСТВА В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ

Процесс возникновения античных государств в Северном Причерноморье освещался во многих научных статьях и монографиях. Ученые затрагивали множество аспектов этой темы, но до сих пор еще не было специального исследования роли образованных граждан в процессе создания древнейших государств на северных берегах Черного моря.

В VIII–VI вв. до н.э. греки создавали множество новых государственных образований, осваивая земли по берегам Средиземного и Черного морей. В колониях обычно воспроизводился уклад жизни и религия метрополии. Находки археологов на территории Ольвийского полиса показывают, что в архаический период греки в Нижнем Побужье поклонялись тем же богам, которые присутствовали в милетском пантеоне, пользовались милетским календарем, писали тем же шрифтом и т.д. (Виноградов 1989. С. 38).

Однако колония становилась независимым полисом, самостоятельно принимавшим решения по разным вопросам. Новый полис и метрополия обычно сохраняли дружеские связи, основанные на взаимном равноправии. Для организации жизни на новой родине накануне основания колонии назначался предводитель архегет, которого позже стали называть ойкистом, т.е. основателем. Его выбирали из знатного аристократического рода. Немалое значение при этом играло то обстоятельство, что в эпоху архаики грамотными и образованными за редчайшим исключением становились только члены аристократических семей (Марру

1998. С. 64). Из этого же круга архегет брал себе ближайших помощников (Яйленко 1983. С. 148).

Деятельность любого греческого полиса нуждалась в государственных должностях, исполнение которых требовало определенного уровня знаний. Археологические материалы дают возможность узнать о важной роли образованных граждан при сложении Ольвийского государства. Оно включало наряду с большой сельскохозяйственной территорией два городских поселения: главный город Ольвию и Борисфен, древнейшее греческое поселение в Северном Причерноморье, появившееся, согласно «Хронике» Евсевия, в 647 г. до н.э. Эта милетская колония располагалась на полуострове, который теперь превратился в остров Березань.

О наличии грамотных людей в числе первых поселенцев свидетельствуют граффити второй половины VII в. до н.э. (Яйленко 1982. С. 276). Среди них есть фрагмент ионийской ойнохои с уникальной надписью, от которой осталось начало имени (ΛΕΟ), написанное справа налево. Судя по почерку, это древнейшее известное сейчас граффито не только в колониях Северного Причерноморья, но и в их метрополии Милете (Тохтасьев 2005. С. 136). Исходя из характера начертания букв, можно предположить, что надпись на сосуде была сделана еще в Милете, и ойнохоа входила в состав имущества одного из первых образованных колонистов.

Многие имена с началом на Лео- давались в среде аристократов; наряду с другими аристократическими именами они встречаются в эпиграфических памятниках VI–V вв. до н.э., обнаруженных в Милете и его колониях Борисфене и Ольвии (Виноградов 1989. С. 76; Яйленко 1982. С. 281). Конечно, не все колонисты с такими именами могли похвастаться родословной, восходящей к древнему милетскому роду, но они происходили из семей первопоселенцев, которые на новой родине вошли в элиту государства и вели образ жизни, принятый в среде аристократов.

Одной из важных черт такой жизни было участие в симпозиумах, вечерних пирах, сопровождавшихся питьем вина и беседами на разнообразные темы. Застольные граффити архаического времени (Толстой 1953. С. 12–19, № 10–14; Яйленко 1982. С. 298–303, № 165–174) свидетельствуют об этом обычае, появившемся среди колонистов на заре существования колоний в Северном Причерноморье. Греки собирались на симпозиум в частных или общест-

венных домах. По надписям (НО. № 55, 58, 60, 167) в Ольвии известен аристократический союз мольпов, почитавших Аполлона. Его создали по образцу аналогичного союза в Милете, где мольпы имели общественную кассу и свой дом, в котором они устраивали совместные трапезы. Эсимнет (выборный носитель верховной власти) мольпов в Ольвии, как и в Милете, исполнял руководящую должность в государстве и был эпонимом, т.е. его именем назывался год (Карышковский. 1984. С. 44). Граффити (ПО, ПОЛЕ, ПОΛΕΩΣ) на застольных чашах указывают, что уже в конце VI в. до н.э. в Ольвии имелось государственное здание типа пританея, в котором устраивались общественные приемы (Виноградов 1989. С. 62).

Молодые люди, присутствовавшие на аристократических симпозиумах, совершенствовали свое образование, слушая старших (Марру 1998. С. 45). Как было принято у всех эллинов, гости на пирах обсуждали текущие политические события, декламировали отрывки из эпических поэм, пели стихи лирических поэтов под аккомпанемент лиры или аулоса. Образованный грек обязательно помнил наизусть большие куски из поэм Троянского цикла и в первую очередь из «Илиады» и «Одиссеи». Ведь начальное обучение чтению и письму шло по текстам Гомера (Марру 1998. С. 228). Их знание в Борисфене архаического времени подтверждает метрическая надпись середины VI в. до н.э. на ионийском светильнике: «поскольку я светильник, то и служу богам и людям». Как отметил В.П. Яйленко (1982. С. 265), это реминисценция из «Илиады» (XX, 64) или из гомеровского гимна (XXXI, 8). Автор граффито, наверное, шутливо приписал скромному светильнику в березанской землянке ту же роль, что и солнцу у Гомера, и составил свою надпись в стихотворном размере, правда, не очень удачно (Тохтасьев 2005. С. 141, № 268). Эта надпись указывает также на способность к импровизации во время пира.

О наличии уже в архаический период хорошо образованных ольвиополитов свидетельствуют несколько надписей на специально сделанных хорошо отполированных костяных пластинках. На них запечатлены изречения членов ольвийского союза орфиков, тесно связанных с культом Диониса, а также записан оракул, изреченный в дидимском святилище Аполлона (Русева 1992. С. 14–16). В третьей четверти VI до н.э. оракул характеризовал кардинальные моменты в истории Ольвийского полиса с помо-

щью символики числа семь и его производных, а также образов хищных животных (Русяева 1986. С. 32–35; Виноградов 1989. С. 78–80; Буркерт 1990. С. 155–160).

Перед отправлением экспедиции для основания колонии было принято запрашивать оракул Аполлона, считавшегося покровителем колонизационного движения. В VII в. до н.э. в святилище Аполлона, располагавшемся в Дидимах близ Милета, был дан оракул, в котором говорилось, что божественным покровителем колоний в Западном и Северном Причерноморье станет Аполлон с эпikleзой Ἱητρος (Ehrhardt 1983. S. 145–147; Виноградов 1989. С. 30). Культ этого божества был установлен в Борисфене и Ольвии (Русяева 1992. С. 29–37), и для его отправления требовались жрецы, умевшие организовать жертвоприношения и другие ритуалы. Напомним, что жрецы у греков не составляли особого сословия, и их должность в античности исполнялась так же, как прочие магистратуры.

Безусловно, образованные жрецы служили в святилище бога в Борисфене. О наличии этого святилища свидетельствуют сосуды с надписями – посвящениями Аполлону Врачу; древнейшие из них датируются первой четвертью VI в. до н.э. (Русяева 1992. С. 31). Начиная с третьей четверти VI в. до н.э. важнейшую роль в жизни Ольвии на протяжении нескольких столетий играли жрецы Аполлона Дельфиния. Его храм находился на Центральном теменосе Ольвии, где выставляли стелы с текстами государственных постановлений (Леви 1985. С. 85–87). Наверное, при этом храме хранились документы полиса, которые оформляли образованные секретари.

Определенное образование требовалось для должностных лиц, которые в VI в. до н.э. ввели в Борисфене контроль за соблюдением правильности мер и весов на городском рынке и позаботились о введении регулярной планировки нового района города. Об этом свидетельствуют находки эталонных бронзовых разновесов с изображением стрелы, которая была символом Аполлона, верховного божества города, а также ойнохоя с надписью δίκαλον (узаконенная мера). С помощью этих эталонных предметов проверяли, насколько честно отпускаются товары в розничной торговле. О плановом строительстве в архаический период можно заключить по раскопкам района с сырцово-каменными домами на участке со строгой ориентацией домов и улиц по сторонам света;

как заключили исследователи, строительству предшествовала размежевание участков по прямоугольной сетке (Виноградов 1989. С. 62–64).

Ольвия – единственный город в Северном Причерноморье, где обнаружена главная городская площадь агора. Там собирались граждане на народное собрание и голосовали за те или иные постановления. Непосредственное ведение государственных дел осуществляла группа лидеров, которые в архаическое время происходили из среды аристократов. Как и во всех греческих полисах, образованные граждане составляли небольшую часть населения, но именно они играли ведущую роль при сложении античного государства в Нижнем Побужье.

Литература

- Буркерт В.* Аполлон Дидим и Ольвия // Вестник древней истории. 1990. № 2.
Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
Карышковский П.О. Ольвийские мольбы // Северное Причерноморье. Киев, 1984.
Левин Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
Марру А. История воспитания в античности (Греция). М., 1998.
НО – Надписи Ольвии. Л., 1968.
Русяева А.С. Милет–Дидимы–Борисфен. Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // Вестник древней истории. 1986. № 2.
Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.
Тохтасьев С.Р. Борисфен–Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. СПб., 2005.
Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982.
Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt; Bern, 1983.

С.Б. Сорочан

ЭВОЛЮЦИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА В ПОСТЮСТИНИАНОВСКУЮ ЭПОХУ

В результате определенной предвзятости, недомолвок, отсутствия должного охвата письменных и вещественных источников

VI–VII вв., причем не столько столичных, сколько провинциальных, византийские города и поселения уже накануне «темных веков» видятся некоторым исследователям заброшенными, неприютными, полуразрушенными центрами, по сути дела, «полудеревнями» с «бедным рынком для интеллектуальных товаров», без каких-либо перспектив если не государственной, фортификационной и церковной, то уж точно гражданской строительной жизни. Этот спорный, но укоренившийся и как бы выпадающий из критического обсуждения тезис автоматически переносится и на один из наиболее значительных провинциальных городов-крепостей (полис, кастрон) византийской Таврики – Херсон. При этом отказ от строительства крупных сооружений оценивается и как «неопровержимый факт» его раннесредневековой истории, и, что еще более важно, как «признак упадка городского хозяйства», материального, а значит, и духовного кризиса. Тем не менее знакомство с херсонесскими материалами, в том числе топографией, фортификацией, архитектурой, технологией строительных объектов города разных веков, заставляет задаться вопросом, насколько справедлив и уместен такой категоричный вывод, особенно если учесть не только недостаточно вошедшие в научный оборот новые результаты раскопок, но и назревшую необходимость ревизии некоторых аспектов методики археологических исследований.

Действительно, какая-то часть городов, поселений, монастырей, небольших крепостей исчезла кое-где в VII в., кое-где в VIII в., как это видно на примере Малой Азии и Балкан (Ваклинов 1977. С. 49–50; Brandes 1988. S. 176–208; 1989 S. 121–124; Vann 1998. P. 81–85; Гоголев 2002. С. 22–27), однако само собой разумеется, что оборонительные стены и башни сотен оставшихся полисов, кастра, полисм, полихнионов, кастеллиев, цивитатов, фрур и других сооружений военного характера требовали регулярных, хотя бы периодических ремонтов и перестроек, учитывая беспокойный характер эпохи, насыщенной военными кампаниями, частыми набегами-рейдами, пронизанной духом настороженного ожидания нападений. Пример типичного провинциального византийского укрепленного города – Херсона, располагавшегося в важной «контактной зоне» Империи, показывает, что его линия обороны на многих участках и отдельные объекты военно-административного характера воздвигались, подвергались утолщению

ям, достройкам, перестройкам, реконструкции в IV–V вв., V–VI вв., VI–VII вв., VII–VIII вв. (подробнее см.: Антонова 1963. С. 60–69; 1971. С. 102–118; 1974. С. 69–79; 1976. С. 3–8; 1988. С. 8–9; 1990. С. 8–24; 1996. С. 119–128; 1997. С. 14–18, рис. 5; Самойленко 2010. С. 43–48) и, следовательно, каждый раз для этого находили камень, известь, древесину, прочие материалы, опытных ремесленников строительных специальностей, землекопов, инженеров, архитекторов и немалые денежные средства. В частности, на запад был выдвинут крайний угол обороны города, где выстроили от основания ранние куртины 1–2, образовавшие вместе с приморским окончанием античной оборонительной стены своеобразную «цитадель». Находки преимущественно монет Юстиниана I и поздней краснолаковой керамики со штампами в виде креста и птиц, указывают на то, что это произошло не ранее второй четверти – середины VI в. (Антонова 1963. С. 63). Ссылки на находки монет Феодосия I в подстенном склепе № 1039 под куртиной I и монету Льва I в забутовке стены помещения, пристроенного к башне I, едва ли удачны для удревления строительства, поскольку такие монеты долго не выходили из обращения (Ранневизантийские сакральные постройки 2004. С. 26).

Сведения о подобных работах постюстиниановского периода на юго-восточном участке обороны, вероятно, вызванных нарастанием тюркской опасности, содержит строительная надпись времен Юстина II и августы Софии (565–576) с упоминанием дукса Феагена (Латышев 1906. С. 28 и сл., № 37; Соломоник 1987. С. 213–214). Во второй половине VI – первой половине VII в. здесь было осуществлено обновление, поднятие выстроенной в конце I – II в. протехисмы напротив куртин 16–19, вплоть до башни XII, а, может быть, и дальше к западу, сделан ход по верху передовой стены в виде помоста на выносных деревянных подпорках-консолях, устроен пояс утолщения для башни XVI виде наклонной стены со стороны перибола, в юго-восточной «цитадели» сооружены второй пояс утолщения фланговой башни XVII и четвертое утолщение куртины 20, отстроена приморская, обращенная полукругом к югу, фланговая башня XVII¹, повышена высота куртины 19 (третий строительный период) и, наконец, для защиты портового района со стороны Карантинной бухты возведены куртины 22–27 с башнями XXI–XXIII (Антонова 1988. С. 8–9; 1971. С. 102–118; 1996. С. 116, 123, 128, рис. 1; Самойленко 2010. С. 44–

45). Даже если не принимать во внимание настойчивую, жизненно важную необходимость совершенствовать линию обороны города, ни одна из его крепостных куртин и башен не была способна служить без ремонта дольше 40–50 лет. Одна лишь поправка оборонительных сооружений, поддержка их в состоянии, пригодном для боевых действий, требовала постоянных, почти ежегодных расходов, как об этом свидетельствует практика военной фортификации. Отсюда необходимость в суммах на поддержание крепостных сооружений, непереносимое наличие грамотных техников, каменщиков, плотников, а также опытных разнорабочих. Согласно законам Империи, за их обеспечением следило население соответствующего региона города, на участке которого находились такие оборонительные стены (Coprus 1895. VII. 12.2; XI. 31; XI. 69). Практически это означало, что все горожане принимали участие в деле ремонта крепостных укреплений, поскольку деление города на четыре части пересечением главных продольной и поперечной улиц сравнительно равномерно обеспечивало доступ к стенам и, соответственно, заботу о них. Даже северо-восточный район Херсона, удаленный от напольной стороны, должен был заботиться о приморском участке обороны.

На фреске около 0,7 м в поперечнике, которая была нанесена красной краской на правой стене открытого в 1911 г. в 400 м от фланговой башни V ранневизантийского вырубного склепа, переоборудованного в VI–VII вв. в мемориальную молельню, хорошо видно, что его мощные башни возвышались на 2–3 м над линией стен с прямыми зубцами поверху, а сами башни имели нависающие зубцы, вероятно, для навесной стрельбы (Бертье-Деллагард 1907. С. 160–162, рис. 29; Гриневич 1959. С. 113–114). Все ворота, ведущие в город, были фланкированы двумя башнями, перекрыты коробовым (римским) сводом и несли на себе башенку. Очевидно, детали рисунка, невзирая на его схематичность, условность, обусловленную господствовавшими критериями жанра, совпадали с реальным обликом полиса-крепости, кастрона Херсона, сложившимся к концу позднеантичной эпохи и продолжавшим совершенствоваться в последующие столетия.

К этому можно добавить масштабное строительство укреплённых пунктов, защитных сооружений (*teichismasi makrois* – «больших стен», кастра, фрур) в юго-западном Крыму, которое особенно активно велось в конце VI – первой половине VII в. с

помощью местных сил союзников-энспондов (enspoudoi) или федератов Империи и при содействии специалистов из Херсона (Айбабин 1999. С. 111–124, 143–146). Самые значительные кастра числом не менее шести–семи (в Инкермане, на Эски-Кермене, Мангупе, Тепе-Кермене, Сюйрене, Чуфут-Кале, Бакле) были возведены, как теперь становится ясно, вскоре после 560/61 г., времени написания трактата «О постройках», в полном соответствии с замечанием Прокопия о том, что в стране Дори «император [Юстиниан] нигде ни города, ни крепости не построил» (Прогорпи 1964. III. 7. 16; ср.: Айбабин 1999. С. 111–119, 143–146). Ссылки некоторых исследователей на неполноту сведений Прокопия, на его забывчивость, отсутствие цели создать полный свод строительной деятельности Юстиниана I не вяжутся с осведомленностью византийского историка в отношении «восстановления стен», т.е. ремонта оборонительных сооружений Херсона и Боспора, постройки фрур на южном берегу Крыма и «тейхисмаси макроис» в той же области Дори, в которой ему осталось неизвестно столь внушительное крепостное строительство в нагорной части, не говоря о массовом строительстве в Херсоне не менее двух десятков христианских храмов, в том числе самых крупных, кафоликонов.

На Мангупе с его особенно протяженным периметром и несколькими крупными балками работа по устройству фортификационных военных объектов велась с последних десятилетий правления Юстиниана по меньшей мере до VIII в. с последующим возобновлением в IX в. (Айбабин 1999. С. 119). В VIII–IX вв. на месте укрепленного убежища античного времени на плато Кыз-Кермен была отстроена двухпанцирная крепостная ограда из трех куртин с двумя полукруглыми башнями, перегородившая наиболее узкое место плато скалистого обрывистого мыса Кыз-Куле-Бурун (Белый, Душевский 1997. С. 367; Белый, Душевский, Мажуко 1999. С. 14–27). Таким образом, свертывание военного строительства в одних местах компенсировалось его ведением в других, даже если допустить, что Таврика явилась последним рубежом подобных масштабных работ (ср.: Бородин 1991. С. 109; Гоголев 2002. С. 25).

Литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

- Антонова И.А.* Западный фланг обороны Херсонеса // Сообщения Херсонесского музея. 1963. Вып. 3.
- Антонова И.А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Вып. 7.
- Антонова И.А.* XIV оборонительная башня (К вопросу о хронологии оборонительного строительства) // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
- Антонова И.А.* К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // Античная древность и средние века. Свердловск, 1976. Вып. 13.
- Антонова И.А.* Протеихизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988.
- Антонова И.А.* Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // Античная древность и средние века: Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990.
- Антонова И.А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // Херсонесский сборник. 1996. Вып. 7.
- Антонова И.А.* Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // Херсонесский сборник. 1997. Вып. 8.
- Белый А.В., Душевский В.П.* Древний источник водоснабжения в районе Кыз-Кермена // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Белый А.В., Душевский В.П., Мажуко А.С.* Девичья крепость. Симферополь, 1999.
- Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе. Крестообразный храм. – Крещальня. – Крепостная ограда // Изв. Имп. Археолог. комиссии. 1907. Вып. 21.
- Бородин О.Р.* Византийская Италия в VI–VIII веках. Барнаул, 1991.
- Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура. VI–XI век. София, 1977.
- Гоголев Д.А.* Города и крепости Византии в VII – первой половине IX в.: эволюция и функции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002.
- Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3: Южная и Западная линия обороны // Херсонесский сборник. 1959. Вып. 5.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // Изв. Имп. Археологической комиссии. 1906. Вып. 18.
- Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под. ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клениной, С.Г. Рыжова. *Roznai*, 2004.
- Самойленко В.Г.* Археологические исследования куртины 19 оборонительных сооружений Херсонеса в 2008 году // Мат-лы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2010. Вып. 16.

- Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // Византийский временник. 1987. Т. 47.
- Brandes W. Die byzantinische Stadt in Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert – ein Forschungsbericht // Klio. 1988. Bd. 70.
- Brandes W. Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert. B., 1989.
- Corpus Juris Civilis. Berolini, 1895. Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger.
- Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1964. Vol. 4: Peri ktismaton libri VI sive de aedificiis.
- Vann R.L. Some Observations on Byzantine Harbors in Isauria // Византийский временник. 1998. Т. 55 (80), ч. 2.

И.Е. Суриков

ВОЙНА КАК ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА В АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ: К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Вряд ли у кого-либо вызовет возражение (и может даже прозвучать банальностью) утверждение, что война в античности (и, в частности, в мире греческих полисов) играла роль одного из наиболее важных факторов политогенеза (см., например: Scheidel 2005). Несколько особняком стоит мнение (Manicas 1982), согласно которому как минимум не меньшее влияние, чем войны с внешними врагами, оказывали на политическое развитие в Элладе войны гражданские, внутривоисные конфликты (которые сами греки обозначали термином «стасис»). Возможно, последнее и соответствует действительности; но мы в ограниченных рамках данной работы сконцентрируемся все-таки на изучении вклада внешних войн в интересующий нас здесь процесс.

Некоторые наблюдения и примеры, которые фигурируют в литературе при анализе соответствующей проблематики, вполне хрестоматийны, общеизвестны, так что, пожалуй, в связи с ними даже вряд ли имеет смысл приводить ссылки на источники и литературу. Так, прекрасно известно, что одним из базовых принципов, на которых зиждилась вся модель полисного типа государственности, являлся принцип соответствия, корреляции роли индивида или социального слоя в военной организации с его ролью в политической организации. Чье место было более значимым на полях сражений – тот и в структуре государства мог с

полным правом претендовать на более значимое место. Это связано с тем, что гражданский коллектив полиса одновременно был армией, полисным ополчением.

Данный принцип традиционно иллюстрируется, например, появлением в архаическую эпоху такого типа воинов, как тяжело-вооруженные пехотинцы – гоплиты (о гоплитах написано очень немало; укажем здесь важную коллективную монографию: Нор-литес 1993, а по указаниям в ее научном аппарате читатель сможет найти и другую литературу). Согласно точке зрения, наиболее распространенной в историографии, гоплиты набирались из представителей среднего и зажиточного крестьянства. Когда гоплитская фаланга превзошла по своей роли аристократическую конницу и стала основой полисного ополчения, это повело к изменениям и на политической арене: наметились тенденции к большему эгалитаризму и демократизации, аристократам пришлось поделиться своей долей в государственном управлении с более широкими слоями гражданства. Появились так называемые «гоплитские политии», представлявшие собой раннюю, умеренную форму демократии; полноту гражданских прав получили отныне не только члены знатных родов, но и все, кто сражался в рядах гоплитов.

Впрочем, насколько можно судить, вопрос сложнее, чем может показаться на первый взгляд; реальная динамика рассматриваемого процесса была не столь прямолинейной и однозначной, как рисует обозначенная выше концепция. Во-первых, ныне оспаривается важная роль аристократической конницы в военном деле раннеархаических полисов. Во-вторых, справедливо отмечается, что, собственно, гоплиты и фаланга как феномены первоначально появились все-таки в кругу аристократии, а не крестьян; последние вскоре тоже освоили это полезное новшество, но на протяжении еще достаточно долгого времени представители знати по традиции занимали место в первых рядах фаланги (*pro-machoi*) – место наиболее опасное, но ввиду этого, разумеется, и наиболее почетное. В-третьих, высказывалось и такое мнение, что слой архаических гоплитов в большей степени выступал «питательной средой» не для демократических, а для тиранических режимов (и действительно, развитие фаланги и возникновение «Старшей тирании» по времени совпадают); к этой гипотезе мы

не можем безоговорочно присоединиться, но совсем не принимать ее во внимание тоже нельзя.

Похоже, более бесспорный пример действия рассматриваемого принципа «военно-политической корреляции» – знаменитая морская реформа Фемистокла в Афинах (480-е годы до н.э.), в ходе которой был создан мощный флот, ставший главной, самой эффективной частью афинских вооруженных сил. Здесь причинно-следственная связь вот такая: ранее беднейшие афинские граждане (феты), не имевшие возможности приобрести доспех гоплита и встать в ряды фаланги, сражались в качестве легковооруженных воинов (гимнетов). Их вклад в победы был незначителен; соответственно, им предоставлялось лишь малое участие в государственной жизни, они были маргинальной группой. А теперь всё изменилось: феты стали служить гребцами на триерах и превратились в главных «творцов» военных успехов Афин. Теперь поневоле приходилось давать этой «корабельной черни» (*nautikos ochlos*) всё больше реальных политических прав. Как следствие, демократия из умеренной, клисфеновской начала становиться всё более радикальной. Эти сдвиги привели со временем к возникновению перикловского типа народовластия, а потом и к постперикловской охлократии.

Здесь нужно только оговорить, что, проводя свою морскую реформу, Фемистокл, вопреки распространенному мнению, не имел сознательных намерений по демократизации полиса. Строительство флота было осуществлено не во внутривнутриполитических, а во внешнеполитических целях, но объективная логика событий привела к тому, что изменения в военном деле опять повлияли на тенденции политогенеза. У этого влияния была, кстати, и другая сторона, на которую несравненно реже обращают внимание: в ходе реализации морской программы Фемистокла появился сильный слой триерархов – капитанов кораблей (подробнее см.: Суриков 2011). Эти богатые, пользовавшиеся авторитетом люди заняли весьма значительное место в когорте афинских политических лидеров.

Вышесказанное, повторим, достаточно очевидно. Нам же в рамках данной работы хотелось бы остановиться преимущественно на другом – на вопросе о том, какова была конкретная направленность воздействия военного фактора на эволюцию государственности. Вела ли интенсивная военная практика к демо-

кратизации и эгалитарным тенденциям или же, напротив, к иерархизации социума и политики?

Казалось бы, только что приведенные примеры свидетельствуют в пользу первого варианта ответа на вопрос. Однако, как сейчас увидим, более пристальный анализ показывает иное: во всяком случае, он демонстрирует, что реальная картина была намного сложнее. Наверное, это и вполне естественно для пестрого, неоднородного мира эллинских полисов.

Весьма перспективным в данном плане представляется сравнительное рассмотрение двух случаев – афинского и спартанского. Перед нами, – так сказать, два «полюса» Греции, в каком бы отношении их ни сопоставлять. Два более контрастных государственных устройства трудно представить, и не случайно противопоставление Афин и Спарты является одним из «общих мест» историографии. Причем не только современной; подобный подход проявился уже в античности, в классическую эпоху. Он красной нитью проходит через весь труд Фукидида, да уже и у Геродота отдельные элементы названного топоса имеют место.

Итак, как же воздействовал военный фактор на политогенез в афинском и спартанском полисах на протяжении архаической и классической эпох? Спарта на протяжении периода архаики очень много воевала. В течение VIII–VII вв. до н.э. имели место Первая и Вторая Мессенские войны (о них см. новейшее исследование: Luraghi 2008), приведшие к покорению спартанцами соседней Мессении, включению ее в состав спартанского государства и превращению мессенян в илотов. Затем Спарта начала борьбу за гегемонию во всем Пелопоннесе. Это привело к военным столкновениям с другими противниками (Аргосом, городами Аркадии). Войны шли с переменным успехом, но к середине VI в. до н.э. Спарта своей цели добилась. Аргос – ранее ведущая сила на полуострове – был ослаблен и изолирован; аркадские центры включены в состав созданного под спартанским верховенством Пелопоннесского союза (о политогенезе в Спарте, Аргосе, а также Коринфе см.: Кδiv 2003). Теперь никто не сомневался в том, что в военном отношении Спарта – первое государство Греции.

Как все это сказалось на внутривнутриполитической жизни? Самым прямым образом: прекрасно известно, что именно к середине VI в. до н.э. окончательно сложилось формировавшееся на про-

тяжении архаической эпохи знаменитое спартанское государственное устройство – «лакедемонская полития», или «ликургов космос». Это была уникальная по античным меркам система – в смысле своей жесткой иерархичности, регламентации всего и вся, отсутствия свободы.

Что же происходит дальше? Спарта как бы замыкается в себе, отгораживается от остального мира подобием «железного занавеса». И – резко снижает военную, экспансионистскую активность. Это имело место уже в следующую, классическую эпоху, в V в. до н.э. Именно тогда и сложилась парадоксальная ситуация: спартанцы умели воевать лучше всех в Элладе, но делать этого откровенно не любили и всякий вступали в ту или иную войну лишь под сильным давлением необходимости, после долгих колебаний. Агрессивной внешней политики с их стороны не наблюдалось, и Пелопоннесский союз имел оборонительную направленность. Главным интересом Спарты стало сохранение *status quo*.

Совершенно иной вариант развития событий дает история Афин. Афинский полис в эпоху архаики воевал достаточно мало и редко. Нельзя сказать, конечно, что войн не было совсем, однако в целом внешняя ситуация была настолько спокойной, что в VI в. до н.э. на протяжении некоторого времени афиняне, кажется, могли позволить себе вообще не иметь полисного ополчения (Суриков 2010). А крупномасштабных войн, превращавшихся в «вопрос жизни и смерти» (какими были для Спарты некоторые из конфликтов с Мессенией и Аргосом), Афины в рассматриваемое время, насколько известно, в принципе не вели (самым серьезным было столкновение с соседними Мегарами, но даже и там «на кону стоял» всего лишь спорный остров Саламин, а не какая-либо часть территории самой Аттики).

Динамика же афинского политогенеза прекрасно известна: она шла совсем не тем путем (фактически – противоположным) по сравнению со Спартой. Начиная с Солона, если не раньше, проводились реформы с несомненной тенденцией к демократизации государственного устройства, что завершилось установлением полноценной демократии в конце VI в. до н.э. Думается, такое соотношение внешнеполитических и внутривнутриполитических процессов опять же не является случайным совпадением. Состояние относительного спокойствия, безопасности от угроз способствовало большему развитию элементов свободы (даже тирания в

Афинах была мягче и «либеральнее», чем где-либо в Элладе), которые в конце концов сложились в целостную систему.

А затем, как и Спарте, все меняется – но в обратную сторону. Рождение демократии и ее дальнейшее развитие приводит к тому, что внешний курс из изоляционистского становится несравненно более активным. «Афинская революция» (удачное выражение Дж. Обера: Ober 1999) начинает защищать себя, потом сама переходит в наступление... И в V в. до н.э. в греческом мире не было более агрессивного и экспансионистского полиса, чем Афины.

Жанр тезисов позволил нам затронуть рассматривавшиеся вопросы лишь предельно кратко и конспективно, без детальной аргументации. Но, если нам удалось хотя бы в какой-то мере дать представление о сложной диалектике взаимовлияния военного и политического факторов в полисной Греции, мы бы считали свою задачу выполненной.

Литература

- Суриков И.Е. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2010. Вып. 9. С. 27–54.
- Суриков И.Е. От «демотевта» – к демагогу? (Афинские триерархи V в. до н.э. и их «электорат») // Вестник древней истории. 2011. № 3. С. 30–52.
- Hoplites: The Classical Greek Battle Experience / Ed. V.D. Hanson. L., 1993.
- Kōiv M. Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003.
- Luraghi N. The Ancient Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory. Cambridge, 2008.
- Manicas P.T. War, Stasis, and Greek Political Thought // Comparative Studies in Society and History. 1982. Vol. 24. P. 673–688.
- Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.
- Scheidel W. Military Commitments and Political Bargaining in Ancient Greece // Princeton/Stanford Working Papers in Classics. November 2005 (<http://www.princeton.edu/~pswpc/pdfs/scheidel/110501.pdf>).

СЛУЖБА БОРИСУ И ГЛЕБУ КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА ИОАННА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ГРЕЧЕСКОГО АКРОСТИХА В КАНОНЕ И ДАТИРОВКА

Заголовок раннего списка древнейшей службы св. Борису и Глебу (Роману и Давиду) на 24 июля (Миния служебная на июль, первая половина XII в.: РГАДА. Ф. 381. № 122. Л. 111 об.–117) сообщает, что это произведение – «творение Иоана, митрополита Русьскаго», а перед канонем указано, что тот имеет «по главамъ гръчський стихъ: Си Давыду пѣснь приношу Роману» (Абрамович 1916. С. 136–143).

Автором службы может быть киевский митрополит Иоанн I (после 1039 – не позднее 1051) либо Иоанн II (не позднее 1077 – после 14 августа 1089). Первое сейчас признается более вероятным, но все же «вопрос об авторе древнейшей службы страстотерпцам... нуждается в дальнейшем рассмотрении» (Назаренко 2010. С. 470).

М.Ф. Мурьянов попытался реконструировать начало греческого акростиха: «Начальные слова тропарей (и феотокионов, в скобках) первой и примыкающей к ней третьей песни в нашем случае таковы: *Дажь – Въспонимъ – Даръ – (Избъраноую) – Всѣмъ – Млада – Вещь – (Едина)*. В оригинале этот ряд начинался, можно полагать, с Δός – Ἰσιωμεν, что по инициалам дает Δα = ц.-слав. *си*, за этим должно быть имя Δαυῖδ, из которого набираются первые две буквы, инициалы от Δῶρον и производного от глагола αἰρεῖσθαι “избирать”. Дальнейшие *Всѣмъ – Млада – Вещь* в любом варианте перевода не дадут нужных инициалов Υ – Ι – Δ, из чего следует, что первоначальная структура содержала вторую песнь с этими инициалами, выпавшую при подведении канона под общее правило, согласно которому второй песни быть не должно. Это – еще один довод в пользу древности канона» (Мурьянов 1981. С. 271).

Однако акростихи греческих богослужебных канонов никогда не начинались с частицы Δα. В славянском сообщении об акростихе – «по главамъ гръчський стихъ: Си Давыду пѣснь приношу

Роману» – написание *си* является, вероятно, искаженной формой местоимения *сии* и относится к предыдущим словам «гръчьскый стихъ», который, таким образом, звучит (по-славянски) «Давыду пѣснь приношу Роману». Вывод о 2-й песни также сомнителен.

Я предлагаю свою реконструкцию искомого акростиха, выполненную по сформулированным ранее ужесточающим правилам обратного перевода (с церковнославянского на греческий), призванным максимально повысить степень объективности выводов (Темчин 2007. С. 332–335).

Ниже даны славянские инципиты и их предполагаемые греческие соответствия, разделенные на три группы: а) наиболее надежные из восстанавливаемых греческих форм расположены ближе всего к славянским инципитам; б) менее надежные – дальше от них; в) наименее надежные соответствия дополнительно сопровождаются знаком вопроса. Звездочкой помечены тропари, отсутствующие хотя бы в некоторых из списков, учтенных в издании Д.И. Абрамовича, поскольку наличие этих тропарей в оригинале службы может быть поставлено под сомнение.

Реконструкция греческого акростиха канона древнейшей службы свв. Борису и Глебу

1-я песнь

Даждь ми отпуст...	Δός μοι...
Воспоим песнями...	*Αἰσωμεν...
*Дар благородства...	Δῶρον...
Избранную...	Τὴν ἐκλεκτήν...

3-я песнь

Всемышление к Богу...	*Ὅλον...
Млада убо телом...	Νέοι...
Вещь возненавидеста...	*Υλην...
*Едина ты...	Μόνη...

4-я песнь

Юношески...	Νεανικῶς...
Всемыслебно...	*Ὅλο-...
Законы божия...	Νόμους...

Глаголам ти...

ῥήμασι...

5-я песнь

Яко отца...

Ὡς...

Разгневався братоубица...

Μανείς...

*Кровию своею прапруду...

(Αἱμάτων...)

Выйшу ты...

Ἀνωτέραν...

6-я песнь

Ноши и тьмы сынове...

Νυκτός...

Яко воистину...

Ὡς...

*Юношески...

(Νεανικῶς...)

Уясняют пророческие гласы...

Τραν...

7-я песнь

Преславно прослави...

Ἐνδόξως...

*О, мужество...

(ὦ, ἀνδρείας...)

Пострадати паче изволиста...

Παθεῖν...

Капля боготочныя...

Ῥανίδες

8-я песнь

Не довольни бывше...

Οὐκ...

Купно ловяще...

Συν-...?

*Пресвятая ваю память...

(Ἡ παναγία...)

Света сосуд...

Φωτός...

9-я песнь

На земли убо...

Ἐπὶ (τῆς) γῆς...

Здравы творита болящая...

Ῥώννυτε?...

*Божественная и светозарная...

(Ἡ θεία...)

О, чудеси...

ὦ, (τοῦ) θαύματος...

Полученный акростих (с использованием богородичных) ΔΑΔ ΤΟΝ ΥΜΝΟΝ ΡΩΜΑΝΩ ΤΕ ΠΡΟΣΦΕΡΩ «Давиду (этот) гимн и Роману приношу» вполне соответствует славянской версии «Давыду пѣснь приношу Роману», отличаясь от нее лишь порядком двух последних слов. Пять из семи тропарей, отсутствующих в

отдельных списках, вторичны и в создании акростиха не участвуют (взяты в скобки).

Большая часть акростиха ΔΑΔ... ΥΜΝΟΝ ΡΩΜΑΝΩ ΤΕ, начинающегося обычным греческим сокращением имени Давид, восстанавливается достаточно надежно. При обратном переводе богородичного 1-й песни использован артикль, что, по заранее принятым ужесточающим правилам, несколько снижает надежность реконструкции срединной акростишной формы ΤΟΝ. Наименее надежно окончание акростиха ΠΡΟΣΦΕΡΩ, где два предполагаемых греческих соответствия сопровождаются знаком вопроса. Впрочем, это компенсируется окружающими (вполне надежными) соответствиями, а также согласованностью полученного акростиха с его славянской версией.

Исходно каждая из первых трех песен содержала по четыре тропаря (включая богородичный), а последующие песни – по три. Видимо, эта неравномерность способствовала вторичному пропуску одного тропаря в 1-й и 3-й песни в списках X и Сф соответственно (в последнем пропущен обязательный элемент песни – богородичный).

Все пять тропарей, не участвующих в создании акростиха, отсутствуют в списке С (который, таким образом, отражает исходный состав тропарей канона), два из них отсутствуют в списке X. Все эти гимны (приводятся ниже; в скобках – разночтения по спискам) заимствованы из минейных служб августа, ср.:

Служба св. Борису и Глебу:	Служба св. Фотию и Аниките (12 авг.):
5-я песнь, 3-й троп.: Крѣвию своею (Кровь свою акы) прапруду носяща, преславная (истькану), и крестъ (+славъно) въ скипетра мѣсто (+прияста) въ десную руку носяща (носящо; нынѣ имуща), съ Христомъ царствовати ныня (от.) сподобистася, Романе и Давыде (Борисе и Глѣбе), воина Христова непобѣдимая!	6-я песнь, 3-й троп.: Крѣвми своими прапрудоу нощаща. моученика и крѣсть въ скипетра мѣсто. въ десную роукоу нына имоуща. оу Хрѣста цѣсарьствовати. вѣиноу съподобистася (ГИМ. Син. 168. Л. 69 об.)

7-я песнь, 2-й троп.: О мужество! о чистѣи крѣпо- сти...	(Incipitarium 2008. S. 386: лишь инципит) О мужество, о чистѣи крѣпости...
--	--

Служба св. Борису и Глебу: 6-я песнь, 3-й троп.	Служба св. Вассе и чадом ея Феог- нию, Агапию и Писту (21 авг.): 8-я песнь, 2-й троп. (по современным минеям)
Уношьскы храборовавъша и мужьскы побѣдивъша (побѣдиста) злаго (лютаго) ра- тоборьца, священни Романъ (Борисе) купно съ Давыдомъ (Глѣбомъ), дѣломъ и словомъ показавъшася и побѣдныи вѣныць (побѣдныя вѣнца) отъ Бога (Христа) примыша (при- имыше, прияша), славная.	Юношески храбрствовавше и мужески победиша отроцы че- стнии сопротивныхъ противле- ние, Божественный Феогний, священный Агапий, купно и Пист, делом и словомъ показав- шеся и победныя венцы от Бога примыше, Того превозносят во вся веки.

Служба св. Борису и Глебу: 8-я песнь, 3-й троп.	Служба св. Агафонику (22 авг.): 9-я песнь, 4-й троп. (по современным минеям)
Пресвятая ваю память, освя- щающи мира (освящаетъ миръ), ныня пришла естъ (еста), пре- хвальная стратотерпца (стра- стотерпца христова), въ нюже (выну) молимъся (молимъ) по- лучити ваю (от.) заступление, Романе и Давыде (Борисе и Глѣбе; Борисе всечестне и Глѣбе княже), любовию поюще (не престаите за ны вопиюща; поюще въ славу Богу освящен- ная), яко Слову благая угодни- ка (+ дѣти благословите).	Всесвятая твоя память, освя- щающая мир, ныне прииде нам, всеславный мучениче, в нейже молимся уллучити твое заступление, почитающе тя любовию, Агафонице, яко Сло- ва благого угодника.

Служба св. Борису и Глебу: 9-я песнь, 3-й троп.	Служба св. Флору и Лавру (18 авг.) 9-я песнь, 4-й троп. (по современным минеям)
Божествѣная и свѣтозарѣная (свѣтоносная) въ истину вѣрста (от.), Романъ и Давыдъ (Борисе и Глѣбе), добропобѣдная стра- стотѣрпца, на небеси (небесѣхъ) нынѣ Троици (Цару) Вседѣржителю престоита (предѣстоита), избавления про- сяща прегрѣшение (прегрѣше- нии; прегрѣшеньемъ) злымъ вѣрно на земли ваю память тѣржествующемъ (тѣржест- вующихъ; тѣржествуемъ).	Божественная и светоносная воистинну двоица, Лавре и Флоре, добропобеднии муче- ницы, на Небесех всегда Трои- це Вседетельней предстояще, избавление грехов лютых ис- просите верою вашу Божест- венную память на земли тор- жествующим.

Известно (Keller 1973; Крысько 2008), что кондак и икос данной службы составлены на основе гимнов св. Прокопию (8 июля) и св. Киру и Иоанну (31 января), а одна из стихир 2-го гласа на стиховне – на основе гимнов ап. Петру и Павлу (29 июня). Эти песнопения также отсутствуют в списке С, где перед канонам выписаны лишь седален и три стихиры 4-го гласа.

Если список С (Миней праздничная на февраль–август, 1260 г., ГИМ. Син. 895) действительно отражает первоначальный вид службы св. Борису и Глебу (без кондака, икоса, стиховных и хвалитных стихир), то ее логично датировать временем до введения на Руси Студийского устава (ок. 1062 г.) и, соответственно, атрибутировать киевскому митрополиту Иоанну I.

Литература

- Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.
- Крысько В.Б. О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнерусских стихир на Борисов день // *Miscellanea Slavica*: Сб. ст. к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008. С. 92–108.

- Мурьянов М.Ф.* Из наблюдений над структурой служебных миней // Проблемы структурной лингвистики, 1979. М., 1981. С. 263–278.
- Назаренко А.В.* Иоанн I, митр. Киевский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 469–471.
- Темчин С.Ю.* О греческом происхождении древнейшей службы Кирилла Философу // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit: Beiträge einer internationalen Tagung (Bonn, 7.–10. Juni 2005). Paderborn etc., 2007. S. 328–339.
- Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts / Hrsg. H. Rothe.* Paderborn etc., 2008. T. 2.
- Keller F.* Das Kontakion aus der ersten Služba für Boris und Gleb // Schweizerische Beiträge zum VII. Internationalen Slavistenkongreß in Warschau (August 1973). Luzern, 1973. S. 65–74.

А.А. Тортука

ГОРОДИЩА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ХАЗАРИИ И ИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В VIII–X вв.

Обращаясь к проблеме военно-политического значения городищ Северо-Западной Хазарии, хотелось бы отметить, что толчком к написанию данной работы послужила вышедшая недавно монография В.С. Флёрова «Города и замки Хазарского каганата. Археологическая реальность» (Флёров 2010). Прежде всего, следует отметить принципиальное согласие с названным автором в квалификации памятников верхнедонецкого варианта салтово-маяцкой культуры VIII–X вв., таких как Верхний Салтов, Коробов Хутор, Мохнач, Волчанское, Чугуевское и т.д., именно в качестве городищ, а не городов, «протогородов» или каких-то иных (как бы их не называли) поселенческих образований городского типа.

Безусловно, названные городища оставлены группами алан (алано-болгар), находившимися в указанное время на уровне развитых родоплеменных отношений, законсервированных традицией и постоянно репродуцируемых той этнополитической ситуацией, в которой они пребывали. Более сложные политические структуры были для них внешними, и в прямом и в переносном смысле, исходящими из чуждой этнической среды (тюркской),

навязанными геополитически преобладающей силой – Хазарским каганатом. Тем не менее именно терминами, соответствующими реалиям родоплеменных отношений, объясняется внутреннее деление населения региона, вся вертикаль иерархии социальных образований, от большой (патриархальной) семьи (Афанасьев 1993. С. 45, 68) до гипотетически определенного для этого региона хазарского наместничества, управляемого тудуном (Тортика 2006. С. 130–145).

Материальная культура этих памятников, в большей или меньшей степени исследованных археологически, отражает натуральный характер экономики, отсутствие товарно-денежных отношений и масштабного ремесленного производства, ориентированного на рынок. Ремесло (керамическое, железоделательное, бронзолитейное) удовлетворяло нужды членов родового сообщества, отдельные его виды, скорее всего, вообще сохраняли характер домашних промыслов, объемами и уровнем качества соответствовавших потребностям отдельной семьи. Материалы сопутствующих данным поселениям могильников, в тех случаях, когда они обнаружены и исследованы, фиксируют отсутствие существенных социально-имущественных различий, когда место человека в обществе определялось его полом, возрастом и какими-то индивидуальными заслугами, а не принадлежностью к той или иной социальной группе (слою, касте и т.д.). Впрочем, сходную социально-экономическую структуру имело и большинство аланских поселений того же времени на Северном Кавказе (Гадло 1979. С. 164–165, 173).

В данном случае хотелось бы уделить внимание функциональному назначению данных городищ как оборонных пунктов, для чего и против кого они были построены, какие военно-политические цели решали и кем эти цели могли быть сформулированы. К настоящему времени в историографии сформировалось три основных, иногда взаимно пересекающихся направления в решении этого вопроса. В соответствии с первым (назовем его внутренним, социальным) – это феодальные замки, предназначенные для управления округой, эксплуатации окрестного населения, жизни феодала и его семьи (Артамонов 1940; Плетнёва 1967). Однако современные представления об уровне развития феодализма в Хазарском каганате и у различных групп входившего в

его состав населения не позволяют согласиться с таким объяснением. В Северо-Западной Хазарии господствовал племенной строй, здесь не было ни феодалов, ни феодально-зависимого населения (что уже было отмечено выше), а археологические характеристики верхнеднепровских городищ не соответствуют ни одному из известных критериев замка как материального объекта.

Представители второго направления (условно назовем его славянским) считают, что эти городища были нужны для контроля над славянскими племенами, взимания с них дани, ограничения территории расселения, подавления восстаний. Городища были построены целенаправленно, в результате концептуальной и предусмотрительной политики Хазарского каганата на его северо-западных границах. Со временем, в результате возникновения Древнерусского государства и вхождения в его состав всех подконтрольных хазарам славянских племен к началу—середине X в., эстафета противостояния алано-болгарам Приднестровья передается Киеву. В результате названные городища рассматриваются уже как система обороны ослабевшего Хазарского каганата, давно отказавшегося от наступательной стратегии в западном направлении.

Тем не менее ко времени появления на берегах Северского Донца алан и болгар, выходцев с Северного Кавказа и Предкавказских степей, в 40–50-е годы VIII в. крупные славянские союзы Днепровского левобережья еще не сформировались. Переселенцы могли застать здесь разве что разрозненные, немногочисленные и малонаселенные пункты, принадлежавшие носителям поздней пеньковской культуры. Позже, в условиях хазарского мира и отсутствия в степи агрессивных кочевых групп, вероятно, не ранее IX в., лесостепное левобережье заселяют северяне, формируются племенные союзы полян, радимичей, вятичей, известных как хазарские данники. Таким образом, цепь укрепленных поселений, возникшая в середине VIII в. на берегах Северского Донца, первоначально ни самим фактом своего появления, ни оборонительными задачами фортификационных сооружений не могла быть ориентирована на угрозу, исходившую с запада или северо-запада. Тогда ее просто не существовало.

Когда в IX в. на территории Днепровского лесостепного левобережья формируются большие славянские племенные союзы,

которые хазары облагают данью, для выполнения военно-пограничных и фискальных функций в этом регионе нужны были мобильные конные отряды, а не фортификационные сооружения, зачастую весьма отдаленные от границ расселения славян. В древнерусский период городища верхнедонецья так же трудно рассматривать в качестве некой стратегической линии обороны против угрозы из Киева или Чернигова. Во-первых, они не представляли собой никакой сплошной оборонительной линии или системы; во-вторых, их размеры и площади (в среднем 10–20 га), отсутствие на их территории стационарных сооружений, складов, погребов и т.д., не предполагали готовности ни к масштабным боевым действиям, ни к долговременной осаде. При желании попасть на территорию Хазарии, их можно было обойти с севера или с юга; любой древнерусский отряд мог пройти между городищами, удаленными друг от друга на десятки километров, а при численности хотя бы в две–три тысячи воинов мог взять любое из них и т.д. Мало того, ни на одном из известных городищ не зафиксировано археологических следов его осады, длительной обороны, штурма или чего-нибудь подобного. По всей видимости, на это они не были рассчитаны, и в их истории ничего подобного не происходило. Свидетельством какого-то погрома, резни, уничтожения значительной части населения является только грунтовый могильник у городища Маяки (Копыл, Татаринов 1979), но и это только подтверждает слабые оборонительные возможности само-го городища.

Наконец, третье направление (условно назовем его кочевническим) связано с появлением венгров в междуречье Дона и Днепра. Городища на берегах Донца защищают хазар (?) или свое окрестное население от венгерских набегов. Поводом для создания именно такого объяснения послужило сообщение Константина Багрянородного о строительстве Саркела в 830-е годы. Как долго считалось, эта крепость была необходима хазарам именно для сдерживания венгерской угрозы, а верхнее подонцовье, в силу относительной географической близости, увязывалось с Саркелом в одну оборонительную систему. Затем эстафета передается печенегам, которые, по мнению некоторых авторов, громят население Северо-Западной Хазарии, и жизнь на большей части памятников этого региона прекращается.

Однако венгры, судя по данным письменных источников, с хазарами и их подданными не воевали, а нападали на славян, которых продавали в рабство. С появлением венгров в Днепро-Донском междуречье в ареале роменской археологической культуры фиксируется активизация фортификационного строительства, увеличивается количество городищ-убежищ; на салтовских памятниках в это время не заметно никаких принципиальных изменений. Что касается печенегов, то если они и воевали с алано-болгарами, то, судя по всему, названные городища им никак не мешали да и не могли помешать. Главное для них было преобладание в численности над местными отрядами и внезапность нападения.

Таким образом, можно предположить, что все описанные выше оборонительные функции, включая не названный контроль над северскодонецким торговым путем, и военно-политические задачи были вторичными, не свойственными изначально городищам алан верхнедонецкого региона. Они не были рассчитаны на их выполнение и не могли рассматриваться в качестве серьезного препятствия, стратегической линии обороны ни хазарским правительством, ни его противниками. Данные городища возникают как опорные пункты военизированного алано-болгарского населения и отражают его родоплеменную структуру. Традиции их сооружения привнесены с Северного Кавказа, выбор места для строительства отражает ландшафтные привычки алан, во многом случаен, не предполагает никакой продуманной схемы обороны. Только само это население, пока оно сохраняло численность, боеспособность и лояльность хазарам, могло рассматриваться в качестве существенного военно-стратегического фактора на северо-западном направлении.

Литература

- Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // Советская археология. 1940. Т. 6.
- Афанасьев Г.Е.* Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Копыл А.Г., Татаринов С.И.* Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // Советская археология. 1979. № 1.
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М., 1967.
- Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы: вторая половина VII – третья четверть X вв. Харьков, 2006.

А.С. Усачёв

ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЗЬЯ – «СРОДНИКИ» ИВАНА IV: К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ СОСТАВИТЕЛЯ СТЕПЕННОЙ КНИГИ*

Книга степенная *царского родословия* (рубеж 50–60-х годов XVI в.), как известно, уделяет большое внимание биографиям прямых предков первого русского царя. Именно их биографии («степени»), выполненные в агиографической манере, служат структурообразующим элементом, своего рода каркасом этого памятника, обосновывающего принцип прямого наследования власти от отца к сыну. Жизнеописания «главных героев» степеней составляют их «ядро», к которому примыкают прочие рассказы. Фиксируя этот несомненный факт, нельзя не обратить внимания на два момента. С одной стороны, в Степенной книге представлены весьма краткие биографии некоторых из них, с другой – составитель этого сочинения (близкий к митрополиту Макарию книжник Андрей-Афанасий, позднее также митрополит) включил в свой текст гораздо более пространные пассажи, повествующие о ряде князей, которые прямыми предками Ивана IV не являлись. С чем это могло быть связано?

Прежде всего, обратим внимание на состав соответствующих рассказов – более или менее пространные жизнеописания русских князей в Степенной книге (отдельные упоминания здесь не учитываются). В ней представлены рассказы о князьях, которых можно со значительной долей условности разделить на две группы: 1) «главные герои» соответствующих 1–7 степеней – прямые предки Ивана IV (Ольга, Владимир Святославич, Ярослав Владимирович, Всеволод Ярославич, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Всеволод Большое Гнездо, Ярослав Всеволодич); 2) прочие представители княжеского рода (Борис и Глеб, Мстислав Владимирович, Святослав и Изяслав Ярославичи, Василько Тербовольский, Николай Святоша, Давид Святославич, Всево-

лод Псковский, Игорь Ольгович, Евфросиния Полоцкая, Юрий Всеволодич, Михаил Черниговский и др.). Обращает на себя внимание не только обилие рассказов о князьях второй группы, но и то, что их жизнеописания порой гораздо пространнее, чем соответствующие рассказы о «главных героях» степеней. Так, основанные на материалах Киево-Печерского патерика и «Слова о князьях» рассказы о Николае Святоше и Давиде Святославиче составляют около 49% текста 3-й степени, жития Евфросинии Полоцкой и Всеволода Псковского – соответственно, около 40 и 34% 5-й степени, Житие Михаила Черниговского – около 34% 7-й степени (см.: Усачёв 2009. С. 431, 433), значительно превосходя описания Всеволода Ярославича, Юрий Долгорукого и Ярослава Всеволодича. Чем могла обуславливаться подобная «диспропорция», оставляющая в тени некоторых прямых предков первого русского царя?

В поисках ответа на этот вопрос обратим внимание на характер правки, сопровождавшей фрагменты источников при их включении в Степенную книгу. Неотъемлемым условием включения (или создания) того или иного княжеского жизнеописания в Степенной книге была «генеалогическая цензура» текста, который дополнялся указанием на степень родства соответствующего персонажа с Владимиром Святославичем. Источником соответствующих дополнений, как правило, служила Никоновская летопись – основной летописный источник Степенной книги (см.: Покровский 2001. С. 31) (в ряде случаев правка отразилась в древнейших списках памятника – Волковском, Томском и Чудовском, об этом см.: Покровский 2001; Сиренов 2007. С. 101–218). В ряде случаев (рассказ Киево-Печерского патерика о Николае Святоше, Житие Евфросинии Полоцкой, чудо об исцелении Никитой Переяславским Михаила Черниговского) подобными вставками редактирование источника и ограничивалось. Любопытно отметить, что соответствующие уточнения сопровождали и весьма краткие рассказы о тех или иных персонажах (например, об Изяславе и Святославе Ярославичах, Васильке Теребовльском) (Усачёв 2009. С. 406–415).

В историографии уже неоднократно отмечалось (например, см.: Lenhoff 1997; Ленхофф 2007. С. 137–140; Усачёв 2009. С. 375–393; Усачёв 2012), что представленные в памятнике княжеские

«портреты» выполнены в соответствии с агиографическими традициями XVI в. (на этом основании Степенную книгу в историографии порой рассматривали как «сборник» житий святых: см.: Васенко 1904. С. 231–232). В целом ряде случаев факты, способные бросить тень на положительный облик этих князей (прежде всего, их участие в междоусобных войнах), в Степенную книгу не включались. В первую очередь, это касалось жизнеописаний тех князей, которые были выполнены путем объединения материала летописных записей (Ярослав Владимирович, Юрий Долгорукий, Всеволод Большое Гнездо, Ярослав Всеволодич). Ощущая явный недостаток агиографических источников, книжники привлек литературные памятники, специально этим князьям не посвященные, однако упоминающие их в положительных контекстах: «Слово о законе благодати» (Ярослав Владимирович, 2-я степень), «Слово о гибели Русской земли» (Ярослав Всеволодич, 7-я степень) (Усачёв 2009. С. 375–394). (Эта черта работы книжника проявится и при создании портретов русских князей второй половины XIII – XIV в.: см.: Lenhoff 1997; Усачёв 2012). Важно отметить, что основная масса рассказов о князьях «второй строки» основана либо на памятниках житийной литературы (Житие Всеволода Псковского редакции Василия-Варлаама, Киево-Печерский патерик, Житие Евфросинии Полоцкой редакции сборников), либо на рассказах, выдержанных в агиографических тонах (например, летописные рассказы об Игоре Ольговиче и Юрии Всеволодиче, описание Давида Святославича в «Слове о князьях»). Это, в свою очередь, побуждает думать, что соответствующий агиографический материал в какой-то мере компенсировал недостаток такового в рассказах о ряде прямых предков Ивана IV.

Как видим, налицо, с одной стороны, агиографизация образов описываемых персонажей (включая и тех, кто канонизирован еще не был), а с другой – стремление книжника связать их единой генеалогической нитью, неизменно возводящей их к крестителю Руси Владимиру и его «бабе» – первой русской христианке Ольге. Это, в свою очередь, побуждает думать, что для книжника середины XVI в. степень родства описываемых персонажей (к тому же отделенных от него несколькими веками) с первым русским царем принципиального значения не имела. По-видимому, ему было важно подчеркнуть сам факт принадлежности к единому

роду («семени») Владимира всех многочисленных «сродников» Ивана IV, как причтенных к лику святых, так и тех, кто, несомненно, пополнит их ряды «еще не zde, то в будущий век» (Степенная. Т. 1. С. 334). Вероятно, по замыслу составителя Степенной книги, не только прямые предки московских самодержцев, но все потомки крестителя Руси служили ступенями («степенями») лестницы, неуклонно ведущей московских Даниловичей и управляемую ими страну к Богу (Там же. С. 147).

Примечание

- * Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 10-04-00260а).

Литература

- Васенко П.Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1.
- Ленхофф Г.Д.* Степенная книга: замысел идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 120–144.
- Покровский Н.Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3–43.
- Сиринов А.В.* Степенная книга: история текста. М., 2007.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1.
- Усачёв А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.
- Усачёв А.С.* «И цвет прекрасный царя Владимира...»: образ Дмитрия Донского в исторической памяти Московской Руси XVI века // Родина. 2012. № 1. С. 101–104.
- Lenhoff G.* Unofficial Veneration of the Danilovichs in Muscovite Rus' // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 391–416.

В.С. Флёров

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ И ГОСУДАРСТВЕ ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

Государственная структура Хазарского каганата и уровень его централизации – это проблемы, требующие для разрешения не

одно десятилетие исследований, не в последнюю очередь археологических. Главный вопрос: была ли материальная салтово-маяцкая культура – «государственной» культурой. Если держаться в пределах археологического источниковедения, то в настоящее время я признаю позицию С.А. Плетнёвой. Археологическая культура каганата может быть признана «государственной», т.к. основные ее проявления получили распространение буквально на всей *территории* каганата. В первую очередь, речь идет о керамике: горшки и котлы с внутренними ушками с характерным линейно-волнистым орнаментом встречаются от Кубани до Среднего Дона. «Локальное разнообразие не заслоняет определенного единства салтово-маяцкой культуры, которое обнаруживает строительная техника, массовый бытовой инвентарь, в том числе характерная керамика, амулеты и т.п. ...Существенно, что ареал салтово-маяцкой культуры совпадает с той территорией Хазарского государства, которую описал хазарский царь Иосиф в письме сановнику Кордовского халифата Хасдаю б. Шапруту» (Петрухин 2002. С. 298; 2008). Это была материальная культура как праболгарского, так и аланского компонентов населения каганата, при этом сохранялась специфика погребальной обрядности, как и у носителей подкурганного обряда и обряда кремации, чья этническая атрибуция требует уточнения. Открытия последних лет показали, что лесостепной вариант культуры, до недавнего времени воспринимавшийся исключительно как аланский, с господством катакомбных погребений, таковым уже не является. Рядом с катакомбными могильниками открываются новые, типично ямные, т.е. праболгарские. Это означает, что материальная культура в значительной степени стала надэтнической, «государственной», но с одной существенной оговоркой: в данном случае термин «государство» приравнивается к термину «страна» – *территория* с определенным населением и определенной материальной культурой.

Если говорить о *государстве* «Хазарский каганат» и его структуре, то мы должны будем рассматривать совершенно иные категории – институты власти, ее формы и полномочия в центре и на местах, степень централизации или, наоборот, слабость таковой. Кратко коснусь только отдельных вопросов.

Нет документов, свидетельствующих о важнейшем признаке становления государства – вытеснении обычного права юридическими нормами, фиксированными в *правовых документах*, поначалу в самых примитивных, таких как «варварские правды» (Саллическая и др.). Нет намеков на существование судебных документов, отражающих социальную стратификацию общества через наказания, штрафы, компенсации имущественного или физического ущерба. Вопрос о структуре самой власти кроется в известных проблемах двоевластия и титулатуры, государственном аппарате, через который идет реализация государственной власти от центра на места, контроль и учет материальных и иных ресурсов, строительство государственных крепостей. Археология в состоянии, подчас и косвенно, дать некоторое представление о появлении или отсутствии государственности.

Возникновение государственного аппарата, особенно фискального, требует организации учета и делопроизводства («податные списки»), что невозможно без письменности. Все известные на сегодня очень немногочисленные надписи с территории Хазарского каганата нанесены на кости или на строительные блоки наряду с несложными рисунками-граффити. Они предельно кратки, а главное, выполнены достаточно примитивным руническим письмом, дающим возможность неоднозначных прочтений. Две самые длинные, в несколько десятков знаков, надписи на блоках Маяцкого городища остаются нерасшифрованными (Плетнёва 1999. Рис. 43). В каганате не найдено ни одного специализированного инструмента для письма, а для нанесения надписей на кость или меловой блок достаточно было ножа или любого заостренного орудия. Мало того, Маяцкая крепость остается единственной, где представлены надписи на блоках. Надписи на блоках известной Правобережной Цимлянской крепости до настоящего времени не найдены. Не представлены надписи в Саркеле, а пометки на привозных амфорах из раскопок Саркела выполнены греческим алфавитом, т.е. были нанесены за пределами каганата (Флёрова 1997. С. 72–80). О надписях на иврите говорить вообще не приходится.

Не менее значим отрицательный результат археологических исследований в обнаружении строений, которые могли бы интерпретироваться как общественные, возможно, административные.

На них не похожи кирпичные строения в Саркеле, которые без должного обоснования и особой уверенности С.А. Плетнёва интерпретировала как караван-сарай (Плетнёва 1996. С 35–56). Нет каменных или кирпичных строений в раскопках Правобережной Цимлянской крепости, проводившихся на протяжении ряда лет И.И. Ляпушкиным, С.А. Плетнёвой, В.С. Флёровым. Обследовавший в 1742 г. Правобережную Цимлянскую крепость И. Сацыперов упоминал в своем отчете маленькую каменную «палату» (Коршиков, Миненков 1999). Вероятнее всего, она относилась к объектам фортификации крепости – прикрытию прохода из одного отсека крепости в другой (Флёров 1994. С. 492, рис. 1: 1). Внутри Маяцкой крепости находились только немногочисленные полужемлянки (Плетнёва 1999. Рис. 38). Остатки каких-то кирпичных строений, помимо Саркела, зафиксированы в расположенной недалеко от него Семикаракорской крепости, интерпретируемой как ставка каганов (Флёров 2001). И это всё.

В связи с вопросом о гражданских постройках важно отметить, что кирпичные и каменные крепости Хазарского каганата миниатюрны, исключая Хумаринскую (Биджиев 1983). Что касается Итиля, то обсуждение его строений не выходит за рамки предположений. В целом же я согласен с определением Итиля Б.Н. Заходером как «значительного населенного места» на стадии «начатков городской жизни» (Заходер 1962. С. 172; Флёров 2009).

Миниатюрные размеры крепостей, отсутствие гражданской архитектуры, увы, косвенно, могут объясняться незначительными поступлениями в «государственную казну». Доходы от транзитной торговли каганата (литература необозрима, последняя работа: Усманов 2011) не были столь значительными, как принято считать. Э.М. Усманов цитирует утверждение А.В. Комара и О.В. Сухобокова о «четкой внутренней системе налогообложения населения» (Усманов 2011. С. 93). Откуда такая уверенность – теперь уже у трех авторов? Четкая налоговая система предполагает в первую очередь перепись населения (письменность!) и учет его доходов, а также фиксированные (записанные!) нормы налогообложения по областям и категориям населения. Данными о них мы не располагаем. Мнение Т.М. Калининой, касающееся весьма смутных представлений арабских авторов о географии Хазарского каганата (Калинина 1994), стоит распространить еще

в большей степени на их знания о его внутренней жизни. А источник, вышедший непосредственно из каганата – письмо царя Иосифа – свидетельствует не о налогообложении, но о практике полюдья – полугодового путешествия кагана по своим землям. Другое дело – дань, но как был организован ее сбор, мы не знаем. Можно только предполагать, что дань на подвластных территориях собирали вожди племен и затем свозили ко двору каганов или к указанным им местам. Это распространенная практика раннего средневековья. Конкретизировать же механизм сбора дани, ее физические объемы не представляется возможным. Входило в дань серебро? Весьма возможно, но, вероятно, не для всех категорий населения и территорий. Наличие на руках у населения свободного серебра можно осторожно предполагать по находкам в погребениях, в очень небольших весовых количествах, серебряных ювелирных изделий, покрытых листовым серебром бляшек конской упряжи и, чрезвычайно редко, дирхемов.

О собственной монете как признаке становления государства. Надежных сообщений о находках непосредственно на территории каганата монеты хазарского чекана нет. Что касается обнаружения в Прибалтике дирхемов предположительно хазарского происхождения, то их датирование Р. Ковалёвым и интерпретация как религиозно-политической акции Булана/Сабриэля в связи с обращением (пользуюсь сообщением В.Я. Петрухина: Петрухин, Флёров 2010) пока не получили отзывов нумизматов. Аналогичные находки на территории каганата неизвестны. Но независимо от признания интерпретации Р. Ковалёва, совершенно очевидно, что практического значения «дирхемы Моисея» не имели. Помимо данных о хронологии и легендах на этих монетах, надо бы иметь их технологические характеристики. Отличаются ли они по исполнению и составу металла от восточных дирхемов в тех жекладах?

Один из признаков государственности – единый культ. Сегодня почти ни у кого не вызывает сомнения, что иудаизм не вышел за ворота Итиля. Материальных свидетельств иудаизма археология не обнаруживает, если не считать изображения, напоминающего менору, из северо-восточного Приазовья. Но само его размещение на грубом лепном сосуде вызывает больше вопросов, чем проясняет ситуацию с иудаизмом в каганате (Кравченко

2010). Зато многочисленные исследуемые могильники дают многообразие неунифицированных погребальных обрядов.

Я коснулся лишь некоторых признаков государственности, доступных археологии. По существу, сегодня мы мало продвинулись в определении сущности «государства Хазарский каганат» со времени попыток С.А. Плетнёвой. Среди встречающихся у нее определений Хазарского и других каганатов: «рыхлые государственные объединения», «объединения государственного типа» (вторая стадия кочевания), «государственные степные образования» (обобщающая формулировка), «крупные объединения государственного типа, не успевшие стать государствами», Хазарский каганат = «федерация»; для праболгар на Нижнем Дунае – первоначально «полукочевое государство» (Плетнёва 1982. С. 43, 49, 122, 131, 109, 105). Отбросим все связанное с кочеванием и степью. В более поздней итоговой статье С.А. Плетнёва признала: «Давно уже развеян миф о кочевничестве хазар и их подданных» (Плетнёва 2005. С. 22). Не стоит использовать и термин «федерация», подразумевающий определенные договорные отношения.

На мой взгляд, вся история Хазарского каганата – это *процесс* становления его государственности. Вряд ли стоит непременно ограничивать себя односложным термином. Как я попытался показать лишь на нескольких примерах, говорить о завершенности становления хазарской государственности невозможно. Во всяком случае, археология не располагает для этого артефактами.

Литература

- Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.
- Калинина Т.М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // Древнейшие государства Восточной Европы: Мат-лы и исслед., 1991 год. М., 1994.
- Калинина Т.М. Вопросы политогенеза у хазар // Восточная Европа в древности и средневековье: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Мат-лы конф. М., 2011.
- Коршиков Н.С., Миненков Н.А. Новые документы о Правобережном Цимлянском городище // Донская археология. Ростов-н/Д, 1999. № 1.
- Петрухин В.Я. Хазарский каганат и его соседи // История татар. Казань, 2002. Т. 1: Народы степной Евразии в древности.

- Петрухин В.Я.* Славянские данники хазар: к истории Восточной Европы в IX в. // Древности эпохи средневековья евразийских степей. Воронеж, 2008.
- Петрухин В.Я., Флёров В.С.* Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. Иерусалим; М., 2010. Т. 1: От древности до раннего нового времени.
- Плетнёва С.А.* Кочевники Средневековья. М., 1982.
- Плетнёва С.А.* Саркел и «Шелковый путь». Воронеж, 1996.
- Плетнёва С.А.* Очерки хазарской археологии. М., 1999.
- Плетнёва С.А.* Хазары и Хазарский каганат // Хазары. М.; Иерусалим, 2005.
- Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1999 гг. // Мат-лы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1994. Вып. 4.
- Флёров В.С.* «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // Российская археология. 2001. № 2.
- Флёров В.С.* Что может ждать археологов на месте столицы Хазарского каганата // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж, 2009. Вып. 1: Археология.
- Флёрова В.Е.* Граффити Хазарии. М., 1997.
- Усманов Э.М.* Русы и хазары на Волге в IX–X вв. // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011.

С.С. Ходячих

**ПРОБЛЕМЫ РОДСТВА И ВЛАСТИ
В НОРМАНДСКОЙ АНГЛИИ (1066–1087 гг.):
CASUS MATHILDAE REGINAE
(НА МАТЕРИАЛЕ «ГРАМОТ ВИЛЬГЕЛЬМА I»)**

Важную роль в образовании объединенного Англо-Нормандского государства сыграла нормандская аристократия, представители которой, заручившись поддержкой герцога Вильгельма Завоевателя, после 1066 г. сместили местную старую англо-саксонскую элиту и стали собственниками большей части земли. Король Англии Вильгельм I (1066–1087) стал опираться на новую, уже английскую элиту, однако реальной властью обладали ближайшие родственники *rex Anglorum*, а именно его супруга королева Матильда и их сыновья Роберт, Ричард, Вильгельм Ры-

жий и Генрих I, тогда как знать сосредотачивала в своих руках, в большей степени, власть формальную.

Задача доклада — на материале документальных источников («Грамот Вильгельма I») показать механизмы формирования и воздействия реальной власти через призму самоидентификации представителей правящей элиты, а именно супруги Вильгельма Завоевателя Матильды Фландрской.

Вильгельма и Матильду связывали не только узы брака: супруга короля была одним из авторитетнейших деятелей политической жизни Англии и Нормандии, а степень ее власти и влияния характеризуется солидным числом упоминаний в грамотах рядом с именем ее мужа. Более того, очевидна и роль Матильды в подтверждении того или иного монастырского пожалования. В отдельных случаях Вильгельм и Матильда действовали вместе, и грамоты исходили от их совместного имени. К примеру, в одной из французских грамот, описывающих судебную тяжбу между первым графом Шрусбери Роджером де Монтгомери и канониками церкви Сен-Леонара в Беллеме, с одной стороны, и епископом Робертом из Си, с другой, содержатся формулы: «в присутствии короля и королевы Англии» (*in presentia regis et regine Anglorum*) и «король Вильгельм и королева Матильда были свидетелями» (*viderunt Guillelmus rex et Mahildis regina*) (Bates 1998. P. 183–187). В нормандских и французских документах, фиксирующих акт дарения земельных наделов тому или иному монастырю, иногда встречается клаузула *laudatio* (благодарственный адрес или похвальное слово, а порой и защитительная речь), указывающая на то, что они были сделаны не только с согласия одного Вильгельма, но также и при одобрении Матильды, а порой и их сыновей Роберта III Куртгеза (Короткие Штаны) и Вильгельма II Рыжего. Последний случай находим лишь в аутентичной грамоте руанской церкви Сен-Уэн: «Я, Ингерраний, сын Гилберта, повинуюсь моему господину Вильгельму королю Англии и королеве Матильде, его супруге, их сыновьям Роберту и Вильгельму» (*Ego Ingerranus Hilberti filius, concessu domini mei Willelmi Anglorum regis et Mathildis regine coniugus eius filiorumque eorum Roberti atque Willelmi*) (Bates 1998. P. 750–751).

Отметим, что в средневековые личные отношения и кровное родство оказывали существенное влияние на принятие политиче-

ских решений. Так, когда старший сын Вильгельма и Матильды Роберт III Куртгез поднял восстание против своего отца, Матильда поддержала сына. Вскоре Вильгельм и Роберт примирились, и Матильда до конца жизни оставалась лояльной королю. После ее смерти в 1083 г. Вильгельм утратил хладнокровие, стал раздражительным, а также ужесточил меры против своих подданных.

Имя Матильды Фландрской фигурирует в тексте шестидесяти одной грамоты: пятьдесят три вышли из нормандских и прочих французских бенефициев, оставшиеся восемь – из английских. Большая часть засвидетельствований континентальных документов указывает, в первую очередь, на высокую политическую роль Матильды и ее влияние в Нормандии. Сравнительно небольшое количество подтверждений английских грамот может создать ошибочное впечатление о ее незначительности в Англии, но в то же время ее имя появляется в некоторых островных документах, представляющих для исследователя особую важность. В месте расположения печати в концовках многих грамот имя Матильды (*Signum Matildis regine*) всегда следует за именем Вильгельма Завоевателя (по иерархии и степени приближенности к королю). В одной из грамот собору и епархии Уэллса (дата составления – между 1072 и 1083 гг.) Матильда извещает шерифа Вильгельма де Мойона и «всех людей Сомерсета» (*omnibus hominibus de Sumersetensis*) о том, что по ее приказанию епископ Эксетера Осберн передает церковь Уэдмор епископу Уэллса Гизо со всем, что ей [церкви] принадлежит (Bates 1998. Р. 869). Таким образом, Матильда подтвердила притязания одного священнослужителя на церковное владение в ущерб интересам другого.

В тексте мандата Вильгельма, адресованного его супруге, король Англии извещает ее о том, что церковь Нотр-Дам в Ле Пье передана аббатству Мармутье; при этом используется следующая формула: «Вильгельм милостью Божьей король Англии дорогой супруге королеве Матильде шлет всеобщий привет» (*Guillelmus Dei gratia rex Anglorum Mathildi regine dilectarie coniugi perpetuam salutem*) (Bates 1998. Р. 638–639). В другом документе Матильда называет себя «милостью Божьей королевой и благочестивой супругой короля Вильгельма» (*Ego Matildis Dei gratia regina et legalis cōiunx Will(elm)I Anglorum... regis*) (Bates 1998. Р. 619–620). Отметим, что подобные приветствия и обращения харак-

терны для многих английских грамот в целом, и стилистически данный источниковый материал не выделяется на их общем фоне.

Практически во всех грамотах Матильда названа королевой (*regina*) и лишь однажды – в грамоте соборной церкви Сент-Этьен при мужском аббатстве Кана, сохранившейся в более поздних копиях, – встречается сочетание нескольких титулов: «королева Англии и герцогиня Нормандии и Мэна» (*regina Anglorum et comitissa Normannorum et Cenomannorum*) (Bates 1998. P. 243–248). В тексте этого же документа Вильгельм Завоеватель назван, соответственно, «королем Англии и *принцепсом* Нормандии и Мэна» (*Willelmo, Anglorum rege, Normannorum et Cenomannorum principe*). Подобное расхождение в титулах – «принцепс» Вильгельм и «герцогиня» Матильда – в рамках одного источника весьма примечательно.

О знатности происхождения Матильды упоминается в документах церкви святой Троицы при женском монастыре Кана. Так, в одной из них присутствует пространная формула: «и его благородной супруге королеве, дочери прославленного и отважного Болдуина, графа Фландрии, и племяннице славного короля Франции Генриха» (*coniuxque sua reginarum nobilissima, Baldoni incliti ac strenuissimi Flandrensiu comitis filia regisque Francorum Henrici neptis clarissima*) (Bates 1998. P. 292–295).

В пяти грамотах церкви святой Троицы в Кане и аутентичном документе аббатства Сен-Дени Матильда и Вильгельм названы совместными дарителями. В текстах двух других источников супруги выступают со-актерами: в меморандуме королевского священника, монаха Жюмьежского аббатства Сен-Пьер Рено находим: «к герцогу Вильгельму, ставшему королем, и к Матильде, его супруге, в поместье... отправил ко мне своего священнослужителя Рено...» (*ad Willelmum ducem, iam factum regem, et ad Mathildis uxorem eius in villa qui dicitur Bona villa, misit me Rainaldum suum clericum*) (Bates 1998. P. 532), а в грамоте-подтверждении акта дарения аббатству Мармуте церкви Сен-Уэн (1067 г.) – «вместе с благочестивой Матильдой, его супругой, частные обязательства подтвердил» (*una cum precellentissima Mathilde sua uxore, proprio illud auctoramento firmavit*) (Bates 1998. P. 625–627). В *laudatio* часто фиксируется согласие Матильды по тому или иному вопросу, а при перечислении ее имя стоит в од-

ном ряду с сыновьями Вильгельма Завоевателя, а иногда даже и с самим королем. В то же время она ведет себя как «госпожа» (хозяйка) – *domina* и свидетельствует в спорах, касающихся прав собственности и прав владения тем или иным леном. Анализ упомянутой группы грамот церкви святой Троицы в Кане показывает, что Матильда принимала довольно активное участие в продаже и покупке поместий и прочих земельных наделов, однако ее даяния совершались с «согласия короля» (*concessu regis*). Грамоты, созданные после 1066 г., продолжают традицию документов, составленных до Нормандского завоевания, в которых подчеркивается ее высокое политическое положение (Fauroux 1961. Р. 58). По мнению Д. Бэйтса, в управлении делами Нормандии после 1066 г. (в особенности в период отсутствия Вильгельма Завоевателя) Матильда сыграла значительную роль (Bates 1982. Р. 6–8). В подтверждение приведем отчет о судебной тяжбе в Мармуте, датирующийся концом декабря 1080 г. Во время пребывания Вильгельма в Англии Матильда была наделена всей полнотой власти в делах управления Нормандией (Bates 1998. Р. 634–635). Отсутствие в английских грамотах *laudatio* позволяет говорить о различиях между государственным (публичным) характером английской документации, с одной стороны, и акцентом на подтверждение родственных отношений в нормандских грамотах – с другой (Bates 1997. Р. 89–102).

Подведем итоги. Наряду с Вильгельмом Завоевателем, королева Матильда занимала высокое политическое положение в Англии после 1066 г. По степени обладания *реальной* властью она опережала многих приближенных ее супруга. Документальный материал показал ее непосредственное, зачастую *самостоятельное* участие во многих социально-политических сторонах Англии и Нормандии. Таким образом, *casus Mathildae reginae* – пример того, как родственные связи органически переплетаются с властными полномочиями.

Литература

Bates D. Normandy before 1066. L., 1982.

Bates D. The Prosopographical Study of Anglo-Norman Royal Charters // Family Trees and the Roots of Politics: British and French Prosopography from the Tenth to the Twelfth Centuries / Ed. by K.S.B. Keats-Rohan. Woodbridge, 1997.

- Bates D.* Regesta Regum Anglo-Normannorum: The Acta of William I, 1066–1087. Oxford, 1998.
- Fauroux M.* Recueil des actes des ducs de Normandie de 911 à 1066 // Mémoires de la Société des Antiquaires de Normandie. Caen, 1961. T. 36, 4th ser. Vol. 6.

Е.А. Шинаков

ВАРИАНТЫ ВОЕННОГО ТИПА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВОГЕНЕЗА

При всей многочисленности оценок причин войн и их значения для политогенеза, в том числе и в качестве «первотолчка» (Carneiro 2011), самой системной классификацией войн в этом аспекте социокультурная антропология практически не занималась. Исходя из принципа индукции предложим свою, отчасти разработанную еще для докторской диссертации, но еще не опубликованную классификацию, и апробируем ее на древнерусском материале.

Внешние войны (включая объединительные, ибо отдельные «племена» здесь выступают как «чужие» друг другу) по целям, характеру и результатам можно разделить на три вида. Это грабеж, войны завоевательные и войны оборонительные. Внутри каждого вида выделяется от трех (грабительские войны) до 13-ти (оборонительные войны) вариантов, причем шкалы «характер», «цели», «результаты» могут быть независимы друг от друга. В некоторых вариантах внутри завоевательных войн по характеру и итогам выделяются три разновидности одного варианта «завоевание новых земель при сохранении старых». Варианты и разновидности оборонительных войн по своим результатам и последствиям для государствогенеза объединяются в «успешные» и «неуспешные» (проигрыш), причем последние могут иметь гораздо более многочисленные (7 из 13-ти) варианты последствий, как для обеих воюющих сторон, так и для процесса этно- и государствогенеза на их территориях.

Отметим также, что на начальных этапах государствогенеза («довождеских», отчасти и «вождеских») присутствуют и иные виды: военно-психологические («мы» лучше «их»), часто сопровождаемые последующими возрастными инициациями и браками; из-за женщин, в том числе системные семейно-брачные; за захват не богатств или земель, а людей; многочисленные варианты (и их разновидности) сакрально-ритуальных; демографические («ограниченность жизненных ресурсов»); личностно-демагогические; случайные. На зрелых этапах государствогенеза зачастую эти факторы снова «играют», но уже в качестве декларируемых поводов, а не реальных причин войн.

I. Этап отдельных разнотипных «вождеств» и активной эксплуатации «русами» Восточного пути (вторая половина VIII – середина IX в.).

Источники (восточные) фиксируют грабительские столкновения («русы» берут у «славян» рабов для продажи на Востоке). Подобный образ действий вообще характерен для «русов» восточных авторов первой традиции, войны которых носят характер «набегов», «походов», т.е. относятся к виду «захватнических». Однако приобретают «русы» не земли, а рабов, уничтожая остальное население (Хрестоматия. С. 49).

Славяне же всегда выступают «обороняющейся» стороной, причем не только от «русов», но и других народов, в частности, от арабского войска Марвана в середине 30-х годов VIII в. (Хрестоматия. С. 40). Впрочем, высказываются сомнения в «славянстве» этих «славян» у Ал-Куфи (Там же).

Также является вариантом «оборонительного» вида войн крупное военное столкновение, лежащее у истоков второго этапа государствогенеза: успешное восстание против «чужих» (варягов) имеет экономическую основу – «не даша им дани» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 8 об.).

Отмечены также такие варианты «захватнических» войн, как столкновения в борьбе за главенство лучших «родов» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 8 об.) или «градов» (НПЛ. Л. 29 об.) – отдельных славянских и финно-угорских потестарных объединений. Завершились они отчасти победой над равно «чужими» всем – «варягами» и коллективным овладением Аустрвегом. Но дальше столкновения привели к компромиссу, указывавшему на равенство сил.

II. Второй этап древнерусского государствогенеза («сложных вожеств» или «мультиполитий»), который мы характеризовали как «двухуровневую державу» (Шинаков 1993; 2009. С. 173–200), является, скорее, предгосударством с несколькими уровнями власти, военизированной, как, например, в соседней Болгарии (Шинаков 2008). Для фазы зарождения, расцвета и кризиса этого этапа характерны ранние наборы видов военных механизмов.

В начальной фазе этапа (формальные даты: 862–885) преобладают объединительные варианты (впрочем, по летописи, далеко не всегда военные – скорее, военно-демонстрационные или «устрашающие»). Из всех «языков» и градов, покоренных Рюриком, Аскольдом и Диром, Олегом, чисто военный путь летописец называет только для древлян и северян, которых Олег «примучи», «победи» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 10; НПЛ. Л. 29 об.), и добавляет к этому списку Смоленск. Цели – безусловно экономические, и не столько скудная (не более, чем у хазар) дань, сколько прямой контроль над путями уже не только на Восток, но и в «Греки». Предтечей нового вида военных механизмов – интенсивной, хотя и «разовой» экзозэксплуатации богатого соседа путем грабежа, дани-контрибуции или откупа и создание заведомо невыгодных для «соседа» условий последующей торговли – стал поход (походы?) Аскольда и Дира (вопрос о степени реальности вождей похода в данном случае неважен) 860/866 г.

Именно этот вид «захватнических» или грабительских военных механизмов с явным «торговым» оттенком был главным для варварской державы Олега и Игоря фазы ее расцвета (формально: 886–941 гг.). Интересно, что, в отличие от предшествующего этапа, в фазе расцвета «сложных вожеств» славяне и русы («русь») уже не противостоят в военном отношении, и даже не ведут разные виды войн, а действуют совместно, и конфликты между ними возникают лишь при разделе добычи. Экономическая, военная, правовая составляющая этих походов, их количество, направления хоть и кратко, но всесторонне исследовались на IX Чтениях памяти В.Т. Пашуто (Восточная Европа 1997). Война настолько имманентна подобной мультиполитии, что до сих пор не устарело образное выражение Н.М. Карамзина (1989. С. 103) «...Олег, наскучив тишиною, опасной для его воинственной Державы...».

Третья, кризисная фаза второго этапа не только начинается, но и обуславливается точно таким же, но неудачным походом 941 г., описанным сразу в трех типах источниках (византийских, русских и хазарском). Игорь при этом назван в качестве предводителя похода лишь в одном из русских источников (ПВЛ) и в одном византийском (Лев Диакон 1988. С. 57). Есть и другие варианты. В любом случае, данное поражение в грабительской войне вкупе с неудачным походом 944 г. породило не только гибель Игоря и по сути – временный распад его «многоуровневой державы», но и породило ранее несвойственный русам (но не викингам) вариант захватнических войн. Имеется в виду «однократное завоевание, вызванное экстраординарными причинами... другой территории с населением и с полным переселением туда», – а именно владение русами города Бердаа в течение года и уход оттуда лишь под давлением эпидемий и мусульман (Хрестоматия. С. 51, 104).

Кроме викингов, полностью переселявшихся со своей суровой родины в более (а иногда и не очень) благодатные края (Нортумбрия, область «Дэнло», Сицилия, округи Дублина, Ладоги, Ростова–Ярославля и т.д.), широкий, «имперского» размаха захват населенных территорий характерен для многих обществ этого же («сложных вожеств», «варварского») этапа государствогенеза. Он иногда способствовал его завершению и образованию ранней государственности, но чаще тормозил этот переход, без особого толка «разбазаривая» накопленный военно-потестарный потенциал, что было наиболее характерно для «дружинной линии» или «среднеевропейской модели» развития (по Д. Тржештику, 1987; по В.Д. Корольку – этап «имперских захватов») «дружинного государства» (по Е.А. Шинакову, 2000).

Его прошли, хотя и на разных фазах перехода от сложного вожества к раннему государству, Великая Моравия, Чехия, Польша, Дания, Славянское Поморье, Русь (Корольк 1972. С. 20–23). Характерной чертой этих войн как вариантов «завоевательного» вида является «завоевание новых земель при сохранении старых». «Имперским» войнам Святослава (начал он с повторно-объединительных, отчасти торговых – походы 964–965 гг., но быстро почувствовал вкус именно к «имперским») присуща вторая разновидность данного варианта: «воссоединение территорий в единую, равную по статусам структуру с созданием новой сто-

лицы обычно на границах земель либо даже на новых землях». Сам Святослав, его воеводы, воины, союзники, новые подданные явно преследовали в этих войнах свои цели, но среди них явно не было государственного строительства Руси, расширения подвластных Киеву земель. Наиболее образно это отметил М.П. Погодин: Святославу было все равно, куда перенести «семя» – «Русь», и он перенес его в Болгарию, вновь оставив собственно Русь незасеянным полем.

В целом, «имперский эксперимент» Святослава стадияльно попадает на переход от этапа «сложных вожеств» к раннему государству (или его синхростадиальной альтернативе). Он как бы разрывает то поступательное движение к подлинной государственности, которое начала Ольга на ограниченных еще «варварскими полями» территориях, завершив реформами показательную, мистически-устрашающую, но все же внутреннюю войну.

Завершают же финальную фазу переходного периода и начинают фазу становления ранней государственности на Руси три периода и вида войн. Это – внутренние войны трех Святославичей за власть, земли, дань (975–980 гг.). Повторно-объединительные войны Владимира, но уже с целью прочной интеграции территорий в государство, с ликвидацией местных органов власти (980–986 гг.). Оборонительные войны против печенегов сыграли решающую роль в окончательной перестройке «сложного вожества» в раннее государство, хотя и начальной его фазы (993 г. – начало XI в.).

Именно этот вид «успешного» варианта дал идеологическую санкцию власти провести необходимые для трансформации «сложного вожества» в государство, пусть и «раннее», военно-организационные, военно-технические, демографически-консолидационные и политические мероприятия.

Литература

Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси: IX чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Мат-лы конф. М., 1997.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1.

Королюк В.Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной

- Европы // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.
- Лев Диакон*. История. М., 1988.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись.
- Тржешич Д.* Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодалных славянских государств и народностей. М., 1987.
- Хрестоматия – Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. 3: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.
- Шинаков Е.А.* Два уровня государственности Древней Руси // Актуальные проблемы истории и филологии. Измаил; Брянск, 1993.
- Шинаков Е.А.* Формы ранней государственности западных славян IX – XII вв. (вопрос о дружинном государстве) // Право: история, теория, практика. Брянск, 2000. Вып. 4.
- Шинаков Е.А.* Компаративно-типологический анализ «варварской» государственности на Руси и в Болгарии // Проблемы и предизвикательства на археологическите и культурно-историческите проучвания. Пловдив, 2009. Т. 1: Археология и культура: International scientific conference.
- Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. М., 2009.
- Carneiro R.L.* The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation (в печати).

П.В. Шувалов

ИМПОРТ ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ И ВАРВАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА*

Основной тезис: то, что фактически в науке обычно признается государством, в значительной степени является своего рода импортированными политтехнологиями, заимствованными первоначально из зон древних ирригационных цивилизаций. Там при их генезисе они органически сочетались с местными условиями. В дальнейшем при их диффузии вовне происходил не только отбор их в соответствии с новыми требованиями, но и определен-

ная консервация транслируемого «пакета». В случае с заальпийской Европой I тыс. источником таких инноваций выступает античная цивилизация и ее преемники, связанные через доминат, Сасанидов, Библию, принципат и эллинизм с Ахеменидами и Месопотамией. Сами по себе северные варвары вряд ли бы создали то, что принято называть развитым государством, т.к. их менталитету и культуре оно (бюрократия, архив, письменный учет и т.д.) было чуждо и представлялось, исходя из их систем ценностей, рационально не обоснованным. То, что импортировалось через античность в Европу, в конечном счете восходит к месопотамской модели. При этом нельзя считать, что европейский варварский мир не знал политогенеза: многие так называемые потестарные образования варварской Европы, возможно, были не сложными вождествами, а ранними государствами.

* * *

Возникновение государств шло волнами на протяжении истории человечества. В Старом Свете можно выделить несколько основных этапов: первичное возникновение государств в зонах великих ирригационных цивилизаций, вторичное их возникновение на коммуникационных путях под влиянием великих цивилизаций бронзового века, политогенез раннего железного века, становление раннесредневековых государств. В результате, политогенез повторялся многократно, охватывая все большую территорию, но при этом многие составляющие транслируемой политической системы в новых условиях уже вряд ли могли быть рождены без иницилирующего влияния со стороны «цивилизованного мира». Таким образом, можно поставить вопрос о, так сказать, глобальной *translatio imperii*, т.е. о диффузии комплекса политических идей из изначального месопотамского центра в варварскую Европу через эллинистический мир и Римскую империю. Определенную роль тут сыграли и другие линии диффузии (степная, этруская).

При заимствовании эти идеи, конечно же, трансформировались, их набор менялся, но общий облик транслируемого был поразительно устойчивым. При этом транслируемый «минимальный» пакет включал в себя многие по-прежнему считавшиеся важными, но уже в новых условиях ставшие рудиментарными, элементы. Примером такого статусного «рудимента» может счи-

таться письменность, которая, согласно одной из современных гипотез (Fischer 2005), воспринималась северогерманской политической элитой римского времени как обязательный элемент политической (придворной?) культуры. Результатом этого стало возникновение своей собственной германской письменности – рунического алфавита, видимо, для придания должного уровня престижности одному из княжеских центров на территории современной Дании. Таким образом, письменность, возникнув в зоне ирригационных цивилизаций как один из главных механизмов политогенеза, в конце долгого пути на Север Европы превратилась в чисто придворный символический элемент.

Известно, что в результате лишь саморазвития в раннесредневековой Европе не возникло ни одного государства – они все возникали если не в результате захвата римской территории (синтезный путь), то под влиянием уже существовавших государств средиземноморской традиции (так называемый бессинтезный путь контактной зоны): Норвегия, Швеция, Дания, Русь, Польша, Моравия–Чехия, Шотландия. При этом, конечно же, это влияние, или «импорт», приводило к строительству государственных структур не «с нуля»: в этих обществах к тому моменту уже был достигнут определенный уровень в результате внутреннего развития. Но, не будь рядом римско-христианской традиции, разве пошли бы они дальше по этому пути? Сформировался ли бы там в результате внутреннего развития весь комплекс государственных признаков: письменный учет и контроль администраторов, повелевающая народом независимая от него власть, единая система налогов вместо кормлений, верховная собственность власти на землю и имущество и т.д.? Не исключено, что ответ на такой вопрос должен быть отрицательным: эти общества так бы и существовали без комплекса этих нововведений (особенно это касается письменного учета). В таком случае, исходя из подхода «государство = аппарат письменного администрирования», следовало бы признать варварский мир Европы своего рода эволюционным тупиком. Если же принять модель «государство = аппарат эксплуатации», то можно предположить, что некоторые варварские общества могли достигнуть государственной стадии не только в гипотетическом случае отсутствия средиземноморского влияния, а еще и до активного контакта со средиземноморским

миром. Но в таком случае следует говорить о некоем особом эволюционном пути европейского варварства, что, наверно, более соответствует современным тенденциям исторической науки не пытаться все описывать, исходя из одной «классической» модели (будь то европоцентристской, или же греко-римской).

При таком подходе следует поставить вопрос: чем по существу отличаются друг от друга признанные в науке «ранние государства» и отдельные наиболее развитые общества более раннего периода? Так, например, чем отличается держава Харальда Прекрасноволосого (Гуревич 1980. С. 127–133) от Швеции последних Инглингов? Действительно, согласно «Саге об Инглингах» (гл. 33–43), при двух последних Инглингах на подвластной им территории были организованы усадьбы для кормления конунга и дружины, связанные дорогами. При этом власть уписальского конунга носила надплеменной характер: он собирал дань с нескольких разных областей, шесть конунгов которых, представителей боковых ветвей рода Инглингов, он сжег на коварном пире (ср. Хлодвиг и Меровингов). Эти области были обязаны поставлять контингенты в общее войско, несмотря на то, что они в этом не были заинтересованы: об этом прямо пишет Снорри в связи с их бегством с поля боя. Во главе этих областей стояли вовсе не представители местной племенной знати, а люди конунга. При управлении страной Ингьяльд опирался на своих «друзей». Население Швеции было недовольно Ингьяльдом и готово было изгнать его, его род и его «друзей». При этом Ингьяльд опирался на поддержку некоей значительной части шведского общества, часть из которых бежали из Швеции вслед за изгнанием его сына Олава Лесоруба датским конунгом Иваром.

На мой взгляд, следует поставить вопрос о волнообразности политогенеза в варварском мире. Иначе говоря, скорее всего, уровня ранней государственности варварская Европа достигала на протяжении своей истории неоднократно, но только при активном воздействии соседней средиземноморской государственности в эпоху раннего средневековья эта государственность преобразовалась в долгоживущие формы, организованные на основе принципа «письменного администрирования».

Роль переселений и трансрегиональных контактов при политогенезе в конце античности и в раннем средневековье можно свести к следующему:

1) если переселение или экспансия были направлены на римскую территорию, то это приводило к тому, что варварский вождь получал в свое распоряжение не только территорию с населением, но и определенный фрагмент римской государственной системы, опираясь на который он и выстраивал свою подобную римской систему: Атаульф, Аттіла (Шувалов 2001), Теодорих, Хлодвиг и др. – в основном синтез с преобладанием римского начала и уравновешенный синтез; в этом контексте совершенно понятно, почему многие варварские вожди так жаждали прихватить хотя бы один имперский город (например, Сирмий для гепидов, а затем и для авар);

2) если экспансия была направлена на другое варварское общество, то возникала политическая структура по управлению бинарным обществом типа «завоеватели–побежденные» (например, аварский каганат) или по управлению своего рода варварской империей (например, Харальд Прекрасноволосый); но и в том, и в другом случае бюрократического управления территорией не возникало, хотя назначение такой созданной завоевателем структуры было одно: эксплуатация завоеванного населения и территории;

3) если варварское общество находилось в относительно мирных контактах со Средиземноморьем, то рано или поздно это приводило к заимствованию тех или иных политических идей вдоль торговых путей.

Очевидно, что определяющими в запуске механизма импорта государственных моделей при политогенезе были структура контактов, система коммуникаций и поля политической престижности. Более того, разнообразие возможных политических и идеологических влияний и механизмов их усвоения по сравнению с относительно небольшим набором вариантов эндогенного социально-экономического развития предоставляет исследователю больше возможностей для объяснения конкретно-исторического разнообразия форм политогенеза.

Примечание

* Пользуясь случаем, хочу поблагодарить М.М. Казанского, А.В. Комара, С.А. Агапова, М.Е. Леваду и В.В. Ставицкого за участие в предварительном обсуждении данной темы в интернете в группе «ХРОНОГРАФ:

историко-археологический семинар М.Б. Шукина» (http://vk.com/topic-25845782_26488607). При работе по данной теме использованы материалы, полученные при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 11-01-12054в.

Литература

- Гуревич А.Я. Образование раннефеодального государства (конец IX – начало XIII в.) // История Норвегии. М., 1980.
- Шувалов П.В. У истоков средневековья: двор Атилы // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2011. Вып. 3. С. 130–145.
- Fischer S. Roman Imperialism and Runic Literacy. The Westernization of Northern Europe (150–800 AD). Uppsala, 2005.

А.С. Щавелёв

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗНАТНЫХ ВИЗАНТИЙЦЕВ ПО ИМЕНИ *ИНГЕР* (КОНЕЦ VIII – НАЧАЛО IX в.)

Имя *Ингер* (Ἰγγερ, Ἰγγηρ), имеющее, по общему мнению, германское происхождение, носили два представителя византийской элиты первой половины IX в. От этого имени был образован патроним дочери одного из них, любовницы императора Михаила III и жены императора Василия I Евдокии: *Ингерина* (Ἰγγερίνα, Ἰγγηρίνα, Ἰγγηρίναν). Это имя близко к греческим формам имени русского князя-«варяга» Игоря Рюриковича: *Ингор* (Ἰγγωρ, Ἰγγορ) в греческих источниках (DAI-II. Р. 28–29) и *Ингер* (Inger) в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского (Ant. V. 15). Обстоятельства жизни этих трех знатных византийцев подробнейшим образом исследованы (PMBZ. № 1632, 2682, 2683; Mango 1973. Р. 17–27).

В статье 1973 г. С. Манго выдвинул предположение, что перед нами очень раннее свидетельство инфильтрации скандинавов (норманнов, «росов») в византийскую среду (Mango 1973. Р. 17–27). Скандинавская этническая идентификация этих трех представителей византийской элиты вошла в просопографический свод (PMBZ) и была безоговорочно принята исследователями

ранних этапов «русско-византийских» отношений (Литаврин 2000. С. 60; Мельникова 2011. С. 65, 272–273, 402).

Между тем, в статье С. Манго не приведено ни убедительных доказательств, ни даже косвенных аргументов в пользу «скандинавской версии». Манго просто отмечает хрестоматийное известие о росах Бертинских анналов 839 г., затем высказывает обоснованное сомнение по поводу ранней датировки (842/43 г.) нападения росов на Амастриду, и, наконец, упоминает атаку росов на Константинополь в 860 г. После этого он еще раз констатирует скандинавское происхождение имени *Ингер* и патронима *Ингерина* (Mango 1973 P. 17–18). Далее идет исчерпывающая биографическая справка и история смерти митрополита-иконокласта Никей Ингера, которая датируется 826 (или 827) г. Затем следует биография Евдокии Ингерины, которая, по расчетам Манго, родилась ок. 840 г., и ее отца. Завершая статью, Манго снова утверждает, что в конце VIII – начале IX в. в Византии уже находились скандинавы.

Оценивая возможность включения скандинавов в высшие круги византийского общества в *начале IX в.*, стоит, прежде всего, учитывать дату первого достоверного упоминания 700 росов на византийской службе – критский поход Имерия, состоявшийся в *начале X в.*, вероятно, в 910–911 гг. (Васильев 1902. С. 167–171; Vasiliev 1946. P. 231–232), по сообщению трактата Константина Багрянородного «О церемониях» (Const. De cerim. I. P. 651). Формирование корпуса «варяго-росской» дружины, по общему мнению исследователей, проходило в течение X в. (см. краткий обзор историографии: Филипчук 2007. С. 191–194).

Высокое социальное положение интересующих нас лиц – *митрополит* одного из крупнейших городов империи, *супруга императора*, а также специально отмеченная в источниках «*мудрость*» ее отца – предполагают, что они должны принадлежать, если гипотеза Манго верна, явно не к первому поколению «скандинавов» в Византии. Для сравнения: культурная адаптация норманнов в Византии в XI в. происходила как минимум *во втором поколении*, что требовало освоения греческого языка, обращения в православную веру и матримониальных связей с византийскими семьями (Курышева 2006. С. 150–162). Таким образом, предки

двух Ингеров должны были переселиться в Византийскую империю как минимум *еще в VIII в.*, что крайне маловероятно.

Можно найти более реалистичное объяснение появлению германских имен в византийском ономастике первой половины IX в. Напрашивается предположение, что это имя унаследовано от германских племен, расселившихся на восточных территориях Римской империи, прежде всего, готов (ср. Тохтасьев. В печати). Доказательством этого предположения может служить место пастырского служения митрополита Ингера – крупный город Никея, административный центр фемы Опсикий (ODB-II. P. 1463–1464). Греческое название фемы происходит от латинского термина *obsequium*, что, согласно обстоятельным исследованиям Ю.А. Кулаковского, обозначало расквартированные на территориях Римской империи воинские контингенты (Кулаковский 2004б. С. 321–332).

Ю.А. Кулаковский установил термин, которым обозначались потомки готов, осевших в Империи, – Γοτθοῦραικοί (Кулаковский 2004а. С. 316–318). Этот этникон упоминается в хронике Феофана под 715 г. (А.М. 6207) в рассказе о восстании против императора Афанасия в феме Опсикий (Theoph. P. 385–386, 592). Из контекста истории восстания можно понять, что речь идет о некой «этносоциальной» общности (?), либо находившейся в самой феме Опсикий, но отличавшейся от большинства ее населения, либо жившей по соседству – в феме Оптиматов. Второе упоминание «области» Γοτθοῦροικίας на малоазийском побережье найдено Ю.А. Кулаковским «в тексте жития трех лесбосских святых, Давида, Симеона и Георгия, подвизавшихся в конце VIII и начале IX века» (Кулаковский 2004а. С. 318). Выводы Кулаковского были поддержаны Г.А. Острогорским, писавшим об «эллинизированных остготах, которые со времени переселения народов проживали на землях тогдашней фемы Опсикий» (Острогорский 2011. С. 213).

Представитель этой общности «готовгреков» Ингер мог сделать церковную карьеру и стать митрополитом Никеи – главного города фемы Опсикий, находившегося как раз на границе фем Опсикий и Оптиматов. Учитывая явную связь «готовгреков» с фемами, на которых расселялись воинские формирования римской (ранневизантийской) армии, вполне объясняется и иконоборческая идеология митрополита Ингера – идеи иконокластов были

популярны в армейской среде (Васильев 2000. С. 384–385). Семья Ингера и его дочери Ингерини также, видимо, происходила из среды «готовгреков» Малой Азии или аналогичных «общин» «византинизированных» варваров-германцев и не была скандинавской.

Разумеется, имя *Ингер* теоретически могло попасть в византийский ономастикон и из именослова любого другого германского племени-федерата (или захватчика) Римской империи: С.Р. Тохтасьев предполагает лангобардскую этимологию (Тохтасьев. В печати). Но стоит отметить, что именно у готов реконструируется культ бога Инги / Ингви (< *Ingwaz) (Вольфрам 2003. С. 164) и фиксируются производные от этого теонима племенные названия и личные имена (Ганина 2001. С. 57–59; Буданова 1999. С. 217). Кроме того, именно готы имели одну из самых долгих историй – с IV в. н.э. – приобщения к христианству (как ортодоксальному, так и арианскому) среди германских народностей (ПЭ. 2006. С. 214–218, 222–236).

Источники и литература

- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999.
- Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические взаимоотношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902.
- Васильев А.А.* История Византийской империи. СПб., 2000. Т. 1: Время до крестовых походов (до 1081 г.) / Вступ. ст., примеч., науч. ред., пер. с англ. яз. и указатель А.Г. Грушевого.
- Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.
- Ганина Н.А.* Готская языческая лексика. М., 2001.
- Кулаковский Ю.А.* К вопросу о фемах Византийской империи // *Кулаковский Ю.А.* История Византии, 602–717 годы. СПб., 2004. С. 303–320. (а)
- Кулаковский Ю.А.* К вопросу об имени и истории фемы «Опсикий» // Там же. С. 321–332. (б)
- Курышева М.А.* Византийцы и норманны: проблемы симбиоза // Византийский временник. М., 2006. № 65 (90). С. 150–162.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2006.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия: Избр. тр. М., 2011.
- Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М., 2011.
- ПЭ. – Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12.

- Тохтасьев С.Р.* Язык трактата «De Administrando imperio» и его иноязычная лексика // *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. 3-е изд., перераб. и доп. (в печати).
- Филлипчук О.* «Rossovarangians»: до проблеми часу утворення русько-варязького корпусу у Візантії // *Питання історії України: Збірник наукових статей*. Чернівці, 2007. Т. 10.
- Ant. V. 15. – *Scriptores Rerum Germanorum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis. Separatim editi. Liudprandi opera* // *Monumenta Germaniae historica*. SS. Hannoverae; Lipsiae, 1915. Т. 41.
- Const. De cerim. I. – *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae libri duo* / Rec. I.I. Reiskii. Т. 1. Bonnae, 1829.
- DAI-II. – *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*. L., 1962. Vol. 2: Commentary / Ed. by R.G.H. Jenkins.
- Mango C.* Eudoca Ingerina, the Normans and the Macedonian Dynasty // *Зборник Радова Византолошког института*. XIV–XV. Београд, 1973.
- ODB-II. – *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. by A. Kazhdan. N.Y.; Oxford, 1991. Vol. 2.
- PMBZ – *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867)* / Hrsg. R.-J. Lilie, C. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow. B., 1998.
- Theoph. Theophanis. Chronographia* / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
- Vasiliev A.A.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946.

МАТЕРИАЛЫ К КРУГЛОМУ СТОЛУ

ОБРАЗОВАНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА: ОТ ПОЛИСА К ЦАРСТВУ

А.В. Подосинов

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА*

Название Чтений этого года – «Миграции, расселение, война как факторы политогенеза» – как нельзя лучше подходит к теме образования Боспорского государства, поскольку в геополитическом плане именно *миграция* греков на берега Керченского пролива, их *расселение* в непосредственной близости друг от друга по берегам пролива и *военная угроза* со стороны местного варварского населения стали ключевыми в процессе создания такого необычного государственного формирования, как Боспорское царство. В докладе предполагается осветить роль этих трех факторов в Боспорском политогенезе.

1) *Миграция*. Естественно, что именно прибытие сюда в VI в. до н.э. в процессе Великой греческой колонизации выходцев из Эллады во многом определило характер будущего государства. Греки принесли с собой навыки государственной жизни в отдельных полисах с демократическим способом правления или же в полисах с тираническим режимом, сосуществующим с полисными институтами. Примерно в это же время на северных берегах Черного моря появились скифы – ираноязычные воинственные кочевники со своим политическим и социальным укладом. Встреча двух миграционных потоков в районе Керченского пролива во многом предопределила судьбу и характер возникшего здесь государства.

2) *Расселение*. Характер береговой линии Черного моря – в основном, мало изрезанной и лишенной глубоких заливов и проливов – создавал условия для автономного развития отдельных полисов, выводимых колонистами. Мы видим подобную ситуацию на западном побережье Черного моря (города-колонии Апол-

лония, Месембрия, Одес, Дионисополь, Каллатис, Томы, Истрия, Тира и др.), на южном (Гераклея, Амастрия, Синопа, Трапезунт и др.), на восточном (Фасис, Гиенос, Диоскуриада, Питиунт и др.), а также на большей части северного побережья (Ольвия, Керкинитида, Херсонес и др.). Только гораздо позже, да и то под влиянием внешних факторов, могло происходить объединение этих городов в некие союзы (инкорпорирование южнопонтийских городов в эллинистические монархии, союз западночерноморских городов «Левого Понта» под началом Том в римское время, поглощение Керкинитиды Херсонесом в IV в. до н.э. в рамках расширения полисной территории и т.д.). То, что произошло на Боспоре, а именно – объединение уже в начале V в. до н.э. около 30 городов и поселений под властью архонта-царя и существование этого государства уже монархического типа на протяжении почти тысячелетия – во многом обязано особенностям расселения греков на берегах Керченского пролива, когда основанные ими полисы располагались в непосредственной близости друг от друга и даже, можно сказать, друг против друга (см.: Виноградов Ю.А. 2005. С. 221 об «обилии греческих поселений, в том числе и весьма крупных, рассеянных по берегам Керченского пролива на небольшом расстоянии друг от друга, часто даже в пределах видимости», как особенности именно боспорского пути развития). Основание и развитие колоний происходило также в непосредственной близости от местных оседлых синдо-меотских племен (на Азиатском Боспоре) и пришлых скифов-кочевников (на Европейском Боспоре); территория варваров активно осваивалась греческими колонистами.

3) **Война.** Войны с местными или пришлыми варварами вели в разное время и с разным успехом почти все города-колонии, основанные на берегах Черного моря, но именно города Боспора оказались первой и главной целью военной экспансии скифов (об этом свидетельствуют археологические материалы, показывающие пожары и разрушения в боспорских городах, а также строительство там оборонительных сооружений в первой половине V в. до н.э.). К тому же высокая «кучность» расположения греческих поселений на берегах Керченского пролива приводила к тому, что нападению врагов подвергался, как правило, не один полис, а несколько. Это вызывало необходимость объединения сил, средств и военного потенциала отдельных полисов. Постоянная

угроза вторжения и необходимость управлять значительной территорией, заселенной в основном «варварами», рано вызвали потребность в существовании наемнической армии, в распоряжении архонта-царя находились также воинские контингенты, сформированные из местных племен. Их племенная верхушка пользовалась особым расположением царей, нередко входя в их ближайшее окружение.

В этих условиях консолидация греческих полисов перед лицом скифской угрозы под эгидой твердой центральной власти и основание надполисного государственного образования способствовали выживанию и мирному экономическому развитию полисов, хотя они и лишались многих своих прерогатив – права монетной чеканки (им обладал только Пантикапей), права внешнеполитических сношений, права иметь оборонительные стены и некоторых других, при сохранении, может быть, в своей юрисдикции вопросов муниципального уровня. Так возник «Боспорский феномен» – уникальное в истории античного мира государство.

Примечание

* Доклад написан в рамках работы по проектам, финансируемым РФФИ (грант № 10-06-00307а) и РГНФ (грант № 56 11-01-00382а).

А.А. Завойкин

БОСПОРСКАЯ МОНАРХИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

История монархического государства на Киммерийском Боспоре насчитывает (если начать от пантикапейской тирании Археанактидов) более восьми веков. Если говорить об общеисторической периодизации, то интересующий нас феномен зарождается на переходном рубеже от архаики к классике, переживает эпоху эллинизма и длится чуть ли не до конца римской эпохи. При этом в своей собственной истории боспорская монархия переживает ряд принципиальных этапов.

1. 480/79 г. – ок. рубежа V–IV вв. до н.э. Археанактиды. Первые Спартокиды: пантикапейская тирания до начала захвата Са-

тиром I соседних полисов (до 438/37 г., возможно, корпоративная, а позднее – с элементами корпоративности).

2. Первые десятилетия IV – начало III в. до н.э. Ранние Спартокиды: формирование государства «Боспор» («Боспор и Феодосия», ок. 360-х годов), подчинение ряда меотских племен в Прикубанье (до принятия Спартоком III царского титула). Этому предшествует важный в династическом отношении момент – узурпация власти Евмелом, уничтожившим старшие ветви рода, тем самым подорвав «корпоративные» основы, в той или иной степени характерные для власти правителей Боспора, титулуемых (исключительно в рамках своей державы!) «архонтами Боспора и Феодосии, царствующими над торетами, дандариями, псессами и т.д.» (или «над всеми меотами etc.»). Экономический расцвет государства, в значительной мере на основе масштабного экспорта пшеницы в Средиземноморье; чеканка золотой монеты (прекращается несколько раньше завершения этапа).

3. Начало III – конец II в. до н.э. Поздние Спартокиды (от Спартока III): Боспор в эпоху эллинизма. Нет сколько-нибудь весомых оснований для того, чтобы считать, что принципы организации центральной власти претерпевают принципиальную перестройку «на эллинистических основах». Хотя допустимо предположить, что некоторые формальные ограничения, накладывавшиеся в предшествующий период господствовавшими в эллинском мире представлениями о характере и природе монархической власти в греческих государствах (негативное в целом отношение к тирании), были преодолены. Спартокиды официально именуются царями. На протяжении этого времени Боспор испытывает значительные затруднения (кризис) в области экономической, финансовой (большая часть III в. до н.э.) и, вероятно, время от времени – военно-политической. Эти процессы, возможно, как-то отразились на характере взаимоотношений царской власти и полисов, или некоторых из них. Например, Фанагория в конце III в. до н.э. получает право чеканки медной монеты. Ничего подобного не было в предшествующее время. Заканчивается этап передачей власти понтийскому царю Митридату VI.

4. Конец II в. – 47/46 г. до н.э. Боспор под властью понтийских царей Митридата Евпатора и Фарнака, которые даже в периоды утраты родового домена рассматривали Боспор в качестве плацдарма для восстановления исконных владений. По мнению С.Ю. Са-

прикина (2010. С. 94), Боспорское царство «превращается» в эллинистическое государство. Монархия на Боспоре в этот период переживает существенную «реконструкцию»: привносятся элементы политической и административной системы, сложившейся в царстве Митридатидов. Битва при Зеле 2 августа 47 г. до н.э. и захват боспорского престола Асандром подвели черту под этим сравнительно кратким этапом.

5. 46 г. до н.э. – 49 г. н.э. (от Асандра до Митридата III). Начиная с Асандра, права на боспорский престол подтверждаются Римом. Боспор с этого времени рассматривается римлянами в качестве «буфера» между их владениями и кочевым сарматским миром. В то же время римляне не упускали случая и пытались утвердить на боспорском престоле собственных ставленников (Скрибоний, Полемон I), привлекая для этой цели законную наследницу – внучку Митридата Динамию. Однако встретив серьезное сопротивление, римляне вынуждены были признать законную власть сына Динамии Аспурга (а не Пифодориды, вдовы Полемона I, и его сына Полемона). Другая особенность этого этапа – попытка правителей Боспора держаться старых династических традиций, что нашло крайнюю форму проявления в войне Митридата III с Котисом I, которого поддерживал Рим.

6. 45–238/39 гг. н.э. (от Котиса I до Ининфимея). Устойчивый баланс взаимоотношений Боспора и Рима: в политике Империи окончательно формируется доктрина, согласно которой центр тяжести в обороне северо-восточных границ переносится на военные силы государства-клиента при полном контроле над ним и финансовой поддержке. Этот период характеризует интенсивное развитие царской власти, центрального аппарата управления, экономический расцвет городов Боспора, проявлявших определенную активность на муниципальном уровне. В целом, цари династии Тибериев Юлиев успешно обороняют свою державу от набегов варваров. Однако в 230-е годы их государство переживает тотальный разгром готскими племенами, после которого Боспор так до конца и не оправился.

7. 239/40–341/2 гг. (от Рескупорида V до Рескупорида VI). Боспор после готских походов (до окончания чеканки монеты).

Поскольку нас интересует в первую очередь модификация государственного устройства Боспора в рамках монархии (в особенности в ранний период), уместно выделенные исторические

этапы сгруппировать, исходя из особенностей внутренней структуры самого Боспора, безотносительно внешних влияний. Как представляется, ключевую роль в таком анализе должно играть рассмотрение взаимоотношений центральной власти и полисов. Сразу подчеркну, что состояние источниковой базы по этой проблеме таково, что почти на каждый конкретно поставленный вопрос практически невозможно дать содержательный и обоснованный ответ. Вместе с тем сам состав имеющихся источников, характеризующих тот или иной исторический период, весьма показателен.

Первый период (1 этап) – пантикапейская (полисная) тирания. Примечательно, что, не располагая свидетельством Диодора (XII. 31, 1), мы бы даже догадаться не могли, что в 480/79 г. в наиболее значительном полисе Европейского Боспора установилась власть Археанактидов, а в 438/7 г. их сменил Спарток. История боспорской монархии начиналась бы для нас с Сатира I.

Второй период (2-й и 3-й этапы) – «территориальная» держава Спартокидов, которая объединила в себе все полисы, расположенные на берегах Киммерийского Боспора и примыкающие к этому району (Феодосия, Горгиппия). О правителях этого государства узнаем из литературных источников (начиная с Сатира I и Левкона I), из эпиграфических памятников (декреты Левкона I и «Левконидов», а также декреты в их честь; их «ахеменидски пышная» титулатура в посвящениях и т.д.), из нумизматики (на втором этапе, начиная с Левкона II – имена с царским титулом). Ранний этап этого периода именуют (на мой взгляд, неудачно) «протоэллинистическим». Следующий за ним, по этой логике, следовало бы называть «эллинистическим». О положении полисов в этот период почти ничего определенного сказать нельзя. Ясно, что оно могло быть различным в зависимости от обстоятельств вхождения в состав единого государства (Завойкин 1998. С. 134 и сл.; 1999. С. 115–117; 2002. С. 95–101). Все они, кроме Пантикапея, были лишены права монетной регалии, только в конце III в. до н.э. Фанагория и (эпизодически) Феодосия получает право чеканить мелкую медную монету. (Вполне очевиден и по-своему нагляден полный контроль архонтов Боспора над чеканкой). Но никаких следов «диалога» между центральной властью и полисами обнаружить не удастся. Единственное исключение – выступление Евмела перед народным собранием пантикапейцев (*Diod.* XX. 24, 4) после того, как он уничтожил старших

братьев и их родственников. Никаких царских рескриптов городам, никаких благодарственных декретов городов в адрес царствующих особ. Вообще ничего, что хотя бы отдаленно напоминало документы, характерные для любой эллинистической монархии, вплоть до примерно 150–125 гг., когда «За архонта и царя Перисада, сына Перисада...» и его ближайших родичей было сделано посвящение Афродите Урании, владычице Апатура, правда, членами *фиаса* (КБН 75), а не гражданской общиной.

Складывается такое впечатление, что полис «исчез», во что, разумеется, поверить просто невозможно, поскольку такого никогда и нигде не бывало. В свое время К.М. Колобова попыталась опровергнуть это расхожее представление и отыскать следы полисной жизни в различных источниках, в итоге приходя к заключению, что «города... сохраняют и гражданскую общину, и полисное самоуправление» (Колобова 1953. С. 52 и сл.). Трудно, однако, не заметить того, что почти вся подборка приведенных в статье примеров лежит за пределами IV – первой половины III в. до н.э., и иногда даже очень далеко от этих хронологических пределов. На мой взгляд, это только отчетливее высвечивает реальную проблему.

Итак, ничего подобного обычным для эллинистических государств документам вплоть до декрета фанагорийцев о наемниках 88/87 г. до н.э. (Виноградов 1991) (4-й этап) или рескриптов Аспурга 16 г. н.э. (Блаватская 1965; Heinen 1998, S. 341) (5-й этап) и документов еще более поздних (*третий период: этапы 4–7*) мы на Боспоре не встречаем. Но, с другой стороны, мы находим иные документы, столь обычные для жизни полиса (издаваемые от лица гражданской общины) и совершенно невероятные, не находящие аналогий в практике эллинистических монархий: проксенические декреты, изданные от имени правителей (Каллистов 1963. С. 319–321; Шелов-Коведяев 1985. С. 68–69; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002. С. 62).

Не так давно, размышляя над этим фактом, сопоставляя (и противопоставляя) данный феномен с характеристиками Сицилийской державы Дионисия, я пришел к заключению, что «Сатир I и Левкон I, завоевав соседние с Пантикапеем полисы, по видимому, инкорпорировали их (по крайней мере, на первых порах) в состав своего государства на правах, условно говоря, “демов”, полностью лишив политической самостоятельности, сохра-

няя в их ведомстве, по-видимому, только вопросы муниципального уровня. И эта “принудительная *симполития*” монархического типа в конкретных условиях IV – начала III в. до н.э. оказалась чрезвычайно устойчивой и исторически перспективной как раз в силу того, что опиралась на традиционные полисные формы. За пределами этого “мегаполиса”, именуемого Боспором, оказались территории варварских племен Прикубанья, над которыми “царствовали” “архонты Боспора и Феодосии”. И этот элемент их державы тоже способствовал стабильности политического режима тиранов, предоставляя в их руки ресурсы, независимые от их эллинских подданных» (Завойкин 2007. С. 235–236). Должен признаться, что предложенная гипотеза мне и самому кажется «слишком смелой». Однако никакого другого объяснения я предложить не могу.

Если в моем доказательстве столь важную роль играют проксенические декреты ранних Спартокидов, то уместно напомнить, что позднейшие из них относятся к самому концу IV в. до н.э. И хотя под этим фактом, несомненно, лежит экономическая подоснова (сокращение объемов хлебной торговли), уместно все-таки посмотреть, изменилось ли что-то в то время (3-й этап), когда подобные документы уже не известны.

Следует отметить, прежде всего, что изменения в экономической и военно-политической жизни Боспора в интересующий нас отрезок времени, видимо, не привели к демонтажу сложившейся в предыдущий век государственной машины. Но вместе с тем, – хотя в нашем распоряжении лишь очень немногочисленные источники, характеризующие сам процесс перестройки, – позволительно говорить о том, что прослеживаются слабые следы реанимации некоторых полисных принципов, не ведущие, однако, к децентрализации государства. Так, параллельно с утверждением в III в. до н.э. этнополитической общности «боспоритов» (сложение которой следует относить, по-видимому, еще ко второй половине IV в. до н.э.), хотя бы и за пределами Боспора и проявляющейся исключительно в сфере культовой жизни, со второй половины этого же столетия жители Пантикапея, а в самом конце II в. до н.э. и Нимфея, именуют себя пантикапейцами и нимфеяитами соответственно (МИС 21, 14, 58). Кстати, и на самом Боспоре, независимо от того, каков был статус полисов при Спартокидах, *демотиконы* их жителей оставались в ходу, так сказать, на

бытовом уровне. Лучшее тому свидетельство – граффити из святилища Афродиты в Нимфее, в которых в различных житейских контекстах упоминаются нимфаиты (Тохтасьев 2006. С. 418). Надо думать, что в области политического самосознания жители боспорских городов сохраняли приверженность оставшимся в прошлом традициям своего полиса. И когда, уже в I в. до н.э. (4-й этап), ситуация на Боспоре принципиально изменилась, происходит более полная реставрация ряда полисных институтов, хотя и ограниченная жесткой «властной вертикалью».

Одна из черт нового этапа в жизни Боспора – эпизодическая чеканка медной монеты Феодосией и Фанагорией во второй половине III – II в. до н.э. Значение этого факта можно понять только на фоне полного отсутствия какой-либо иной монеты в государстве, помимо пантикапейской, на протяжении всего IV и первой половины III в. до н.э. В этот же ряд событий, видимо, следует поставить и восстановление оборонительных стен в Фанагории, которых город был лишен после завоевания его Сатиром I (Завойкин 2004. С. 51, 91). Несколько слов необходимо сказать о новациях в монетном деле Пантикапея (Боспора). Тип л.с. «голова сатира», монопольно господствовавший в IV – середине III в. до н.э., во II в. до н.э. вытесняется городской «эмблемой» – «головой Аполлона». Иначе говоря, полисная символика Пантикапея постепенно как бы «вытесняет» символику Спартокидов. В том, что за этим процессом стоит глубокая перестройка взаимоотношений полиса и царской власти, вряд ли стоит сомневаться.

Странным образом эпиграфические памятники почти ничего не добавляют к характеристике новых для Боспора времен. Само исчезновение таких документов, как декреты правителей, столь характерных для IV в. до н.э., с одной стороны, может быть объяснено утратой Боспором своей привлекательности для иноземцев одновременно с падением его роли в зерновой торговле, а с другой – не стоят ли за этим иные формы «делопроизводства», пришедшие на смену формам старым, «квази-полисным»? Ответить на поставленный вопрос, пожалуй, невозможно.

Осталось лишь отметить принципиально новый тип документа, уже второй половины II в. до н.э. – упомянутое раньше посвящение фиаситов Афродите (КБН 75). Дело не только в том, что это, возможно, первое свидетельство перемен в социально-политической жизни страны, впоследствии приведших к пышно-

му расцвету такой своеобразной формы общественных (негосударственных) объединений, как фиасы и синоды (Завойкина 2006. С. 7–16), но и в том, что этот вид документа, сближая по симптоматичному показателю между собой две столь различные эпохи (этапы 4-й и 6-й, грань между которыми обозначена правлением Митридата VI Евпатора – этап 5-й), заставляет задуматься: так ли уж радикально расходятся основные тенденции исторического развития Боспора Спартокидов и путь, что был ему предначертан уже после их падения Митридатом и его потомками?

Если намеченная историческая перспектива предполагала, с одной стороны, реставрацию (хотя бы и в сильно урезанном виде) полисных автономий (ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος), а с другой – дальнейшее усиление царской власти и невиданное ранее развитие царской администрации и бюрократии, то эпоха ранних Спартокидов во взаимоотношениях центральной власти и полиса должна характеризоваться от противного. Не в том, конечно, смысле, что власть правителей была слаба, а полиса не было. А в том, что «архонты Боспора» практически сосредоточили в своих руках чуть ли не все властные prerogatives государства, организованного как полис.

Некоторые исследователи из факта ранней монархии на Боспоре выводили теорию «протоэллинизма», а другие, напротив, приходят к заключению, что эллинизм на Боспоре утвердился только тогда, когда в остальном мире эллинистическая эпоха подошла к концу, притом исключительно благодаря внешнему воздействию, вроде бы и не находящему соответствий на местной почве. Так, С.Ю. Сапрыкин власти Спартокидов как «полисной тирании» противопоставляет «эллинизм», привнесенный на Боспор Митридатом. Само противопоставление справедливо, однако нет никакой необходимости как отказывать политическому режиму Спартокидов в статусе монархии, так и лишать их прав на *δορίκτητος γῆ / χώρα βασιλική*. (Вспомним терминологию Аристотеля, *Polit. IV. 8, 3* p 1295a 15: «Третий вид тирании [помимо царской власти у варваров и эсимнетии у древних эллинов. – А.З.] – тирания по преимуществу – соответствует неограниченной монархии»). По заключению С.Ю. Сапрыкина (2010. С. 94), при Митридате «на Боспоре... был окончательно разрушен тиранический, полисный по сути, режим Спартокидов, но греческие города Боспора поддержали политику Митридата, поскольку он со-

хранил (правильнее сказать – реанимировал! – А.З.) их политические свободы и полисные институты, предоставил право монетного чекана и пытался обезопасить их аграрные владения перед лицом угрозы варварских племен... Существенно новым явлением стало постепенное превращение Боспорского царства в эллинистическое государство... полисная земельная собственность (частично это коснулось и племенного общинного землевладения) становилась царской, а царь выступал уже как верховный собственник земли в государстве...».

Бесспорно лишь то, что монархия на Боспоре в этот период переживает существенную реконструкцию: привносятся элементы политической и административной системы, сложившейся в царстве Митридатидов. Однако предметно судить о соотношении местных политических традиций и понтийских инноваций не представляется возможным. Утверждение признанного специалиста о том, что «полисная земельная собственность... становилась царской», совершенно не выдерживает критики. Во-первых, мы не располагаем хотя бы какими-то источниками, позволяющими подобным образом ставить вопрос. Во-вторых, ни в одном эллинистическом государстве «верховная собственность» царя на землю не противоречила правам собственности на землю полисов (если, конечно, мы не говорим о колониях, основанных самими монархами на их землях). Царь, разумеется, мог в некоторых случаях вторгаться в полисное право, но не более того. В-третьих, если бы перед боспорскими полисами Митридат VI поставил вопрос о собственности на их земли в том ракурсе, какой был предложен С.Ю. Сапрыкиным, никакие «привилегии» городам, предложенные новым владыкой Боспора, не спасли бы его от всеобщего недовольства.

Все эти и другие попытки понять, с каким феноменом мы имеем дело, занимаясь политическим строем Спартокидовского Боспора, приводят к более ясному пониманию простой в принципе мысли, что в конкретных исторических и этнополитических условиях, в которых оказались греческие полисы на побережье Киммерийского Боспора, их судьба была предопределена: для успешного существования в условиях более или менее постоянной военной угрозы со стороны враждебных варваров, которые волнами накатывали из степи, необходимо было объединить все свои усилия, невзирая на пограничные и всякие иные споры меж-

ду собой, создав «общий фронт». Как показывает историческая практика, эффективные формы объединений на добровольной основе – явления нередкие, но недолговечные. Объединения же насильственные устойчивы в том лишь случае, если, поступаясь частью своих исконных прав, участники такой «конфедерации» получают весомый «положительный баланс». Многовековая история боспорской монархии есть лучшее подтверждение тому, что такой баланс был найден. И в значительной мере благодаря тому, что новая территориальная держава формировалась на привычной для греков полисной основе, которая модифицировалась в разные исторические эпохи.

Литература

- Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // Вестник древней истории. 2002. № 4. С. 58–75.
- Завойкин А.А. Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 134–145.
- Завойкин А.А. Периодизация истории Киммериды // Древности Боспора. М., 1999. Т. 2. С. 114–122.
- Завойкин А.А. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // Древности Боспора. М., 2002. Т. 5. С. 95–106.
- Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (по материалам «Южного города»). М., 2004.
- Завойкин А.А. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 219–243.
- Завойкина Н.В. Частные сообщества городов Боспорского царства в I – первой половине III вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Каллистов Д.П. Боспорский декрет о даровании проксении пирейцу // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. М.; Л., 1963. С. 317–338.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // Вестник древней истории. 1953. № 4. С. 47–71.
- МИС – Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // Вестник древней истории. 1939. № 3
- Сапрыкин С.Ю. Позднееллинистический и римский периоды (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) (Глава 2) // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 2, ч. 8: Политическая история Азиатского Боспора. С. 81–132.

- Тохтасьев С.Р.* К политической истории Боспора III в. до н.э. // Древности Боспора. М., 2006. Т. 10. С. 416–428.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Новые боспорские декреты // Вестник древней истории. 1985. № 1. С. 57–72.

Ю.А. Виноградов

ВАРВАРСКИЕ МИГРАЦИИ В ИСТОРИИ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Греческие колонии Северного Причерноморья, как известно, существовали в весьма специфической демографической ситуации, поскольку их соседями оказались не только оседлые земледельческие племена (тавры, меоты, синды), но и племена подвижных скотоводов, кочевников (первоначально это были скифы). Хорошо известно также, что для степей северного берега Понта характерна периодическая смена кочевнических этносов. Приблизительно раз в 200–300 лет из глубин Азии сюда устремлялись новые и новые кочевые народы, миграции которых кардинальным образом меняли этническую и военно-политическую обстановку в причерноморских степях. Из греческих государств региона Боспор лежал первым на пути всех передвижений кочевников, и в этом отношении рассмотрение его истории приобретает особую научную значимость.

Обозначенная особенность истории греческих государств Северного Причерноморья в сравнении с другими центрами греческой колонизации Средиземноморского и Черноморского бассейнов была отмечена сравнительно давно (Латышев 1887. С. 13; Ростовцев 1918. С. 4–6; Rostovtzeff 1922. Р. 8–9). С тех пор в правильности такого взгляда на проблему никто и никогда не сомневался (Блаватский 1960. С. 78; Голубцова, Кошеленко 1980. С. 2; Виноградов 2009. С. 6–7), но, как это ни странно, вопросы взаимоотношений греческих государств региона с кочевниками и, соответственно, вопросы воздействия кочевнических миграций на исторические судьбы греческих колоний почти не привлекают внимание исследователей (см.: Виноградов 2009).

Необходимо оговориться, что миграции по степному коридору осуществлялись не только с востока на запад, но и с запада на

восток. Они, правда, были сравнительно редки, нерегулярны и, как правило, не носили «глобального» характера. К примеру, можно предполагать, что в первой половине III в. до н.э. Северо-Западное Причерноморье стало зоной кельтской экспансии. Однако вряд ли кельты сумели пересечь Днепр, более того – есть все основания считать, что они вообще не сумели закрепиться в этом районе. На Боспоре кельтская экспансия практически никак не отразилась (Виноградов, Горончаровский 2009. С. 100 и сл.). К значительно более серьезным политическим последствиям привело в середине III в. н.э. продвижение с севера племен готов. Обосновавшись в степях северного берега Понта, они надолго определили здесь своеобразие этнической, военно-политической и экономической ситуации. Воздействие готских походов на судьбу Боспорского царства было весьма существенными (Гайдукевич 1949. С. 439 и сл.; Gajdukevič 1971. S. 464 ff.; Щукин 2005. С. 448–457). Можно даже сказать, что в сравнении с ними ни одна из миграций кочевников, имевших место в древности, не оказала на Боспор столь негативных последствий, выразившихся, в частности, в прекращении жизни в некоторых городах (Танаис, Илурад, Мирмекий).

Миграции кочевников, как было сказано, в истории Северного Причерноморья носили регулярный характер, придавая ей определенную ритмичность. Более того, есть веские основания считать, что каждый кочевнический этнос, появившийся в Северном Причерноморье, в своей истории проходил цикл развития, который можно определить как *вторжение–стабилизация–кризис* (Руденко 1961. С. 3–4; Плетнёва 1967. С. 180 и сл.; 1981. С. 50 и сл.; 1982. С. 13 и сл., 36 и сл., 77 и сл.).

Один из «законов степей» заключается в том, что кочевые орды неуклонно двигались с востока на запад, при этом более восточные орды всегда имели преимущество над западными (Мачинский 1989. С. 21; 1993. С. 9). Современная археология позволяет значительно более основательно, чем ранее, подойти к этой проблеме. Понятно, что в большинстве случаев передвижения кочевников не носили мирного характера (Хазанов 2008. С. 201). В таком случае для понимания периода вторжения «новых» кочевников особое внимание исследователей должны привлекать такие явления в степи, как исчезновение ярчайших маркеров эпохи – курганов старой кочевнической аристократии, а практически од-

новременно и могильников рядового населения, что обычно понимается как обезлюдение степного пространства. В отношении греческих государств важнейшее значение имеют фиксируемые во время раскопок следы крупных пожаров и разрушений, усиленное фортификационное строительство в городах, исчезновение поселений в сельской округе и т.п. Ясно, что если в каждом отдельном случае причины таких событий можно искать в особенностях локальной истории (междоусобицы, насильственные политические перевороты, нападения соседних варваров и т.д.), то в случае их синхронизации с аналогичными явлениями во всех греческих государствах региона логичнее считать, что они были вызваны одной причиной, и эта причина крылась в глобальных демографических изменениях, т.е. в миграциях варварских народов.

Имеющиеся материалы позволяют считать, что начало миграций с востока не было абсолютно неожиданным явлением. Приблизительно за два–три десятилетия до того, как пришельцы начинали «завоевание новой родины», на востоке степей Северного Причерноморья возрастало напряжение, что в ряде случаев фиксируется в районе Дона и в Прикубанье (уничтожение укреплений на городищах оседлого населения и пр.). Затем номады совершали серию масштабных походов на запад и, как правило, устанавливали здесь свое господство. Разразившаяся в степях в связи с этим череда войн приводила к общей дестабилизации военно-политической обстановки, которая со временем распространялась и на греческие государства и, прежде всего, на Боспор, являвшийся самым восточным форпостом античной цивилизации в этом регионе. Не удивительно, что некоторые элементы материальной культуры «новых» номадов очень быстро появляются именно в боспорских памятниках.

Период дестабилизации в степях охватывал приблизительно 25–30 лет, после чего наступал относительно мирный и сравнительно продолжительный период. Любопытно, но археологические материалы позволяют считать, что и стабилизация ситуации, подобно дестабилизации, в первую очередь проявлялась в восточной части региона. На этом этапе греческие государства устанавливали с новыми хозяевами степей жизненно важные для них отношения, основанные на выплате им определенной дани. Вожди номадов, в свою очередь, принимали на себя определенные

обязательства по защите своих «друзей», покровительству греческим купцам и т.д.

Стабилизация ситуации в степях обычно знаменовала здесь расцвет материальной культуры, появление богатых курганов «царей» кочевников и т.д. В высшей степени показательно, что все периоды «расцвета» в степи всегда были синхронны «расцветам» греческих государств Северного Причерноморья, в особенности Боспора, и, соответственно, наоборот.

Каждый «расцвет» завершался усилением кризисных явлений кочевнических сообществ, что неизбежно вело к их военному ослаблению. В такой ситуации появлялась очередная волна кочевников с востока и начинался очередной этап дестабилизации в регионе. Эта цикличность в истории степей Северного Причерноморья не позволяет полностью согласиться с мнением В.М. Массона, что степные сообщества прошли в своей истории три последовательных этапа: от комплексных обществ степного региона бронзового века к военно-аристократическим государствам номадов и, наконец, к созданию кочевых империй (Массон 2005. С. 176). Четкой последовательности здесь не прослеживается (Хазанов 2008. С. 404), и политические образования, которые в научной литературе именуются кочевыми империями (см.: Марков 1976. С. 312; Плетнёва 1982. С. 41, 47; Кляшторный, Савинов 1994; Крадин 2001), могли возникать как в древности (Великая Скифия), так и в средние века (держава Чингис-Хана). Более историчной представляется точка зрения А.М. Хазанова. Этот исследователь полагал, что в евразийских степях на протяжении трех тысяч лет социальные процессы характеризовались обратимостью, движение в этой сфере, в основном, осуществлялось по кругу, а процесс поступательного развития в значительной мере оказывался фикцией (Хазанов 1973а. С. 6; 1973б. С. 13). Адаптация Боспорского государства к изменениям военно-политической ситуации (ситуаций) в степях, как представляется, являлась важной составляющей, определившей своеобразие его многовекового исторического пути (см.: Виноградов 2006; 2009. С. 65 и сл.).

Литература

Блаватский В.Д. Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Вопросы истории. 1960. № 10. С. 76–88.

- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 36–43.
- Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. 2009. Вып. 22. С. 5–90.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – III в. н.э.). СПб., 2009.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А.* Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье // XIV Междунар. конгресс ист. наук. М., 1980.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Крадин Н.Н.* Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. № 5. С. 21–32.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвия. СПб., 1887.
- Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
- Мачинский Д.А.* Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н.э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир: Мат-лы 2-го археол. семинара. Новочеркасск, 1989. С. 7–30.
- Мачинский Д.А.* Скифия и Боспор. От Аристия до Волошина // Скифия и Боспор (мат-лы конф. памяти акад. М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 6–27.
- Массон В.М.* Древние общества степей Евразии и структура мировой истории // Археологические вести. 2005. № 12. С. 172–178.
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам. М., 1967. (Мат-лы и исслед. по археологии СССР; № 142).
- Плетнёва С.А.* Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // Вопросы истории. 1981. № 6. С. 50–63.
- Плетнёва С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на Юге России. Петроград, 1918.
- Хазанов А.М.* О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этногеографии Востока. М., 1973. С. 5–10. (а)
- Хазанов А.М.* Характерные черты кочевых обществ евразийских степей // IX Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973 г.): Докл. советской делегации. М., 1973. (б)
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.
- Щукин М.Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ ДЛЯ БОСПОРА

Каждый знает, что история, т.е. бытие всего сущего, может быть и таким, и таким, т.е. существует многовариантность развития.

Тема «Боспор – от полиса к монархии», надо думать, всплыла не случайно, а главное – вовремя. По правилам «игры», я, как всякий, мало-мальски определившийся с «полем» своей научной деятельности, по такому поводу должен был бы рассуждать следующим образом. Поскольку основой экономики античных обществ, включая, разумеется, Боспор, являлось сельское хозяйство, то всякие политические (надстроечные, как писали раньше) явления и, в частности режим правления (форма власти), прямую или косвенно были связаны с характером поземельных отношений. Иными словами: с определенными формами собственности на землю или, точнее, с изменениями в этой чрезвычайно важной области социально-экономических отношений. Естественно, формы и масштабы, а равно и правовые аспекты такой «верховой» собственности были в разных районах древнего мира неодинаковыми, но всегда в очень значительной степени эти владения являлись экономической основой правящей власти. При этом почти всегда изначально в названном «дуэте» первенствовала власть. Иными словами: военно-политическое лидерство при известных условиях (чаще всего, «по праву копья») обеспечивало формирование такого земельного «домена».

Что касается письменных источников по этой теме, то тут дело обстоит весьма скверно: несколько не вполне ясных свидетельств античных авторов, к тому же приведенных не по случаю, а, так сказать, в контексте, и столь же малое число еще менее определенных эпиграфических документов, уже неоднократно истолкованных «вдоль и поперек».

Археология в последние десятилетия сделала и в этом направлении громадный шаг вперед. Раскопано несколько очень, на наш взгляд, характерных и интересных памятников. Однако и тут ясности нет. Тридцать лет я копал так называемые усадебные комплексы Крымского Приазовья, полагая, что это поселенческие структуры «царской» хоры европейского Боспора. И мне всё, собственно, было ясно: вот хора городов, а вот некие сельские

владения, отождествимые с иной формой собственности на землю и иной организацией ее эксплуатации. А вот С.Ю. Сапрыкину при всем том же думается совсем наоборот: это памятники дальней хоры Пантикапея и никакой царской земельной собственности до времени правления Митридата VI Евпатора, на Боспоре не было вовсе. Неужели зря я столько лет копал? Тут и другие похожие изыскания подоспели: Г.П. Гарбузова – на Тамани и бывшей четы Смекаловых с Вашим покорным слугой – на Керченском полуострове. Речь идет о следах древнего землепользования и землераспределения. Очень гладко и даже красиво всё получается: вот разного рода клеры, вот дороги, вот как бы и связанные с ними поселения. Правда, не так всё четко и понятно, как на Гераклеийском полуострове, поскольку повисают датировки. Где уж там говорить о конкретном периоде. Не всегда есть уверенность, что это вообще античные артефакты. И даже – существуют ли они в реальности, а не только на снимках. Проверка на местности не всегда дает положительный результат. Есть примеры (район мыса Чауда), напоминающие историю с марсианскими каналами. А городская хора Боспора римского времени? Это и подавно *terra incognita*: не известно ни одной усадьбы или чего-то в этом роде.

Одним словом, говорить особо не о чем. Одни предположения и фантазии. Незавидный итог для того, кто почти 40 лет посвятил изучению боспорской хоры. Но вот о чем следует сказать: как происходил переход от полиса и демократии к тирании и наследственной монархии, от гражданина к подданному. Если для античного общества в целом это можно считать «магистральным» вектором развития, то равным образом, хотя и в разной степени, таковым оно было и для отдельных его районов. Но, подчеркнем, это общее направление, вернее – тенденция. А конкретика была, естественно, разной. Для примера – самый близкий нам регион – Северное Причерноморье. Кажется, никто не задавался вопросом: а почему, собственно говоря, тот режим власти и форма правления, которые утвердились достаточно рано на Боспоре (наследственная или корпоративная тирания, переросшая в наследственную же монархию эллинистического типа) совершенно не фиксируются в Ольвии и Херсонесе? Более того, ни там, ни там при всех локальных особенностях государственного устройства и перипетиях политической истории нам ничего доподлинно не известно о каких-либо даже кратковременных попытках установле-

ния единоличного правления. (Если, конечно, не считать разного рода домыслов относительно знаменитой херсонесской присяги.) Напротив, даже при римском протекторате полисные институты и установления с той или иной степенью демократизма в этих центрах продолжали функционировать. Каковы причины такого рода различий? Ведь, теоретически, изначально все возникавшие на северном берегу Понта апойкии представляли собой зачатки будущих полисов и в большинстве своем таковыми и становились. Это происходило сразу или некоторое время спустя после объединения или синойкизма нескольких групп и поселков переселенцев. Следующая стадия их развития, как считается, – это обретение этими полисами городского облика (статуса).

Более того, если для Ольвии и Березани, а равно Херсонеса и городков Западного Крыма такая ситуация признавалась всегда, то относительно Боспора весьма долго господствующим, как известно, было представление, что уже в конце первой четверти V в. до н.э. здесь сложилось некое объединение, государство иного, чем полис, типа. И только благодаря изысканиям, в первую очередь А.А. Завойкина, стало, кажется, очевидным, что процесс этот был и гораздо более долг, и куда более труден. Иначе говоря, о едином надполисном образовании окончательно можно говорить лишь почти столетие спустя. Дальнейшее развитие боспорской государственности – для нас в данном случае не столь важно. Важно, что оно никогда не прерывалось, или, лучше сказать, не менялось в своем основном содержании: монархия при сохранении части полисных «свобод» и особого статуса (не важно, какого именно) для территорий в основном с негреческим населением, точнее – с иной этносоциальной структурой и организацией.

Казалось бы, главной причиной такого различия надо считать внешнее давление сильного и многочисленного варварского окружения, которое и заставило боспорские города (скорее, городки и поселки «городского» и не очень типа) уже довольно рано объединиться под властью самого крупного из них и самой влиятельной и сильной личности или «клана». Но разве Херсонес и Ольвия на протяжении всей их истории не имели столь же варварского окружения, временами даже более дикого и агрессивного, нежели вокруг античных центров по берегам Боспора Киммерийского или рядом с ним? Нельзя также и сказать, чтобы варвары по соседству с Боспором были более «продвинутыми» в плане

их «стадиального» развития и, следовательно, более опасными соседями. Рядом с Херсонесом одно время существовало некое «раннегосударственное» образование, вряд ли уступавшее в этом отношении пресловутым синдам или иным племенным союзам Прикубанья. Отношения же этих трех основных античных центров Северного Причерноморья с прочим сопредельным кочевым миром, при всем его непостоянстве и переменах, в целом подчинялись примерно одним и тем же закономерностям или, лучше сказать, правилам политической «игры», дипломатической «хитрости», военной силы и торгово-экономической выгоды.

Следующая причина отчасти вытекала из только что рассмотренной. Конкретика отношений с варварскими племенами Прикубанья, а, возможно, и части Крыма складывалась таким образом, что на определенном этапе представители верховной власти Боспора смогли, хотя и с оговорками временного и сущностного плана, получить на длительный срок политико-экономический контроль над этими этносами и территориями. Иными словами: стать «царствующими» над ними, чему привычные выборные полисные должности никак не соответствовали, не говоря уже о безусловном в таких случаях значении личностного фактора. Но, во-первых, это, как мы знаем, не везде, не всегда и не обязательно было именно так. Взять, к примеру, Гераклею Понтийскую и аборигенов – мариандинов, не говоря уже о Спарте и Мессении и других примерах. Этнотерриториальное господство вполне могло осуществляться в античном мире и «коллективно», всей общиной, в данном случае – всем полисом. Но в случае с Боспором это все было как бы вторично: ведь сначала была тирания, затем (а затем ли или вначале?) – конкретные удачливые или просто упорные политики и завоеватели. А главное, здесь, в отличие от Ольвии и Херсонеса (и не только), была (лучше сказать – сложилась или была использована) редкая благоприятная возможность территориального роста за счет так или иначе, но относительно несложно «приобретенных» земельных владений, которые не столько увеличили пространства хоры местных полисов (им, не исключено, большего было и не «переварить»), сколько послужили экономической основой складывавшегося режима единоличной власти. Тирания смогла перерасти в монархию, только опираясь на собственные, достаточно обширные земельные угодья, т.е. гарантированные доходы и экономические выгоды от их эксплуатации.

Скажут, что даже собственно «внутригреческое» объединение на Боспоре, или иначе – подчинение Пантикапею других местных полисов, стало возможно только под руководством некоей правившей в нем элитарной, пассионарной группы, склонной к фактическому единовластию, и это – обычная практика. Но ведь Херсонес в период наивысшего расцвета присоединил Керкинитиду и Прекрасную Гавань с их хорой, став, таким образом, территориальным (неудачный термин, лучше назвать как-то по иному) государством, не меняя своего государственного «строя», т.е. оставаясь типичным полисом. Более того, даже в кризисные периоды своей истории и даже с учетом соответствующего исторического опыта и примера своей метрополии (тирания Клеарха в Гераклея Понтийской) Херсонес не преступил «черту», отделявшую полис от монархии, хотя бы в форме тирании. Почему?

Могут сказать, что именно волею случая сложившаяся на Боспоре «модель» руководства, оказавшись оптимальной в конкретных условиях и в определенное время, демонстрировала и впоследствии в форме достаточно большого по территории (по местным понятиям, разумеется), сложного и неоднородного во многих отношениях государственного образования свою «преимущество» перед выборным непостоянством, непредсказуемостью традиционно-полисных институтов и политико-экономическим эгоизмом лидеров межполисных союзов. (Прекрасный пример: судьба Афинского морского союза, как Первого, так и Второго. Была бы она иной, если бы во главе их стояла сильная личность, тиран или даже царь? Трудно сказать, но ведь и Филипп вышел победителем не случайно.)

Но если во всем, что касается Боспора, точнее Пантикапея, изначально «виноват» случай, то почему такового ни разу не случилось за несколько столетий в Ольвии и Херсонесе, как и во всем Северо-Западном и Западном Причерноморье? И, наоборот, в Восточном, Юго-Восточном и Южном Причерноморье мы в рассматриваемое время (по крайней мере, с VI по I в. до н.э.) имеем дело то с разными династиями местных царей и более или менее независимыми от них городами, в том числе греческими полисами, то с сатрапиями персидской державы. И не в этом ли суть интересующей нас боспорской специфики? Нет, я вовсе не осмеливаюсь утверждать, что уже Археанактиды были «сатрапами» персидского царя, а дальше все шло по тому же монархиче-

скому «сценарию», хотя точно неизвестно, кем они были и откуда взялись. А вдруг поход сюда Ариарамна, а затем подавление персами восстания ионийских греков имели и такие последствия? О боспорско-персидских контактах и даже более тесных формах отношений последнее время говорят и пишут много и многие. В общем, волею судеб, Боспор территориально оказался как бы на окраине ближневосточных по своей модели развития государственных образований, со всей их соответствующей спецификой. Это во многом и определило основной «вектор» его государственного устройства и развития.

Е.А. Молев

ВОЙНА КАК ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА НА БОСПОРЕ

О роли войны в жизни античного полиса в свое время достаточно определенно и, несомненно, справедливо высказался К. Маркс: «Война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована, прежде всего, по-военному, как военная, войсковая организация и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности. Концентрация жилищ в городе – основа этой военной организации» (Маркс 1968. С. 270).

В одном из последних серьезных исследований по проблеме понимания термина «полис» эта важная составляющая оказалась почему-то выпущенной (Суриков 2010. С. 8–54). А между тем она особенно важна, особенно для периферийных полисов. Так, формирование Боспорского государства происходило на базе античных полисов, основанных на берегах Боспора Киммерийского. Здесь объективные межполисные противоречия, отмеченные К. Марксом, дополнялись еще влиянием варварского окружения. Поэтому та роль войны в их жизни, которую ей отводил Маркс и его последователи, несомненно, была важна в формировании Боспорской государственности. Но что мы об этом знаем?

Отсутствие письменных источников по данному вопросу привело к тому, что к настоящему времени сложилось несколько бо-

лее или менее обоснованных гипотез, между авторами которых есть и точки соприкосновения, и существенные разногласия. Основные разногласия на сегодняшний день связаны с признанием или отрицанием степени воздействия внутренних и внешних причин на историю складывания Боспорского государства. Наиболее полно точка зрения о преимущественном воздействии внешних факторов на характер образования объединения полисов Боспора представлена в работах Ю.Г. Виноградова, В.П. Толстикова и Ф.В. Шелова-Коведяева (Виноградов Ю.Г. 1983; Толстиков 1984; Шелов-Коведяев 1985). Согласно ей, главной причиной объединения городов Боспора Киммерийского стала внешняя угроза со стороны скифов.

Принимает концепцию Ю.Г. Виноградова в основных чертах, но предлагает несколько иной вариант ее решения Ю.А. Виноградов. Основываясь на исследованиях по истории Скифии А.Ю. Алексеева (Алексеев 1992. С. 109; Алексеев 2003. С. 168–193) и материалах раскопок боспорских городов, он связывает складывание тиранической державы на Боспоре с появлением в Северном Причерноморье в конце VI в. до н.э. новой волны кочевников, которыми, по его мнению, могли быть скифы царские (Виноградов Ю.А. 2001. С. 127; 2002. С. 185).

Сторонником версии о более сильном влиянии внутренних закономерностей развития городов на территории Боспора как о причине создания их объединения ранее всего выступил В.С. Долгоруков. Таковой, по его мнению, была борьба апойков и эпойков, которая характерна как таковая для возникновения большинства раннегреческих тираний. Критикуя версию сторонников скифской угрозы как причины создания боспорского объединения, автор совершенно справедливо заявляет, что «мировая история вообще не знает примеров возникновения государств, которые бы были вызваны военной угрозой» (Долгоруков 1990. С. 35).

Моя версия создания боспорского объединения также исходит из закономерностей внутреннего развития главного полиса Боспора Пантикапея (Молев 1995; Молев 2005. С. 210–214). Она построена на сведениях письменных источников, свидетельствующих достаточно определенно, что столицей боспорских правителей (без указания Спартокидов или Археанактидов) *всегда* был Пантикапей (Diod. XX, 24, 2) и что он же был «метрополией всех милетских поселений Боспора» (Amm. Marcel. XXII, 8, 26). В со-

четании с тем фактом, что греки-ионийцы Малой Азии, откуда выведено большинство колоний на Боспор, уже имели в VII в. свое этнообъединение – Панионион (Кулакова 2003. С. 39) и что выведение городами-колониями в Причерноморье и на Сицилии собственных колоний отнюдь не требовало большого времени, прошедшего от основания этих городов, я думаю, что процесс создания Боспорского государства был связан с активной политической деятельностью пантикапейских тиранов, власть которых особенно укрепилась после включения в состав государства варварских племен.

Литература

- Алексеев А.Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Виноградов Ю.А.* Две Скифии и скифы царские // Боспорский Феномен. СПб., 2001. Ч. 2.
- Виноградов Ю.А.* Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство. СПб., 2002.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1.
- Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. М., 2004.
- Долгоруков В.С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // Кратк. сообщ. Ин-та археологии АН СССР. 1990. Вып. 197. С. 35.
- Кулакова А.П.* Образование Панионийского союза // Проблемы античной истории. СПб., 2003. С. 39.
- Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46, ч. 1.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород, 1995.
- Молев Е.А.* Греко-скифский конфликт в конце VI – начале V в. до н.э. и процесс формирования государственной системы Боспора // VI Боспорские чтения. Керчь, 2005. С. 210–214.
- Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского царства: опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1984. № 3.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 год. М., 1985.

ДВЕ ПРОБЛЕМЫ БОСПОРСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА V–IV вв. до н.э. («ВЗГЛЯД ИЗ ЭЛЛАДЫ»)

Политогенез, как мы его понимаем, не должен обязательно связываться только с начальной стадией существования каждой данной политии, с ее формированием; этот процесс идет и в дальнейшем, поскольку он имеет отношение также и к последующим трансформациям структурообразующих элементов политической системы. Далее, политогенез – процесс отнюдь не равномерный по темпам протекания и даже в каких-то отношениях дискретный. В истории любого государства можно (с точки зрения политогенеза) выделять как периоды «спокойные», подчас просто статичные, когда в сфере, имеющей отношение к формам власти, ничего или почти ничего принципиально не меняется, так и эпохи, характеризующиеся высоким динамизмом, «бурным потоком перемен». Разумеется, именно эти последние заслуживают наиболее пристального к себе внимания.

V–IV вв. до н.э. были именно таким, «динамичным» периодом в истории того государственного образования, которое принято называть Боспорским царством (хотя, строго говоря, тогда оно так еще явно не именовалось). На указанном хронологическом отрезке интересующая нас полития как раз формировалась и трансформировалась. Какие-то детали этого «подспудного кипения» для нас более или менее ясны, о каких-то (таковых, пожалуй, большинство) можно теперь только догадываться. Есть и случаи, когда о каком-либо нюансе мы полагаем, что знаем его относительно твердо, но со временем, по мере новых открытий, устоявшиеся взгляды могут быть сильно поколеблены. Хороший конкретный пример – эволюция титулатуры боспорских правителей (которая является непосредственно наблюдаемым проявлением латентных процессов политогенеза). Уже сейчас мы знаем об этой эволюции значительно больше, чем всего лишь несколько десятилетий назад, и, думается, точка еще не поставлена.

Одним словом, надеемся, что не покажется неоправданным наше обращение в данных тезисах к двум достаточно важным сюжетам, имеющим отношение именно к боспорскому политогенезу в V–IV вв. до н.э. По обоим этим сюжетам нам хотелось бы

высказать свое нынешнее мнение. Подчеркнем еще, что в интересах большей ясности мы будем анализировать боспорские реалии обязательно в контексте общегреческих, с чем связан и подзаголовок тезисов.

1. *О характере режима Археанактидов.* Традиционно считается, что в 438/37 г. до н.э. в Пантикапее (не рассматриваем здесь экзотические точки зрения, согласно которым это произошло не в Пантикапее) имела место всего лишь смена одной династии тиранов на другую, Археанактидов на Спартокидов. На таких позициях стоит, в частности, и А.А. Завойкин – автор последней по времени работы (причем одной из самых фундаментальных) по этому вопросу (Завойкин 2011, со ссылками на предшествующую литературу). Аналогично мыслили и исследователи, писавшие о том же ранее (например: Жебелев 1953. С. 21 и сл.; Молев 1999). Называли ли Археанактидов напрямую тиранами или не называли, относили ли их правление к Пантикапее, или к Боспору в целом, или к какой-то части Боспора, – в любом случае оставались в русле все той же «монархической парадигмы».

Если она верна, то боспорские события 438/37 г. до н.э. вообще не имеют никакого отношения к процессу политогенеза, поскольку последний протекает на уровне не личностей, а институтов. А тут, получается, имела место всего лишь смена династии при сохранении характера государственного устройства. Но в связи с этим у нас как раз есть весьма серьезные сомнения. *Ровно ни из чего* не следует, что Археанактиды были династией тиранов, единоличных правителей, по наследству сменявших друг друга. А, с другой стороны, наличествуют некоторые нюансы, свидетельствующие о противоположном, говорящие о том, что правление Археанактидов представляло собой не тиранию, а олигархию. А конкретно – крайнюю форму олигархии, олигархию одного знатного рода. Возможно, это именно то, что Аристотель имел в виду под «династией» (см. наиболее яркие и ясные характеристики: Arist. Pol. 1292b5 sqq.; 1293a30 sqq.). Но тут нельзя не отметить, что нужно избавляться от распространенной аберрации, вызванной смешением терминов: если для нас само слово «династия» (в силу ряда факторов, не относящихся к античности) однозначно связывается с монархическим устройством (династии Бурбонов, Габсбургов, Романовых и т.д.), то в античности подоб-

ных коннотаций не возникало. Для того же Аристотеля династия, повторим и подчеркнем, – это один из типов олигархии.

Как бы то ни было, поскольку выше мы уже воспользовались термином «династия» в его современном смысле (да и впредь будем делать это), употреблять этот термин в его «аристотелевском» значении мы, во избежание путаницы, не будем. Подчеркнем, вопрос формулируется так: был ли режим Археанактидов тиранией (это общепринятый ответ) или олигархией рода?

В пользу последнего варианта приведем следующие соображения. Во-первых, у Диодора (XII. 31. 1) сказано, что Спарток – основатель династии Спартокидов – перенял (διεδέξατο) власть не у какого-то предшествующего правителя, а у Археанактидов в целом. Во-вторых, в греческом мире неизвестны примеры, когда одна династия тиранов в полисе непосредственно приходила на смену другой. Обычно была некая (демократическая или олигархическая) «интерлюдия» (не берем, конечно, примеры, когда один управляемый тираном полис захватил другой управляемый тираном полис, и только таким образом тиран из одной династии встал на место тирана из другой династии; такие ситуации бывали, например, на Сицилии). В-третьих, срок правления Археанактидов – 42 года – как-то маловат для целой династии тиранов. Если оперировать нормальными сроками правления, сюда вписываются максимум два тирана (напомним, в Коринфе один Перияндр правил 42 года). Количество правителей, большее, чем два, можно постулировать только при условии предположения, что они как-то неестественно быстро умирали.

Наконец, в-четвертых (самый сильный аргумент мы сознательно оставили напоследок, и это аргумент такого рода, что ему, как нам кажется, вообще нельзя что-либо противопоставить, так что он является решающим): мы не знаем ни одного конкретного имени тирана из династии Археанактидов. Имя Археанакт (безусловно, «супер-аристократически» звучащее, с максимально престижным компонентом «-анакт»), вопреки распространенному мнению, таковым не является, и мы вообще не можем утверждать, что на Боспоре был такой правитель. Династии в античности далеко не всегда получали название от первого правителя. Так, в Геле на Сицилии была династия Пантаридов, хотя тирана Пантарей не было (Пантарей был отцом первого тирана Клеандра). Потом в Сиракузах была известнейшая династия Дейномени-

дов, а тирана Дейномена опять же не было – Дейномен был отцом Гелона, Гиерона и пр. (см. по этим сюжетам хотя бы: Высокий 2004. С. 122 и сл., 150 и сл.).

Так вот, применительно к греческому миру в целом возможны были два варианта. Либо известны *и* название династии, *и* имена тиранов из этой династии (лучший пример – династия Кипселидов в Коринфе и ее представители Кипсел, Периаандр, Псамметих); либо известны *только* конкретные имена тиранов, а название династии неизвестно (пример – Самос, где в VI в. до н.э. правили Поликрат и ряд других тиранов, его родственников, но мы не знаем, как именовалась эта династия). А тут, на Боспоре, перед нами вроде бы третий вариант: не известно ни одно имя тирана, но притом известно название династии – Археанактиды (если таковая была). Но это беспрецедентно! Опять будем ссылаться на «боспорскую феноменальность» как на привычную палочку-выручалочку?

Всё говорит о том, что правление Археанактидов было не тиранией, а «олигархией одного рода». Ближайшая параллель – коринфские Бакхиады. О приходе к власти тирана Кипсела в источниках именно так и говорится: что он перенял власть у Бакхиад, т.е. не у какого-то одного человека, предыдущего тирана, а у всего рода, который ранее коллективно осуществлял властные функции. Аналогично в лесбосской Митилене: на смену олигархии рода Пенфилидов пришел тиран Меланхр (Берве 1997. С. 117–118). «Олигархии одного рода» (Нелеиды, Басилиды) зафиксированы и в других полисах архаической Ионии.

Таким образом, приходится констатировать, что события 438/37 г. до н.э. в Пантикапее были не банальным переворотом, а фактом, имеющим самое прямое отношение к процессу политогенеза: впервые установилась монархия в форме тирании, которой суждено было стать удивительно долговечной, перерасти в правильную царскую власть, продлиться «от времен Перикла до времен Митридата» и т.д.

2. О протоэллинизме на Боспоре. Тут нам приходится изъясняться предельно кратко, поскольку лимит объема тезисов близок к исчерпанию. Категория «протоэллинизма» (или «предэллинизма», способ выражения не имеет значения) может трактоваться только в связи с категорией эллинизма как такового. Для последней же традиционно ключевым показателем признается *греко-варварский синтез* (см., например, одну из последних по време-

ни, а также одну из самых глубоких трактовок в русле данного концептуального направления: Габелко 2009). Но вот как раз с этим мы принципиально не согласны и попытаемся детальнее обосновать это несогласие в подготавливаемой нами четвертой монографии из серии «Античная Греция: политики в контексте эпохи».

Для нас эллинизм – явление, имеющее отношение прежде всего не к этническим или культурным процессам, а именно к политогенезу. Для нас это в первую очередь время, когда совершился переход «от гражданина к подданному», от мира, где доминировали суверенные республиканские полисы, к миру, где доминировали крупные монархические государства. В этом плане и разговор о протоэллинизме имеет полный резон (перечисленные процессы уже вовсю шли в IV в. до н.э.), и Боспор оказывается в авангарде этого движения.

Литература

Берве Г. Тираны Греции. Ростов-н/Д, 1997.

Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э. СПб., 2004.

Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171–181.

Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.

Завойкин А.А. Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (Diod. XII. 31, 1)? К периодизации становления Боспорского государства // Эмбатеион: Сб. ст. по искусствоведению, филологии, истории. М., 2011. С. 291–299.

Молев Е.А. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1999. Вып. 6. С. 81–90.

Н.Ф. Федосеев

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Анализ литературы и собственные наблюдения за ходом исследований городов Боспора позволяют мне представить следу-

ющую модель колонизации Боспора Киммерийского. Колонизация Боспора проходила в нескольких частях одновременно различными центрами, и из этого процесса нельзя исключать Самос. «Самос в первой половине V в. являлся одним из наиболее могущественных и экономически развитых греческих государств». Следует согласиться с мнением М.М. Худяка и В.Ф. Гайдукевича, что находки самосских изделий в ранних культурных напластованиях Нимфея необычно многочисленны по сравнению с аналогичными находками из других городов. Помимо самосской керамики, включая транспортные амфоры, к продукции Самоса следует отнести и ряд терракот. Так, находки терракот сидящих богинь, которых зачастую связывают с Деметрой, правильнее все же именовать Герой, поскольку прямые аналогии они находят с герооном Самоса. Акротерии некоторых надгробий, найденных на Боспоре, имеют аналогии с украшением колонн храма Геры. С Самосом связана и чеканка монет с надписью ΣΑΜΜΑ, приписываемых Нимфею. Никто из исследователей не рассматривал генезиса перехода монет с надписью ΣΑΜΜΑ «голова Геры – пасть льва» к чеканке монет с легендой ΝΥΝ (или ΝΥ) и изображением «голова нимфы – виноградная лоза». Видимо еще и потому, что точек соприкосновения нет! Монеты с ΣΑΜΜΑ к Нимфею отношение имеют опосредованное – большая их часть была найдена вблизи мыса Кара-бурун, где находится городище Нимфей. Поселение, где концентрируются эти находки, находится под водой, частично на берегу, и имеет название «Эльтиген-музей». Именно в этом месте ныне (а возможно, и в древности) существовал спуск к берегу. Это место удобно для устройства эмпория. Монеты с легендой с ΣΑΜΜΑ возможно чеканились на Самосе для самосцев, участвующих в сооружении эмпория и святилища, раскопанного М.М. Худяком. Видимо, этим объясняется мелкий номинал этих монет, соответствующий дневному заработку. Первая часть этой легенды ΣΑΜ несомненно связана с Самосом, а вторая ΜΑ может отражать имя богини, в честь которой было сооружено святилище.

Ошибочным является и тезис, что греки осваивали пустовавшие территории. Греки шагнули в страну, заселенную варварами, и только кровная заинтересованность последних в греческом вине заставила варваров принять элементы греческой культуры, религии и языка. По сути, боспоряне – это эллинизированные вар-

вары. Анализ существующих памятников и проведенные в последние годы археологические разведки, увеличившие их число в разы, свидетельствуют о том, что греки внедрялись в уже обжитые районы, завязывали торговые отношения, вокруг эмпориев которых впоследствии и вырастали так называемые «малые города Боспора». Говорить об архаической Тиритаке, или архаическом Порфмии, или каком-либо другом центре, кроме Пантикапея, оснований нет. В Тиритаке, например, на территории некрополя О.Д. Чевелевым была открыта жилая землянка. Этот парадокс исчезает, когда обращают внимание на хронологию – варварские жилища, как находившееся на плато, так и окружавшие его, по времени предшествовали той Тиритаке, которая возникла позднее и некрополь которой перекрыл более ранние жилища. Стены, окружавшие плато по периметру, сооружены были не ранее середины III в. до н.э. Аналогичным образом и зольники Мирмекия и Китея были сооружены ранее оборонительных стен и тем самым оказались внутри поселения. Эмпориальная стадия, существование которой отвергали вообще, просуществовала на Боспоре достаточно долго.

В 438/37 г. произошло событие, изменившее ход истории Боспора. Смена династии изменила многое как в политике, так и во внешнем облике власти. В монетной чеканке храмовые монеты с львиным скальпом и надписью АΠΟΛ сменяются монетами с надписью ΠΑΝΤΙ. У меня нет сомнений, что новая династия Спартокидов имела фракийские корни. Видимо с появлением новых династий появляется и новое название города – Пантикапей, а также и калька известного фракийцам названия пролива – Боспор.

Помимо известных фактов доказательств фракийского происхождения боспорских царей, столь эффектно опровергнутых А.Н. Васильевым, укажу на появление уступчатых склепов, имеющих прямые аналоги фракийским гробницам. Как известно, именно в том районе существовал обычай возводить погребальные комплексы в виде жилища или храма. Если предположить, что и в данном случае уступчатые склепы воспроизводят жилища этих этносов, то это должны быть полуземлянки, квадратные или круглые в плане. Скорее всего, верхняя часть их была не просто шалашом, а сверх еще обкладывалась сырцовым кирпичом. Именно так выглядит знаменитый кульобский склеп, о принадлежности которого боспорским династиям Спартоку и Перисаду я уже

писал. Он заглублен в скалу, а крыша его опирается на уровень древней поверхности. Землянки на Боспоре хорошо известны, для примера упомяну лишь открытый мной памятник «Госпиталь» в 3 км от Пантикапея.

Если признать фракийское происхождение уступчатых склепов, то становится понятен и феномен кургана Огуз. Сложилось мнение, что его построили боспорские мастера для скифского вождя. С другой стороны, присутствие значительного фракийского элемента в погребальном инвентаре заставляет предположить среди строителей и фракийцев. Есть фракийские вещи и среди боспорских находок. Свидетельством фракийского присутствия может служить найденная в 1998 г. каменная форма для отливки конической ворворки и фигура согнувшегося хищника, датированная по сопутствующему материалу V в. до н.э. Похожее изображение животного в аналогичной позе присутствует на золотой пекторали, найденной в жертвенной яме Басовой могилы, находящейся на территории Болгарии. Однако предмет, вырезанный в форме, предназначался для оттискивания бляшки для обкладки ножен меча фракийского типа.

Заслуживает подробного анализа гипотеза о присутствии на Боспоре выходцев с о. Фасос. К отмеченным ранее параллелям фасосских клейм и боспорских монет с изображением сатира следует добавить круглые боспорские клейма Горгиппа и фасосского магистрата Телея. Не имеет пока объяснения доминанта раннего фасосского экспорта на Боспор, фиксирующегося огромным количеством амфорных клейм, а также присутствие в элитных боспорских погребениях фасосских амфор, причем ряд амфор клеймился штампами, не имеющими аналогий, что позволяет говорить об особых поставках такого вина именно для погребения. Однако признание наличия фасосцев в правящей верхушке Боспора делает этот феномен понятным. Не исключено, что боспорские статеры чеканились из фасосского золота и, вероятнее всего, на Фасосе.

Важно также отметить, что исправления текста Диодора в том месте, где он сообщает, что на стороне Евмела воевал царь фракийцев Арифарн (*Diod. XX.22*), которого сначала считали сираком, затем фатейцем, субъективны. В данном случае на Боспоре вполне могли находиться фракийские наемники.

Развитие боспорского государства проходило под контролем Ахеменидов. Представленная мной в 1993 г. в «Вестник древней истории» статья о персидском влиянии была опубликована лишь в 1997 г. в «Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan». Я ожидал критических отзывов, но с большим воодушевлением воспринял и работы в поддержку этой гипотезы. Последним, кто попытался «опровергнуть» персидское влияние, был М.Ю. Трейстер, считающий, что анализ археологических источников не позволяет предполагать ни участия в какой-либо форме Ахеменидского государства, ни пребывания на Боспоре ахеменидских официальных лиц и послов. Трейстер полагает, что находки печатей свидетельствуют как о торговых, так и дипломатических связях весьма высокой интенсивности. Однако справедливо замечание С.А. Яценко о том, что печатей первого уровня не теряли и не пропивали в кабаках, и это заставляет задуматься: с чем же связано появление этих печатей на Боспоре. Другого ответа, кроме как присутствие на Боспоре персидских дипломатов, нет. Более того, аргументация М.Ю. Трейстера интересна, если рассматривать только эти печати и не учитывать другие находки. Среди них – ахеменидская символика в захоронении Баксинского кургана, где Ю.А. Виноградов расположил боспорского царя Сатира I, умершего в 389/88 г. до н.э., поставив тем самым вновь вопрос о влиянии Ахеменидов на Боспор. Однако, помимо комплекса Баксинского кургана, существует ряд артефактов, говорящих о персидском присутствии на Боспоре. Недавно в районе Китея был обнаружен дарик. Интересно, что на поселении Журавки 1 около Феодосии была найдена гераклеяская амфора с оттиском дарика. В связи с этим стоит вспомнить полумесяц на гераклейских монетах и амфорных клеймах. Аналогичный полумесяц зафиксирован на боспорских монетах и на черепичных клеймах. Правда, на последних он рассматривается как знак сокращения в виде лунарной сигмы. По временным характеристикам этот знак не может быть лунарной сигмой. Более того, ряд имен в клеймах передан почти полностью, и необходимости в сокращении нет. Скорее всего, этот знак символизирует полумесяц, и тогда следует объяснить наличие полумесяца как на монетах, так и на клеймах в определенном хронологическом промежутке. Я полагаю, что это также проявление проперсидской политики Спартокидов. По

всей видимости, приход к власти Спартокидов осуществился без помощи персидской державы.

Признаки, которые ранее исследователи склонны были относить к скифским, на самом деле являются проявлением фракийского искусства. Одежда героев на кульбобской вазе соответствует погребенным в самом кургане. Аналогичный головной убор и у скульптуры, найденной в 1959 г. в Фанагории. Он имеет определенное сходство с головой персидского наместника из Гераклеи, опубликованной Акургалом. Варваризация Боспора в известной мере осуществлялась под влиянием фракийцев.

Фракийским следует признать и грифона на Боспоре – помимо изображений на монетах и в глиптике, он трижды присутствует на рельефах, причем последний случай не известен широкой публике. Такое «скопление» рельефов позволяет предположить наличие в Пантикапее парадного входа, украшенного рельефами с изображением грифонов.

Помимо костюма, царским было и управление на Боспоре. Напрасно исследователи пытаются найти хору, например, Тиритак. Ее просто не было. Все земли принадлежали царю или его наместникам. Так, как это было, например, во Фракии. Полисами такие поселения, как Тиритака, Мирмекий, Порфмий и т.д., не являлись. Ни в одном из них невозможно выделить необходимый элемент полиса – городское ядро (ἄστυ). Царская земля находилась полностью под верховной властью и управлением монархов и царской администрации. Отдельными ее частями управляли κύριοι τοῦ τόπου.

Не зафиксирован на Боспоре и институт полисной магистратуры. Так, статья Д.В. Грибанова об агорономах Боспора построена сплошь на анализе импортных предметов, а упомянутое Диодором созданное Евмелом собрание пантикапейцев следует признать событием экстраординарным. Попытки других исследователей восстановить в одном случае название магистратуры «астином» или найти какие-либо другие следы полисной магистратуры пока подтверждения не получили. Интересна в связи с этим находка на поселении Заветное 5 фрагмента мерной ойнохон боспорской глины, где клеймо ΔΗΜΟΣΙΟΝ было залеплено нашлапкой из глины. Видимо, такие клейма не приветствовались.

Многие неясные моменты в истории Боспора становятся понятны при сравнении с Одрисским государством.

ЕЩЕ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ БОСПОРСКОЙ ТИРАНИИ

Недавно вышла работа И.Е. Сурикова, в которой автор отмечает, что хронологически и типологически боспорская тирания должна быть отнесена к «старшей» (Суриков 2007). Хотя мысль эта высказывалась и ранее (см.: Сапрыкин. 2003. С. 19), но именно И.Е. Суриков развил ее и отнес к «старшей тирании» не только режим Археанактидов, но и Спартокидов. Именно типологической принадлежностью к «старшей тирании» исследователь объясняет жизнестойкость режима Спартокидов и в этом видит корень «боспорского феномена».

Несомненно, И.Е. Суриков предложил очень перспективный и интересный подход к анализу этого явления, что уже нашло отклик среди исследователей (см., например: Завойкин 2007. С. 221–222). Как представляется, эта схема требует небольшой корректировки.

1. Если согласиться с тем, что Археанакт стал тираном именно в Пантикапее и его режим первоначально не выходил за рамки этого полиса, то, пожалуй, отнесение его к «старшей тирании» вполне резонно. Археанактиды – несомненно, представители знатного милетского рода, занимавшие высокое положение в полисе, по всем признакам могут быть отнесены к «старшим тиранам». Тем более, что в дальнейшем Археанактом и, может быть, его преемниками стала проводиться политика, сходная с мероприятиями многих греческих «старших» тиранов. Это, например, масштабное строительство – вероятно, именно в это время был построен или перестроен храм Аполлона Врача на акрополе Пантикапея, также начато строительство и реконструкция оборонительных сооружений (Толстиков 2007. С. 250). В этот период наблюдается и относительная самостоятельность Пантикапея (проследить это можно по наличию городской монетной чеканки). Однако мы ровным счетом ничего не знаем о полисном устройстве ни одного боспорского центра, в том числе и Пантикапея. И это сильно затрудняет реконструкцию событий.

2. Переход власти от Археанактидов к Спартокидам вряд ли носил преемственный характер. Скорее, следует принять точку зрения тех исследователей, которые говорят о государственном пе-

ревороте (см., например: Гайдукевич 1949. С. 54–55; Vinogradov 1980. S. 97; Шелов-Коведяев 1985. С. 83; Молев 1997. С. 49). Видимо, в данном случае не совсем прав И.Е. Суриков, считающий, что «сказанное о Спартокидах а fortiori применимо к Археанактидам. Их правление началось еще в 480 г. до н.э., и по отношению к нему режим Спартокидов являет черты прямой преемственности» (Суриков 2007. С. 144). Как раз черты преемственности скорее отсутствуют. Старшая тирания, как справедливо замечает автор все той же работы, «органично вырастала из архаического (*формирующегося*) аристократического полиса (курсив везде мой. – Н.Ч.). И сами тираны – ее представители – *все поголовно были аристократами*» (Суриков 2001. С. 149). Так ли обстояло дело на Боспоре в 438/37 г.? Версий, объясняющих насильственный переход власти к Спартоку, несколько, в том числе не исключается и активное участие в этом «мероприятии» Афин, но все исследователи, начиная еще с А. Бёка, говорят о варварском происхождении династии Спартокидов (в отличие от аристократического греческого рода Археанактидов). Быть может, боспорская аристократия в этот раз не смогла избрать из своей среды нового руководителя и остановила свой выбор на чужаке, который не был бы связан ни с одним из знатных семейств, но был бы обязан своим выдвижением всей их группировке в целом? В силу этого Спарток не смог бы изначально действовать в интересах одного какого-нибудь аристократического рода (Шелов-Коведяев 1985. С. 87).

3. После прихода к власти Спартока в боспорской истории наступил своеобразный период «темных веков», связанный с правлением самого Спартока I и его «преемника», сына или брата, или другого родственника – весьма легендарной фигуры – Селевка. Ни о первом, ни о втором ровным счетом ничего не известно, только Диодор называет их по именам и именно с них начинается правление династии Спартокидов (Diod. XII. 36). Боспорская же эпиграфика не содержит никаких упоминаний о них. Следующий правитель, называемый Диодором, – Сатир уже хорошо известен по упоминаниям античных авторов и в боспорской эпиграфике фигурирует как отец Левкона (КБН 37). Первый правитель, названный в боспорских надписях по имени и с титулатурой, – это Левкон. И тут уместно привести свидетельство Элиана о древнем названии династии – Левкониды, а вовсе не Спартокиды (Var.

Hist. VI. 13). Может быть, такое совпадение не случайно? И действительно, именно с отца Левкона – Сатира – и следует начинать династию Левконидов-Спартокидов? Симптоматично, что именно со времени Сатира начинается новый этап боспорской истории, связанный с активизацией внешней завоевательной политики. При Сатире к Боспору был присоединен Нимфей и началась война за Феодосию. И уже его сын Левкон является создателем нового типа государственного образования – греко-варварского боспорского государства (Виноградов 2000. С. 21). И здесь мы должны вернуться к тем параллелям с сицилийской державой Дионисия, которые были предложены еще Ю.Г. Виноградовым и в той или иной мере поддержаны целым рядом исследователей (Виноградов 1983. С. 413–416; Шелов-Коведяев 1985 С. 73–75; Завойкин 2007. С. 221 и др.). Похож даже сам приход к власти Дионисия, аналогична социальная опора тиранов, отношение к подвластным полисам и др. Основное же сходство, показывающее однотипность режимов Спартокидов и Дионисия, – это завоевательная политика. Дионисий, как и Спартокиды (Сатир и Левкон прежде всего), завоевывал города и племена Сицилии (см., например: Виноградов 1983. С. 413–416; Фролов 2001. С. 319–466).

4. В связи с вышесказанным необходимо признать, что мы должны выделить несколько «этапов» боспорской тирании: первый – правление Археанактидов; второй – Спартока и его сына (?) Селевка; третий – Спартокидов (Левконидов [?]), начиная с Сатира и до Спартока III, которым был официально принят царский титул; и, наконец, четвертый – правление Спартокидов со Спартока III до последнего Перисада, передавшего свою власть Митридату VI Евпатору.

Первый этап действительно во многом сходен с периодом Старшей тирании и типологически должен быть отнесен именно к ней. Второй период, как это ни странно, еще менее освещен источниками и, вероятно, может представлять собой переходный период от Старшей тирании Археанактидов к Младшей тирании Спартокидов. Кстати, именно отсутствие такого перехода и смущало И.Е. Сурикова (Суриков 2001. С. 145). Следующий же этап, несомненно, связан с Младшей тиранией и прямые аналогии этому мы по-прежнему видим в режиме Дионисия. Что касается заключительного этапа, начавшегося с момента принятия Спартоком III титула царя, то, вероятно, определение его типологии связа-

но уже с понятиями «предэллинизма», или «протоэллинизма», или, быть может, «псевдоэллинизма» и выходит за рамки нашей заметки.

Литература

- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в до-римскую эпоху // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.).
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород, 1997.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // Вестник древней истории. 2003. № 1.
- Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10.
- Толстиков В.П.* Акрополь Пантикапея – столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007.
- Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 год. М., 1985.
- Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung der Polis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v. Chr. // Chiron. 1980. Bd. 10.

А.В. Сазанов

АЗИАТСКИЙ БОСПОР В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ: ОТ СТАБИЛИЗАЦИИ К КРАХУ СИСТЕМЫ

Историю Боспора второй половины III–VII вв. н.э. можно разделить на две большие эпохи. Первая, охватывающая период от второй половины III по начало V в., может быть условно определена как позднеримская. Вторую эпоху, с начала – середины V по

середину VII в., наиболее адекватно называть ранневизантийской.

Автором была проделана работа по археологической синхронизации комплексов Азиатского Боспора III–V вв. н.э. В результате выяснилось, что комплексы Азиатского Боспора позднеримского времени могут быть разделены на две группы. Первая охватывает промежуток времени от 60–80-х гг. III в. по 340-х гг., вторая – от 350–360 гг. по начало – первые десятилетия V в. В докладе рассматривается история Азиатского Боспора второй половины III – первой половины IV в.

Памятники этого периода достаточно многочисленны, хотя их количество на порядок меньше чем поселений I–II вв. н.э. Комплексы 260/280 гг. – 340 гг. представлены на Батарейке I, Батарейке II, Кехах, Патрее, Фанагории, Гермонассе, Кучугурах, Красноармейском.

Последствия бурных событий середины III в. были преодолены к середине 80-х гг. III в. После «лихих 250-х гг.» наступила стабилизация. Боспорское царство устояло в эпопее «готских походов» и передвижений племен. Критерием финансовой стабилизации Азиатского Боспора этого времени может служить изменение годового количества выпускаемых монет. Исследования позволили выделить пять периодов, когда годовое количество монет резко менялось (Фролова 1997. С. 135).

Период от 286/7 до 293/4 гг., т.е. с начала правления нового «национального лидера»-царя Феофорта, был мирным и стабильным. Монеты чеканились для удовлетворения повседневных нужд рынка в спокойное время (Исанчурин, Исанчурина 1989. С. 88).

Время с 294/295 по 303 г. характеризуется усиленной монетной эмиссией, что указывает на крупные государственные затраты. Теоретически они могут быть вызваны либо подготовкой к отражению внешней угрозы, либо, наоборот, широкими строительными работами, связанными с реконструкцией городов и поселений.

Попытки исследователей найти следы боспоро-херсонесской войны IV в. не подтверждаются материалами.

Материалы раскопок поселений показывают однозначный континуитет материальной культуры азиатского Боспора первой половины-середины III в. и второй половины III – первой половины IV в. Ярким примером этого могут служить комплексы по-

селения «Батарейка II» (Долгоруков 1967. С. 123). Поселение возродилось спустя некоторое время после гибели крепости в конце II или в III в. и жило интенсивной жизнью непрерывно в течение III–IV вв.

В рассматриваемое время функционировали керамические мастерские, производившие керамическую тару (Батарейка II) и черепицу (Фанагория) (Долгоруков 1967. С. 123; Кобылина 1966. С. 184).

Сказанное склоняет к точке зрения о том, что резкое увеличение интенсивности чеканки монет было вызвано не подготовкой к отражению внешней угрозы, а расходами, связанными с реконструкцией городов и поселений.

Следующие далее года с 303/304 по 316/317 гг., т.е. конец правления Фофорса и начало правления Радамсада, вновь были достаточно спокойными и стабильными, о чем свидетельствуют нумизматические материалы (Исанчурин, Исанчурина 1989. С. 88). Из Пантикапея происходит надпись о строительстве какого-то общественного сооружения царя Радамсада, выполненном попечением Феодосия сына Патрея (?) (КБН № 65).

Существенным моментом было соправление Радамсада и Рискупорида VI с последующей сменой царей на боспорском престоле. По мнению Н.А. Фроловой, период с 314 по 322 г. был не из легких, потому что одновременное соправление царей на Боспоре могло быть вызвано только угрозой внешней опасности (Фролова 1997. С. 135). Последнее утверждение, на наш взгляд, дискуссионно.

По всей видимости, соправление продолжалось с 314 г. н.э. по меньшей мере до 318–319 гг., на что указывают статеры обоих царей 314–316 гг. (611–613 б.э.) и 318–319 гг. (615–616 гг. б.э.). Единоличное же правление Рискупорида VI на Боспоре началось с 620 г. б.э. (323 г. н.э.) (Фролова 1997. С. 133, 134).

Ко времени соправления Радамсада и Рискупорида VI относится строительство храма в Пантикапее (КБН № 66).

Время с 317/318 г. по 327/328 г. было периодом крупных событий в истории Боспора, на что указывает возрастание интенсивности чеканки монет примерно в 15–16 раз. На монетах Рискупорида VI 622 и 623 гг. б.э. (325–326 г. н.э.) появляется дополнительная эмблема – богиня Ника с венком в руке. Исследователи полагают, что эта эмблематика отражает какой-то крупный

военный успех императора или боспорских войск в неизвестной нам войне (Исанчурин, Исанчурина 1989. С. 88, 89).

По всей видимости, опасность была отражена, но ненадолго. К 328 г. (625 г. б.э.) относится массовое зарытие кладов по всей европейской части Боспора, которое, однако, не затронуло азиатскую часть государства. Видимо, источником угрозы были пограничные с европейским Боспором территории.

Может быть, в связи с угрозой европейской части государства экономический центр перемещается на Азиатскую часть.

В 334–335 гг. опасность, по всей видимости, угрожала уже Таманскому полуострову, показателем чего является перерыв боспорской чеканки в эти два года. На причину может указывать надпись КБН № 1112, обнаруженная в станице Вышестеблиевской на северном берегу Цукурского лимана, свидетельствующая о постройке укреплений, очевидно, с целью защиты от нападений местных племен с востока, из-за Кубани.

Речь здесь может идти об отражении набега какого-то из северо-кавказских племен, обитавших на границе с Азиатским Боспором. Может быть, результатом этой победы было кратковременное возобновление чеканки в 336 г. н.э. Однако далее вновь наступают тяжелые времена, которые отражает трехлетний перерыв в чеканке с 337 по 340 гг. Последний выпуск боспорских статеров приходится на 341 г., после чего боспорский чекан обрывается навсегда.

Боспорские статоры Рискупорида VI 638 г. б.э. (341 г. н.э.) были найдены в Кепском кладе 1962 г., обстоятельства захоронения которого показывают яркую картину гибели города в результате варварского нашествия.

Кепский клад 1962 г. был спрятан под северо-западный фундамент. На полу помещения под сырцово-кирпичным завалом обнаружен скелет взрослого человека с проломом в лобной части черепа. Ряд признаков заставляют думать, что человек, возможно, хозяин дома, был убит (Сокольский 1965. С. 112).

О катастрофе особенно красочно свидетельствуют находки в западном раскопе «А». Здесь были открыты остатки античного дома. Дом погиб внезапно, в большом пожаре, возникшем, видимо, при вражеском нападении.

Подводя итог рассмотрению истории Азиатского Боспора во второй половине III – 40-х гг. IV в. н.э., остановимся на важней-

шем моменте – времени и событиях, которые привели к разрушению ряда поселений Таманского полуострова. Из хорошо исследованных памятников слой пожара и разрушений с кладами монет выявлен в Кечах и Патрее, слой пожара с человеческим костяком – на Батарейке I. В Кечах самые поздние монеты клада относятся к 341 г., в Патрее – к 336 г. В Кечах в слое пожара с кладом были найдены останки погибшего хозяина дома. На Батарейке I в слое пожара с человеческим костяком была обнаружена монета 324 г. Отсутствуют следы пожаров и разрушений в синхронном слое Батарейки II, а также в синхронных комплексах Фанагории и Гермонассы. Зато наличествуют монетные клады в районе Батарейки I (Батарейский клад 1976 г.) с самыми поздними монетами 336 г., Фонталовской (Фонталовский клад 1878 г.) с самым поздними монетами 336 г., Шум-реки под Анапой (Шум-реченский клад 1972 г.) с самыми поздними монетами 341 г. К этому добавим, что в Патрее слой пожара не прослеживается на большинстве раскопов, в Кечах он гораздо более выражен, но также не на всех участках. Сочетание таких «очаговых» разрушений явно военного характера и зарытия кладов позволяют, на наш взгляд, говорить о каком-то кратковременном набеге на территорию Азиатского Боспора. По всей видимости в 336–341 гг. возникает угроза Азиатской части Боспора, которая выливается в 341 г. в набег на важные поселения Таманского полуострова. Маршрут нападавших прослеживается через Кепы, Патрей на Батарейку I, которые подверглись внезапному нападению. При этом не были тронуты крупные города – Фанагория и Гермонасса. Откуда начался этот набег? Как нам представляется, ответ на этот вопрос может дать география кладов с монетами 341 г., крайний среди которых – клад с Шум-реки под Анапой. Речь, стало быть, должна идти о набеге какого-то из северокавказских племен, обитавших на пограничной с азиатским Боспором территории. С этими племенами могут быть связаны поздние варианты монет варварских подражаний второй половины III – первой половины IV в. Большая часть этих монет была найдена на территории азиатского Боспора, и исследователи не сомневаются в их участии в денежном обращении этой территории второй половины III – начала IV в. (Фролова 1981. С. 113). Варварские подражания известны и в Пантикапее, но в гораздо меньшем количестве (Анисимов 1992. С. 339).

В целом, создается впечатление, что Боспорское царство после стабилизации в 80-х годах III в. и более или менее спокойного существования в первом десятилетии IV в., начиная с 317/318 г., вступило в ситуацию перманентной войны с соседними племенами. Попеременно возникали угрозы то с пограничных с европейским Боспором территорий, то с азиатского пограничья. В конце концов, поход одного из северо-кавказских племен в 341 г. вызвал системный кризис государства, результатом которого стало прекращение монетной чеканки и разрушение сложившейся инфраструктуры поселений Таманского полуострова.

Литература

- Анисимов А.И.* Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // Археология и искусство Боспора. Сообщ. ГМИИ им. А.С.Пушкина. М., 1992. Вып. 10. С. 357–386.
- Сокольский Н.И.* Раскопки в Келах в 1962 г. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 108–118.
- Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. // ВДИ. 1981. № 1. С. 100–113.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Часть II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. М., 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Алимов Д.Е.</i> Хорватский политогенез: переселение или обособление?	3
<i>Арапов Д.Ю.</i> Войны и военное дело монголов в труде Джувейни «История завоевателя мира»	7
<i>Арутюнова-Фиданян В.А.</i> Миграционные процессы в геополитическом контексте	11
<i>Ауров О.В.</i> Ополчение в военной организации Испании VI–XIII вв. (терминологический аспект)	16
<i>Барышников В.Ю.</i> Земля трёх господ: о положении вольноотпущенника в Исландии X в.	21
<i>Бондарь А.Н.</i> «Дружинные лагеря» и их сельская округа в X – начале XI в. на территории Междуречья нижнего течения Десны и Днепра	25
<i>Бубенок О.Б.</i> Саварты-асфалы в «краях Персии»: правда или вымысел?	30
<i>Буданова В.П.</i> Великое переселение народов как адаптивно-радиальная модель великих миграций	35
<i>Вилкул Т.Л.</i> Избыточность военной топики в «Повести временных лет» (сравнительный аспект)	40
<i>Вин Ю.Я.</i> Кочевники и земледельцы в средневековой Византии: общие закономерности XI – первой половины XIV в.	44
<i>Виноградов А.Ю.</i> Объединение Грузии в VIII в. — миф или реальность?	49
<i>Габелко О.Л., Казакевич Г.М.</i> Кельтские миграции и образование новых государственных объединений на Балканах и в Малой Азии: некоторые аспекты сопоставления	54
<i>Гвоздецкая Н.Ю.</i> Представление о войне и мире в «Церковной истории народа англос» Беды Досточтимого как культурный фактор политогенеза англо-саксов	59
<i>Глазырина Г.В.</i> Заселение Исландии как пример средневековой миграции	65

<i>Грацианская Л.И.</i> Роль и назначение географии в системе геополитических и политических представлений Страбона	70
<i>Григорьев А.В.</i> Клады рубежа IX– вв. бассейна Средней Оки	73
<i>Денисов С.А.</i> Особенности социально-политического устройства Эпирского царства (1204–1261)	80
<i>Джаксон Т.Н.</i> Заселение Исландии: мифологический аспект	84
<i>Добровольский Д.А.</i> «Поидоша полкове аки борове»: сравнения с явлениями природы как прием описания войны в «Повести временных лет»	89
<i>Домбровский Д.</i> Родство и власть. Внутрисемейные разделы княжества Романовичей в 1217–1270 гг.	92
<i>Зайцев И.В.</i> Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства	97
<i>Калинина Т.М.</i> Элементы кочевничества хазар в описании Ибн А‘Сама ал-Куфи	103
<i>Кляшторный С.Г.</i> Миграции и становление тюркской государственности в Центральной Евразии	108
<i>Козлов С.А.</i> Константин Багрянородный о печенежских «фемах» (DAI. сар. 37) и проблема его источников	113
<i>Коновалова И.Г.</i> Границы Руси IX – середины X в.	120
<i>Коняевская Е. Л.</i> Политика тверских Рюриковичей в период формирования Тверского княжества	126
<i>Коробейников Д.А.</i> Сельджукское завоевание Малой Азии (1064–1081)	132
<i>Короленков А.В.</i> Факторы политогенеза Римской общины у Саллюстия	134
<i>Котляр Н. Ф.</i> Создание, распад и реставрация Галицко-Волынского княжества. XIII в. (Военные методы и действия).	138
<i>Котышев Д.М.</i> «Русская земля» в конце X – начале XI в.: от вождества к раннему государству	143
<i>Красильников К.И.</i> Праболгары на службе Каганата (археологический обзор)	148
<i>Криницына Е.С.</i> «Sufficit enim nobis nostra defendere et aliena requirere minime»: сюжет из истории вестготско-византийской военной дипломатии	153

<i>Кузнецов А.А.</i> О расселении мордвы в X–XIV вв. по данным летописей (постановка проблемы)	157
<i>Литовских Е.В.</i> Хельги Тоший, эйяфирдинги и заселение севера Исландии	161
<i>Лукин П.В.</i> Новгородская элита в XII–XV вв.: терминология, эволюция, численность	165
<i>Малюгин О.И.</i> Формирование кельтской государственности и англо-саксонское завоевание Британии	172
<i>Матузова В.И.</i> Войны Тевтонского ордена в Пруссии и Литве: конфликт двух культур	176
<i>Мельникова Е.А.</i> «Дружиною налѣзю сребро и злато»: военно-торговая экономика древнерусской элиты X в.	181
<i>Могаричев Ю.М.</i> К вопросу о «Крымской Хазарии» в X–XI вв.	188
<i>Мусин А.Е.</i> «Род руський», «род варяжский», «род прусский»: миграции и историческая память как факторы политогенеза	192
<i>Обрезкова Д.В.</i> Феномен походного императорского двора в контексте эволюции позднеимператорской государственности (по данным императорского законодательства IV – начала V в.)	197
<i>Панкратова М.В.</i> «Собирание земель» норвежскими королями (X–XIII вв.)	201
<i>Перевалов С.М.</i> Ранние аланские миграции как фактор эволюции политических структур кочевых обществ Восточной Европы	207
<i>Петрухин В.Я.</i> Финские племена и призвание варягов	211
<i>Радивилов Д.А.</i> «Смута» (фитна) по данным средневековых ибадитских источников	216
<i>Селезнёв Ф.А.</i> О связи основания Городца на Волге с русско-булгарскими войнами XII в.	221
<i>Селезнёв Ю.В.</i> К вопросу о хронологии пребывания в Орде Фёдора Ярославского	225
<i>Скрябинская М.В.</i> Роль образованных граждан при создании античного государства в Нижнем Побужье	230
<i>Сорочан С.Б.</i> Эволюция оборонительной системы византийского Херсона в постюстиниановскую эпоху	234

Суриков И.Е. Война как фактор политогенеза в архаической и классической Греции: к вопросу о направленности воздействия	240
Темчин С.Ю. Служба Борису и Глебу киевского митрополита Иоанна: реконструкция греческого акростиха в каноне и датировка	246
Тортика А.А. Городища Северо-Западной Хазарии и их военно-политическое значение в VIII–X вв.	252
Усачев А.С. Древнерусские князья – «сродники» Ивана IV: к вопросу о тематических приоритетах составителя Степенной книги	257
Флёров В.С. О государственной материальной культуре и государстве Хазарский каганат	260
Ходячих С.С. Проблемы родства и власти в нормандской Англии (1066–1087 гг.): casus Mathildae reginae (на материале «Грамот Вильгельма I»)	266
Шинаков Е.А. Варианты военного типа институционализации власти на разных этапах древнерусского государствогенеза	271
Шувалов П.В. Импорт политтехнологий и варварские государства	276
Щавелёв А.С. К этнической идентификации знатных византийцев по имени <i>Ингер</i> (конец VIII – начало IX в.	281

Материалы к круглому столу

ОБРАЗОВАНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА: ОТ ПОЛИСА К ЦАРСТВУ

Подосинов А.В. Геополитические факторы образования Боспорского царства	286
Завойкин А.А. Боспорская монархия: образование Боспорского царства	288
Виноградов Ю.А. Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского	298
Масленников А.А. Историческая вариантность для Боспора	302
Молев Е.А. Война как фактор политогенеза на Боспоре	308
Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза	311

V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»)	
Федосеев Н.Ф. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства	315
Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании	321
Сазанов А.В. Азиатский Боспор в позднееримское время: от стабилизации к краху системы	324
Оглавление	330

Научное издание

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**МИГРАЦИИ, РАССЕЛЕНИЕ, ВОЙНА
КАК ФАКТОРЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА**

**XXIV Чтения
Памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

ISBN 978-5-94067-350-7

9 785940 673507

Л.Р.ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 28.03.2012
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Объем – 21 п.л. Тираж 250 экз.

ИВИ РАН: Москва, Ленинский пр., д. 32 а

